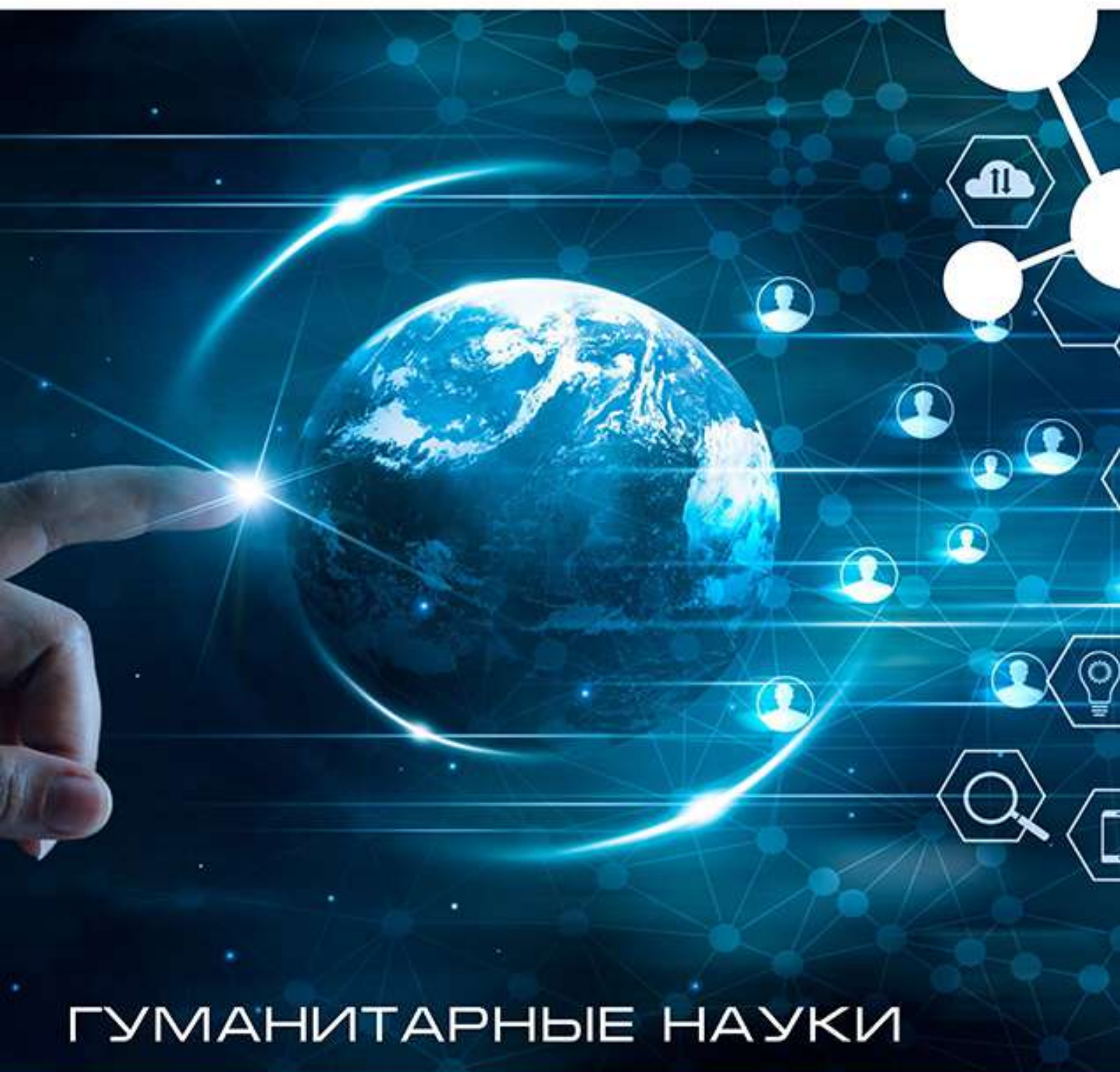

ВЕКТОРЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ: ЭКОНОМИКА И СОЦИУМ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Том 52 № 4 (2024)

Содержание

А.С. Сухарева, В.А. Самойлова Родительство в неполных семьях: сравнительный анализ материнских и отцовских семей	1
Е.Ю. Кузнецова, Н.А. Амосов, О.О. Подоляк, В.В. Кузьмин Организационные факторы обеспечения конкурентоспособности предприятий среднего бизнеса в информационно- сетевой экономике	15
Т.В. Лебедева Роль Российской Федерации в формировании единого научно- образовательного пространства Евразийского экономического союза	36
В.В. Степанова, И.А. Сивоброва, У.Е. Якушева Социальные ценности в ESG- трансформации добывающих компаний в Арктике и на Северных территориях	50
Г.В. Смолонский Природа креативного класса когнитивного общества: концептуальный аспект	63
В.Г. Жаров Анализ внутренней среды организации инфраструктуры сервиса в условиях экспансии технологий «Индустрии 4.0»	73
В.С. Николаенко Риски внешней среды: риск изменения цен на нефть и газ	87
Е.Г. Захарченко Агроагрегатор как ключевой элемент развития малого и среднего предпринимательства в регионах Российской Федерации	97
О.В. Симагина, Ю.В. Вершинина К проблеме систематизации методов стратегического менеджмента	113

Content

A.S. Sukhareva, V.A. Samoylova Parenting in single-parent families: comparative analysis of maternal and paternal families	1
E. Yu. Kuznetsova, N.A. Amosov, O.O. Podoliak, V.V. Kuzmin Organizational factors for ensuring the competitiveness of medium-sized businesses in the information and network economy	15
T.V. Lebedeva The role of the Russian Federation in the formation of a single scientific and educational space of the Eurasian Economic Union	36
V.V. Stepanova, I.A. Sivobrova, U.E. Yakusheva Social values in ESG-transformation of mining companies in the Arctic and Northern territories	50
G.V. Smolonsky Nature of the creative class of a cognitive society: conceptual aspect	63
V.G. Zharov Analysis of the internal environment of service infrastructure organization in the context of the expansion of Industry 4.0 technologies	73
V.S. Nikolaenko External risks: risk of changes in oil and gas prices	87
E.G. Zakharchenko Agroaggregator as a key element of the development of small and medium-sized enterprises in the regions of the Russian Federation	97
O.V. Simagina, Yu.V. Vershinina Problem of systematization of strategic management methods	113

С.А. Жиронкин, Е.А. Таран Структурный индекс импортозамещения и его апробация в условиях воздействия шоков на российскую экономику	128	S.A. Zhironkin, E.A. Taran Structural index of import substitution and its testing under the impact of shocks on the Russian economy
С.А. Меленькина, И.Ю. Нестеренко Факторы качества жизни населения: междисциплинарный подход к систематизации	144	S.A. Melenkina, I.Yu. Nesterenko Factors of the population life quality: an interdisciplinary approach to systematization
Л.И. Теньковская Прогнозирование котировок акций ПАО «НК «Лукойл» на основе полиномиальных моделей тенденции	168	L.I. Tenkovskaya Forecasting stock quotations of PJSC NK Lukoil based on polynomial trend models
Э.Р. Кашапова Поведение непрофессиональных розничных инвесторов на финансовом рынке: фокус-групповая дискуссия	186	E.R. Kashapova Behavior of non-professional retail investors in the financial market: a focus group discussion
Н.А. Пономарев Актуальная проблематика качества жизни периферийных муниципалитетов крупных агломераций (на примере Московской области)	199	N.A. Ponomarev Current issues of quality of life in peripheral municipalities of large urban agglomerations (using the Moscow region as an example)
М.А. Суванди, И.В. Брылина Этическая роль студентов в профилактике коррупции в высшем образовании	213	M.A. Suwandi, I.V. Brylina Ethical role of students in corruption prevention in higher education
Н.Н. Плужникова, С.В. Ковалева Цифровизация общества: техника, наука и нравственность	224	N.N. Pluzhnikova, S.V. Kovaleva Society digitalization: technology, science and morality
И.В. Наумов, Н.Л. Никулина Оценка влияния особенностей размещения производительных сил, инфраструктуры и объектов социальной сферы на результативность экономической деятельности предприятий в муниципальных образованиях Уральского федерального округа	234	I.V. Naumov, N.L. Nikulina Assessment of the impact of productive forces, infrastructure and social sphere facilities location features on the efficiency of economic activities of enterprises in Ural Federal District municipalities
О.А. Скальная «Живая традиция» конфуцианского гуманизма в современном китайском обществе	253	O.A. Skalnaya "Living tradition" of Confucian humanism in modern Chinese society

УДК 314.622.4

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1880

Шифр специальности ВАК: 5.4.4

Родительство в неполных семьях: сравнительный анализ материнских и отцовских семей

А.С. Сухарева[✉], В.А. Самойлова

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург

[✉]suhareva-arina@mail.ru

Аннотация. Данная статья направлена на определение специфики материнских и отцовских неполных семей в контексте отечественного научного дискурса. В рамках исследования проведен сравнительный анализ аспектов родительства в этих двух типах семей, выявлены основные проблемы, а также потребности в социальной поддержке современных неполных семей. **Актуальность** обусловлена тем, что научные работы в этой области традиционно сосредоточены на одиноких матерях. Семьи, где основным родителем является отец, долгое время оставались вне поля зрения ученых. Исследований, которые показывали бы различия между одинокими матерями и одинокими отцами, крайне мало. Данная статья восполняет этот пробел, позволяя сопоставить собирательные образы материнских и отцовских неполных семей. Эти результаты важны для формирования эффективной государственной поддержки. **Методы:** было проведено 23 глубинных интервью с одинокими родителями Санкт-Петербурга (13 – одиноких матерей, 10 – одиноких отцов) и 5 экспертных интервью со специалистами районного Центра социальной помощи семье и детям. **Результаты:** выявлено, что родительство в материнских и отцовских семьях имеет уникальные характеристики, влияющие на развитие и воспитание детей. Вместе с тем проблемы в этих семьях часто схожи. Из результатов видно, что отцам не хватает воспитательной уверенности. Тем не менее, несмотря на различия в проявлении эмоциональной теплоты, одинокое материнство и отцовство в изученных семьях обладают позитивными чертами, благоприятно влияющими на развитие личности ребенка, а также на самочувствие и самоощущение родителя. Как отцы, так и матери стремятся проводить с детьми свободное время, делая досуг разнообразным и насыщенным. Это подчеркивает их приверженность созданию благоприятной и поддерживающей семейной среды. На основании полученных данных сформулированы предложения по поддержке родительства в неполных семьях.

Ключевые слова: мать-одиночка, отец-одиночка, материнская неполная семья, отцовская неполная семья, детско-родительские отношения, социальная поддержка

Благодарности: статья выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00770 «Потенциал вовлеченного отцовства в молодых российских семьях: механизмы формирования, практики реализации, факторы активизации», <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>

Для цитирования: Сухарева А.С., Самойлова В.А. Родительство в неполных семьях: сравнительный анализ материнских и отцовских семей // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 1–14. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1880

UDC 314.622.4

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1880

Parenting in single-parent families: comparative analysis of maternal and paternal families

A.S. Sukhareva[✉], V.A. Samoylova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

[✉]suhareva-arina@mail.ru

Abstract. This article contributes to the understanding of the specifics of maternal and paternal single-parent families in the context of domestic scientific discourse. The study provides a comparative analysis of the aspects of parenting in these two types of families, identifies the main problems in these relationships, and determines the needs for social support for modern single-parent families. **Relevance.** Research and scientific work in this area has traditionally focused on single mothers. However, families where the main parent is a father have long remained outside the field of view of scientists. There are very few studies that would reveal the differences between single mothers and single fathers. This article fills this gap, allowing us to compare the collective images of maternal and paternal single-parent families. These results are important for the formation of effective state support. **Methods.** The study included 23 in-depth interviews with single parents in St. Petersburg (13 single mothers, 10 single fathers) and 5 expert interviews with specialists from the Center for Social Assistance to Families and Children in the Petrodvorets District. **Results.** It was found that parenting in single-parent families varies depending on the main parent, as maternal and paternal families have unique characteristics that affect the development and upbringing of children. Problems in maternal and paternal families are often similar. The results show that fathers lack parenting confidence. However, despite differences in the manifestation of emotional warmth, single parenting in the studied families has positive features that have a beneficial effect on the development of the child's personality, as well as on the well-being and self-awareness of the parent. Both fathers and mothers strive to spend time with them, making it varied and rich. This emphasizes their commitment to creating a favorable and supportive family environment. The specific needs of parenting support in maternal and paternal families are identified.

Keywords: single mother, single father, single-mother family, single-father family, parent-child relationships, social support

Acknowledgements: The article was supported by the Russian Science Foundation grant no. 23-18-00770 «The potential of involved fatherhood in young Russian families: formation mechanisms, implementation practices, activation factors», <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>

For citation: Sukhareva A.S., Samoylova V.A. Parenting in single-parent families: comparative analysis of maternal and paternal families. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 1–14. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1880

Введение

Современная динамика семейной структуры характеризуется ростом числа неполных семей. По данным экспертов ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России, около 31,2 % (4,85 млн) семей возглавляют одинокие матери, а в 7,3 % случаев (1,13 млн) детей воспитывают одинокие отцы. С 2002 по 2021 г. доля семей, где детей воспитывают матери-одиночки, увеличилась в 1,6 раза, а семей с одинокими отцами – почти в четыре раза [1]. Распространенность неполных семей делает их важным объектом исследований, так как структура семьи и тип взаимоотношений в ней оказывает значительное влияние на развитие и благополучие детей.

Неполная семья понимается как семейная структура, в которой ребенок воспитывается одним из родителей. Наиболее частыми причинами одинокого материнства и отцовства, имеющими разные последствия для семьи, являются развод и смерть одного из супругов. В последнем случае дети и оставшийся родитель могут столкнуться с глубокой траурной реакцией и необходимостью перестройки семейной динамики. Суть явления, известного в детской психиатрии и психологии как «родительство ребенка», состоит в том, что он берет на себя домашние обязанности, чтобы помочь своему единственному родителю [2]. Дети разведенных родителей имеют повышенный риск развития психических проблем, таких как тревога, депрессия, а также низкой самооценки. Пол Р. Амато утверждает, что негативно влияет как сам развод, так и сопутствующие ему стрессовые факторы [3].

Поскольку растить ребенка в одиночку традиционно было уделом женщин, большая часть исследований посвящена материнским семьям. Отцовские семьи объектом внимания отечественных и зарубежных ученых становились нечасто.

Д. Рихтер и С. Лемола выделили три основных пути, по которым воспитание матерью-одиночкой может влиять на благополучие ребенка как в детские годы, так и долгосрочно – во взрослой жизни. Во-первых, эти дети чаще сталкиваются с менее эффективным уровнем и характером опеки, с более высокой вероятностью семейных проблем и конфликтов. Развод родителей может вызвать у детей дополнительный эмоциональный стресс и привести к формированию ненадежной привязанности. Во-вторых, значительно влияние социально-экономического статуса и риска экономической депривации для детей в семьях с одинокими матерями. Они чаще получают недостаточное питание и страдают от плохого физического здоровья, кроме того, экономическая депривация снижает их социально-экономические перспективы. В-третьих, «гипотеза пропавшего отца» предполагает, что детям нужны оба родителя и отсутствие отца осложняет формирование гендерной идентичности у мальчиков, способствует асоциальному поведению и снижению успешности социальной адаптации [4]. Кроме того, исследования материнских неполных семей выявляют ряд проблемных состояний, которые препятствуют выполнению матерями воспитательных функций. Они чаще имеют худшее психическое здоровье, чем замужние матери, а самыми сильными предикторами более низкого статуса психического здоровья выступают экономические трудности и отсутствие социальной поддержки [5].

По данным зарубежных исследований «отцовских» семей, не выявлено отличий их от полных семей по уровню образования отцов, хотя по уровню финансовых и материальных ресурсов такие семьи все же уступают семьям с двумя родителями. Одиноким отцы-опекуны реже используют авторитетные методы воспитания, а чаще придерживаются стратегий вседозволенности и невмешательства, у подростков из таких семей более высокий уровень изолированности, чем у детей из полных семей. Вывод состоит в том, что одиноким отцам может не хватать ресурсов, в том числе, социальной поддержки, чтобы полноценно справляться с родительскими ролями и обеспечивать благополучие детей, причем наиболее заметный дефицит касается их воспитательской компетентности [6].

Исследовательский интерес российских авторов проявляется в анализе причин и типологии мужского монородительства, характеристик социального портрета одинокого отца с детьми, переживаемых трудностей, воспитательных практик [7–9], правовой защищенности, технологий и мер поддержки одиноких отцов как новых клиентов социальных служб [10]. Недостаток исследований и слабая изученность одиноких отцов как социальной группы порождает её полярные оценки: от позитивного – вынужденного героизма одиноких отцов из-за тяжелой болезни, смерти, девиантности матери [11] до негативного – отчужденных или не справляющихся со своими родительскими обязанностями отцов [12].

Хотя воспитание детей в одиночку представляет собой сложную задачу независимо от пола, одинокое отцовство и материнство имеет свои уникальные особенности. Так, Р. Вайз и

А. Эрбахар обнаружили, что отцовская теплота была предиктором благополучия среди молодых взрослых женщин, а материнская теплота – нет [13]. Исследования показывают, что развод родителей может привести к различному усилению гендерных ролей у детей разного пола: матери-одиночки могут быть склонны подчеркивать женские черты, такие как забота, эмоциональное самовыражение и сотрудничество, в то время как отцы-одиночки – уделять больше внимания мужским чертам, таким как независимость, конкурентоспособность и принятие решений [14]. Анализ специфики родительских функций отцов по сравнению с матерями показал, что из четырех категорий, выделенных в деятельности по уходу за ребенком (рутинный уход, игры, управление и обучение) одинокие отцы тратят значительно меньше времени во всех видах деятельности, чем матери, кроме игр [15].

Неполные семьи не являются новым объектом исследования, однако подход к их изучению не может сводиться лишь к отдельным аспектам и факторам, а должен быть комплексным и многогранным. Центральное понятие такого подхода – родительство, которое представляет собой исторически и культурно обусловленное отношение к детям, чувства, родительские роли, практики поведения, – операционализировано в исследованиях как совокупность ценностей, установок и практик в отношении детей [16, 17].

Материнство и отцовство – два основных типа родительства, по которым дифференцируются неполные семьи. И, как показывают пока еще немногочисленные исследования, наиболее ярко особенности разных типов семей раскрываются при их сопоставлении.

Цель статьи заключается в сравнительном анализе родительства в материнских и отцовских семьях. Основные исследовательские задачи: рассмотрение содержания родительства, проблем и ресурсов родительства, определение приоритетных потребностей поддержки родительства в материнских и отцовских семьях.

Материалы и методы исследования

В качестве теоретической основы для сравнения родительства в материнских и отцовских семьях выбрана концептуальная модель О.А. Карабановой [18]. Родительство в данной модели характеризуется постоянным взаимодействием матери или отца с ребенком, влияющим на его психическое и социальное развитие, с учетом следующих параметров: эмоциональная связь, мотивация воспитания, уровень участия, удовлетворение потребностей ребенка и забота, стиль общения и лидерства, решение конфликтов, поощрение автономии, социальный контроль, методы контроля и поощрения, уровень внимания, стабильность и последовательность в воспитании. Мать или отец несут двойную нагрузку по выполнению родительских обязанностей, и функциональный подход к изучению родительства в неполных семьях позволяет глубже понять, как они распределяют свои родительские обязанности и как это влияет на развитие детей. Для анализа проблем и ресурсов родительства был также использован потенциал системно-экологического подхода [19, 20].

Эмпирическая основа статьи – данные исследования, проведенного в 2024 г. в Санкт-Петербурге. Выборка сформирована из неполных семей – получателей услуг в центрах социальной помощи семье и детям в двух районах города. Также для сбора эмпирических данных использован метод снежного кома. Методы исследования – глубинное интервью, продолжительность – от 1 до 2,5 часов. Стратегия обработки данных включала транскрибирование интервью, затем все тексты анализировались с помощью качественного кодирования информации, классификации и типологизации, содержательной интерпретации полученных данных.

Проведено 13 интервью с одинокими матерями и 10 с одинокими отцами; все они воспитывают несовершеннолетних детей. Возраст матерей – 26–43 лет, высшее образование имеют 9 чел., среднее специальное – 4. Разведены с отцом ребенка – 8 матерей, расстались с отцом ребенка – 4, овдовевшая мать – 1. Одного ребенка имеют 8 человек, двоих детей – 4, у одной из матерей 4 ребенка. Материальное положение оценили как хорошее 7 чел., 5 – как

удовлетворительное, 1 – как неудовлетворительное. Возраст отцов: 26–49 лет, высшее образование имеют 3 чел., среднее специальное – 7 чел. Разведены с матерью ребенка – 7 отцов, расстались с матерью ребенка – 2, овдовевший отец – 1. Материальное положение как хорошее оценило 7 чел., как удовлетворительное – 3 чел.

Также проведено 5 интервью со специалистами Центра социальной помощи семье и детям одного из районов Санкт-Петербурга. Критерием отбора послужил опыт взаимодействия специалистов с неполными семьями, обращающимися в Центр. Возраст опрошенных специалистов – 29–54 лет, высшее образование имеют все 5 опрошенных специалистов, опыт работы с неполными семьями – от 5 до 11 лет.

Результаты и выводы

Сравнительный образ родительства в материнских и отцовских семьях

На основании теоретической модели родительства было проведено сравнение и выявлены ключевые различия между «материнскими» и «отцовскими» неполными семьями.

Характер эмоциональной связи. Матери акцентируют внимание на эмоциональной поддержке и заботе о ребенке, в то время как отцы больше фокусируются на финансовом обеспечении и удовлетворении материальных потребностей детей, при этом прослеживается также дефицит отцовского тепла в отношениях с ребенком: *«Я один работаю. Мне на квартиру хватает, одежду я ему покупаю, он у меня чистый ходит. Еды у нас хватает»* (О., 42 года, сын – 12 лет). Одиноким отцам чаще делали акцент на важности присутствия матери в жизни ребенка, отмечая ее роль в эмоциональной поддержке, любви: *«Вот если я в данный момент живу без жены, я не могу ему женское тепло дать. Конечно, мы там обнимаемся, но всё равно у меня сердце чуть пожёстче будет»* (О., 42 года, сын – 12 лет).

Мотивы воспитания у родителей также различны: у отцов это чаще чувство долга, в то время как у матерей – потребность в любви и эмоциональной близости со своим ребенком: *«Я понимаю, что они никому не нужны кроме меня»* (О., 44 года, сын – 4 года, дочь – 2 года); *«Я полностью отдаюсь ребёнку. Мы с ней много разговариваем. Я хочу быть ей подругой. То есть я себя проявляю как мама. У меня есть эти материнские чувства, я ее очень хотела»* (М., 35 лет, дочь – 9 лет).

Удовлетворение потребностей ребенка, забота и внимание к нему родителя. Обе группы родителей стремятся удовлетворить потребности своих детей, однако методы и приоритеты различаются: *«Ты будешь делать все. Ты там найдешь работу, будешь зарабатывать деньги. Лишь бы у него было все хорошо, лишь бы он ни в чем не нуждался, чтобы у него было максимум того, что может позволить»* (О., 49 лет, сын – 13 лет); *«Мы общаемся, обнимаемся. У нас физический контакт все время происходит. Друг друга за руку можем взять, когда едем в машине, пощекотать друг друга. Мне вот это все нравится, и я постоянно это делаю, когда они рядом»* (М., 39 лет, 4 ребенка).

Поддержка автономии ребенка. Матери выражают обеспокоенность тем, что не всегда могут приучить детей к домашним обязанностям, но в любом случае стараются приучать детей к независимости и автономии, формируя у них навыки самостоятельности: *«Это боль. Потому что она готова помогать. Я из тех мам, которые сделали ошибку. Говорят: «Ладно, я сама, я сама». Нет, она иногда хочет что-то сама, но сейчас её хватает ненадолго. «Я устала». И сразу телефон. Вот это, конечно, моя ошибка большая, что я очень много делала за неё»* (М., 35 лет, дочь – 13 лет). Тогда как отцы чаще полагаются на помощь других родственников и очень часто ответственность, которая могла бы лежать на самом ребенке, перекладывается на другого родственника, что мешает развитию самостоятельности и автономии детей: *«Она (бабушка) балует ее очень. Она за нее уроки делает полностью»* (О., 46 лет, сын – 23 года, дочь – 12 лет).

Способ контроля (санкции поощрения и подкрепления). Методы поощрения также различаются. Матери используют словесное поощрение без привязки к достижениям ребенка, тогда как отцы сочетают словесное и материальное поощрение, основываясь на достижениях ребенка: «*Эта вот система вознаграждения, она не завязана на ее достижениях. Мы можем отметить ее достижения, потому что это очень классно, это очень здорово, экзамен сдан или еще что-то. Но независимо от результатов экзамена или года, мы все равно этому рады*» (М., 42 года, дочь – 12 лет, сын – 5 лет); «*А за просто так, за что его хвалить? Расслаблять его что ли? Я могу сейчас дать ему денег, чтобы он сам себе купил что-то*» (О., 42 года, сын – 12 лет).

Способ разрешения проблемных и конфликтных ситуаций. Стратегии разрешения конфликтов имеют специфику в зависимости от пола родителя. Матери часто акцентируют внимание на компромиссе, обсуждении возникающих проблем, а отцы уделяют внимание правилам и дисциплине: «*Садимся разговаривать и конфликт стараемся проговорить. Что нужно сделать, чтобы в следующий раз такого не произошло.*» (М., 42 года, дочь – 14 лет); «*Он плохо кушает, он может долго сидеть над этой тарелкой, меня это бесит. Поел бы сразу и убрал вот это. Может, игрушки раскидать за собой, не убрать. Вот это меня тоже раздражает – убираться за ним. Так ты уже взрослый, уберись сам за собой*» (О., 42 года, сын – 12 лет).

Родительский мониторинг. Вне зависимости от пола родителя, все они стремились строить доверительные и гармоничные отношения с детьми, активно участвуя в их жизни: «*У нас доверительные отношения. Она мне что-то может рассказать, поделиться чем-то, каким-то переживанием или поругалась с подружкой. Как со взрослой с ней можно поговорить, объяснить, что так и так*» (М., 35 лет, дочь – 10 лет); «*Ребенка надо слушать и слышать. Где-то посоветовать ему что-то, обсудить может где-то, что она как-то неправильно она поступает. Про школу обязательно интересуюсь, как проходит день. Проявлять заботу, внимание – это вот самое главное правило*» (О., 40 лет, дочь – 14 лет).

Степень последовательности (противоречивости) семейного воспитания. Оба родителя стремятся к стабильности и последовательности в воспитании: «*Она понимает, она знает меня. Мы тоже обсуждали несколько раз, что неприемлемо там что-то делать, я никогда ее не ударю, не сделаю ей больно*» (М., 39 лет, дочь – 5 лет); «*Я настолько либеральный человек. Я общаюсь с ним по-взрослому, а не как взрослый с ребенком. Я ему говорил: «Ты мне только никогда не ври». Где-то бывает что-то сознательно или несознательно что-то сделал. Ну, я вижу, что он мне говорит правду. И он не боится говорить мне правду. И теперь меня очень радует, что у нас полностью доверительное отношение*» (О., 49 лет, сын – 13 лет).

Проблемы родительства в материнских и отцовских семьях

Одиноким родителям сталкиваются с уникальными проблемами, которые накладывают отпечаток на их родительские функции и отношения с детьми. Основными проблемами в выполнении родительских функций одиноких матерей является нехватка финансовых средств, многозадачность: «*Мы стараемся укладываться в наш маленький доход. Понятно, что выше дохода мы не можем потратить, потому что у нас его просто нет. Это опять же в плане развлечений, подарков, одежды. Ровно не больше того, что есть*» (М., 35 лет, дочь – 9 лет). Отцы испытывают сложности в обеспечении эмоциональной близости, а также проявляют сильные переживания за здоровье ребенка: «*Как мать никто не даст любовь. Это нереально просто вообще. У меня поэтому это и вызывает постоянную тревогу, что матери нет, они без матери растут*» (О., 44 года, сын – 4 года, дочь – 2 года); «*Она же все-таки девочка. Потому что я мальчик, я ее где-то не понимаю. У нее какие-то секретки появляются с возрастом. Возможно, мама бы ей что-то объяснила, где-то бы помогла, как-то бы лучше с ней какие-то темы обговорила*» (О., 40 лет, дочь – 14 лет).

Одиноким родители испытывают высокий уровень стресса и напряжения. Матери-одиночки отмечают такие источники стресса, как постоянная вовлеченность в жизнь ребенка, нехватка энергии и невозможность отдыхать отдельно от ребенка: *«Когда ты с ребёнком 24 на 7, ты уже не всегда можешь адекватно на ситуации реагировать. Просто устала, эмоционально выгорела»* (М., 26 лет, сын – 5 лет); *«Включенность в ребенка – это капец. Это большой стресс и напряжение, необходимость быть включённой в ребёнка, в ребёнкины дела, в ребёнкины проблемы, в ребёнкины запросы, в ребёнкино воспитание, в ребёнкины мысли о будущем. Вот это самый стресс. Это ужасно. Я хочу заниматься своими делами, у меня есть свои интересы, мне хочется свою жизнь жить»* (М., 42 года, дочь – 12 лет, сын – 5 лет).

Отцы-одиночки сталкиваются с проблемами здоровья детей, учебной успеваемости, нехватки материнского тепла и сложностями в обсуждении интимных вопросов с дочерями: *«Есть беспокойство, когда начинают болеть. Он два раза уже в больнице лежал, у него любая простуда переходит в обструкцию, задышаться начинает. Когда начинается простуда, я начинаю волноваться»* (О., 44 года, сын – 4 года, дочь – 2 года); *«Опасаясь появления мальчика, влюбленности какой-то. А еще, когда у нее началось, она же не может сказать, а я не могу распознать. Она глаза вытаращила, я спрашиваю: «Что случилось?» «Ничего, ничего». Потом я аккуратно очень подошел, узнал у подруги своей, какие, что там нужно купить»* (О., 46 лет, сын – 23 года, дочь – 12 лет).

Сложности во взаимодействии с детьми встречаются как в материнских, так и в отцовских семьях. Такие семьи демонстрируют разные подходы к воспитанию детей: как правило, больше эмоций проявляется в семьях материнского типа, в то время как в отцовской неполной семье отношения строятся на рациональных основах и материальном стимулировании отцом желаемого поведения ребенка. В отцовских семьях наблюдается дефицит привязанности, психологической близости. Одиноким матери испытывают больше трудностей из-за своего положения, переживая по поводу недостатка модели воспитания отца; часть эмоций они переносят на ребенка.

Родители, потерявшие партнера, обеспокоены тем, как дети переживают утрату, волнуются за их благополучие: *«Он стресс пережил, у психологов наблюдался долгое время, потому что на глазах произошло все. Просыпался, плакал, он очень часто плакал, нервничал, спрашивал: «Где мама?». Переживает, когда я ухожу»* (О., 44 года, сын – 4 года, дочь – 2 года); *«Он меня боится потерять, то есть он меня последний раз боится куда-то отпустить. Если я пошла куда-то, он просит, чтобы я ему говорила, во сколько я приду, куда, чего»* (М., 37 лет, сын – 11 лет, дочь – 8 лет).

Балансирование между работой и воспитанием детей также является значительным вызовом для большинства одиноким родителей. Те, кто получают поддержку от родственников, испытывают меньше трудностей.

Гендерные различия заметны в восприятии обществом одиноким родителей: одиноким отцы часто ощущали поддержку и уважение, тогда как одиноким матери сталкиваются с более равнодушной реакцией общества, некоторые из них отмечали осуждение со стороны ближайшего окружения: *«Со стороны мужиков слышал уважение. Просто уважение. То, что молодец. Со стороны женщин тоже. Ну, героизация, это просто такое слово, а вот уважение постоянно испытывал»* (О., 49 лет, сын – 13 лет); *«Было не очень ровно, не очень спокойно, сначала было неприятно. Приехала из Москвы с пупом, а вот кто папа, все ходили и шушукались. Со временем это всё устаканилось»* (М., 35 лет, дочь – 9 лет).

Ресурсы материнских и отцовских неполных семей

Образование неполной семьи, независимо от причины ее возникновения, неизбежно требует от родителя поиска дополнительных возможностей. Это связано с тем, что родителю

приходится возлагать на себя множество задач, которые в полной семье распределяются между двумя взрослыми. Ресурсный подход предполагает всесторонний анализ и мобилизацию всех доступных ресурсов каждого члена семьи, как внутренних, так и внешних. В рамках данного исследования значительное внимание было уделено наличию тех ресурсов, которые помогают матерям и отцам справляться с воспитанием детей и поддерживают семейное благополучие.

Финансовые возможности семьи влияют на многие аспекты семейного благополучия, что подтверждали сами родители. Матери указывали на финансовую поддержку от близкого окружения и активнее пользуются государственной помощью, тогда как некоторые одинокие отцы считают, что должны самостоятельно справляться со своими проблемами. Они воспринимают помощь как признак слабости, что противоречит их внутреннему ощущению мужской роли: *«Какая поддержка? Я нормальный мужик. Это я могу кого-то поддерживать, а не меня кто-то может поддерживать. Я привык жить так, что всё в твоих руках. Иди и делай, чтобы было всё хорошо. И не надо ни от кого ждать помощи, и просить не надо ни от кого помощи. Не надо просить»* (О., 49 лет, сын – 13 лет); *«Я против психолога. Я считал, что ты уже слабый человек, ты ничего не можешь и не справляешься ни с чем. Поэтому я категорически сказал: «Никуда не пойду». Я к психологу не ходил, только ребенка водил. Я сказал, что мне помощь не нужна психологическая»* (О., 44 года, сын – 4 года, дочь – 2 года). Такой подход к собственной мужественности ограничивает возможность для получения необходимой поддержки. В то же время отцы испытывали трудности в выполнении родительских обязанностей. В данной ситуации на помощь им в большинстве случаев приходили ближайшие родственники. Использование данного ресурса характерно для отцовских семей, где участие родственников играло ключевую роль в решении повседневных задач заботы о ребенке.

В контексте одиноких родителей важным моментом в современных реалиях является наличие интернет-ресурсов. Матери чаще обращались к Интернету. Они активнее читают книги, ищут информацию при возникновении трудностей, стремясь найти лучшие решения для воспитания ребенка: *«Очень важно, что у меня есть сообщество, которое я читаю в Интернете. Это и сообщество про материнство, и сообщество про феминизм, и сообщество про питание детей. И если, например, года три-четыре назад на информацию из них я накидывалась как голодная, потому что это настолько соответствовало моим потребностям»* (М., 42 года, дочь – 12 лет, сын – 5 лет). Одинокие отцы не обращаются к интернет-ресурсам по вопросам воспитания, полагаясь больше на помощь ближайших родственников.

В материнском сообществе также наиболее часто применяется взаимопомощь среди одиноких матерей. Они активно поддерживают других матерей и заинтересованы в этой помощи в повседневных делах. Эта взаимопомощь в значительной степени облегчает выполнение родительских обязанностей и способствует укреплению чувства общности среди матерей: *«Если взять город, район – и создается вот такая-то вот эта организация совместная. Первое, что приходит в голову, – это обмен вещами. Обмен от старшего к младшему, те же самые коляски, игрушки, велосипеды, одежда. Почему бы нет? Просто сейчас всё очень дорого. Если объединяемся, то это еще и эмоциональная поддержка»* (М., 35 лет, дочь – 9 лет). Подобная взаимопомощь среди одиноких отцов была замечена только в одной семье. В этой семье отец старался поделиться информацией с другими одинокими отцами, которые находятся в бракоразводном процессе и участвуют в судах по определению опеки над ребенком: *«Я помогаю, когда ко мне обращаются какие-то отцы. Разговариваю, что нужно сделать, даю консультации. На меня даже доверенность сделали. Ходил по опекам, потому что я знаю, что по закону нужно требовать»* (О., 46 лет, сын – 23 года, дочь – 12 лет).

Кроме того, важным аспектом ресурсного подхода является создание условий для расширения ресурсного потенциала семьи. Ответы информантов на вопрос о потребности в госу-

дарственной поддержке показали, что одинокие матери наиболее остро нуждаются в финансовой помощи, психологической помощи в послеродовой период или после развода, в устройстве детей в бесплатные ясельные группы, а также в упрощении доступа к актуальной информации по поводу получения государственной поддержки. Одинокие отцы, в свою очередь, подчеркивают необходимость в получении услуг социальных нянь, юридическом закреплении понятий «одиноким отец», развитии спортивной инфраструктуры в городе и льготных условиях по ипотеке.

Сравнительный анализ показывает, что материнские и отцовские семьи используют разные ресурсы и сталкиваются с уникальными вызовами, что требует индивидуального подхода для каждой группы родителей. Специфика реализации родительства в отцовских и материнских семьях обуславливает необходимость ее учета с тем, чтобы предоставляемые меры поддержки были эффективными.

Для большей наглядности результаты исследования отображены в табл. 1.

Таблица 1. Собираемый образ родительства в материнских и отцовских семьях
Table 1. The collective image of parenthood in maternal and paternal families

Параметры анализа Analysis parameters	Материнские неполные семьи Maternal single-parent families	Отцовские неполные семьи Paternal single-parent families
Восприятие роли отца и матери в жизни ребенка Perception of the role of father and mother in the life of a child	Выражение заботы, эмоциональная поддержка ребенка Expression of care, emotional support for the child	Финансовое благосостояние, удовлетворение материальных потребностей ребенка Financial well-being, meeting the child's material needs
Характер эмоциональной связи The nature of the emotional connection	Эмоциональная доступность Emotional availability	Эмоциональная холодность Emotional coldness
Мотив родительства The motive of parenthood	Мотив, реализующий потребность в привязанности The motive that realizes the need for affection	Мотив долга/The motive of duty
Развитие автономии и самостоятельности ребенка Developing the child's autonomy and independence	Обеспокоенность тем, что не получается приучить детей к домашним обязанностям Concern about not being able to teach children to do household chores	Помощь оказывают другие родственники Other relatives provide assistance
Удовлетворение потребностей ребенка Meeting the child's needs	Фокус на удовлетворении психологических потребностей Focus on satisfying psychological needs	Фокус на удовлетворении материальных потребностей Focus on satisfying material needs
Семейные традиции Family Traditions	Совместные развлечения, традиции в праздновании семейных торжеств, а также особенности, связанные с путешествиями и отдыхом Joint entertainment, traditions in celebrating family events, as well as features associated with travel and recreation	Чаще отсутствие семейных обычаев More often than not, there is a lack of family customs
Семейный досуг Family leisure	Прогулки на природе, семейный туризм, совместные хобби, творческие занятия, посещение культурно-развлекательных мероприятий, посещение родственников или друзей Nature walks, family tourism, shared hobbies, creative activities, visiting cultural and entertainment events, visiting relatives or friends	Совместный просмотр ТВ, прогулки на природе, совместные игры, путешествия, посещение торговых центров Watching TV together, walking in nature, playing games together, traveling, visiting shopping centers

Методы положительно-го подкрепления Positive reinforcement methods	Словесно без привязки к каким-либо достижениям, использование ласковых прозвищ в общении Verbally without reference to any achievements, using affectionate nicknames in communication	Словесно и материально (покупка желаемой вещи, карманные деньги) на основании достижений ребенка Verbally and materially (purchase of desired item, pocket money) based on the child's achievements
Методы наказания Methods of Punishment	Аналогичны в обоих типах семьи: запрет на использование компьютера/планшета/телефона, стояние в углу, общение с ребенком в более жестком и грубом тоне, крик, за которым следует разговор о ситуации, либо родители воздерживались от наказания вовсе Similar in both types of families: prohibition on using a computer/tablet/phone, standing in the corner, communicating with the child in a harsher and more rude tone, shouting followed by a conversation about the situation, or the parents refrained from punishing at all	
Причины конфликтов Causes of conflicts	Аналогичны в обоих типах семьи: невыполнение домашних обязанностей, упрямство ребенка, непослушание, длительное время, проведенное за гаджетами, задержка на прогулке, невнимательность, невыполнение уроков, обман ребенка, баловство, беспорядок в комнате Similar in both types of families: failure to do household chores, child's stubbornness, disobedience, long time spent on gadgets, delays during walks, inattention, failure to do homework, child's deception, mischief, disorder in the room	
Способ разрешения конфликта Method of conflict resolution	Компромисс/Compromise	Компромисс и принуждение Compromise and coercion
Проблемы/Problems	Нехватка финансовых средств Отсутствие образца полной семьи Постоянная потребность быть включенной в жизнь ребенка Нехватка сил и энергии Многозадачность Невозможность наслаждаться личным досугом отдельно от ребенка Lack of financial resources Lack of a model of a complete family Constant need to be included in the child's life Lack of strength and energy Multitasking Inability to enjoy personal leisure time separately from the child	Здоровье ребенка Забота об успеваемости Нехватка материнского тепла Сложности, связанные с обсуждением интимных вопросов о женском здоровье девочек Child Health Concern about academic performance Lack of maternal warmth Difficulties associated with discussing intimate issues about girls' women's health
Степень последовательности (противоречивости) семейного воспитания The degree of consistency (inconsistency) of family education	Гибкое, адаптивное, но последовательное воспитание Flexible, adaptive, but consistent parenting	Устойчивое, последовательное воспитание Steady, consistent parenting
Поддержка со стороны ближайшего окружения Support from the immediate environment	Чаше финансовая поддержка More often financial support	Чаше поддержка в воспитании детей More support in raising children
Родительская взаимоподдержка Parental mutual support	Проявляли инициативу Showed initiative	Негативное отношение Negative attitude
Потребности в государственной поддержке Needs for government support	Финансовая поддержка Бесплатная психологическая помощь в после-родовой период или период развода Доступ к бесплатным ясельным группам	Социальные няни на льготных условиях Развитие спортивной инфраструктуры в городе

	Наличие информационного методического пособия по государственной поддержке неполным семьям Государственные выплаты алиментов, а затем взыскание с должников Возможность реструктуризации ипотеки Тренинги, семинары при женских консультациях Бесплатные оздоровительные программы для детей Financial support Free psychological assistance in the postpartum period or divorce Access to free nursery groups Availability of an informational methodological manual on state support for single-parent families State payments of alimony, and then collection from debtors Possibility of mortgage restructuring Trainings, seminars during gynecological consultations Free health programs for children	Развитие медицинской инфраструктуры Льготные условия по ипотеке Юридическое закрепление понятий «одинокая мать» и «одинокый отец» Social nannies on preferential terms Development of sports infrastructure in the city Development of medical infrastructure Preferential terms for mortgages Legal consolidation of the concepts of "single mother" and "single father"
--	--	--

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author

Материалы интервью со специалистами Центра социальной помощи семье и детям показали, что неполные семьи являются основными клиентами учреждения. Чаще всего обращаются в Центр именно одинокие матери. Они же, по мнению специалистов, менее обеспечены. Также часть специалистов отмечает, что чаще всего помощь Центра требуется многодетным материнским семьям. В неполных семьях можно наблюдать помощь со стороны близкого окружения, которая заключается в том, что «бабушка воспитывает ребенка» (Э., 54 года, стаж – 11 лет) и «воспитанием детей в таких семьях занимаются другие родственники» (Э., 43 года, стаж – 12 лет). Большая часть специалистов отметила, что воспитательная неуверенность присуща именно семьям, где главой семьи является отец, поэтому отцы часто прибегают к помощи ближайших родственников. Часть специалистов отметила незаинтересованность и передачу функций воспитания родственникам именно в отцовской неполной семье. Материнские семьи, как отмечают специалисты, заинтересованы в основном в получении финансовой помощи от государства, при этом матери часто не трудоустроены. Также в материнских семьях специалисты чаще отмечали гиперопеку и попустительский стиль воспитания. Стратегия перекалывания проблем, личная незаинтересованность, вседозволенность детей могут лишь усугубить проблемы неполных семей, поэтому, по мнению специалистов, существует потребность в создании и внедрении такой системы работы, при которой родители и дети из неполных семей могли бы активно включаться в совместную деятельность.

Заключение

Данное исследование вносит вклад в понимание специфики материнских и отцовских семей в контексте отечественного научного дискурса. Одинокие родители продемонстрировали различные модели родительства. Матери чаще акцентировали внимание на эмоциональном аспекте отношений, отцы, напротив, больше ориентировались на обеспечение материального благосостояния детей. Также в материнских неполных семьях чаще встречается демократический стиль воспитания, уделяется внимание инициативе ребенка, компромиссному

разрешению проблем. Отцы чаще склонны к авторитарному стилю воспитания с присущей ему ориентацией на жесткие правила и дисциплину.

На основании собранных данных можно предложить формы и методы поддержки, направленные на улучшение самочувствия членов неполной семьи и обеспечение успешного родительства. Для одиноких отцов необходимым является развитие навыков эмоциональной поддержки детей. Для этого важно привлекать одиноких отцов к участию в тренингах и групповых встречах с психологами, где отцы могли бы научиться быть более эмоционально доступными и понимающими, проявлять гибкость в воспитании детей. Семейные консультации, а также культурно-массовые мероприятия для проведения совместного досуга родителей с детьми, предоставляемые центрами социальной помощи семье и детям, содействуют улучшению эмоциональной связи между отцом и ребенком. Вебинары и курсы по воспитанию могли бы помогать отцам в решении вопросов образования и здоровья детей, повышать информированность по актуальным вопросам воспитания.

Одиноким мамам важно помочь наладить вопрос финансового благосостояния. Этому могут способствовать, в том числе, курсы по повышению финансовой грамотности, эффективному управлению бюджетом.

Для повышения уровня благополучия неполных семей, улучшения социального и психологического самочувствия одиноких родителей важна помощь как близкого окружения, так и профессиональных сотрудников социальных служб. Успешная поддержка неполных семей требует комплексного и многогранного подхода, который учитывает внутренние и внешние ресурсы семьи, а также специфические потребности и вызовы, с которыми сталкиваются одинокие родители. Предложенные методы и формы работы могут помочь родителям более эффективно справляться с задачами единоличного воспитания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эксперты при Минтруда описали «портрет» неполной семьи в России // Ежедневная деловая газета «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/04/2024/661677bc9a794770abfbb1f5?ysclid=lvv7382wkn820468043> (дата обращения 20.02.2024).
2. Farella G.M., Gobbi G. Parental death during adolescence: a review of the literature // *OMEGA – Journal of Death and Dying*. – 2023. – № 87 (4). – P. 1207–1237. DOI: <https://doi.org/10.1177/00302228211033661>.
3. Amato P.R. Research on divorce: continuing trends and new developments // *Journal of Marriage and Family*. – 2010. – Vol. 72 (3). – P. 650–666. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2010.00723.x.
4. Richter D., Lemola S. Growing up with a single mother and life satisfaction in adulthood: A test of mediating and moderating factors // *PLOS one*. – 2017. – № 12 (6). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0179639>.
5. Kim G.E., Kim E.J. Factors affecting the quality of life of single mothers compared to married mothers // *BMC Psychiatry*. – 2020. – Vol. 20. – Article number: 169. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12888-020-02586-0>.
6. Bronte-Tinkew J., Scott M.E., Lilja E. Single custodial fathers' involvement and parenting: implications for outcomes in emerging adulthood // *Journal of Marriage and Family*. – 2010. – Vol. 72. – № 5. – P. 1107–1127. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00753.x>.
7. Воронин Г.Л., Янак А.Л. Монородительские семьи: их типы и социальный портрет одинокого родителя // *Женщина в российском обществе*. – 2018. – № 1 (86). – С. 53–66. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.5.
8. Кириллова О.С., Петрова Л.Е. Социальные практики одиноких отцов: анализ на основе качественных интервью // *Вестник Пермского университета. Серия «Философия. Психология. Социология»*. – 2014. – № 3 (19). – С. 128–136.
9. Шевченко И.О. Одинокие отцы в России: повседневные практики и проблемы // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. – 2014. – № 4 (126). – С. 163–172.
10. Кузнецова О.В. Защита прав отцов по семейному законодательству // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2015. – № 17 (372). – С. 89–94.
11. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. «Папы по любви» и «папы поневоле», или почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребенком? // *Социологические исследования*. – 2019. – № 7. – С. 90–100. DOI: 10.31857/S013216250005796–8.
12. Стасенко О.В. Одинокое отцовство в современном обществе: причины возникновения и основные проблемы // *Женщина в российском обществе*. – 2010. – № 3. – С. 78–82.

13. Wise R.M., Erbahar A. The relationship between perceived parenting practices and wellbeing among young adult females in Turkey // *Journal of Psychological and Educational Research*. – 2021. – № 29 (2). – P. 93–110.
14. Intergenerational transmission of parental child-rearing gender-role attitudes and its influence on gender roles in single-parent families / I.J. Chen, X. Wang, Z. Sun et al. // *BMC Psychol*. – 2024. – Vol. 12. – Article number: 96. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40359-024-01594-z>.
15. Lee Y., Hofferth S.L. Gender differences in single parents' living arrangements and child care time // *Journal of Child and Family Studies*. – 2017. – № 26. – P. 3439–3451. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-017-0850-1>.
16. Саралиева З.Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2014. – № 2 (34). – С. 118–123.
17. Безрукова О.Н. Ценности родительства: структура, типы, ресурсы // Социологические исследования. – 2016. – № 3 (383). – С. 118–127.
18. Карабанова О.А. Социальная ситуация развития ребенка: Структура, динамика, принципы коррекции: дис. ... д-ра психол. наук. – Москва, 2002. – 379 с.
19. Bronfenbrenner U. The ecology of human development: experiments by nature and design. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. – 352 p.
20. Активизация в социальной работе с семьей / под ред. О.И. Бородкиной, В.А. Самойловой. – Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2013. – 176 с.

Информация об авторах

Арина Сергеевна Сухарева, лаборант-исследователь факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская набережная, 7–9; suhareva-arina@mail.ru

Валентина Алексеевна Самойлова, кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская набережная, 7–9; v.samojlova@spbu.ru

Поступила в редакцию: 11.07.2024

Поступила после рецензирования: 20.11.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. Experts at the Ministry of Labor described the "portrait" of a single-parent family in Russia. *Daily business newspaper «RBC»*. (In Russ.) Available at: <https://www.rbc.ru/economics/11/04/2024/661677bc9a794770abfbb1f5?ysclid=lvv7382wkn820468043> (accessed 20 February 2024).
2. Farella G.M., Gobbi G. Parental death during adolescence: a review of the literature. *OMEGA – Journal of Death and Dying*, 2023, vol. 87 (4), pp. 1207–1237. DOI: <https://doi.org/10.1177/00302228211033661>.
3. Amato P. R. Research on divorce: continuing trends and new developments. *Journal of Marriage and Family*, 2010, vol. 72 (3), pp. 650–666. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2010.00723.x.
4. Richter D., Lemola S. Growing up with a single mother and life satisfaction in adulthood: A test of mediating and moderating factors. *PLOS one*, 2017, vol. 12 (6). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0179639>.
5. Kim G.E., Kim E.J. Factors affecting the quality of life of single mothers compared to married mothers. *BMC Psychiatry*, 2020, vol. 20, article number 169. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12888-020-02586-0>.
6. Bronte-Tinkew J., Scott M.E., Lilja E. Single custodial fathers' involvement and parenting: implications for outcomes in emerging adulthood. *Journal of Marriage and Family*, 2010, vol. 72, no. 5, pp. 1107–1127. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00753.x>.
7. Voronin G.L., Yanak A.L. Single-parent families: their types and social portrait of a single parent. *Woman in Russian society*, 2018, no. 1 (86), pp. 53–66. (In Russ.) DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.5.
8. Kirillova O.S., Petrova L.E. Social practices of single fathers: analysis based on qualitative interviews. *Bulletin of Perm University. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*, 2014, no. 3 (19), pp. 128–136. (In Russ.)
9. Shevchenko I.O. Single fathers in Russia: everyday practices and problems. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Philosophy. Sociology. Art criticism"*, 2014, no. 4 (126), pp. 163–172. (In Russ.)
10. Kuznetsova O.V. Protection of fathers' rights under family law. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2015, no. 17 (372), pp. 89–94. (In Russ.)
11. Bezrukova O.N., Samoylova V.A. «Dads for love» and «fathers against their will», or why don't Russian fathers go on parental leave? *Sociological studies*, 2019, no. 7, pp. 90–100. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250005796–8.
12. Stasenko O.V. Single fatherhood in modern society: causes and main problems. *Woman in Russian society*, 2010, no. 3, pp. 78–82. (In Russ.)

13. Wise R.M., Erbahar A. The relationship between perceived parenting practices and wellbeing among young adult females in Turkey. *Journal of Psychological and Educational Research*, 2021, no. 29 (2), pp. 93–110.
14. Chen I.J., Wang X., Sun Z. et al. Intergenerational transmission of parental child-rearing gender-role attitudes and its influence on gender roles in single-parent families. *BMC Psychol*, 2024, vol. 12, article number: 96. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40359-024-01594-z>.
15. Lee Y., Hofferth S.L. Gender differences in single parents' living arrangements and child care time. *Journal of Child and Family Studies*, 2017, vol. 26, pp. 3439–3451. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-017-0850-1>.
16. Saraliev Z.Kh. Sub-institute of parenthood in modern family systems. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series "Social Sciences"*, 2014, no. 2 (34), pp. 118–123. (In Russ.)
17. Bezrukova O.N. Parenting values: structure, types, resources. *Sociological research*, 2016, no. 3 (383), pp. 118–127. (In Russ.)
18. Karabanova O.A. *The social situation of child development: structure, dynamics, principles of correction*. Dr. Diss. Moscow, 2002. 379 p. (In Russ.)
19. Bronfenbrenner U. *The ecology of human development: experiments by nature and design*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1981. 352 p.
20. Borodkina O.I., Samoylova V.A. *Activation in social work with the family*. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2013. 176 p. (In Russ.)

Information about the authors

Arina S. Sukhareva, Laboratory Research Assistant, Saint Petersburg State University, bld. 7–9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; suhareva-arina@mail.ru

Valentina A. Samoylova, Cand. Sc., Associate Professor, Saint Petersburg State University, bld. 7–9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; v.samojlova@spbu.ru

Received: 11.07.2024

Revised: 20.11.2024

Accepted: 30.12.2024

УДК 339.137.22:334.73.012.63

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1801

Шифр специальности ВАК: 5.2.3

Организационные факторы обеспечения конкурентоспособности предприятий среднего бизнеса в информационно-сетевой экономике

Е.Ю. Кузнецова, Н.А. Амосов, О.О. Подоляк[✉], В.В. Кузьмин

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, г. Екатеринбург*

[✉]o.o.podoliak@urfu.ru

Аннотация. В современном мире проявились черты деглобализации, но задачи кооперационных связей остаются на повестке дня. Могут меняться конфигурации ценностных производственных цепочек при сохранении актуальности данной идеологии. Задача исследования – выявление роли «организационных способностей» как фактора обеспечения конкурентного преимущества в решении вопроса о кооперационных взаимодействиях. Кейс рассмотрен для предприятий среднего бизнеса, который гибко встраивается в кастомизированные ценностные цепочки на любой актуальный временной промежуток. Теоретической базой послужили концепции «динамических способностей» и «динамического развития». Использованы методы контент-анализа при исследовании фаз организационного развития производственных предприятий в рамках малого и расширенного цикла, проанализированы кризисы перехода предприятия по фазам цикла. Осуществлено построение логических графов на основе данных анкетного опроса сотрудников предприятий, позволившее продемонстрировать решение вопроса по преодолению кризиса на разных фазах. В качестве ключевого результата представлены базовые организационные документы (регламенты) как важнейший элемент деловой культуры организации, обеспечивающий ее конкурентоспособность при встраивании во внешнюю ценностную цепочку.

Ключевые слова: организационные факторы, конкурентоспособность, кооперационные взаимодействия, ценностная цепочка

Для цитирования: Организационные факторы обеспечения конкурентоспособности предприятий среднего бизнеса в информационно-сетевой экономике / Е.Ю. Кузнецова, Н.А. Амосов, О.О. Подоляк, В.В. Кузьмин // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 15–35. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1801

UDC 339.137.22:334.73.012.63

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1801

Organizational factors for ensuring the competitiveness of medium-sized businesses in the information and network economy

E.Yu. Kuznetsova, N.A. Amosov, O.O. Podoliak[✉], V.V. Kuzmin

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation*

[✉]o.o.podoliak@urfu.ru

Abstract. In the modern world, features of deglobalization have manifested themselves, but the tasks of cooperation ties remain relevant. Configurations of value production chains can change while maintaining the relevance of this ideology. **Aim.** To analyze and identify the role of "organizational abilities" as a factor in ensuring a competitive advantage in resolving the issue of cooperative interactions. The case is considered for medium-sized businesses, which is flexibly embedded in customized value chains for any current time period. The theoretical basis of the study was the concepts of "dynamic abilities" and "dynamic development," connected into a single logic. Content analysis methods were used to study the phases of organizational development of production enterprises within a small and extended cycle and crises of transition by cycle phases. Logical graphs were built on the basis of data from a questionnaire survey of employees of enterprises, which made it possible to demonstrate the solution to the problem of overcoming the crisis at different phases. As a key result, basic organizational documents (regulations) are discussed as the most important element of the organization business culture, ensuring its competitiveness when embedded in the external value chain.

Keywords: organizational factors, competitiveness, cooperation, value chain

For citation: Kuznetsova E.Yu., Amosov N.A., Podoliak O.O., Kuzmin V.V. Organizational factors for ensuring the competitiveness of medium-sized businesses in the information and network economy. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 15–35. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1801

Введение: вызовы развития предприятий среднего бизнеса

Опыт развитых стран показывает, что цифровизация, несмотря на негативные аспекты деглобализации, приводит к возникновению новых форм конкуренции, размывая границы между отраслями и способствуя объединению и сотрудничеству независимых предприятий, что является ключом к успешному развитию бизнеса. Мир бизнеса становится все более интегрированным: под интеграцией понимаются кооперационные связи узкоспециализированных компаний в противовес «вертикальной интеграции». Интеграция расширяет стратегические возможности предприятия за счет компетенций всех компаний, входящих в интегрированную цепочку создания ценности – от производителя до конечного потребителя. Все большее количество успешных корпораций использует при организации деятельности принцип ассоциаций, альянсов, сетевых структур, сохраняя самоидентичность входящих в нее предприятий. Эффективное сотрудничество между конкурентами строится на том, чтобы компетенции каждого из участников в ценностной цепочке предприятий дополняли друг друга.

Сетезация, в частности ее современные признаки – информатизация (широкая доступность и удешевление информационных технологий), с одной стороны, и изменчивость запросов клиентов, с другой, – размывает границы отраслей и страновой специализации (например, связанной со стоимостью рабочей силы), а также фундаментально трансформирует природу конкуренции. Формируются качественно новые экономические отношения: организации, будучи юридически самостоятельными, становятся взаимосвязанными и взаимозависимыми, но эта взаимосвязь может ограничиваться единственным проектом и совсем не означает долгосрочной стабильности. Неопределенность внешней среды и необходимость изменений внутренней представляют собой узнаваемый всеми современными организациями стратегический пейзаж экономики эпохи сетезации, где кооперационные взаимодействия становятся непременным условием обеспечения конкурентоспособности.

Есть мнение, что информационно-сетевая экономика приходит на смену индустриально-рыночной [1]. С точки зрения авторов статьи, смены не происходит, но меняются аспекты взаимодействия предприятий.

Первый аспект. Появление и развитие цифровых технологий обеспечивают ускорение протекания внутрифирменных и межфирменных процессов. Производство как было, так и останется основой конкурентоспособности, но соединение традиционно сильных позиций производителей с новейшими достижениями в сфере цифровизации сможет дать экономике страны максимальный эффект за счет скорости процессов. Сами цифровые технологии – это

инфраструктура, которая ускоряет и удешевляет многие сопутствующие производству процессы, но не заменяет его.

Второй аспект. Меняется товар – настоящее время он почти всегда приобретает форму комплекса «товар + услуга». При подключении к сети производств последние берут на себя задачу реализации «контракта жизненного цикла высокотехнологичного изделия». Например, продуктом производителя авиадвигателей становятся «часы полета», предполагающего поставку заказчику авиадвигателя со встроенными датчиками, отслеживание производителем состояния узлов агрегата и проведение упреждающего обслуживания по мере необходимости.

Третий аспект. Изменяется роль инфраструктуры. Повышается значимость такой рыночной концепции, как логистика, пересматривается роль товаропроводящих сетей, системы доставки. На потребительских рынках есть возможность заказать доставку продукта в любую удобную точку с возможностью выбора и без обязательства выкупа товара. Но обостряется проблема физического состояния транспортной системы: в эпоху, когда возможно сделать моментально заказ, требуется перемещение реальных товаров по географическим точкам в кратчайшие сроки с неизвестным исходом: покупатель может приобрести товар в точке заказа, а может отказаться, тогда предполагается дальнейшее физическое передвижение товара. Транспортная инфраструктура при ее создании и модернизации является капиталоемкой и, очевидно, скоро станет препятствием в развитии сетевой экономики на территории России.

Очевидны изменения в финансовой инфраструктуре: появление интернет-банкинга, возможность онлайн-оплаты, но, к сожалению, растут и киберриски.

Очевидна тенденция снижения роли высокотехнологичных салонов и ярмарок промышленных рынков – посещаемость их падает, так как можно ознакомиться с продуктом в формате 3D во всех деталях.

Четвертый аспект. Трансформация природы взаимоотношений между сторонами, включая виртуализацию посредничества. Имеют место изменения в организации работы компаний: используется аутсорсинг, иной становится роль посредников. Часто участник цепочки взаимодействия имеет отношение с одной материальной корпорацией (которая реально произвела товар) и несколькими виртуальными, которые выполняют роль связующего звена. Таким образом, создается индивидуальное экономическое пространство, стабильное для долгосрочных отношений, или разовое для единичных сделок.

Нестабильность внешней среды особенно сильно влияет на предприятия среднего бизнеса, которые не могут конкурировать с крупными предприятиями по издержкам, в силу недоступности эффекта масштаба, по наукоемкости и инновационности продукта из-за отсутствия финансовых и человеческих ресурсов для новых разработок. Для них вопрос эффективного встраивания в сети, организованные крупными предприятиями, становится вопросом выживания на рынке.

В связи с вышеизложенным, целью исследования является поиск актуальных факторов обеспечения конкурентоспособности предприятий среднего бизнеса в условиях информационно-сетевой экономики.

Задачами исследования являются:

- актуализация роли предприятий среднего бизнеса на современном этапе;
- анализ стратегических концепций развития и факторов обеспечения конкурентоспособности применительно к предприятиям среднего бизнеса;
- анализ фаз организационного развития производственных предприятий и особенностей кризисов перехода с фазы на фазу; выявление способов их преодоления;
- выявление форм документационного сопровождения и вариантов «мягких» компетенций для обеспечения конкурентного преимущества предприятий среднего бизнеса при включении их в расширенную ценностную цепочку.

Методология исследования

Методология работы основана на подходе, объединяющем теорию фирмы и теорию жизненного цикла организации и конкретизированном в современных концепциях «динамических способностей» и «динамического развития». Используются методы контент-анализа при исследовании фаз организационного развития производственных предприятий в рамках малого и расширенного цикла развития организации и кризисов перехода по фазам цикла; логических графов для анализа данных анкетного опроса и интервьюирования сотрудников предприятий по проблемам кризисов развития; систематизации и структуризации деловой документации для определения факторов встраивания во внешнюю ценностную цепочку рассматриваемых предприятий.

Эмпирическую базу составили данные производственных предприятий Свердловской области.

Методика исследования включает в себя следующие этапы:

1-й этап. Анализ практики работы предприятий среднего бизнеса как объекта исследования. Использован количественный тренд развития предприятий данного статуса по РФ, Уральскому федеральному округу и Свердловской области. Контент-анализ и синтез практики деятельности предприятий, входящих в круг объекта исследования, позволил выделить специфические аспекты их деятельности на современном этапе развития российской экономики и подтвердить актуальность дальнейших-разработок.

2-й этап. Ретроспективный анализ литературных источников за 30-летний период по теме обеспечения конкурентоспособности производственного предприятия. Это позволило дифференцировать факторы обеспечения конкурентного преимущества на разных этапах развития бизнес-среды.

3-й этап. Фактологический анализ деятельности четырёх предприятий среднего бизнеса, наложенный на модель жизненного цикла. В результате продемонстрирована актуальность факторов обеспечения конкурентного преимущества для предприятия на разных этапах его развития. Выделены организационные способности, обеспечивающие эффективную синергию «пространства деятельности» и «пространства отношений» как ключевой фактор поддержания конкурентоспособности для этапа формирования осознанного партнерства, актуального для эпохи сетевой экономики.

4-й этап. Обобщение и систематизация опыта конкурентоспособного развития предприятий среднего бизнеса при встраивании во внешнюю ценностную цепочку. Данный процесс позволил выделить элементы организации деятельности, обязательные для преодоления кризиса развития: деловая документация, требуемая для делового партнерства, и «договороспособные» управленческие компетенции.

Развитие предприятий среднего бизнеса и факторы обеспечения их конкурентоспособности

В качестве объекта исследования будем рассматривать предприятия среднего бизнеса. В 2024 г. к таковым относятся предприятия с численностью работников до 250 чел. и с предельным значением дохода за предшествующий год до 2 млрд руб. Официальные сведения Росстата представляют следующие статистические данные по суммарному обороту средних организаций по Российской Федерации и Свердловской области (табл. 1).

Опубликованные статистические данные демонстрируют рост показателей на уровне Российской Федерации. Аналогичная тенденция относится к показателям деятельности средних предприятий по Свердловской области.

Количество субъектов среднего предпринимательства также растет, согласно данным Федеральной налоговой службы (табл. 2).

Таблица 1. Динамика оборота средних предприятий (в действующих ценах)**Table 1.** Dynamics of turnover of medium-sized enterprises (in current prices)

Субъект Subject	2010	2019	2020	2021	2022	2023	Прирост 2023 г. к 2019 г., % Growth in 2023 com- pared to 2019, %
Российская Федера- ция, млрд руб. Russian Federation, billion rubles	3522,1	7886,6	9813,5	12094,6	нет данных no available data		
Свердловская об- ласть, млн руб. Sverdlovsk region, million rubles	87500	229832,4	250481,7	327606,7	362595,6	436071,3	89,73

Источник: составлено авторами по данным [2].

Source: compiled by the authors according to [2].

Таблица 2. Количество субъектов среднего предпринимательства, ед.**Table 2.** Number of medium-sized businesses, units

Субъект Subject	2019	2020	2021	2022	2023	Прирост 2023 г. к 2019 г., % Growth in 2023 compared to 2019, %
Российская Федерация Russian Federation	17093	17695	17910	17994	18724	9,62
Уральский Федеральный округ Ural Federal District	1375	1405	1430	1494	1539	11,64
Свердловская область Sverdlovsk Region	568	590	591	636	635	11,09

Источник: [3].

Source: [3].

На основании исследования данных международной статистики считается, что доля средних предприятий в общей численности предприятий малого и среднего бизнеса составляет всего лишь 1 %, но это – «золотой фонд» экономики страны, поскольку они обеспечивают четверть занятых из числа малых и средних предприятий и порядка 17 % общей занятости, а также создают одну пятую оборота совокупно по всем предприятиям [4]. Правительством поставлена задача обеспечить повышение этой доли в ближайшее время до 40 %. Специалисты сомневаются в том, что показатель в 40 % достижим в связи с особой структурой российской экономики, наличием в ней как минимум «Газпрома» и «Роснефти». Тем не менее средние предприятия – серьезный игрок на рынке, заслуживающий пристального внимания.

Для крупных предприятий источники конкурентных преимуществ детерминированы и стабильны, средние же предприятия готовы для обеспечения своей конкурентоспособности, подобно элементам «лего», встраиваться в ценностные цепочки как на долговременную перспективу, так и в рамках одного-единственного проекта, что и составляет суть сетезации, представляющей собой современную кооперацию с цифровым наполнением.

В большинстве случаев средние предприятия, успешно функционирующие на рынке, не вырастают до крупных размеров. Успех средних предприятия либо связан с созданием своей собственной ценностной цепочки, либо с эффективной интеграцией в уже существующие цепочки ценностей.

В настоящее время бизнес перешел от жестких интегрированных структур к кооперационным взаимодействиям узкоспециализированных организаций. Этому есть разумное объяснение. Узкая специализация позволяет обеспечить более высокое качество деятельности лю-

бой организации на основе выделения и использования ключевых технологических компетенций. Непрофильные функции организация отдает на аутсорсинг специализированным компаниям. В итоге формируется индивидуальная кастомизированная ценностная цепочка, объединяющая производство и дополнительные услуги. Она представляет собой аналог проектной цепочки, где в проект всегда включаются наиболее эффективные элементы – предприятия-партнеры. Причем для разных «проектов» пул партнеров может меняться. В этом случае определяющей становится роль информационных технологий, касающихся производства, сервисного обслуживания, интернет-банкинга. Но повышается и роль традиционных элементов производственно-рыночных отношений – физических элементов логистики, транспортной системы, а также актуализируется значение таких составляющих, как «порядочность партнеров» и «доверие». Интегратором в ценностной цепочке независимых партнеров может стать любая организация: производитель продукта, сбытовая структура или владелец сырьевой базы. Для интегратора ценностной цепочки ключевыми компетенциями становятся «организационные способности».

Данное исследование сосредоточено на интеграции – расширении стратегических возможностей предприятия за счет возможностей всех компаний, входящих в интегрированную цепочку создания ценности (от производителя до конечного потребителя), поскольку предприятия среднего бизнеса обеспечить свою конкурентоспособность смогут только за счет организационных способностей, гарантирующих их встраивание в существующую ценностную цепочку.

Организационные способности как фактор обеспечения конкурентного преимущества в ценностной цепочке

Поставлена задача проанализировать, при каких условиях предприятия успешно встраиваются в ценностную цепочку.

На современном этапе развития промышленности ключевыми концепциями считаются компетенции и взаимодействия. Управление компетенциями включает в себя выявление и развитие тех областей деятельности, в которых предприятие обладает наибольшей конкурентоспособностью. Практика передачи не являющихся ключевыми для компании функций на аутсорсинг становится все более распространенной. Это обуславливает формирование тенденций в управлении взаимодействиями: с одной стороны, эффективное контролирование бизнеса требует установления прочных межорганизационных связей в условиях передачи части процессов «на сторону», а с другой – использование аутсорсинга требует поддержания нормального взаимодействия между всеми участниками процесса.

Следует отметить, что в период формирования сетевой эпохи актуализировалась *ресурсная концепция* обеспечения конкурентных преимуществ как развитие на новом витке спирали. Она стартовала в рамках концепции Менеджмента, ключевая цель которой – эффективное использование внутренних ресурсов организации; далее развивалась концепция Маркетинга, нацеленная на управление организацией с учетом динамики внешней среды. Затем логистика – управление уже целой ценностной цепочкой взаимодействующих организаций-кооператоров, развитие которой в полной мере стало возможным благодаря интернет-технологиям.

Это привело к необходимости вернуться к ресурсно-ориентированному подходу для обеспечения конкурентоспособности конкретной компании на рынке, что отражает «ресурсная концепция» (1990-е гг.), основным отличием которой является синтез экономической логики и поведенческих аспектов стратегического управления [5, 6]. Таким образом, можно говорить о повышении приоритета *организационных факторов* в обеспечении конкурентоспособности предприятий.

Главный фокус современной ресурсной концепции состоит в том, что организационные способности должны предусмотреть эффективное кооперационное взаимодействие незави-

симых компаний в рамках ценностной цепочки. Поэтому к ресурсной можно добавить еще «компетентностную» концепцию и «концепцию динамических способностей» (табл. 3), актуальные в настоящее время. Исследования, проведенные в последние годы, внесли свой вклад в концепцию конкурентных преимуществ, изменяя само понимание этого понятия. Теперь конкурентные преимущества рассматриваются не как результат внешних или внутренних факторов, обеспечивающих конкурентоспособность, а как проявление уникальности организации как основы успешного бизнеса [7, 8].

Таблица 3. Эволюция понимания конкурентных преимуществ (за 30 лет)
Table 3. Evolution of understanding competitive advantage (over a 30-year period)

Время появления Time of appearance	Разработанные концепции Developed concepts	Понимание конкурентных преимуществ (КП) Understanding Competitive Advantages (CA)	Источник Source
Начало 1990-х гг. – постиндустриальная эпоха Early 1990s. – Post-industrial era	Ресурсная концепция Resource concept	как имеющих организационно-управленческую природу as having an organizational and managerial nature	[6]
	Концепция организационной культуры (1984 г.) Concept of organizational culture (1984)		[10]
	Концепция комплексного управления качеством; концепция «бережливого производства» Concept of total quality management; Concept of "lean manufacturing"		[11]
	Концепция реинжиниринга бизнес-процессов Concept of business process reengineering		[12]
Конец 1990-х – настоящее время – начало формирования сетевой эпохи Late 1990s till now – beginning of the network era formation	Компетентностный подход Competency-based approach	как уникальных ключевых компетенций организации; как имеющих источники конкурентоспособности в бизнес-моделях фирмы, а не в товарах и услугах as unique key competencies of the organization; as having sources of competitiveness in the business models of the company, and not in goods and services	[13]
	Концепция управления знаниями и способностями организационного обучения; концепция самообучающейся организации Concept of knowledge management and organizational learning capabilities; concept of a self-learning organization		[8,14]
	Концепция динамических способностей организации; предпринимательский аспект – проактивный стиль управления; концепция самообучающегося предприятия Concept of dynamic capabilities of the organization; entrepreneurial aspect – proactive management style; concept of a self-learning enterprise		[5, 15–19]

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Актуальным необходимо признать конкуренцию организационных потенциалов компаний, то есть их бизнес-моделей; конкуренция создаваемых фирмами товаров и услуг стала производной от них. В сетевой экономике конкуренция не сводится к борьбе между продуктами, а скорее к соперничеству между бизнес-моделями и системами производства [4, 9].

Значительные изменения в эпоху сетевой экономики претерпевает и известная концепция конкуренции М. Портера. Роль каждой из пяти сил М. Портера, описывающих конкуренцию в отрасли, и их совокупная сила могут варьироваться в зависимости от характера отрасли и могут изменяться по мере её развития [20].

В постиндустриальной экономике границы между отраслями становятся менее четкими, и в некоторых отраслях ключевыми факторами конкурентоспособности становятся не только позиционирование, но и передовые организационные навыки, непрерывные инновации и «создание рынков завтрашнего дня» [13].

Конкурентное преимущество, по Портеру, бывает трех основных видов (лидерство в минимизации издержек, дифференциация, фокусирование). Портер предполагал, что успех возможен только при стратегическом выборе одной конкретной стратегии, так как каждая из них требует уникальных ресурсов и организационных решений. Он также отмечал, что компании, не определившиеся и оказавшиеся между несколькими стратегиями, рискуют лишиться конкурентных преимуществ.

Однако в современной литературе приведено немало примеров успеха ведущих мировых компаний, одновременно проводивших минимизацию издержек, дифференциацию и фокусирование [21, 22]. «Любая компания, которая надеется выжить в следующие 10 лет, не говоря уже про 100 лет, должна стать образцом одновременно крохоборской эффективности и необузданной креативности» [23]. Как одно из проявлений сетевой экономики – крупные торгово-производственные сети (например, «Спортмастер») успешно объединяют лидерство в издержках и фокусирование. Фирмы промышленного характера разных типов конкурентного преимущества также могут объединяться в рамках ценностной цепочки или, наоборот, дробиться в рамках ценностной цепочки [24], если есть возможность минимизации совокупных издержек всей цепочки за счет отдельных ее звеньев. Еще один пример создания сети производственными предприятиями – аутсорсинг НИОКР, который актуализировался в связи с диверсификацией промышленных предприятий [25].

За рамками теории Портера остался организационный потенциал, который стал крайне востребованным в сетевую эпоху.

Согласно анализу недавних исследований, поиск универсального алгоритма достижения уникальности компании не приносит значимых результатов. Эффект от применения новых концепций и технологий обычно временен, так как они быстро копируются и теряют свою инновационную ценность. Компетентностный подход внес свой вклад в понимание конкурентных преимуществ, выходя за пределы уникальных или универсальных стратегических инструментов и сосредотачиваясь на «уникальности фирмы как ключевой основе ее успеха в бизнесе» [5, 8].

Факторы, такие как общее управление и информационные ресурсы, включая знания и технологии, играют ключевую роль в обеспечении конкурентоспособности организации на рынке [26]. Решающим фактором в этом процессе является динамичность компании, то есть её способность к оперативному и масштабному маневрированию собственными ресурсами, а также к организации партнерских отношений. Эта концепция динамических способностей фирмы, разработанная Тисом [19] и его коллегами, отражает именно этот подход.

Характеристика фаз организационного развития предприятий

В своем исследовании авторы статьи попытались связать логику динамических способностей, заложенную Д.Дж. Тиссом, и концепцию «динамического развития» предприятия, со-

зданную в 1975 г. Б. Ливехудом и окончательно оформленную Ф. Глазлом в 1990-е гг., где дается представление о фазах эволюционного развития любого предприятия и рынка в целом, и попытались проследить «работу» этих концепций на примере четырех предприятий среднего бизнеса Уральского региона.

Концепция динамического развития предприятия, в отличие от модели жизненного цикла организации, учитывает эволюционные этапы её развития, в течение которых фирма преодолевает возникающие проблемы и приспосабливается к изменяющимся условиям (рис. 1). Насколько жизнеспособна фирма, зависит от того, сколько изменений она готова осуществить или поддержать [27, 28]. Само развитие предприятия определяется внутренней готовностью, или побудительным фактором перехода из одной фазы в другую могут стать перемены в окружающем мире.

Краткая характеристика основных признаков фаз развития предприятий представлена в табл. 4.

Таблица 4. Фазы эволюционного развития предприятия
Table 4. Phases of enterprise evolution

Фазы развития Phases of development	Понимание организации Understanding the organization	Основные признаки фазы Main signs of the phase
Пионерская фаза (предпринимательская) Pioneer phase (entrepreneurial)	Общность людей без иерархии Community of people without hierarchy	Гибкость по отношению к рынку; повышенная мотивация труда; отсутствие разделения управленческого труда Flexi- bility in relation to the market; Increased labor motivation; No division of managerial labor
Дифференциация ранняя Early differentiation	Механизм, регламент Mechanism, regulation	Структурирование и формализация деятельности; автоматизация бизнес-процессов; стандартизация Structuring and formalization of activities; Automation of business processes; Standardization
Дифференциация поздняя Late differentiation	Система System	
Фаза интеграции Integration phase	Организм, регламент, тонкая настройка Organism, regulation, fine tuning	Понимание, что организация – социальная система: самоконтроль, самопланирование, работа в команде Understanding that an organization is a social system: self-control; self-planning; teamwork
Ассоциативная фаза Associative phase	«Дело»/"Business"	Согласование вместо соперничества Agreement instead of competition

Источник: составлено авторами по [16].

Source: compiled by the authors according to [16].

По мнению авторов концепции, успешные предприятия по мере развития, благополучно миновав пионерскую фазу и фазу дифференциации, непременно войдут в фазу интеграции и далее – в ассоциативную фазу, что подтверждается процессами, которые начинались в 1970-х гг. и происходят с предприятиями в странах с развитой экономикой сейчас.

На начальных этапах – на двух первых фазах развития – усилия предприятия сосредоточены на логическом и планомерном конструировании и построении организации как системы, где четко должна выполняться воля руководства предприятия. Все внимание уделено области деятельности, и существует ярко выраженное стремление организовать деятельность предприятия (организации) как механизм.

Источник: составлено авторами по [16].

Source: compiled by the authors according to [16].

Рис. 1. Основные задачи и граничные проблемы при эволюционном развитии предприятия

Fig. 1. Main tasks and boundary problems in the evolutionary development of the enterprise

Только на более поздних этапах развития (дифференциации), когда организация рассматривается как единая система, начинают возникать интерес и забота о социальных и культурных аспектах деятельности организации. В этом контексте персонал воспринимается как специфический ресурс, играющий ключевую роль в развитии предприятия. Но на практике чаще всего больше внимания уделяется сохранению человеческого капитала, чем развитию культуры взаимоотношений внутри организации для обеспечения ее конкурентоспособности.

Именно этим, как показывают наши постоянные исследования, обусловлен кризис организационного развития промышленных предприятий, который будет рассмотрен ниже.

На более поздних фазах развития, когда организация рассматривается как организм или как «дело», руководство предприятия осознаёт важность как самой деятельности, так и организационных взаимоотношений.

Когда в организации обнаруживаются признаки кризиса развития первой фазы, решение принимается «исходя из здравого смысла», «естественным образом» по схеме «нет порядка – его надо навести». Когда все процессы внутри организации стандартизированы, регламентированы, описаны и формализованы и при этом возникают проблемы, характерные для второй фазы развития, их нельзя решить исключительно административными методами.

Переход на фазу интеграции и затем на ассоциативную фазу требует от руководителей бизнес-организаций серьезных изменений в мышлении. Иначе кризисы развития становятся фатальными: уходят менеджеры с базами данных, создавая новые предприятия или одно предприятие делится на несколько на основе деления ресурсов. Внешние видимые поводы могут быть разными, но основная причина одна – отношение к персоналу как к ресурсу, пусть даже ресурсу особой важности.

Кризисы фаз развития и решения по их преодолению представлены в табл. 5, где не включена ассоциативная фаза, которая, по предположениям авторов статьи, будет широко применяться с развитием сетевой экономики, а в настоящее время ее характерные черты только формируются и изучаются.

Таблица 5. Признаки кризиса фазы и решения по его преодолению
Table 5. Signs of a phase crisis and solutions to overcoming it

Фазы развития Development phases	Границы фазы Phase boundaries	Признаки кризиса фазы развития Signs of a crisis in the development phase	Решения по преодолению кризиса Solution to overcome the crisis	Примечания Notes
Пионерская фаза (предпринимательская) Pioneer phase (entrepreneurial)	Количественный состав, норма управляемости; обозримость целей; «деловая жизнеспособность» предпринимателя; комплексный подход к технике; комплексный подход к рынку Quantitative composition, controllability; visibility of goals; "business viability" of the entrepreneur; comprehensive approach to technology; comprehensive approach to the market	Предприниматель (он же директор) перестает узнавать своих подчиненных в лицо; невыполнение некоторых функций; проблемы с учетом и контролем; недовольство клиентов An entrepreneur (the director) stops recognizing his subordinates by sight; failure to perform certain functions; problems with accounting and control; dissatisfaction among clients	1) переходить в следующую фазу Move to the next phase; 2) оставаться на старой фазе: уменьшить до <i>семейного предприятия</i> ; дробить и создавать <i>конгломерат</i> Stay at the previous phase: downsize to the <i>family business</i> ; fragmentize and create <i>conglomerate</i>	Переход с 1-й фазы на 2-ю за счет регламентации Transition from phase 1 to phase 2 due to regulation
Фаза дифференциации Differentiation phase	Формализация; механизация труда; автоматизация бизнес-процессов; стандартизация; специализация; координация Formalization; labor mechanization; automation of business processes; standardization; specialization; coordination	Потеря гибкости – «функциональное оцепенение»; кризис управляемости «внутреннее увольнение» – снижение мотивации и личной продуктивности персонала; бюрократия – проблемы вертикальных коммуникаций; появление «функциональных княжеств» Loss of flexibility – "functional numbness"; governability crisis "internal dismissal" – decrease in motivation and personal productivity of personnel; bureaucracy – problems of vertical communications; emergence of "functional principalities"	1) переходить на следующую фазу move on to the next phase; 2) продолжать агонизировать и разваливаться – переход на первую стадию с последующим поглощением ресурсов компании малыми формами бизнеса continue to agonize and fall apart – transition to the first stage, with subsequent absorption of the company resources by small businesses	Со второй фазы на третью невозможно перейти с помощью регламентов и усиления вертикали власти It is impossible to move from phase 2 to phase 3 using regulations and strengthening the vertical of power
Фаза интеграции Integration phase	Самоконтроль; самопланирование; работа в команде self-control; self-planning; teamwork	Наступает ощущение внутреннего предела у исполнителей A sense of inner limit sets in for the performers	1) переходить в следующую фазу move to the next phase; 2) оставаться на существующей фазе – стагнация Staying in the existing phase is stagnation	Необходимо изменение в мышлении A change in thinking is needed

Источник: составлено авторами по [16, 19].

Source: compiled by the authors according to [16, 19].

Движение по фазам развития представлено на рис. 2 в виде графика, на котором каждая фаза отмечена черной стрелкой. Развитие происходит во времени (горизонталь), когда увеличиваются организационные способности (вертикаль).

Более ранние исследования производственных предприятий Уральского региона под руководством одного из авторов [29, 30] показали, что развитие предприятий имеет два основных цикла, представленных на рис. 2 возвратными стрелками: малый горизонтальный (светлая стрелка) и расширенный спиральный (темная стрелка).

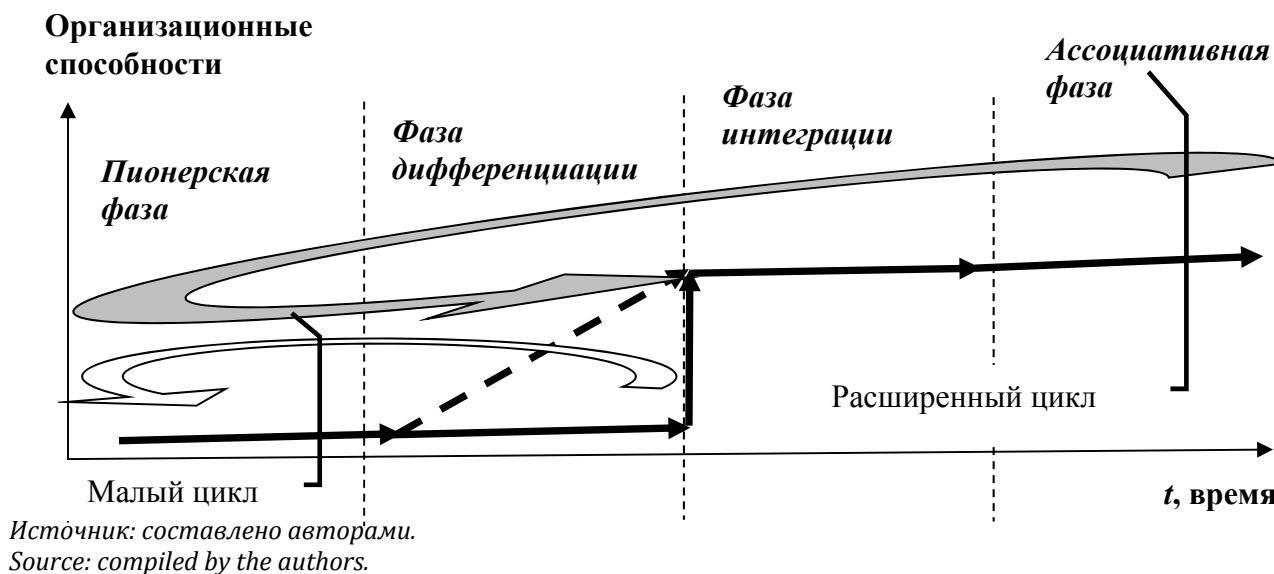

Рис. 2. Малый и расширенный цикл организационного развития
Fig. 2. Small and extended organizational development cycle

Малый цикл эволюционного развития предприятия тождественен жизненному циклу организации и, как показало исследование, является типичным для жизнедеятельности отечественных промышленных предприятий среднего бизнеса, что связано с невниманием к «пространству отношений» в организации. Описываемая модель схожа по ряду параметров с моделями жизненного цикла И. Азидеса [28] и Л. Грейнера [31]. Обе концепции выделяют периоды кризисов, когда предприятие сталкивается с опасностями на своем пути развития, но они не дают ответа на вопрос «Каким должно быть желаемое организационное состояние, чтобы избежать банкротства?». Исследование показало, что обозначенный кризис организационного развития производственных предприятий, знаменующий переход с малого на расширенный цикл организационного развития, соответствующий кризису контроля (по Грейнеру), и является особым кризисом, который естественным путем, в отличие от остальных кризисов, не решается: «естественное» развитие этого кризиса возвращает предприятия на пионерскую фазу развития.

Задачи пионерской фазы и фазы дифференциации относятся к пространству деятельности. Воздействие специфических факторов производства — уникальности, сложности, разнородности продукции, серийности — фокусирует внимание руководителя на пространство деятельности. Однако без учета пространства отношений в организации невозможно перейти на фазу интеграции: внутренние проблемы не позволят это осуществить. Пространством деятельности считается формальная организация, ориентированная на административные принципы. Неформальной организацией является «пространство отношений», которое также известно как организационная культура и которое также может быть названо «мягкими компе-

тенциями». Обе эти составляющие функционирования предприятия взаимосвязаны и влияют друг на друга.

В табл. 6 темным цветом выделена доминирующая роль пространства деятельности и пространства отношений на разных фазах развития предприятия. Тройная вертикальная граница показывает кризис перехода на расширенный спиральный цикл развития.

На разных фазах развития предприятия степень значимости деятельности и организационной культуры изменяется. Только на фазе поздней дифференциации, когда организация рассматривается как система, а социальные и культурные аспекты персонала признаются ключевыми для функционирования предприятия (формируя подсистему предприятия), внимание уделяется организационной культуре, рассматриваемой как специфический ресурс. Однако больше внимания уделяется сохранению человеческого капитала, чем развитию культуры взаимоотношений внутри компании для обеспечения ее конкурентоспособности (ячейка затонирована зеленым цветом, табл. 6).

Таблица 6. Доминирующая роль двух пространств в развитии фирмы
Table 6. Dominant role of the two spaces in a firm development

Фазы развития Phases of development	Понимание организации Understanding the organization	Менеджмент Management	Два пространства/Two spaces	
			деятельности activities	отношений relations
Пионерская фаза Pioneer phase	Общность людей Community of people	Прямой, ситуативный Direct, situational	Создание и совершенствование продукта Product creation and improvement	Сотрудники – это ресурс Employees are a resource
Фаза дифференциации ранняя Early differentiation phase	Машина Mechanism	Регулярный Regular	Формирование спроса и стимулирование сбыта Demand generation and sales promotion	
Фаза дифференциации поздняя Late differentiation phase	Система System	Научный Scientific	Системный подход к организации деятельности фирмы Systematic approach to organizing the company activities	Специфический ресурс (человеческий капитал) Specific resource (human capital)
Фаза интеграции Integration phase	Организм Organism	Процессный, через согласование целей Process-based, through goal alignment	Системный подход, ориентированный на всю цепочку создания ценности System approach focused on the entire value chain	Сотрудники всех уровней – партнеры по бизнесу Employees at all levels are business partners
Ассоциативная фаза Associative phase	Дело Business	Кооперативно-интегрирующий, наблюдательный Cooperative-integrative, observant	Философия сотрудничества и кооперирования Philosophy of cooperation and collaboration	Социальное партнерство Social partnership

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Далее приведены результаты оценки уровня организационного развития по четырем предприятиям. Один из примеров, подтверждающий кризис фаз развития: деятельность компании ООО «СМ» (металлургическое производство). Исследования проводились через год

после внедрения проведенного компанией реинжиниринга и автоматизации бизнес-процессов. Всего работниками предприятия названо 49 проблем: проблемы пространства деятельности – 12, что составляет 24 % (из них 8 связаны с «рассеиванием» целей); проблемы пространства отношений – 33, или 68 % (6 – мотивация; 17 – организационная культура; 10 – коммуникации); ситуативных проблем названо 4 (8 %).

В табл. 7 приводится структурное соотношение (в %) проблем пространства деятельности, пространства отношений и ситуативных проблем для всех исследованных предприятий.

Таблица 7. Соотношение проблем
Table 7. Correlation of problems

Предприятие Company	Проблемы/Problems of, %		
	пространства деятельности activity sphere	пространства отношений relation sphere	ситуативные situational
ООО «СМ», металлургическое производство LLC "SM", metallurgical production	24	68	8
ООО «Ф», гражданское машиностроение LLC "F", civil engineering	18	66	16
ООО «СБ», гражданское машиностроение LLC SB, civil engineering	22	64	14
ООО «ПКБ А», гражданское машиностроение LLC PKB A, civil engineering	33	58	9

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors

По данным исследования (на примере ООО «СМ») при решении проблем пространства отношений (которые составляют 68 % от общего числа выявленных) снижается острота решения проблем пространства деятельности и ситуативных проблем. Для остальных предприятий ситуация весьма похожая.

Исследование показало, что при переходе на фазу интеграции:

- 1) цели, стратегия предприятия разрабатываются на принципах децентрализации;
- 2) организационные структуры теряют значимость, формируется горизонталь управления как команда единомышленников, где каждый берет ответственность за свой участок работы;
- 3) мотивация замещается предпринимательством и ответственностью;
- 4) функция контроля трансформируется в функцию регулирования (управления по отклонениям на основе анализа), далее на ассоциативной фазе – в саморегулирование.

Предприятия среднего бизнеса, которые принимали участие в исследовании, желая остаться конкурентоспособными, обязаны перейти на фазу интеграции и/или быть на пути к ассоциативной фазе развития. Следует помнить, что многие российские предприятия не миновали фазу дифференциации.

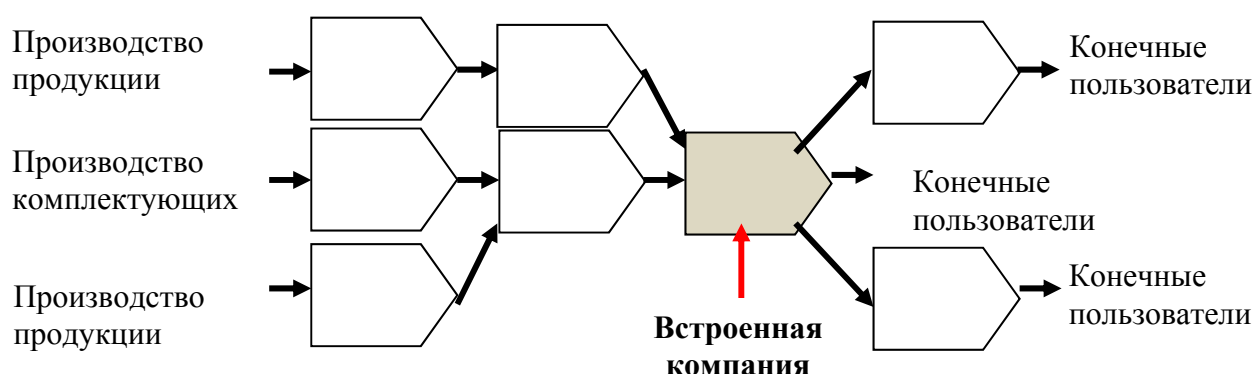
Для успешного развития отечественным предприятиям необходимо от организации деятельности по принципу «организация–механизм» перейти к организации деятельности по принципу «организация–организм», которая может расти и развиваться самостоятельно. Характеристики фазы дифференциации (когда деятельность организации структурируется и формализуется) компании должны качественно закрепить в своих организационных способностях.

В этих случаях энергия организационных способностей пионерской фазы используется для достижения результатов и первой, и второй фаз, обеспечивая качество прохождения и сокращая период пребывания фирм на этих стадиях. В результате для компаний, осознанно развивающих организационные способности, открываются новые стратегические горизонты, что поддерживает конкурентоспособность предприятия в сетевую эпоху.

Организационные документы как фактор формирования конкурентоспособности

Каждое предприятие, осуществляя свою деятельность, активно взаимодействует с деловой бизнес-средой. Однако не все организации, осознавая отношения за рамками своей компании, понимают свое место в общем процессе, объединяющем многие компании, — от производства продукции до ее конечного потребителя.

Для встраивания организации в интеграционный процесс своего сегмента рынка предлагается применять разработанный М. Портером инструмент «цепочка ценности». Использование данного инструмента необходимо вынести за рамки собственной организации и распространить на всю цепочку производства продукта компании, включая поставщиков и покупателей (рис. 3).

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors

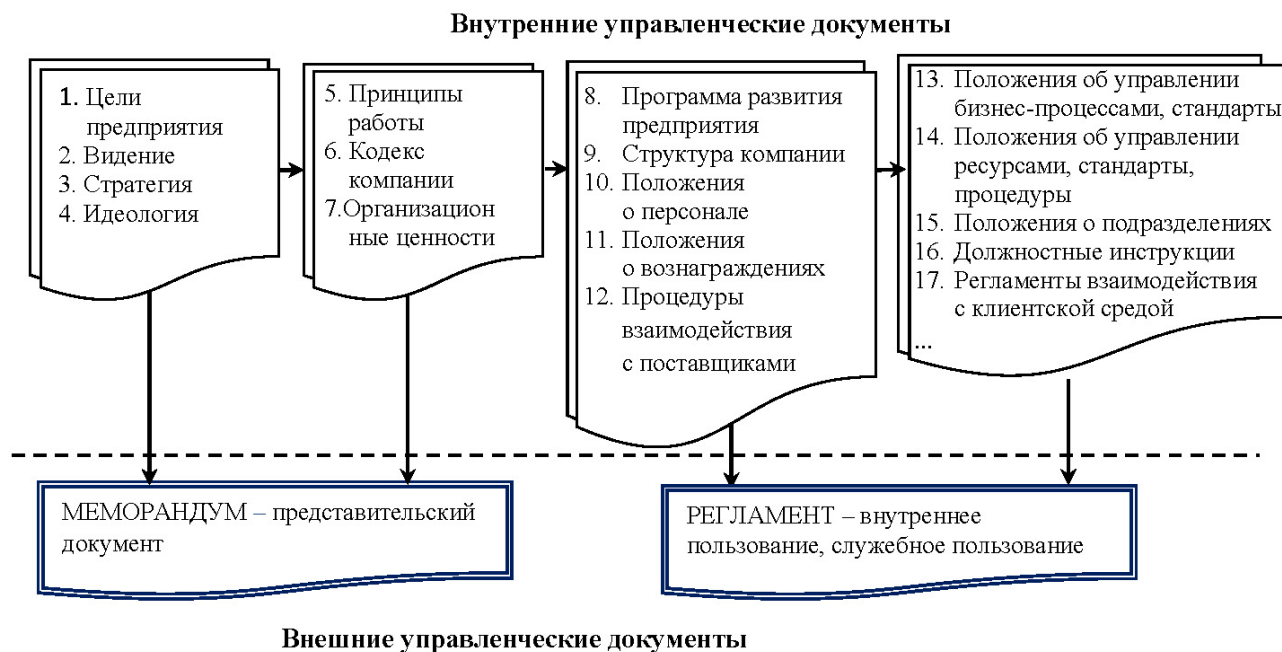
Рис. 3. Схема встраивания компании во внешнюю ценностную цепочку

Fig. 3. Scheme for embedding a company in an external value chain

Предлагаемый подход важно применять в начале фазы дифференциации, когда предприятие выстраивает вектор стратегического развития, объединяя фазу дифференциации с фазой интеграции, что представлено на рис. 2 пунктирной стрелкой на графике движения по фазам развития. Таким способом предприятие минует кризис организационного развития, обозначенный на рис. углом в 90°. Только после этого предприятие может переходить на фазу дифференциации, где происходит оптимизация деятельности предприятия в рамках внешней ценностной цепочки. Ответ на вопрос «Что можно безболезненно передать на аутсорсинг, а что критично для жизнедеятельности предприятия?» формируется на основе анализа компетенций, которые имеются на предприятии.

При разработке и апробации механизма преодоления кризиса фаз организационного развития учитывались следующие предпосылки.

Во-первых, сотрудничество как новая форма конкуренции основывается на взаимном дополнении компетенций участвующих в создании ценностной цепочки предприятий, имеет место со-специализация предприятий. Практически все остальные ресурсы, кроме организационных способностей предприятия, потенциально доступны другим компаниям в короткие сроки. Исходя из вышесказанного, обеспечение конкурентоспособности в сложившихся условиях напрямую зависит от эффективности использования компетентностного подхода промышленными компаниями среднего бизнеса. Такой подход широко применяется предприятиями разных отраслей по всему миру.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors

Рис. 4. Документы предприятия как показатель деловой культуры в организации

Fig. 4. Enterprise documents as an indicator of business culture in the organization

Во-вторых, потенциальные партнеры и клиенты должны иметь ясное представление о ключевых компетенциях и предприятии в целом. В дополнение к внутренней документации на предприятиях обычно требуется наличие двух внешних управленческих документов – «Меморандума» и «Регламента». Однако исследования среднего бизнеса показывают, что многие отечественные предприятия ограничиваются только той организационной документацией, которая им необходима с юридической точки зрения. Работа с другими документами воспринимается как лишние затраты, и их общая значимость не всегда ясна. Можно говорить о необходимости формирования доступной и понятной во внешней среде деловой документации российских предприятий.

Наличие документов, представленных на рис. 4, свидетельствует о том, что на предприятии эффективно взаимодействуют три управляющих подсистемы организации:

- 1) управление производственными процессами;
- 2) управление коммуникационными процессами (с внешней средой);
- 3) подсистема, управляющая процессами перевода организации в состояние, при котором реализуются цели лидеров и цели персонала [32, 33], что дает возможность предприятию развиваться и достигать своих целей.

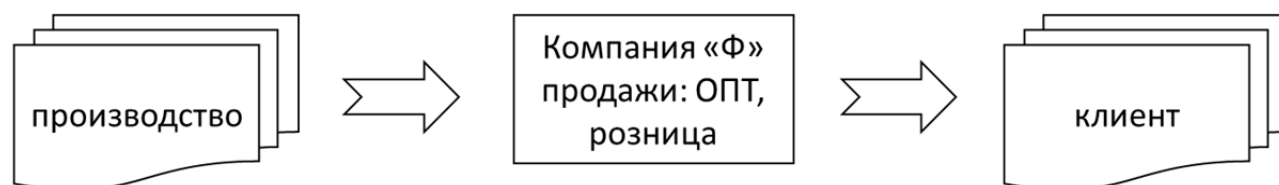
Для ведущих компаний имеет смысл взаимодействовать с организациями, которые имеют подобные документы в своей структуре.

По мнению руководителей предприятий, которые успешно преодолели кризис в организационном развитии и перешли на фазу интеграции, поддержание актуальности документации становится непрерывным процессом трансформации организации. Этот процесс обеспечивает адаптивность к изменениям во внешней среде, включая появляющиеся знания и технологии, что позволяет предприятиям развивать необходимые управленческие компетенции, интегрированные в организационные возможности компании. Такие компетенции являются ключевыми в обеспечении конкурентного преимущества. Они не могут быть переданы и/или скопированы. Понимание и реализация процессов, которые формируют организацион-

ные способности предприятия, являются конкретными, требуют глубоких знаний как внутренней, так и внешней деловой среды, в которой предприятие сотрудничает и конкурирует.

«Меморандум» и «Регламент» организации, разработанные с использованием компетентностного подхода, охватывают все коммуникации внутри предприятия (как формальные, так и неформальные, то есть «пространство деятельности» и «пространство отношений») и могут стать значимым ресурсом для российских компаний, способствуя повышению их конкурентоспособности в условиях будущих изменений.

Результат апробации предложенного механизма преодоления кризиса фаз организационного развития путем формирования организационных компетенций с целью встраивания в ценностную цепочку представлен примером формирования внешней ценностной цепочки компании «Ф». Компания работает на рынке электроники и аудиосистем высокого класса с 1993 г.; изначально специализировалась на продажах (рис. 5, малый цикл), ведя активную политику встраивания в схемы продвижения товара производителями своей продукции (рис. 6, расширенный цикл).

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors

Рис. 5. Пример внешней ценностной цепочки компании «Ф»
(гражданское машиностроение), малый цикл организационного развития
Fig. 5. Example of external value chain of "F" company (civil engineering),
small cycle of organizational development

Компания «Ф» придерживается точки зрения двусторонней полезности партнерства. Благодаря выбранной модели поведения, она существенно расширила свою деятельность. Снижение напряжения на входе (гарантированные поставки, обеспечение ресурсами) позволило активно заниматься организацией продаж и дополнительных видов деятельности. Передаваемые от поставщиков знания и компетенции дали возможность диверсифицироваться, что дало дополнительную прибыль компании. Наличие организационной документации, созданной при оптимизации деятельности, позволило компании заявить о себе как о серьезном партнере. При оптимизации деятельности руководство учитывало, что каждый работник предприятия ведет себя разумно, логично в пределах своей компетенции, поэтому следует формализовать взаимодействия, с одной стороны, и достигать понимания в неформализованных аспектах деятельности – с другой. «Управление предполагает большой удельный вес работы с людьми, взаимодействия и воздействия. И здесь культура имеет решающее значение» [33]. Результатами фазы интеграции (компания «Ф» перешла в 2016 г.) явилось открытие трех производств (рис. 6).

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

Рис. 6. Пример внешней ценностной цепочки компании «Ф»,
расширенный цикл организационного развития
Fig. 6. Example of external value chain of "F" company,
extended cycle of organizational development

Заключение

Развитие организации – это всегда изменения, которые приводят к появлению нового качества в организации, ее структурах, как единой социальной системе. К сожалению, в исследовании чаще встречались примеры оптимизации деятельности предприятий через прописывание регламентов, оптимизацию и стандартизацию бизнес-процессов, что относится к фазе дифференциации и ведет к кризису организационного развития, так как задействует только пространство деятельности. Активизация пространства отношений создает новое качество в организации, что достигается методами и инструментами развития организационных способностей.

Для российских промышленных предприятий среднего бизнеса переход в интеграционную и ассоциативную фазу не произойдет автоматически: необходимо формирование пространства качественных отношений. Оптимизация деятельности предприятия от возникновения до удовлетворения потребности в ее продукте, то есть то, каким образом предприятие производит и реализует свой продукт (товар и/или услугу), с учетом пространства деятельности и пространства отношений позволяет предприятию создать собственную, свойственную только ему производственную цепочку, чаще всего в кооперации с другими предприятиями. Предлагаемый механизм преодоления кризиса организационного развития поможет предприятиям обеспечить стабильный рост конкурентоспособности на основе сетевых взаимодействий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова Е.И., Юданов А.Ю. Стилизованный цикл жизни быстрорастущих фирм в России. // Вопросы экономики. – 2022. – № 3. – С. 77–97. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-3-77-97.
2. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 08.06.2024).
3. Единый реестр малого и среднего предпринимательства. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения 08.06.2024).

4. Корнеева Н.В. Проблемы сетевой экономики как современной формы организации предпринимательской деятельности // Финансовый менеджмент. – 2023. – № 1-2. – С. 144–151. DOI: 10.25806/fm1-22023144-151.
5. Каткало В.С. Место и роль ресурсной концепции в развитии теории стратегического управления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Менеджмент». – 2003. – № 3. – С. 3–17.
6. Коллис Д., Монтгомери С. Корпоративная стратегия. Ресурсный подход. – М.: Олимп-Бизнес, 2007. – 400 с.
7. Развадовская Ю.В. Применение ресурсного подхода к исследованию параметров новой индустриализации экономики // Экономическая наука современной России. – 2021. – № 4 (95). – С. 20–35. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-4(95)-20-35.
8. М. Сенге. Пятая дисциплина. Искусство и практика обучающейся организации: пер. с англ. Б. Пинскера, И. Татариновой. – М.: Олимп-Бизнес, 2009. – 448 с.
9. Акбердина В.В., Василенко Е.В. Базовые стратегии поведения промышленности как участника региональных инновационных экосистем // Altereconomics. – 2023. – № 3. – Т. 20. – С. 548–569. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.4.
10. Оучи У. Методы организации производства: Японский и Американский подходы (Теория «Z»): пер. с англ. – М.: Экономика, 1984. – 184 с.
11. Деминг Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами: пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2022. – 417 с.
12. Хаммер М., Чампи Дж. Реинжиниринг корпорации: Манифест революции в бизнесе: пер. с англ. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2006. – 288 с.
13. Прахалад К.К., Рамасвами В. Будущее конкуренции. Создание уникальной ценности вместе с потребителями: пер. с англ. – М.: Олимп-Бизнес, 2006. – 352 с.
14. Друкер П.Ф. Эффективное управление предприятием: пер. с англ. – М.: И.Д. Вильямс, 2008. – 224 с.
15. Хельмут Г. Обучающееся предприятие в XXI веке / пер. с нем. Н.В. Маловой. – Калуга: Духовное познание, 2004. – 264 с.
16. Глазл Ф., Ливехуд Б. Динамическое развитие предприятия. Как предприятия-пионеры и бюрократия могут стать эффективными. – Калуга: Духовное познание, 2000. – 264 с.
17. Пригожин А.И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. – М.: Дело, 2023. – 440 с.
18. Тис Д.Дж. Получение экономической выгоды от знаний как активов: «новая» экономика, рынки ноу-хау и нематериальные активы // Российский журнал менеджмента. – 2004. – № 2 (1). – С. 95–120.
19. Тис Д.Дж. Пизано Г., Шуен Э. Динамические способности фирмы и стратегическое управление // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Менеджмент». – 2003. – № (4). – С. 133–183.
20. Портер М. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость: пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2020. – 945 с.
21. Вумек Дж.П., Джонс Д.Т. Бережливое производство. – М.: Альпина Бизнес Бук, 2021. – 472 с.
22. Лайкер Дж.К. ДАО TOYOTA – М.: Альпина бизнес Бук, 2022. – 492 с.
23. Хамел Г., Прахалад К.К. Конкурируя за будущее. Создание рынков завтрашнего дня: пер. с англ. – М.: Олимп-бизнес, 2014. – 288 с.
24. Подоляк О.О., Крылатков П.П. Оценка структурного потенциала машиностроительных предприятий и объединений на основе концепции целостности // Организатор производства. – 2017. – Т. 25. – № 1. – С. 5–15.
25. Ершова И.В., Бездежская Я.Г. Кооперационные формы разработки и освоения научно-технической продукции по этапам жизненного цикла // Организатор производства. – 2020. – Т. 28. – № 3. – С. 63–72. DOI: 10.25987/VSTU.2020.13.13.007.
26. Ансофф И. Стратегический менеджмент. Классическое издание: пер. с англ. – СПб.: Питер, 2009. – 344 с.
27. Инновационное развитие и конкурентоспособность: Очерки развития российских предприятий / И.Б. Гурков. – М.: ТЕИС, 2003. – 236 с.
28. Адизес И. Управление жизненным циклом компании: как организации растут, развиваются и умирают и что с этим делать. – М.: Альпина Паблишер, 2022. – 514 с.
29. Кузнецова Е.Ю., Чоповда Е.А. Концептуальные основы использования ключевых компетенций в обеспечении конкурентоспособности предприятий // Вестник УГТУ-УПИ. Серия «Экономика и управление». – 2010. – № 5. – С. 22–34.
30. Кузнецова Е.Ю., Чоповда Е.А. Организация информационно – сервисного руководства как ключевая компетенция производственного предприятия // Экономика в промышленности. – 2011. – № 4. – С. 86–92.
31. Грейнер Л.Е. Эволюция и революция в процессе роста организации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8 «Менеджмент». – 2002. – № 4 (32). – С. 76–94.
32. Никулина Т.И., Малахаева С.К. Ценностные ориентиры руководителя в формировании организационной культуры // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 2 (163). – С. 1423–1427. DOI: 10.34925/EIP.2024.163.2.284.

33. Кузнецова Е.Ю., Чоповда Е.А. Компетенции в организации деятельности и формировании организационной культуры промышленного предприятия // Вестник УРФУ. Серия «Экономика и управление». – 2012. – № 1. – С. 4–12.

Информация об авторах

Елена Юрьевна Кузнецова, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры организации машиностроительного производства Института новых материалов и технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e.y.kuznetsova@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1225-457X>

Никита Андреевич Амосов, старший преподаватель кафедры организации машиностроительного производства Института новых материалов и технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; n.a.amosov@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6355-1470>

Ольга Олеговна Подоляк, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Организации машиностроительного производства Института новых материалов и технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; o.o.podoliak@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4626-8312>

Валентин Васильевич Кузьмин, аспирант кафедры организации машиностроительного производства Института новых материалов и технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; v.v.kuzmin@urfu.ru; <https://orcid.org/0009-0001-0087-1071>

Поступила в редакцию: 11.06.2024

Поступила после рецензирования: 20.09.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. Baranova E.I., Yudanov A.Yu. Stylized cycle of life of fast growing firms in Russia. *Economic issues*, 2022, no. 3, pp. 77–97. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042 8736 2022 3 77 97.
2. *Federal State Statistics Service*. (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru> (accessed 8 June 2024).
3. *Unified Register of Small and Medium Enterprises*. (In Russ.) Available at: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html> (accessed 8 June 2024).
4. Korneeva N.V. Problems of the network economy as a modern form of organization of entrepreneurial activity. *Financial management*, 2023, no. 1–2, pp. 144–151. (In Russ.) DOI: 10.25806/fm1 22023144 151.
5. Katkalo V.S. Place and role of the resource concept in the development of the theory of strategic management. *Bulletin S.-Petersburg University. Ser. Management*, 2003, no. 3, pp. 3–17. (In Russ.)
6. Collis D., Montgomery S. *Corporate strategy. Resource approach*. Moscow, Olympus Business CJSC, 2007. 400 p. (In Russ.)
7. Razvadovskaya Yu.V. Application of the resource approach to the study of the parameters of the new industrialization of the economy. *Economic science of modern Russia*, 2021, no. 4 (95), pp. 20–35. (In Russ.) DOI: 10.33293/1609 1442 2021 4(95) 20 35.
8. Senge P.M. *Fifth discipline. Art and Practice of the Learning Organization*. Moscow, Olympus Business CJSC, 2009. 448 p. (In Russ.)
9. Akberdina V.V., Vasilenko E.V. Basic strategies for the behavior of industry as a participant in regional innovative ecosystems. *Altereconomics*, 2023, no. 3, vol. 20, pp. 548–569. (In Russ.) DOI: 10.31063/AlterEconomics/2023.20 3.4.
10. Ouchi W. *Methods of organization of production: Japanese and American approaches (Theory "Z")*. Moscow, Economics Publ., 1984. 184 p. (In Russ.)
11. Deming E. *Overcoming the crisis: a new paradigm for managing people, systems and processes*. Moscow, Alpina Publ., 2022. 417 p. (In Russ.)
12. Hammer M., Champi J. *Corporation reengineering: manifesto of the revolution in business*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2006. 288 p. (In Russ.)
13. Prahalad K.K., Ramaswamy V. *Future of competition. Creating unique value with consumers*. Moscow, Olympus Business CJSC Publ., 2006. 352 p. (In Russ.)
14. Drucker P.F. *Effective enterprise management*. Moscow, I.D. Williams LLC Publ., 2008. 224 p. (In Russ.)
15. Helmut G. *Learning enterprise in the 21st century*. Kaluga, Spiritual Knowledge Publ., 2004. 264 p. (In Russ.)

16. Glazl F., Livehud B. *Dynamic development of the enterprise. How pioneer enterprises and bureaucracy can become effective*. Kaluga, Spiritual cognition Publ., 2000. 264 p. (In Russ.)
17. Prigozhin A.I. *Goals and values. New methods of working with the future*. Moscow, Delo Publ., 2023. 440 p. (In Russ.)
18. Tis D.J. Obtaining economic benefits from knowledge as assets: "new" economy, know how markets and intangible assets. *Russian Journal of Management*, 2004, no. 2 (1), pp. 95–120. (In Russ.)
19. Tis D.J., Pisano G., Schuen E. Dynamic capabilities of the company and strategic management. *Bulletin S.-Petersburg University. Ser. Management*, 2003, no. (4), pp. 133–183. (In Russ.)
20. Porter M. *Competitive advantage: how to achieve a high result and ensure its stability*. Moscow, Alpina Business Books Publ., 2020. 945 p. (In Russ.)
21. Woomek J.P., Jones D.T. *Lean production*. Moscow, Alpina Business Book Publ., 2021. 472 p. (In Russ.)
22. Liker J.K. *TAO TOYOTA*. Moscow, Alpina business beech Publ., 2022. 492 p. (In Russ.)
23. Hamel G., Prahalad K.K. *Competing for the future. Creating the markets of tomorrow*. Moscow, Olympus Business CJSC Publ., 2014. 288 p. (In Russ.)
24. Podolyak O.O., Krylatkov P.P. Assessment of the structural potential of machine building enterprises and associations based on the concept of integrity. *Production organizer*, 2017, vol. 25, no. 1, pp. 5–15. (In Russ.)
25. Ershova I.V., Bezdezhskaya Y.G. Cooperative forms of development and development of scientific and technical products by stages of the life cycle. *Production organizer*, 2020, vol. 28, no. 3, pp. 63–72. (In Russ.) DOI: 10.25987/VSTU.2020.13.13.007.
26. Ansoff I. *Strategic management. Classic edition*. St. Petersburg, Peter Publ., 2009. 344 p. (In Russ.)
27. Gurkov I.B. *Innovative development and competitiveness: essays on the development of Russian enterprises*. Moscow, TEIS Publ., 2003. 236 p. (In Russ.)
28. Adises I. *Life cycle management of a company: how organizations grow, develop and die and what to do about it*. Moscow, Alpina Publ., 2022. 514 p. (In Russ.)
29. Kuznetsova E.Yu., Chopovda E.A. Conceptual basis for the use of key competencies in ensuring the competitiveness of enterprises. *Bulletin of USTU UPI Series Economics and Management*, 2010, no. 5, pp. 22–34. (In Russ.)
30. Kuznetsova E.Yu., Chopovda E.A. Organization of information and service management as a key competence of a manufacturing enterprise. *Economics in industry*, 2011, no. 4, pp. 86–92. (In Russ.)
31. Greiner L.E. Evolution and revolution in the process of organization growth. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 8 "Management"*, 2002, no. 4 (32), pp. 76–94. (In Russ.)
32. Nikulina T.I., Malakhaeva S.K. Value guidelines of the head in the formation of organizational culture. *Economics and entrepreneurship*, 2024, no. 2 (163), pp. 1423–1427. (In Russ.) DOI: 10.34925/EIP.2024.163.2.284.
33. Kuznetsova E.Yu., Chopovda E.A. Competencies in the organization of activities and the formation of the organizational culture of an industrial enterprise. *Bulletin of URFU. Series economics and management*, 2012, no. 1, pp. 4–12. (In Russ.)

Information about the authors

Elena Yu. Kuznetsova, Dr. Sc., Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira street, Ekaterinburg, 620062, Russian Federation; e.y.kuznetsova@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1225-457X>

Nikita A. Amosov, Senior Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira street, Ekaterinburg, 620062, Russian Federation; n.a.amosov@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6355-1470>

Olga O. Podoliak, Cand. Sc., Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira street, Ekaterinburg, 620062, Russian Federation; o.o.podoliak@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4626-8312>

Valentin V. Kuzmin, Postgraduate Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira street, Ekaterinburg, 620062, Russian Federation; v.v.kuzmin@urfu.ru; <https://orcid.org/0009-0001-0087-1071>

Received: 11.06.2024

Revised: 20.09.2024

Accepted: 30.12.2024

УДК [001.18+37](470:1-67ЕАЭС)
DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1909
Шифр специальности ВАК: 5.4.4

Роль Российской Федерации в формировании единого научно-образовательного пространства Евразийского экономического союза

Т.В. Лебедева[✉]

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

[✉]shonohova@rambler.ru

Аннотация. В современных геополитических условиях, когда Российская Федерация вынуждена существовать в режиме западных санкций, всё большее внимание во внешней политике уделяется налаживанию взаимодействия с дружественными странами, в первую очередь с государствами-членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Одним из важнейших направлений гуманитарного сотрудничества в рамках ЕАЭС является формирование единого научно-образовательного пространства. Статья посвящена выявлению роли Российской Федерации в инициации и развитии данного основополагающего процесса, поскольку только наличие кадров высокой квалификации может обеспечить высокий экономический рост каждого государства – члена интеграционного объединения в отдельности и экономического союза в целом. Выработка основных принципов взаимодействия на евразийском научно-образовательном пространстве происходит «малыми шагами» на протяжении почти 10 лет. В научном обзоре, представленном в статье, содержится описание современных инициатив и практических шагов, предпринятых в целях формирования единой научной и образовательной среды в ЕАЭС. Отмечается, что Российская Федерация, которая председательствовала в ЕАЭС в 2023 г., выступила с целым рядом инициатив по активизации сотрудничества образовательных систем на евразийском пространстве. На основе проведённых исследований с использованием статистических, графических и других методов выделено 11 причин, препятствующих интенсификации этого процесса. Особое внимание обращено на различия в особенностях функционирования систем высшего образования государств – членов ЕАЭС, на следование некоторых из них принципам Болонской системы. Беспокойство вызывает низкий уровень академической мобильности студентов и преподавателей между вузами евразийского пространства, а также сокращение в последние годы объёмов образовательной миграции между государствами – членами ЕАЭС. Поэтому Российская Федерация с самой мощной системой подготовки кадров на территории интеграционного объединения должна и в дальнейшем выступать с инициативами, которые будут способствовать скорейшему формированию единого научно-образовательного пространства ЕАЭС.

Ключевые слова: формирование единого научно-образовательного пространства, государства – участники ЕАЭС, Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), российская система высшего образования, образовательная миграция

Для цитирования: Лебедева Т.В. Роль Российской Федерации в формировании единого научно-образовательного пространства Евразийского экономического союза // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 36–49. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1909

UDC [001.18+37](470:1-67EAЭС)

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1909

The role of the Russian Federation in the formation of a single scientific and educational space of the Eurasian Economic Union

T.V. Lebedeva✉

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉shonohova@rambler.ru

Abstract. In the current geopolitical conditions, when the Russian Federation is forced to exist under Western sanctions, more and more attention in foreign policy is paid to establishing cooperation with friendly countries, primarily with the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU). One of the most important areas of humanitarian cooperation within the EAEU is the formation of a single scientific and educational space. The article is devoted to identifying the role of the Russian Federation in the initiation and development of this fundamental process, since only the availability of highly qualified personnel can ensure high economic growth of each member state of the integration association individually and the economic union as a whole. The development of the basic principles of interaction in the Eurasian scientific and educational space has been taking place "in small steps" for almost 10 years. The scientific review presented in the article contains an analysis of modern initiatives and practical steps taken to form a single scientific and educational environment in the EAEU. It is noted that the Russian Federation, which chaired the EAEU in 2023, put forward a number of initiatives to intensify cooperation between educational systems in the Eurasian space. Based on the research conducted using statistical, graphical and other methods, the article identifies 11 reasons that hinder the intensification of this process. Particular attention is paid to the differences in the features of the functioning of the higher education systems of the EAEU member states, and to the adherence of some of them to the principles of the Bologna system. The low level of academic mobility of students and teachers between universities in the Eurasian space, as well as the reduction in the volume of educational migration between the EAEU member states in recent years, are of concern. Therefore, the Russian Federation, with the most powerful system of personnel training in the EAEU, should continue to put forward initiatives that will contribute to the earliest possible formation of a single scientific and educational space.

Keywords: formation of a unified scientific and educational space, member states of the EAEU, Eurasian Economic Commission (EEC), Russian system of higher education, educational migration

For citation: Lebedeva T.V. The role of the Russian Federation in the formation of a single scientific and educational space of the Eurasian Economic Union. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 36–49. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1909

Введение

Значение сотрудничества государств – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в научно-образовательной сфере сложно переоценить, поскольку оно способствует повышению качества человеческого капитала в странах интеграционной группировки. Активное взаимодействие стран-участниц на евразийском образовательном пространстве послужит важнейшим стимулом в создании развитого рынка высококвалифицированных трудовых ресурсов в интеграционном объединении, что положительно скажется на стимулировании роста инновационного производства товаров, на внедрении передовых методов оказания услуг и движения капитала, что соответствует целям создания ЕАЭС [1].

Однако, несмотря на то, что 1 января 2025 года ЕАЭС отметит своё 10-летие, формирование единого научно-образовательного пространства в интеграционном объединении находится лишь на начальной стадии, когда происходят выработка согласованных подходов и принятие рамочных документов по развитию взаимовыгодного сотрудничества. В настоящее время отсутствуют наднациональные органы управления образованием на интеграционном пространстве – эта функция возложена на постоянно действующий межгосударственный орган – Евразийскую экономическую комиссию (ЕЭК). На данный момент превалирует кооперация на межвузовском уровне и среди научных организаций.

Отдельного внимания заслуживает создание и функционирование ассоциаций образовательных структур стран-участниц, которые не только ведут активный диалог внутри своих образований, но и выходят с предложениями на наднациональный уровень, что также способствует интеграции научного и образовательного пространства ЕАЭС. В качестве примеров можно назвать функционирование Евразийской ассоциации университетов [2], Славянских университетов [3], научно-образовательного консорциума «Евразийский сетевой университет» [4]. Поскольку пространство ЕАЭС является асимметричным объединением, в котором доминирует Российская Федерация по территории, населению, производственному и научно-техническому потенциалу, уровню развития науки и образования, российская система образования призвана сыграть важнейшую роль в формировании единого евразийского научно-образовательного пространства.

Научный обзор

Особенности формирования единой научной и образовательной среды в ЕАЭС обсуждаются достаточно широко с момента возникновения интеграционной группировки, поскольку при создании рынка услуг ЕАЭС образование не было включено в перечень его секторов. Поэтому целый ряд научных исследований был посвящён оценке места и роли систем высшего образования России и других государств – членов ЕАЭС в евразийском научно-образовательном сотрудничестве [5–11]. Особенности формирования единого образовательного пространства интеграционного объединения посвящены и диссертационные исследования молодых учёных [12, 13].

За десятилетие существования ЕАЭС ряд научных разработок, посвящённых интеграции российской системы высшего образования в евразийское образовательное пространство, было выполнено учёными академических институтов [14, 15], представителями вузовских научных школ [16, 17] и независимыми экспертами [18, 19].

Особый интерес сохраняется к проблематике образовательной миграции, поскольку российская система высшего образования является важнейшим центром притяжения интеллектуальной миграции и значимым вектором академической мобильности. Данному популярному направлению научных исследований посвящены работы учёных кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (ВШССН) МГУ имени М.В. Ломоносова [20, 21], Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН) [22, 23], представителей других научных и образовательных организаций [24–28].

Обзор имеющихся исследований позволил выявить, что у современных учёных имеется устойчивый интерес к рассмотрению проблем формирования единого образовательного пространства и оценке участия России в этом процессе. Но поскольку в современных экономических и политических условиях появляются новые обстоятельства, развиваются новые направления сотрудничества, публикуются «свежие» статистические данные, характеризующие процесс сближения образовательных систем государств-участников ЕАЭС, поэтому требуется дальнейшее расширение и углубление академических исследований в данном направлении.

Методология исследования

В статье были использованы методологические подходы и методические приёмы, которые разрабатываются и применяются крупными исследовательскими коллективами, в сферу научных интересов которых входят вопросы формирования единого образовательного пространства. Одной из таких структур является Институт статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (далее по тексту – Институт). Так, Центром компетенций по взаимодействию с международными организациями Института 11 апреля 2023 г. состоялся специальный круглый стол «Перспективы формирования евразийского научно-образовательного пространства», участники которого подтвердили необходимость расширения научно-образовательного сотрудничества в ЕАЭС как важнейшего направления углубления евразийской интеграции. Будущее евразийского пространства представляется «территорией инноваций», на котором ожидаются научно-технологические прорывы и высокий уровень развития человеческого потенциала ввиду расширения сотрудничества в области образования [29].

Значительный вклад в формирование единого образовательного пространства и оценку роли российской системы образования в этом процессе вносит Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, где под общим руководством Министра по интеграции и макроэкономике ЕАЭС, академика С.Ю. Глазьева с 2007 г. проводится Евразийский научный форум. Последнее заседание форума состоялось 30 ноября – 1 декабря 2023 г., где были подведены итоги председательствования Российской Федерации в ЕАЭС [30]. Одним из важнейших направлений работы ежегодного форума является обсуждение проблем научной и образовательной интеграции в рамках ЕАЭС. На запланированном на декабрь 2024 г. Шестнадцатом Евразийском научном форуме предполагается обсуждение научной проблемы «Образовательное пространство Евразии: сложности взаимодействия и новые инициативы» [31].

Существенную поддержку в проведении научных исследований по теме оказали сборники статистической информации, которые ежегодно выпускаются ЕЭК (последний выпуск – в конце 2023 г.) [32].

В подготовке материалов статьи использовались традиционные теоретические и количественные методы научного исследования на основе системного подхода – анализ, сравнение, обобщение, статистический и иллюстративный методы, контент-анализ.

Результаты

Евразийское образовательное пространство в 2022/23 учебном году характеризовалось значительной асимметрией, поскольку большинство образовательных организаций ЕАЭС (722 из 1008) и наибольшее число студентов (3,6 из 4,3 млн чел.), осваивающих основные профессиональные образовательные программы (ОПОП), обучались на территории Российской Федерации. Доля российских вузов в общей численности организаций высшего образования евразийского пространства в 2022/23 учебному году оставалась достаточно высокой – 72 % (рис. 1), хотя, по расчётам автора, за 9 лет (2015/16–2022/23 академические годы) снизилась на 4 % вследствие проведения политики укрупнения российских вузов [32, 33].

Доля обучающихся в вузах Российской Федерации по ОПОП в 2022/23 учебном году имела ещё более высокие значения – 82 % всех студентов евразийского пространства; с 2015/16 учебного года этот показатель даже увеличился на 1 % [32, 33].

По результатам авторского анализа данных студенческой миграции, в российских вузах в начале 2022/23 академического года обучалось 351,6 тыс. иностранных граждан, из которых 79,9 тыс. чел. были представителями государств – членов ЕАЭС (23 %). Наибольшее количество образовательных мигрантов были выходцами из Казахстана (56,7 тыс. чел. – 71 % всех

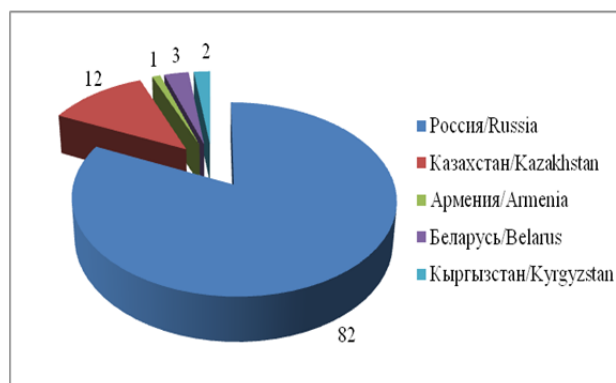
прибывших на обучение в вузы России из государств – членов ЕАЭС). Обучение в российских вузах в анализируемом учебном году также было достаточно популярным у образовательных мигрантов из Беларуси (10,9 тыс. человек, 14 %) и из Кыргызстана (9,6 тыс. чел., 12 %) [34].

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Рис. 1. Доля высших учебных заведений государств – членов ЕАЭС в общем числе вузов евразийского образовательного пространства на начало 2022/23 академического года, %

Fig. 1. Share of higher education institutions of the EAEU member states in the total number of universities in the Eurasian educational space at the beginning of the 2022/23 academic year, %

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Рис. 2. Доля обучающихся в вузах государств – членов ЕАЭС в общей численности обучающихся по программам высшего образования в ЕАЭС на начало 2022/23 академического года, в тыс. чел.

Fig. 2. Share of students in higher education institutions of the EAEU member states in the total number of students in higher education programs in the EAEU at the beginning of the 2022/23 academic year, in thousands of people

Как известно, научно-образовательная сфера не была включена в Договор о ЕАЭС 2014 г. в качестве самостоятельного направления гуманитарного сотрудничества между государствами – членами союза. При этом ещё в рамках существования в 2009–2013 гг. Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) были приняты документы о сотрудничестве по созданию единого образовательного пространства интеграционного объединения. Однако данные договорённости не применяются даже в той части, которая не противоречит статьям договора о ЕАЭС.

Взаимодействие в данном направлении до 2020 г. осуществлялось на уровне принятия намерений и рекомендаций Коллегии ЕЭК (не являющихся нормативно-правовым актом). Инициатором принятия большинства документов была российская сторона. Разработка и согласование документов – это процесс сложный, поскольку другие страны – партнёры по интеграционному объединению с большой осторожностью относятся ко всем российским инициативам.

В 2020 г. в рамках ЕАЭС была согласована и принята Стратегия развития евразийской интеграции до 2025 г., где в Направлении 10 сформулированы основные векторы взаимодействия между государствами-членами союза в области науки и образования [35], конкретизированные в апреле 2021 г. в Плане мероприятий по реализации стратегических направлений [36].

До 2022 г. сближение образовательных систем и формирование единого образовательного пространства строилось на основе использования основных принципов Болонской системы. Однако не все государства – члены ЕАЭС смогли в полной мере интегрироваться в Болонский процесс: активными участниками остаются вузы Казахстана и Армении, из кыргызстанских образовательных организаций участниками являются отдельные вузы, а российские и белорусские организации высшего образования с июня 2022 г. вышли из этого процесса. Но ещё в апреле-мае 2022 г. в органах государственной власти Российской Федерации шла дискуссия о целесообразности пребывания России в Болонских соглашениях. В это время российская сторона на Евразийском экономическом форуме в столице Кыргызстана г. Бишкеке начала активно выступать за создание единого евразийского научно-образовательного пространства [37].

В 2023 г. в ЕАЭС председательствовала Российская Федерация. Принятые меры по расширению взаимодействия государств – участников ЕАЭС в области промышленной кооперации, развитию энергетического сектора, продовольственной безопасности, транспортной системы и финансового обеспечения различных межгосударственных коллабораций позволили преодолеть негативные последствия внешнего воздействия и не допустить снижения темпов взаимовыгодного межгосударственного сотрудничества [38]. При этом российская сторона в 2023 г. выступила со множеством инициатив и первостепенных предложений по сближению образовательных систем интеграционного объединения. Так, на заседании Высшего Евразийского экономического совета в расширенном составе 25 мая 2023 года Президент Российской Федерации В.В. Путин предложил к четырём действующим в ЕАЭС свободам (передвижение товаров, услуг, финансов и человеческого капитала) добавить пятую – свободу знаний. Президент России призвал страны-участницы к максимальному сближению образовательных систем, к необходимости разработки общих требований к профессиям, выработке общих образовательных стандартов, подготовке совместных учебников и др. [39].

Немаловажное значение в функционировании и привлекательности образовательных организаций на евразийском пространстве имеет качество образовательных услуг. При этом в условиях внедрения болонской модели организации высшего образования профессионализм выпускников в России и в некоторых других странах снизился [40, 41]. По-прежнему большие надежды на успешное функционирование вузовской системы на болонских принципах из всех государств – членов ЕАЭС возлагают только в Казахстане [42].

В последнем рейтинге мировых университетов QS World University Rankings 2025 из российских вузов представлено только 47 университетов, поскольку в последние годы к участию в рейтинге новые российские вузы не привлекают. Оценка деятельности образовательных организаций производится на основании девяти параметров. Ведущими российскими вузами признаны московские университеты – МГУ имени М.В. Ломоносова, МГТУ имени Н.Э. Баумана и РУДН (соответственно, 94-е, 298-е и 316-е места). Из других образовательных организаций евразийского пространства в рейтинге представлены 21 казахстанский вуз, по три белорусских и кыргызстанских вуза, а также Ереванский государственный университет (Армения) [43].

Важным индикатором привлекательности образовательной системы того или иного государства является образовательная миграция. Исследования автора статьи показали, что на начало 2022/23 академического года наибольшее количество студентов-иностранцев обучалось в российских вузах – 351,6 тыс. чел., из которых 79,9 тыс. чел. были представителями государств – участников ЕАЭС. Главный поток в российские вузы обеспечил Казахстан, откуда прибыло 56,7 тыс. чел. (71 % всех прибывших в вузы России с евразийского пространства). Однако поток образовательных мигрантов в вузы Российской Федерации из государств – членов ЕАЭС за период 2018/19–2022/23 уч. гг. снизился на 9 % [34].

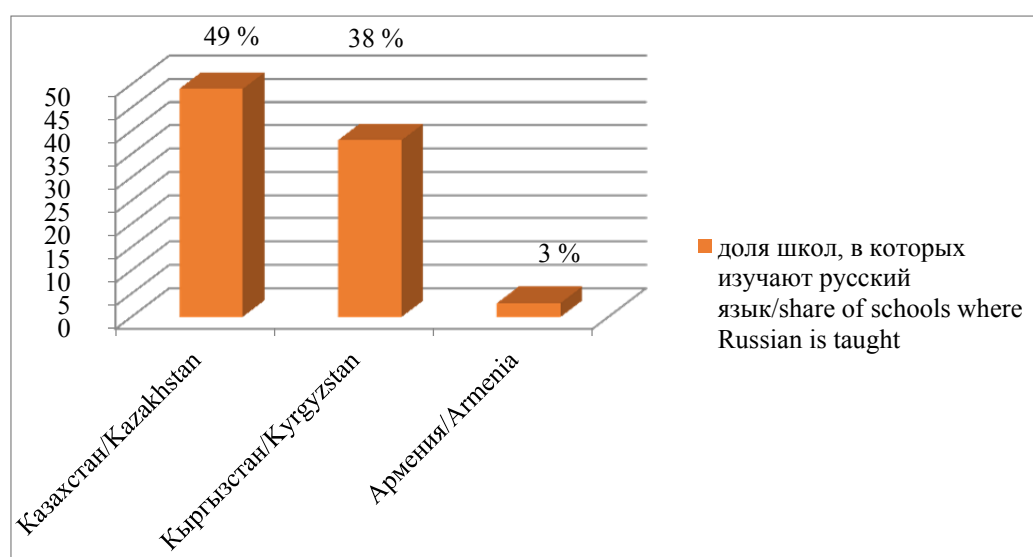
Обсуждение

Проведённые исследования показали, что формирование единого научно-образовательного пространства идёт достаточно сложно, при том что российская сторона в последние годы активно выступает с рядом инициатив и постоянно развивает взаимоотношения с образовательными системами других государств – участников ЕАЭС. Причины сложившейся ситуации:

1. Хотя образовательные структуры государств – членов ЕАЭС достаточно длительное время функционировали в рамках общей советской образовательной системы, отличавшейся высоким качеством профессиональной подготовки специалистов [41], в настоящее время каждая из стран – участниц интеграционного объединения страшится поступаться национальными принципами из-за боязни утраты национальных особенностей образовательной системы и сложившихся подходов в организации подготовки кадров высокой квалификации. Вследствие универсализации и стандартизации евразийского образовательного пространства существуют опасения потери уникальности национальных стандартов и образовательных программ подготовки специалистов высшего звена, сложившейся в государствах интеграционного объединения.
2. После начала специальной военной операции России по демилитаризации и денацификации Украины создание единого научно-образовательного пространства осложнено действием беспрецедентного количества антироссийских санкций. Хотя престиж российского образования в государствах – членах ЕАЭС всегда был достаточно высоким (значительное количество родителей нынешних студентов и абитуриентов обучались в своё время в российских вузах), страны ЕАЭС заняли выжидательную позицию, поскольку опасаются применения против них вторичных санкций.
3. В Российской Федерации идёт формирование новой национальной системы высшего образования. В настоящее время, согласно указу Президента Российской Федерации от 12.05.2023 г. № 343 [44], реализуется пилотный проект по установлению новых уровней высшего образования: базового (бакалавриат и специалитет), специализированного (магистратура, ординатура и ассистентура-стажировка), а также уровень профессионального образования (аспирантура). Поскольку новая система пока в полной мере не внедрена, результаты и перспективы её функционирования ещё не очевидны. Поэтому у партнёров по ЕАЭС вопрос «А стоит ли ориентироваться на эту новую систему высшего образования?» – остаётся пока открытым.
4. До настоящего времени две страны из числа государств – членов ЕАЭС настроены на следование принципам Болонской системы – Казахстан и Армения. 11 вузов Кыргызстана также движутся по болонскому пути интеграции с западными странами. Сложившаяся ситуация ослабляет усилия российской стороны, направленные на формирование единого евразийского образовательного пространства.
5. На образовательном пространстве ЕАЭС наблюдается низкий уровень развития академической мобильности вследствие разницы в профессиональных стандартах и образовательных программах, из-за неразработанности механизмов студенческих и преподавательских обменов, отсутствия средств у вузов на организацию приёма и направления обучающихся по обмену, недостаточной разработки нормативно-правовых аспектов организации академических обменов [26].
6. Важным фактором роста авторитета российской образовательной системы на евразийском пространстве является повышение качества образования и конкурентоспособности российских вузов в мире, рост позиций, занимаемых ими в международных рейтингах вузов. Однако вследствие сложившейся геополитической ситуации список российских участников международных рейтингов неправомерно ограничен.

7. В трёх из пяти стран евразийского пространства русский язык не является государственным, поэтому ограничено число образовательных учебных заведений с преподаванием на русском языке. В августе 2023 г. ЕЭК проведено специальное исследование возможностей изучения школьниками русского языка в этих странах [45], результаты которого представлены на рис. 3.

Наиболее благоприятные условия для изучения русского языка созданы в Казахстане, где обучение доступно практически в половине всех школ. Несколько сложнее найти школу с преподаванием русского языка в Кыргызстане и очень проблематично – в Армении, где только 3 % средних общеобразовательных организаций республики готовы предоставить такую услугу (рис. 3).

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рис. 3. Доля школ с преподаванием русского языка от общего числа средних общеобразовательных организаций государств – участников ЕАЭС, в которых русский язык не является государственным, % (по состоянию на август 2023 г.)

Fig. 3. Share of schools with Russian language teaching from the total number of secondary schools in the EAEU member states where Russian is not the official language, % (as of August 2023)

8. Современная молодёжь выступает против идеологизации образовательного пространства. Его формирование должно осуществляться на основе взаимного уважения, поликультурной и межрелигиозной толерантности, дружеского диалога и взаимовыгодного сотрудничества. В ходе тесного взаимодействия в решении научно-образовательных задач должны быть выработаны совместные принципы, общие воззрения на определённые социальные явления и процессы.
9. Исследования миграции на евразийском пространстве позволили прийти к выводу о том, что общий поток образовательных иммигрантов на территорию ЕАЭС постоянно возрастает. При этом доля выходцев из государств – членов евразийского интеграционного объединения заметно снижается [34]. Такая ситуация складывается не только вследствие современных геополитических вызовов, но и из-за различий в профессиональных стандартах и образовательных программах, нерешённости проблем качества образования, слабого владения русским языком. Поэтому абитуриенты из стран-участников ЕАЭС всё

чаще выезжают за пределы евразийского пространства в поисках более подходящей для себя среды получения образования и приобретения необходимых профессиональных навыков.

10. Пока формирование единого евразийского образовательного пространства осуществляется в режиме «малых шагов», интернационализация образования приводит к росту достаточно острой конкуренции в сфере образовательной миграции со стороны стран-конкурентов, в числе которых государства – члены Европейского союза, а также Китай, Турция, Южная Корея [17]. Поэтому на евразийском пространстве необходима разработка более гибких мер ценовой политики на образовательные услуги для выходцев из государств – членов интеграционной группировки, а также подготовка и принятие специальных программ поддержки образовательных мигрантов из стран ЕАЭС по образцу Erasmus+ (ЕС) и DAAD (Немецкой службы академических обменов).

Существенную помощь в отборе потенциальных абитуриентов для российских вузов в предоставлении услуг по изучению русского языка, знакомству населения с русской культурой может оказать увеличение числа загранучреждений и представительств Федерального агентства по делам Содружества независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество или «Русский дом») в государствах – членах ЕАЭС. Расширение сети филиалов Россотрудничества в крупных городах евразийского пространства будет способствовать расширению гуманитарного, научно-технического, образовательного и культурного сотрудничества в интеграционном объединении.

Заключение

Будущее единое евразийское научно-образовательное пространство должно представлять собой не просто количественную совокупность образовательных организаций, в первую очередь вузов, обеспечивающих подготовку кадров высокой квалификации. В такой системе должны произойти глубокие качественные преобразования на основе использования согласованных элементов национальных образовательных систем, наиболее успешных практик Болонского процесса (прежде всего по особенностям предоставления грантов обучающимся иностранцам и по организации академической мобильности студентов и преподавателей), адаптации наиболее успешных практик советской системы высшего образования. При формировании такого сложного социального организма в обязательном порядке должны учитываться национальные культурно-образовательные традиции, формы и методы решения образовательных задач, опыт решения партнёрами по ЕАЭС возникающих в науке и образовании проблем.

Российская Федерация должна и впредь предлагать новые повестки и проекты в целях формирования единого евразийского образовательного пространства, поскольку наличие общей научно-образовательной базы подготовки кадров высокой квалификации будет способствовать дальнейшим позитивным социально-экономическим преобразованиям в государствах – членах ЕАЭС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://www.eaeunion.org/files/history/2014/2014_2.pdf (дата обращения 17.05.2024).
2. Евразийская ассоциация университетов // Официальный сайт Евразийской ассоциации университетов. Об Ассоциации. URL: <http://www.eau-msu.ru/> (дата обращения 18.03.2024).
3. Минобрнауки России дал старт Саммиту Славянских университетов «Славянский горизонт 2023» // Официальный сайт Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/67105/> (дата обращения 14.05.2024).

4. 9 новых вузов вошли в состав «Евразийского сетевого университета» // Сайт Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/78277/> (дата обращения 14.03.2024).
5. Юн С.М. Образование как сфера сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». – 2017. – № 50. – С. 89–92.
6. Титаренко Л.Г. Место и роль интеграции систем высшего образования в международном сотрудничестве стран ЕАЭС // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2018. – №1-2. – С. 319–321.
7. Problems and prospects of convergence of higher education systems in countries of the Eurasian economic union / V.M. Zuev, S.V. Manakhov, N.N. Gagiev, O.G. Demenko // *Espacios*. – 2018. – Vol. 39. – № 29. URL: <https://www.revistaespacios.com/a18v39n29/a18v39n29p21.pdf> (дата обращения 24.05.2024).
8. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / Г.В. Осипов, Г.И. Осадчая, Э.М. Андреев и др. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – 374 с.
9. Атоян К.Л. Высшее образование в государствах-членах ЕАЭС: вопросы интеграции // Dialogue: politics, law, economics, Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States (IPA CIS). – 2018. – № 2 (9). – С. 65–71.
10. Хмиль И.В. Международно-правовые аспекты образовательной интеграции ЕАЭС // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 3 (34). – С. 101–107.
11. Осадчая Г.И., Юдина Т.Н. Высшее образование в Евразийском экономическом союзе: потенциал и проблемы сотрудничества // Вестник РУДН. Серия «Социология». – 2024. – № 1. – С. 140–154.
12. Чугрина М.А. Формирование единого образовательного пространства как фактор экономической интеграции стран ЕАЭС: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2019. – 31 с.
13. Фатыхова В.М. Научно-образовательный комплекс как фактор политической составляющей интеграционных процессов в ЕС и ЕАЭС: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2019. – 198 с.
14. Осадчая Г.И. Россия в контексте евразийской интеграции: социальное измерение // Вестник РУДН. Серия «Социология». – 2015. – № 4. – С. 57–70.
15. Зенков А.Р. Интеграционные процессы в российском образовании; евразийский контекст // Проблемы евразийской интеграции. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2023_02/9-Zenkov.pdf (дата обращения 27.04.2024).
16. Левченко К.И. Россия и евразийское образовательное пространство // Труды XIII Евразийского научного форума. Сборник статей. Часть III. – СПб.: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС», 2018. – С. 97–104.
17. Банслова В.Б., Хакаю В.В. РФ на рынке образовательных услуг стран ЕАЭС: проблемы и перспективы // Гипотеза/Hypothesis. – 2022. – № 4 (21). – С. 14–20.
18. Золкина Д.Г. Российское высшее образование как инструмент евразийской интеграции // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2022. – № 1. – С. 83–98. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-83-98.
19. Левченко А. Возможна ли евразийская интеграция в сфере образования? // Сайт РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhna-li-evraziyskaya-integratsiya-v-sfere-obrazovaniya/?ysclid=lguzbp7piw771160899> (дата обращения 17.04.2024).
20. Лебедева Т.В., Субботин А.А. Особенности миграции молодежи на евразийском пространстве // Философия хозяйства. – 2021. – № 6. – С. 243–265.
21. Лебедева Т.В. Учебная миграция в Российскую Федерацию: социальные аспекты: монография. – М.: Экон-Информ, 2021. – 199 с.
22. Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И., Васильева Е.Н. Образовательная миграция в контексте геополитических вызовов. – М.: Проспект, 2023. – 128 с.
23. Ростовская Т.К., Давлетшина Л.А. Образовательная миграция как инструмент приумножения рабочей силы // Интеграция образования. – 2024. – Т. 28. – № 3. – С. 347–365.
24. Сергеева Л.В. Положительные аспекты академической миграции из стран ЕАЭС в контексте миграционных тенденций // Электронная библиотека УрФУ. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/55742/1/8udf2_071.pdf?ysclid=lqdx4vhitu629168333 (дата обращения 20.12.2023).
25. Черникова А.А. Образовательная миграция из стран Евразийского Экономического Союза: социальные угрозы, перспективы, динамика // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2020. – № 2 (58). – С. 149–157.
26. Бурганова И. Н. Академическая мобильность в странах-участниках ЕАЭС // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». – 2020. – Т. 20. – Вып. 3. – С. 279–285. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-279-285>.

27. Кочербаева, А.А., Осадчая Г.И., Юдина Т.Н. Новые тренды миграции в Евразии в контексте интеграционных процессов (по материалам международной научной конференции) // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2023. – Т. 3. – № 3. – С. 241–252. DOI: 10.19181/demis.2023.3.2.16. EDN: DYWQPPQ.
28. Канунникова А.М. Интернационализация высшего образования России в современных условиях // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15. – № 2. URL: <https://esj.today/PDF/20ECVN223.pdf> (дата обращения 18.04.2024).
29. Перспективы формирования евразийского научно-образовательного пространства. Высшая школа экономики. Центр компетенций по взаимодействию с международными организациями. Круглый стол на платформе Webinar 11 апреля 2023 г. URL: <https://globalcentre.hse.ru/yasinconf2023se?ysclid=lu9y9d4ydo173548779> (дата обращения 18.05.2024).
30. Евразийский научный форум (ЕНФ) // Сайт Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС. URL: <https://www.miep.edu.ru/science/evraziyskiy-nauchnyy-forum-enf/> (дата обращения 14.07.2024).
31. Информационное письмо о проведении Шестнадцатого Евразийского научного форума // Сайт Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.miep.edu.ru%2Fscience%2Fevraziyskiy-nauchnyy-forum-enf%2Fenf-2024%2Finf_pismo_enf2024.docx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения 28.06.2024).
32. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза // Сайт ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/cd4/Brief_Statistics_Yearbook_2023.pdf?ysclid=luh4hlmxss927849336 (дата обращения 25.05.2024).
33. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия // Сайт ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Stat_Yearbook_2017.pdf?ysclid=m29jbb8n3q566970333 (дата обращения 17.05.2024).
34. Лебедева Т.В. Современные особенности образовательной миграции на евразийском пространстве // III Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы». Том 2. – Воронеж: Цифровая полиграфия, 2024. – С. 867–875.
35. О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.: решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375194/ (дата обращения 14.04.2024).
36. О плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.: распоряжение Совета Евразийской Экономической комиссии № 4 от 5 апреля 2021 г. г. Нур-Султан // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01429229/err_17052021_4 (дата обращения 15.04.2024).
37. Материалы Евразийского экономического форума. 26 мая 2022 года. г. Бишкек, Кыргызская Республика // Сайт ЕАЭС. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/1e5/Broshyura.-itog.pdf?ysclid=m2j52kj87c64578382> (дата обращения 14.05.2024).
38. Эксперты обсудили итоги председательства России в ЕАЭС в МИА «Россия сегодня» // Сайт РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/news/eksperty-obsudili-itogi-predsedelstva-rossii-v-eaes-v-mia-rossiya-segodnya/?sphrase_id=161585922&ysclid=m2d5vd96lb526036596 (дата обращения 18.05.2024).
39. Путин призвал ЕАЭС стремиться к общим учебным и профессиональным стандартам // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230525/putin-1874126227.html> (дата обращения 19.03.2024).
40. Фальков: новые реалии и качество образования обусловили отказ от Болонской системы // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14783747?ysclid=m2ek8799wc957258966> (дата обращения 11.05.2024).
41. Баблюмян С. Россия откажется от Болонской системы образования. Что выберет Армения? // Информационное агентство «Sputnik Армения». URL: <https://am.sputniknews.ru/20220612/rossiya-otkazhetsya-ot-bolonskoj-sistemy-obrazovaniya-cto-vyberet-armeniya-43256298.html> (дата обращения 21.04.2024).
42. Хан М. Болонская система образования в Казахстане // Gostudy. URL: <https://www.gostudy.cz/no-category/bolonskaya-sistema-obrazovaniya-v-kazahstane?ysclid=lx3mmsaax605051546> (дата обращения 18.05.2024).
43. QS World University Rankings 2025: Top Global Universities // Website QS TOP UNIVERSITIES. URL: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings?countries=am&ysclid=m2emlqcaw553516686> (дата обращения 08.06.2024).
44. О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования: указ Президента Российской Федерации № 343 от 12.05.2023 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://actual.pravo.gov.ru/content/content.html#pnun=0001202305120005> (дата обращения 14.04.2024).
45. ЕЭК изучила ситуацию с доступом к среднему образованию детей трудящихся в странах ЕАЭС // Сайт ЕЭК. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eeek-izuchila-situatsiyu-s-dostupom-k-srednemu-obrazovaniyu-detey-trudyashchikhsya-v-stranakh-eaes/> (дата обращения 09.06.2024).

Информация об авторе

Тамара Васильевна Лебедева, кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1; shonohova@rambler.ru

Поступила в редакцию: 24.07.2024

Поступила после рецензирования: 15.11.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. The Treaty on the Eurasian Economic Union. *Official website of the Eurasian Economic Union*. (In Russ.) Available at: http://www.eaeunion.org/files/history/2014/2014_2.pdf (accessed 17 June 2024).
2. Eurasian Association of Universities. *Official website of the Eurasian Association of Universities. About the Association*. (In Russ.) Available at: <http://www.eau-msu.ru/> (accessed 18 March 2024).
3. The Ministry of Education and Science of Russia launched the Summit of Slavic Universities “Slavic Horizon 2023”. *Official website of the Ministry of Education and Science of Russia*. (In Russ.) Available at: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/67105/> (accessed 14 May 2024).
4. 9 new universities became part of the “Eurasian Network University”. *Website of the Ministry of Education and Science of Russia*. (In Russ.) Available at: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/78277/> (accessed 14 March 2024).
5. Yun S.M. Education as an area of cooperation within the Eurasian Economic Union: problems and prospects. *Bulletin of Tomsk State University. Series “History”*, 2017, no. 50, pp. 89–92. (In Russ.)
6. Titarenko L.G. Place and role of integration of higher education systems in international cooperation of the EAEU countries. *Greater Eurasia: development, security, cooperation*, 2018, no. 1–2, pp. 319–321. (In Russ.)
7. Zuev V.M., Manakhov S.V., Gagiev N.N., Demenko O.G. Problems and prospects of convergence of higher education systems in countries of the Eurasian economic union. *Espacios*, 2018, vol. 39, no. 29. Available at: <https://www.revistaespacios.com/a18v39n29/a18v39n29p21.pdf> (accessed 24 May 2024).
8. Osipov G.V., Osadchaya G.I., Andreev E.M. *Processes of Eurasian integration: socio-political dimension*. Moscow, BIBLIO-GLOBUS Publ., 2018. 374 p. (In Russ.)
9. Atoyan K.L. Higher education in the EAEU member states: integration issues. *Dialogue: politics, law, economics, Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States (IPA CIS)*, 2018, no. 2 (9), pp. 65–71. (In Russ.)
10. Khmil I.V. International legal aspects of educational integration of the EAEU. *Law and order: history, theory, practice*, 2022, no. 3 (34), pp. 101–107. (In Russ.)
11. Osadchaya G.I., Yudina T.N. Higher education in the Eurasian Economic Union: potential and problems of cooperation. *Bulletin of RUDN. Series “Sociology”*, 2024, no. 1, pp. 140–154. (In Russ.)
12. Chugrina M.A. *Formation of a single educational space as a factor in the economic integration of the EAEU countries*. Cand. Diss. Abstract. Moscow, 2019. 31 p. (In Russ.)
13. Fatykhova V.M. *Scientific and educational complex as a factor in the political component of integration processes in the EU and the EAEU*. Cand. Diss. Moscow, 2019. 198 p. (In Russ.)
14. Osadchaya G.I. Russia in the context of Eurasian integration: social dimension. *Bulletin of RUDN. Series “Sociology”*, 2015, no. 4, pp. 57–70. (In Russ.)
15. Zenkov A.R. Integration Processes in Russian Education; Eurasian Context. *Problems of Eurasian Integration*. (In Russ.) Available at: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2023_02/9-Zenzov.pdf (accessed 27 April 2024).
16. Levchenko K.I. Russia and the Eurasian educational space. *Proceedings of the XIII Eurasian Scientific Forum. Collection of articles. Part III*. St. Petersburg, Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education “University under the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community” Publ., 2018. pp. 97–104. (In Russ.)
17. Banslova V.B., Khakayu V.V. The Russian Federation in the educational services market of the EAEU countries: problems and prospects. *Hypothesis*, 2022, no. 4 (21), pp. 14–20. (In Russ.)
18. Zolkina D.G. Russian higher education as an instrument of Eurasian integration. *Bulletin of the RSUH. Series “Political Science. History. International Relations”*, 2022, no. 1, pp. 83–98. (In Russ.) DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-83-98.

19. Levchenko A. Is Eurasian integration possible in the sphere of education? *RIAC Website*. (In Russ.) Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhna-li-evraziyskaya-integratsiya-v-sfere-obrazovaniya/?ysclid=lguzbp7piw771160899> (accessed 17 April 2024).
20. Lebedeva T.V., Subbotin A.A. Features of youth migration in the Eurasian space. *Philosophy of Economy*, 2021, no. 6, pp. 243–265. (In Russ.)
21. Lebedeva T.V. *Educational migration to the Russian Federation: social aspects*: monograph. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2021. 199 p. (In Russ.)
22. Rostovskaya T.K., Skorobogatova V.I., Vasilyeva E.N. *Educational migration in the context of geopolitical challenges*. Moscow, Prospect Publ., 2023. 128 p. (In Russ.)
23. Rostovskaya T.K., Davletshina L.A. Educational migration as a tool for increasing the labor force. *Integration of education*, 2024, vol. 28, no. 3, pp. 347–365. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.116.028.202403.347-365>.
24. Sergeeva L.V. Positive aspects of academic migration from the EAEU countries in the context of migration trends. *Electronic library of UrFU*. (In Russ.) Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/55742/1/8udf2_071.pdf?ysclid=lqdx4vhitu629168333 (accessed 20 December 2023).
25. Chernikova A.A. Educational migration from the countries of the Eurasian Economic Union: social threats, prospects, dynamics. *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series "Social Sciences"*, 2020, no. 2 (58), pp. 149–157. (In Russ.)
26. Burganova I.N. Academic mobility in the EAEU member countries. *Izvestiya Saratov University. Series "Sociology. Political Science"*, 2020, vol. 20, Iss. 3, pp. 279–285. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-279-285>.
27. Kocherbaeva A. A. New migration trends in Eurasia in the context of integration processes (based on the materials of the international scientific conference). *DEMIS. Demographic studies*, 2023, vol. 3, no. 3, pp. 241–252. (In Russ.) DOI: 10.19181/demis.2023.3.2.16. EDN: DYWQPQ.
28. Kanunnikova A. M. Internationalization of higher education in Russia in modern conditions. *Bulletin of Eurasian Science*, 2023, vol. 15, no. 2. (In Russ.) Available at: <https://esj.today/PDF/20ECVN223.pdf> (accessed 18 April 2024).
29. Prospects for the formation of the Eurasian scientific and educational space. *Higher School of Economics. Competence Center for Interaction with International Organizations. Round table on the Webinar platform on April 11, 2023*. (In Russ.) Available at: <https://globalcentre.hse.ru/yasinconf2023se?ysclid=lu9y9d4ydo173548779> (accessed 18 May 2024).
30. Eurasian Scientific Forum (ESF). *Website of the University under the Interparliamentary Assembly of the EurAsEC*. (In Russ.) Available at: <https://www.miep.edu.ru/science/evraziyskiy-nauchnyy-forum-enf/> (accessed 14 July 2024).
31. Information letter on holding the Sixteenth Eurasian Scientific Forum. *Website of the University under the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community*. (In Russ.) Available at: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.miep.edu.ru%2Fscience%2Fevraziyskiy-nauchnyy-forum-enf%2Fenf-2024%2Finf_pismo_enf2024.docx&wdOrigin=BROWSELINK (accessed 28 June 2024).
32. Statistical yearbook of the Eurasian Economic Union. Eurasian Economic Commission. *Website of the EEC*. (In Russ.) Available at: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/cd4/Brief_Statistics_Yearbook_2023.pdf?ysclid=luh4hlmxss927849336 (accessed 25 May 2024).
33. Statistical yearbook of the Eurasian Economic Union; Eurasian Economic Commission. *Website of the EEC*. (In Russ.) Available at: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Stat_Yearbook_2017.pdf?ysclid=m29jbb8n3q566970333 (accessed 17 May 2024).
34. Lebedeva T.V. Modern features of educational migration in the Eurasian Space. *III International Demographic Forum. Demography and Global Challenges*. Vol. 2. Voronezh, Digital Printing Publ. House, 2024. pp. 867–875. (In Russ.)
35. *On strategic directions for the development of Eurasian economic integration until 2025*. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of December 11, 2020. SPS "ConsultantPlus". (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375194/ (accessed 14 April 2024).
36. On the action plan for the implementation of the Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025. Order of the Council of the Eurasian Economic Commission dated April 5, 2021 No. 4, Nur-Sultan. *Official website of the Eurasian Economic Union*. (In Russ.) Available at: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01429229/err_17052021_4 (accessed 15 April 2024).
37. Materials of the Eurasian Economic Forum. May 26, 2022. Bishkek, Kyrgyz Republic. *EAEU website*. (In Russ.) Available at: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/1e5/Broschyura.-itog.pdf?ysclid=m2j52kj87c64578382> (accessed 14 May 2024).
38. Experts discussed the results of Russia's chairmanship of the EAEU in the MIA "Russia Today". *RIAC Website. News*. December 25, 2023. (In Russ.) Available at: <https://russiancouncil.ru/news/eksperty-obsudili-itogi->

- predsedatelstva-rossii-v-eaes-v-mia-rossiya-segodnya/?sphrase_id=161585922&ysclid=m2d5vd96lb526036596 (accessed 18 May 2024).
39. Putin called on the EAEU to strive for common educational and professional standards. *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/20230525/putin-1874126227.html> (accessed 19 March 2024).
40. Falkov: new realities and quality of education led to the rejection of the Bologna system. *TASS Information Agency*. (In Russ.) Available at: <https://tass.ru/obschestvo/14783747?ysclid=m2ek8799wc957258966> (accessed 11 May 2024).
41. Bablunyan S. Russia to abandon Bologna education system. What will Armenia choose? *Sputnik Armenia News Agency*. (In Russ.) Available at: <https://am.sputniknews.ru/20220612/rossiya-otkazhetsya-ot-bolonskoy-sistemy-obrazovaniya-chto-vyberet-armeniya-43256298.html> (accessed 21 April 2024).
42. Khan M. Bologna education system in Kazakhstan. *Gostudy*. (In Russ.) Available at: <https://www.gostudy.cz/no-category/bolonskaya-sistema-obrazovaniya-v-kazahstane?ysclid=lx3mmsaax605051546> (accessed 18 May 2024).
43. QS World University Rankings 2025: Top Global Universities. *Website QS TOP UNIVERSITIES*. Available at: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings?countries=am&ysclid=m2emlqcaw553516686> (accessed 8 June 2024).
44. Decree of the President of the Russian Federation of 12.05.2023 No. 343 "On some issues of improving the higher education system". *Official Internet portal of legal information*. Available at: <http://actual.pravo.gov.ru/content/content.html#pnum=0001202305120005> (accessed 14 April 2024).
45. The EEC studied the situation with access to secondary education for children of workers in the EAEU countries. *EEC website*. Available at: <https://eec.eaeunion.org/news/eeek-izuchila-situatsiyu-s-dostupom-k-srednemu-obrazovaniyu-detey-trudyashchikhsya-v-stranakh-eaes/> (accessed 9 June 2024).

Information about the author

Tamara V. Lebedeva, Cand. Sc., Associate Professor, Researcher, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory street, Moscow, 119991, Russian Federation; shonohova@rambler.ru

Received: 24.07.2024

Revised: 15.11.2024

Accepted: 30.12.2024

УДК 005.35:622.012(211-17)
DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1826
Шифр специальности ВАК: 5.2.7

Социальные ценности в ESG-трансформации добывающих компаний в Арктике и на Северных территориях

В.В. Степанова[✉], И.А. Сивоброва, У.Е. Якушева

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

[✉]v.stepanova@narfu.ru

Аннотация. В последнее время увеличивается объем социальных трансформаций различных типов, среди которых и кризисные явления, вызванные COVID-19, и продолжающаяся социальная напряженность в связи с ростом разрыва в доходах, и изменение традиционных ценностей под влиянием тотальной цифровизации всех сфер жизни. В статье представлены результаты исследования места и роли добывающих компаний, их политики ESG-трансформации, формирования социальных ценностей и обусловленных этой политикой социальных расходов в системе социальной рискозащищенности северных регионов. Авторами проанализированы теоретические подходы к пониманию процессов разработки стратегий защиты от социальных рисков, при этом акцент сделан на уровне отдельных компаний, а также на состоянии и характеристике социальных проблем у сообществ на территории в целом. Показано, что в структуре территориальных систем рискозащищенности позиция и участие компаний, локализованных на данных территориях, играют определенную роль. В свою очередь, значение социальных ценностей компаний в системе рискозащищенности зависит от периода, в котором в данный момент находится трансформация понимания ее необходимости и возможности для самих фирм. Вопрос места социально ответственных предприятий проанализирован и показан на примере ряда наиболее репрезентативных компаний («Карельский окатыш» – дочерняя компания ПАО «Северсталь», Акционерная компания «АЛРОСА» (публичное акционерное общество) (далее – АК «АЛРОСА») и ее дочерняя компания – «Севералмаз», «Лукойл-Коми»). При рассмотрении уровня участия компаний в социальных мероприятиях и доли их социальных затрат в обеспечении рискозащищенности показана необходимость учета особенностей Севера при выборе направлений и составляющих компонентов социальной ответственности. Так, например, отмечено, что более значительна и постоянна эта доля по направлению «Уровень заботы о коренных малочисленных народах Севера». В то же время выявлена дискуссионная проблема социальной активности компаний, которая состоит в том, что подобные действия компаний и уровень их социальных расходов имеют синусоидный характер, который определяется периодами ESG-трансформации и необходимостью переосмысления сдвига в системе рискозащищенности от органов государственного управления к компаниям, работающим на северных территориях. Сделан вывод о том, что социальная роль добывающих компаний в настоящее время находится на стадии возможной или желательной и не стала еще абсолютно необходимой. Кроме того, в процессах ее легитимизации какие-либо ее направления могут даже стать нежелательными. Для усиления роли социальных ценностей необходимо достижение компромисса между интересами всех сторон (государства, компаний и населения), который позволил бы распределить ответственность так, чтобы ответы на возможные вызовы и риски становились более успешными.

Ключевые слова: социальные ценности, ESG-трансформация, социальная рискозащищенность, социальные расходы, северные территории, добывающие компании

Для цитирования: Степанова В.В., Сивоброва И.А., Якушева У.Е. Социальные ценности в ESG-трансформации добывающих компаний в Арктике и на Северных территориях // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 50–62. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1826

UDC 005.35:622.012(211-17)
DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1826

Social values in ESG-transformation of mining companies in the Arctic and Northern territories

V.V. Stepanova✉, I.A. Sivobrova, U.E. Yakusheva

Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation

✉v.stepanova@narfu.ru

Abstract. Recently, the social transformations have occurred more frequently due to changes in the world such as the crisis caused by COVID-19, and ongoing social tensions caused by income gap, and changes in traditional values under the influence of digitalization of all spheres of life. The article covers issues of place and role of mining companies, ESG-transformation, the social values creation and the social expenditures in the system of social risk protection of the Northern regions of Russia. Theoretical approaches were analyzed to understand the process of design social risk protecting strategies with the focus not only on the micro-level of firms or companies, but on the meso-level of a region and description of social issues which have arisen in a region. Literature review shows that companies operated play a significant role in the risk protection systems of the territory where they operate. In turn, the place of social values in the system of risk protection is determined by the stage of transformation period. The analysis of corporate social activities is made on companies contributed the most to the economic development of the Northern region such as «Karelsky Okatysh» (the subsidiary of Public Joint Stock Company (PJSC) «Severstal»), Public Joint Stock Company «ALROSA» (hereinafter PJSC «ALROSA») and its subsidiary company «Severalmaz», Limited liability company «LUKOIL-Komi» (hereinafter LLC «LUKOIL-Komi»). The methodological frame is based on garnering corporate activities and calculation share of corporate expenditures in risk protection systems. It was found that the features of the Northern regions should be taken into account when company chooses the directions of social policy and plans the budget for social programs. For example, it is noted that expenses on support of the Indigenous people of the North are more significant and constant than other categories. At the same time, the following controversial issue of the social activity of companies was identified: corporate activities and social expenses have a sinusoidal waveform which is determined by the stage of ESG-transformation and by the main actor in the risk protection system such as governments or companies operated in the Northern regions. The research result shows that social role of extractive companies is currently on “possible” or “desirable” stages and has not yet become absolutely “necessary”. Moreover, any of social activities can be “undesirable” after its legitimization. A balance of interests must occur between the state, companies and the communities to strengthen the role of social values and distribute the responsibility for risks.

Keywords: social values, ESG transformation, Social Risk Management, social expenses, the Northern regions, mining companies

For citation: Stepanova V.V., Sivobrova I.A., Yakusheva U.E. Social values in ESG-transformation of mining companies in the Arctic and Northern territories. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 50–62. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1826

Введение

В экономическом развитии стран 2020-е гг. становятся периодом смещения акцентов и территорий на социальную сферу, поиск и формирование позитивных социальных ценностей, их реализацию на уровне государства, компаний и корпораций, а также территориальных гражданских сообществ. Цель данного исследования – оценка создаваемых компаниями для региона социальных ценностей в результате их ESG-трансформации. Задачи: дополнение теоретических основ в отношении структурных элементов ESG-трансформации через отра-

жение места рискозащищенности и корпоративной социальной ответственности; анализ существующих теоретических подходов в отношении понятия «рискозащищенность» и ее взаимосвязи с корпоративной социальной ответственностью; сбор данных о социальных активностях добывающих компаний; оценка вклада компаний в социально-экономическое региональное развитие. Объектом исследования являются регионы, входящие в Арктическую зону Российской Федерации согласно Указу Президента РФ и Федеральному закону «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» [1, 2]. К таким регионам относятся Мурманская область, Архангельская область, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Ненецкий автономный округ, Ямало-ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ.

Среди выделенных регионов некоторые имеют схожий паттерн развития, поэтому для детального изучения были выбраны Республика Карелия, Республика Саха (Якутия), Архангельская область и Ненецкий автономный округ как наиболее яркие представители субъектов Российской Федерации.

Теоретический обзор

ESG-трансформация включает в себе экологические, социальные и управленческие изменения, позволяющие достичь целей устойчивого развития. При этом особый акцент делается на политику в отношении рисков, чтобы любая система имела возможность оперативно реагировать на изменения, быть к ним готовой, то есть обладала свойством «рискозащищенность».

Несмотря на наличие серьезных исследований вопросов риска и управления им, однозначной научной трактовки термин «рискозащищенность» на данный момент не имеет. Чаще всего риск рассматривался с позиций управления фирмой в теории игр и экономического поведения (Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна [3]), в концепции уклонения от рисков (М. Фридмана и Г. Марковица [4, 5]), в оценке «состояний предпочтения» (К. Эрроу [6]). Наиболее изученными являются предпринимательские и финансовые риски, при этом подлежат дальнейшему изучению вопросы социального риска и эффективного социального риск-менеджмента в контексте определения параметров социального развития и программирования.

На данном этапе исследований дефиниция «рискозащищенность» появляется в контексте выделения параметров устойчивости или стабильности системы. И под системой понимают, как правило, либо отдельное предприятие (например, Н.З. Хаймурзина, Е.В. Сардак [7, 8]), либо совокупность субъектов бизнеса конкретной отрасли (И.Н. Турчаева [9]). Кроме того, специализированные аналитические агентства, такие как PwC, публикуют универсальные кейсы реагирования на риски в целях обеспечения устойчивости организации [10]. Такая позиция определяет рискозащищенность как свойство системы обеспечивать собственную целостность посредством мобилизации стратегического потенциала в случае воздействия различных факторов внешней среды. Применительно к социально-экономической системе рискозащищенность является индикатором жизнеспособности системы и рассматривается в двух аспектах:

- управление антикризисной устойчивостью, примером которой являются банковские стресс-тесты и риск-менеджмент в бизнесе;
- обеспечение социальной стабильности как выполнение социальной функции государства.

В целях формирования подходов к социально-экономическому развитию территории следует определить понятие ее социальной рискозащищенности, включающей систему факторов и элементов, способных выполнять функции регуляторной эффективности и обеспечить социальную стабильность в случае проявления внешних угроз и внутренних рисков.

Повышение социальной рискозащищенности территории означает снижение социальной напряженности, формирование таких инструментов, которые способны не только смягчить или нейтрализовать текущие угрозы, но также предотвратить возможные последствия в перспективе. Чтобы система была эффективной, ее надо правильно построить, для чего необходимы критерии систематизации.

Два основных критерия – объект и субъект системы социальной рискозащищенности.

Объекты системы характеризуют получателей или пользователей, реципиентов или защищаемых лиц в зависимости от применяемых инструментов. В качестве объектов могут выступать:

- отдельные граждане;
- группы;
- сообщества;
- территории.

Субъекты системы определяют круг тех, кто обеспечивает разработку и применение соответствующих инструментов, и включают:

- государство (система социального страхования);
- бизнес (социальная ответственность);
- самого человека (самообеспечение).

Инструменты системы социальной рискозащищенности классифицируются по следующим критериям:

1. По масштабу покрытия:
 - общие;
 - адресные.
2. По необходимости применения:
 - обязательные;
 - добровольные.
3. По месту в системе:
 - инструменты трансформации;
 - инструменты финансирования.

Часть применяемых инструментов и используемых механизмов пересекается внутри системы социальной рискозащищенности, поэтому возникает необходимость не только классифицировать их, но и установить внутренние взаимосвязи, определенным образом картографируя систему.

Качественный и количественный анализ системы социальной рискозащищенности сопряжен с нахождением двух ее детерминант:

- социального потенциала как позитивной характеристики, определяющей перспективные возможности повышения социальной активности населения и получения социально значимых результатов в социально-экономическом развитии территории;
- социального риска как негативной характеристики, определяющей угрозы важным параметрам качества жизни.

Особое значение среди региональных акторов имеют институты, позволяющие на основе соблюдения баланса интересов поддерживать приемлемый уровень рискозащищенности в регионе. К одним из таких институтов относится корпоративная социальная ответственность (КСО), под которой понимается деятельность компании, направленная на улучшение благосостояния территории, сохранение баланса экосистемы, повышение качества жизни на определенной территории [11].

Среди основоположников корпоративной социальной ответственности выделяют Г. Боуэна, который говорил о необходимости установления соответствия между поведением бизнеса и общественными ценностями, что подразумевает включение решения социальных вопросов

в обязанности компании. Социальная ответственность рассматривалась как составляющая этики бизнеса [12]. В. Фредерик в своей статье «Возрастающее внимание к ответственности бизнеса» предположил, что «экономические средства производства должны использоваться таким образом, при котором происходит увеличение всеобщего социально-экономического блага» [13, с. 60]. Ресурсы необходимо потреблять для достижения целей социального характера, а не в частном интересе компаний и лиц. Противоположное мнение выразил М. Фридман в одной из первых своих работ «Социальная Ответственность бизнеса – это повышение прибыли». М. Фридман раскритиковал позицию, что бизнес должен решать социальные вопросы. Единственное, о чём должна заботиться компания, – это увеличение прибыли. По мнению автора, высокие финансовые показатели свидетельствуют о соблюдении фирмой закона и этики. Единственной ответственностью компании перед работниками и акционерами является поддержание высокой прибыли. Реализация социальной политики отразится на выполняемых менеджером обязанностях в соответствии с принципом «принципал-агент». Социализм трактовался М. Фридманом как «зло», а практикующие социальную политику компании рассматривались как «невольные марионетки». Но всё же автор согласился, что некоторые социальные действия компаний могут положительно повлиять на бизнес, то есть, например, «инвестирование местных школ позволит упростить процесс поиска квалифицированных работников» [4, с. 1].

ESG-трансформация имеет много общего с институтом КСО, который возник в начале XX в. как идея об ответственности за принятые решения, и может быть трактована как его эволюционная ступень в контексте участия корпораций в достижении целей устойчивого развития. Роль компаний в достижении целей определяется главенствующей. При этом при реализации ESG-принципов корпорации делают больший акцент на проведение экологических мероприятий, направленных преимущественно на вопросы выбросов и обращения отходов. В последнее время набирают популярность проекты в отношении восстановления окружающей среды и биоразнообразия, но остаются пока что не затронутыми активности в отношении климатических изменений.

В развитии ESG-трансформации важным является то, на какие процессы и явления она оказывает наибольшее воздействие. Ряд исследователей показывают данные взаимосвязи. Так, М.Н. Шатова и Г.А. Барышева проанализировали влияние ESG на экономический рост [14], а Г.Ф. Каячев и Д.А. Локтионов подчеркнули положительную связь между ESG и стоимостью публичных компаний [15]. Интересной представляется взаимосвязь ESG-трансформации и цифровой трансформации, обозначенная в результате исследования групп «Технологии Доверия» и СКОЛКОВО. По данным их отчета, 72 % компаний находятся на начальном или среднем этапе ESG-трансформация. И лишь 14 % – на продвинутом. При этом исследование показало, что при использовании цифровизации в ESG-трансформации такое направление, как работа с местным сообществом, занимает только 6 % среди других процессов [16].

Таким образом, вопрос создаваемых компанией для региона социальных ценностей в результате ESG-трансформации, выступающей в качестве элемента рискозащищенности, в трудах исследователей остается практически нераскрытым.

Методологический инструментарий

Среди методов определения места создаваемых компаниями социальных ценностей используется два подхода: 1) комплексная оценка региона, когда фокус смещен на его рассмотрении как целостной системы; 2) оценка отдельно взятых компаний как составных элементов системы региональной системы. Среди группы первых методов в отношении ESG-трансформации наибольший интерес представляет ESG-рэнкинг Национального рейтингового агентства (НРА).

ESG-рэнкинг (НРА) охватывает 85 субъектов РФ и основывается на 45 показателях. Ограничением данного рэнкинга является доступность данных Росстата и иных ведомств, что сужает круг используемых показателей. Ряд показателей взят в абсолютных значениях и не скорректированы, например, на площадь территории или численность проживающего населения. Так, показатель «Валовые выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух» не может быть сопоставим для Красноярского края и Республики Карелия в силу различного количества на единицу площади заводов. То же касается ряда показателей социальной направленности: «Численность населения в трудоспособном возрасте» может иметь высокое значение в абсолютном показателе, но доля данной категории населения в общей численности может быть достаточно низкой, что уже отрицательно характеризует развитие территории. Более того, в рэнкинге слабо отражена роль предприятий как ведущих катализаторов ESG-трансформации [17].

По мнению авторов, используемые для оценки показатели должны быть относительными и универсально применимыми для различных по площади и численности территорий, а также в полной мере должны отражать принципы и подходы к ESG-трансформации.

Среди наиболее популярных методик второй группы следует выделить ESG-рейтинг Рейтингового агентства RAEX (РАЭК-Аналитика), оценивающий преимущественно управление рисками, а не вклад компании в развитие территории. Оценочные элементы методики обозначены в элементе «эффективность», раскрывающем динамику абсолютных и относительных показателей на основе среднегодового темпа прироста, при этом сами показатели не отражены в методике. Рейтинг учитывает только положительные действия со стороны компании, при этом не учитывается деятельность в отношении их отрицательного влияния. Сложившаяся ситуация обуславливает тот факт, что ресурсоориентированные компании преимущественно имеют высокие значения, а розничный бизнес, производящий меньший ущерб экологии, занимает средние и низшие позиции [18].

В качестве метода исследования применялся кейс-метод. По отобранным регионам на основе Государственного реестра участков недр, предоставленных в пользование, и лицензий на пользование недрами были выбраны базовые компании для дальнейшего изучения опыта корпоративной социальной ответственности [19]. В рамках КСО были отобраны те мероприятия, которые способствуют улучшению качества жизни населения на территории оперирования региона. К таким видам деятельности относятся спонсорство на организацию социальных мероприятий в регионе или участие в их проведении; строительство или реконструкция объектов социальной инфраструктуры; финансирование научно-исследовательской деятельности; использование новых технологий, ведущих к уменьшению негативного влияния компании на окружающую среду; помощь сотрудникам или местным жителям, которая не является законодательно установленной обязанностью компании (покупка или съем жилья, помощь в личном развитии).

Источником информации послужили вторичные данные: Отчеты об устойчивом или социальном развитии компаний, официальные публикации на сайтах компаний за 2020–2021 гг.

Для оценки роли и размера вклада компании применялся показатель «доля вклада компании в развитие региона по отношению к тем же затратам бюджета в том же направлении» (табл. 1).

Среди основных ограничений исследования можно выделить неполный объем собранной информации в силу отсутствия данных в свободном доступе, а также влияние субъективной интерпретации полученных данных, субъективное мнение авторов на отбор действий компаний в рамках корпоративной социальной ответственности и ограничение числа объектов исследования.

Таблица 1. Расчет показателей размера вклада компании
Table 1. Method for calculating company contribution indicators

Наименование показателя Name of the indicator	Способ расчета Method of calculation
Уровень участия в культурной жизни Level of participation in cultural life	Доля затрат компаний на мероприятия, относящиеся к категории «культура», к расходам бюджета по статье «культура, кинематография» Share of companies expenses on events related to the category "culture" to budget expenditures under the item "culture, cinematography"
Уровень поддержки массовых мероприятий Level of support for mass events	Доля затрат компаний на мероприятия, относящиеся к категории «массовые общественные мероприятия», к расходам бюджета по статье «культура, кинематография» Share of company expenses on events related to the category "mass public events" to budget expenses under the item "culture, cinematography"
Уровень поддержки туризма Level of support for tourism	Доля затрат компаний на мероприятия, относящиеся к категории «туризм», к расходам бюджета по статье «национальная экономика» Share of companies expenses on events related to the category "tourism" to budget expenditures under the item "national economy"
Уровень вклада в науку Level of contribution to science	Доля затрат компаний на мероприятия, относящиеся к категории «наука», к расходам бюджета по статье «образование», включающим расходы на науку Share of companies expenses on events related to the category "science" to budget expenditures under the item "education", including expenses on science
Уровень участия в развитии образования Level of participation in educational development	Доля затрат компаний на мероприятия, относящиеся к категории «образование», к расходам бюджета по статье «образование» Share of companies expenses on activities related to the category "education" to budget expenditures under the item "education"
Уровень поддержки спорта Level of support for sports	Доля затрат компаний на мероприятия, относящиеся к категории «спорт», к расходам бюджета по статье «физическая культура и спорт» Share of companies expenses on events related to the category "sports" to budget expenditures under the item "physical culture and sports"
Уровень поддержки здравоохранения Level of healthcare support	Доля затрат компаний на мероприятия, относящиеся к категории «здравоохранение», к расходам бюджета по статье «здравоохранение» Share of companies expenses on activities related to the category "healthcare" to budget expenditures under the item "healthcare"
Уровень экологичности Environmental friendliness level	Доля затрат компаний на мероприятия, относящиеся к категории «экология», к расходам бюджета по статье «охрана окружающей среды» Share of companies expenses on activities related to the category "ecology" to budget expenditures under the item "environmental protection"
Уровень заботы о коренных малочисленных народах Севера (КМНС) Level of care for the indigenous peoples of the North (IPN)	Доля затрат компаний на мероприятия, относящиеся к категории «КМНС», к расходам бюджета по статье «социальная политика» Share of companies expenses on events related to the category "Indigenous Minorities of the North" to budget expenditures under the item "social policy"
Степень корпоративного гражданства Degree of corporate citizenship	Доля затрат компаний на мероприятия, относящиеся к категории «социальная поддержка граждан», к расходам бюджета по статье «социальная политика» Share of companies expenses on activities related to the category "social support for citizens" to budget expenditures under the item "social policy"
Создатель инфраструктуры Infrastructure Builder	Доля затрат компаний на мероприятия, относящиеся к категории «городская инфраструктура», к расходам бюджета по статье «жилищно-коммунальное хозяйство» Share of companies expenses on activities related to the category "urban infrastructure" to budget expenditures under the item "housing and utilities"
Правовая ответственность Legal liability	Доля затрат компаний на мероприятия, относящиеся к категории «безопасность и социальная позиция», к расходам бюджета по статье «национальная безопасность и правоохранительная деятельность» Share of companies expenses on activities related to the category "security and social position" to budget expenditures under the item "national security and law enforcement"
Всего/Total	Доля затрат компаний на социальные мероприятия к расходам бюджета Share of companies expenses on social activities in budget expenditures

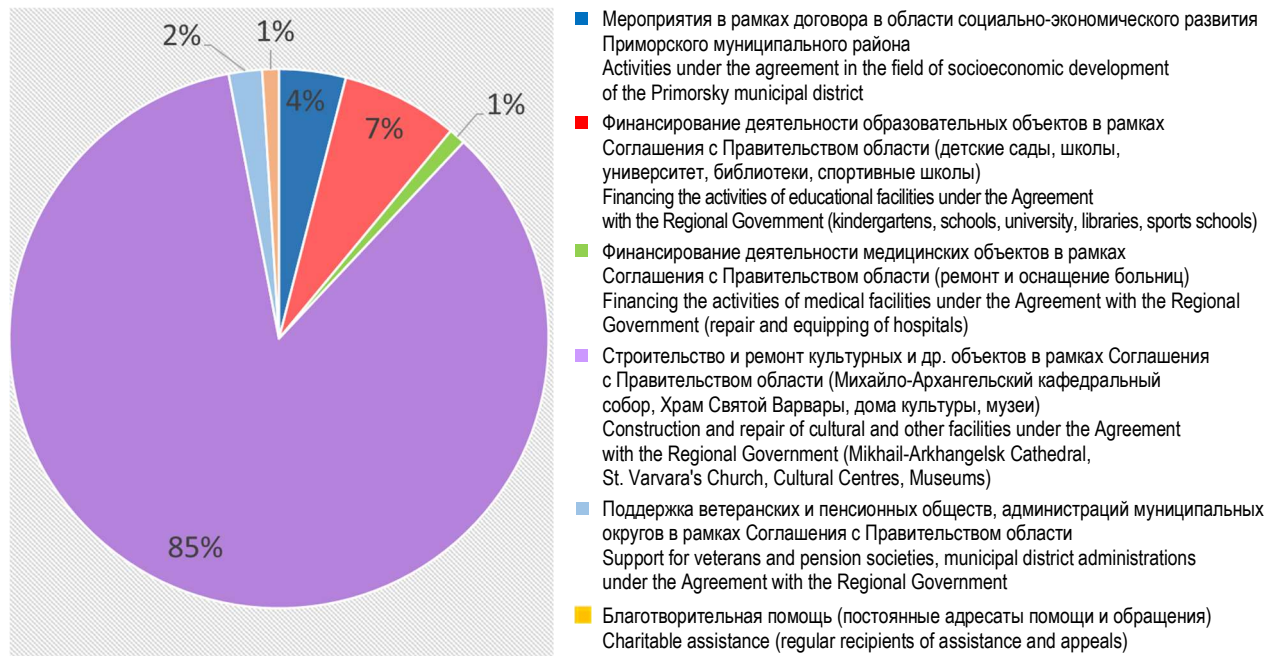
Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Результаты

На территории регионов, входящих в состав Арктической зоны РФ, осуществляют свою деятельность множество компаний, которые активно реализуют политику КСО. Так, в Республике Карелия к таким компаниям можно отнести АО «Карельский окатыш», занимающееся разработкой железной руды и являющееся дочерней компанией ПАО «Северсталь» [20]. Предприятие участвует в реализации Национального проекта «Демография» посредством финансирования Строительства крытого катка в Костомукше (Россия) [21]. Во время пандемии предприятие выделило 8 млн руб. для оснащения помещений межрайонной больницы № 1 г. Костомукша, где впоследствии принимали пациентов с COVID-19. Также была предоставлена помощь Костомукшскому политехническому колледжу на сумму 2,6 млн руб. и оказавшимся в трудной ситуации семьям в общем объеме 4 млн руб. Помимо этого, Правительство Республики и материнская компания «Северсталь» заключили соглашение о социально-экономическом партнерстве. В целом ежегодный вклад компании в социальное развитие составляет более 50 млн руб.

Другим примером является алмазодобывающая компания ПАО «АК АЛРОСА», оперирующая в Республике Якутия (Саха). За 10 лет деятельности компании социальные инвестиции составили около 104 млрд руб. Среди программ социальной поддержки можно выделить строительство домов в селе Бясь-Кюель Горного улуса и реализация экологического проекта «Плейстоценового парка», нацеленного на подтверждения гипотезы, что пастбища препятствуют глобальному потеплению в Арктике [22]. Помимо участия в социальных программах Республики Якутия (Саха), АЛРОСА вносит вклад в социальное развитие Архангельской области. На территории области действует дочерняя компания – ПАО «Севералмаз». За 2020 г. вклад ПАО «Севералмаз» в социально-экономическое развитие составляет 52,7 млн руб. (см. рисунок) [23].

Источник: [23].

Source: [23].

Рисунок. Распределение затрат по направлениям КСО ПАО «Севералмаз» на социальное развитие Архангельской области в 2020 г.

Figure. Distribution of costs by CSR directions of PJSC Severalmaz for social development of the Arkhangelsk region in 2020

В Ненецком автономном округе наиболее социально активной является Лукойл-Коми. Наиболее масштабное мероприятие компании – проект «Красный чум», направленный на исследование показателей здоровья коренных жителей и предоставляющий медицинскую помощь на регулярной основе. С 2003 г. компания регулярно спонсирует проведение гонок на снегоходах «Бурани-Дея», а с 2005 г. – через ежегодный конкурс для НКО спонсирует мероприятия местных активистов [24].

Обзор практик показал, что компании достаточно активно участвуют в решении региональных социальных проблем, что создает определенные риски для региональных органов власти. В ситуации изменения доходов компании вследствие влияния внешней среды, в том числе и геополитических рисков, помимо снижения пополнения местного бюджета будут снижены и расходы компаний на социальные программы, что снизит темпы решения региональных социальных проблем. Для количественной оценки влияния корпоративной социальной активности компаний на социально-экономическое развитие использовалось соотношение затрат компании по выбранному направлению к затратам в бюджете региона (табл. 2).

Таблица 2. Вклад ООО «Лукойл-Коми» в социальное развитие региона, %
Table 2. Contribution of Lukoil-Komi LLC to the social development of the region, %

Показатель Indicator	Период/Period						
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Уровень поддержки спорта/Level of support for sports	2,84	2,17	1,85	4,06	15,37	0,99	0,16
Уровень заботы о КМНС Level of care for indigenous peoples	2,12	0,72	1,07	1,12	0,97	0,95	0,87
Степень корпоративного гражданства Degree of corporate citizenship	0	1,83	0	0	0,13	0	0,00
Уровень поддержки массовых мероприятий Level of support for mass events	0,21	0,24	0,13	0,17	0,15	0,12	0,01
Уровень экологичности/Environmental friendliness level	0	0	0	0	0,42	0	0,42
Уровень поддержки здравоохранения Level of healthcare support	0,08	0,08	0,07	0,09	0,10	0,18	0,01
Создатель инфраструктуры Infrastructure Builder	0	0	0,01	0	0	0,19	0
Уровень участия в культурной жизни Level of participation in cultural life	0	0	0	0,03	0,04	0,02	0,03
Уровень участия в развитии образования Level of participation in educational development	0	0	0	0,03	0,03	0	0,00
Правовая ответственность/Legal liability	0	0	0	0,05	0	0	0
Уровень вклада в науку/Level of contribution to science	0,02	0,01	0	0	0,01	0,00	0
Уровень поддержки туризма Level of support for tourism	0	0	0	0	0,02	0	0
Итого/Total	0,17	0,21	0,34	0,19	0,16	0,38	0,17

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Из таблицы видно, что компания в наибольшей степени участвует в поддержании спорта и программах по взаимодействию с коренными малочисленными народами Севера.

Дискуссия

Анализ показал (табл. 1), что среди наиболее уязвимых сфер влияния в формировании региональной политики можно выделить спортивные мероприятия, проведение массовых праздников, поддержка здравоохранения и взаимодействие с коренными малочисленными

народами Севера. Именно с этими сферами связан риск невыполнения социальных обязательств государством в случае, если компании покинут регион или снизят объемы расходов на свою социальную активность. Данный аспект подтверждает вывод о высокой зависимости Арктических регионов от присутствия на их территории добывающих компаний. При этом в динамике не наблюдается стабильного роста участия компании в жизни региона, а наоборот, роль и доля социальных расходов компаний в решении проблем регионов и повышении степени их рискозащищенности имеют синусоидный характер. Это связано с тем, что в развитии корпоративной социальной ответственности происходят трансформации, которые проходят пять закономерных периодов: 1) КСО – недопустима; 2) социальные расходы – нежелательны; 3) социальные обязанности бизнеса – возможны; 4) КСО – желательна; 5) КСО – необходима. В одной из первых работ, посвященных социальным аспектам бизнеса, которую опубликовал Г. Боуэн, социальные обязанности предпринимателей рассматривались именно как возможные, но не обязательно необходимые. В настоящее же время социальная активность компаний становится необходимым атрибутом позитивного имиджа корпораций и непременным условием гражданской поддержки и коммуникаций с местным населением территорий. Такие изменения связаны с участием компании в социальной помощи незащищенных слоёв населения или с сохранением экологии. Дискуссионным остается вопрос о том, в каком периоде находится трансформация социальной ответственности: она необходима или все-таки только возможна или желательна? Кроме того, важно понимать, что нужна количественная мера, определенный критерий или индикатор, который бы позволил установить период этой трансформации и на этой основе точнее обозначить роль и место компаний в системе рискозащищенности территорий.

В дополнение теории Г. Боуэна [2] можно наблюдать эволюцию подходов и переход к другой стадии, когда в некоторых регионах социальная ответственность возможна (Архангельская область, Республика Коми), а в других – желательна (Ненецкий автономный округ, Республика Саха (Якутия)). Эволюционная стадия политики компании в отношении социальных расходов напрямую взаимосвязана с возможностью регионального бюджета решать социальные вопросы без привлечения корпорации или в совместном взаимодействии. В соответствии с теорией легитимности, противоречивые аспекты которой в отношении КСО рассмотрены Р. Стрэтлинг [25], следующим этапом институционализации КСО будет законодательное закрепление части существующих социальных практик компаний, что переведет незакрепленные социальные практики обратно в разряд недопустимых или нежелательных в силу ограниченности бюджета и возросших обязанностей. Таким образом, можно утверждать, что корпоративная социальная ответственность оперирующих в Арктической зоне РФ компаний за последние 50 лет прошла практически все стадии трансформации.

Заключение

В ходе проведенного исследования была протестирована гипотеза о трансформационной роли социально ответственных компаний в Арктической зоне РФ. Полученные теоретические результаты дополняют позиции Г. Боуэна и В. Фредерика, которые рассматривали первые эволюционные этапы социально ответственного бизнеса. Сейчас же уже можно определить пять периодов КСО и их синусоидный характер. Отмечено значение КСО компаний в формировании систем социальной рискозащищенности северных регионов России.

В анализе российской практики на северных территориях выявлено, что в текущее время расходы на корпоративную социальную ответственность находятся на стадии «возможны или желательны». Сложившаяся ситуация была предопределена историей становления региона, спецификой формирования расходной части регионального бюджета и географо-климатическими особенностями.

Практическая значимость работы состоит в том, что был обозначен точный период трансформации КСО компаний и количественно выявлены наиболее перспективных ее направлений: взаимодействие с КМНС, развитие здравоохранения и поддержка спорта как превентивная мера профилактики заболеваний. Полученные результаты могут стать частью корпоративной политики, а также точками сотрудничества между местными органами власти и компаниями. Трансформационная роль корпоративной социальной ответственности может стать важной составляющей механизма регулирования социальной рискозащищенности северных территорий России и повысить эффективность регулирующего воздействия на их социально-экономическое развитие.

В дальнейшем исследование будет направлено на получение статистической информации об участии иных добывающих компаний в жизни региона. Также изучение данной проблематики будет сосредоточено на влиянии нормативно-правового регулирования социальной роли компаний, что станет подтверждением высшей стадии трансформации – необходимости КСО и равной ответственности органов власти и бизнеса за социальную рискозащищенность территорий, а также на поиске количественных индикаторов, которые могли бы указывать на то, какие направления КСО наиболее перспективны и значимы для северных регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: федер. закон от 13 июля 2020 года № 193-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/ (дата обращения 12.04.2024).
2. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации (с изменениями и дополнениями от 27 июня 2017, 5 марта 2020): указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 года № 296. URL: <https://base.garant.ru/70647984/> (дата обращения 12.04.2024).
3. Neumann J., Morgenstern O. Theory of games and economic behavior. – Princeton, NJ, USA: Princeton University Press, 1944. – 776 p.
4. Friedman M. The social responsibility of business is to increase its profits // New York Times Magazine. – 1970. – September 13. – P. 17.
5. Markowitz H. Portfolio selection // The Journal of Finance. – 1952. – № 7 (1). – P. 77–91.
6. Arrow K.J. Collective choice and individual values. – New York, NY, USA: Wiley, 1963. – 152 p.
7. Хаймурзина Н.З. Рискозащищенность как фактор устойчивого развития // Моделирование и анализ безопасности и риска в сложных системах: труды Международной Научной Школы МАБР – 2009. – СПб.: ИПМаш РАН, 2009. – С. 223–227.
8. Сардак Е.В., Анциферова Е.А. Практические аспекты моделирования системы управления маркетинговой рискоустойчивостью торгового предприятия // Проблемы науки. – 2020. – № 2 (50). – С. 50–53.
9. Турчаева И.Н. Оценка рисков и критерии рискозащищенности субъектов агробизнеса // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 9. – С. 190–193. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11189.
10. Взгляд на риски. Доводим начатое до конца. – апрель, 2016. URL: <https://www.pwc.com/kz/en/services/assets/risk-review-2016-rus-new.pdf> (дата обращения 30.09.2021).
11. Yakusheva U. The development of corporate social responsibility // Management in the High North: young researchers' contribution. – 2015. – № 1. – P. 52–74.
12. Bowen H.R. Social responsibilities of the businessman. – New York: Harper & Row, 1953. – 294 p.
13. Frederick W.C. The growing concern over business responsibility // California Management Review. – 1960. – № 2. – P. 54–61.
14. Шатова М.Н., Барышева Г.А. Влияние показателей ESG на экономический рост // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2023. – № 2 (49). – С. 147–157. DOI: 10.18799/26584956/2023/2/1600.
15. Каячев Г.Ф., Локтионов Д.А. Как концепция «ценности» меняет взгляды на современный капитализм // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2022. – № 3 (46). – С. 1–18. DOI: 10.18799/26584956/2022/3(46)/1166.
16. Кабаева А., Дубовицкая Е. Цифровые решения для ESG-трансформации // EcoStandard.journal. URL: <https://journal.ecostandard.ru/esg/keysy/tsifrovye-resheniya-dlya-esg-transformatsii/> (дата обращения 29.11.2023).
17. Рэнкинг устойчивости развития и интеграции ESG-критериев в деятельность субъектов Российской Федерации // Национальное Рейтинговое Агентство. URL: <https://www.ra-national.ru/renkingi/rjenking-ustojchivosti-razvitija-i-integracii-esg-kriteriev-v-dejatelnost-subektov-rossijskoj-federacii/> (дата обращения 29.11.2023).

18. Методология присвоения ESG-рейтингов компаниям // РАЭК. URL: <https://raex-rr.com/> (дата обращения 29.11.2023).
19. Государственный реестр участков недр, предоставленных в пользование, и лицензий на пользование недрами. URL: <https://rfgf.ru/ReestrLic/> (дата обращения 30.03.2024).
20. Карельский окатыш. URL: <https://karelskyokatysh.severstal.com/> (дата обращения 30.09.2021).
21. Severstal. The report of Sustainable development. 2020. URL: https://www.severstal.com/files/63899/SR_Severstal_2020_RU.pdf (дата обращения 07.10.2022).
22. АЛРОСА стала партнером масштабного экологического проекта в Якутии. URL: <https://alrosa.ru/press-center/news/2021/alrosa-stala-partnerom-masshtabnogo-ekologicheskogo-proekta-v-yakutii/?ysclid=m341v44jq719851860> (дата обращения 01.10.2021).
23. Годовой отчет Севералмаз 2020. URL: <http://www.severalmaz.ru/download/?ID=6353> (дата обращения 07.10.2021).
24. ЛУКОЙЛ-КОМИ. URL: <https://komi.lukoil.ru/ru/> (дата обращения 30.09.2021).
25. Stratling R. The legitimacy of corporate social responsibility // *Corporate Ownership & Control*. – 2007. – № 4 (4). – P. 80–88. DOI: 10.22495/cocv4i4p6.

Информация об авторах

Вера Владимировна Степанова, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, 54, корп. 1; v.stepanova@narfu.ru

Ирина Анатольевна Сивоброва, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, 54, корп. 1; i.sivobrova@narfu.ru

Ульяна Евгеньевна Якушева, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, 54, корп. 1; ulich.zz@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0807-7796>

Поступила в редакцию: 20.08.2024

Поступила после рецензирования: 13.12.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. "On state support of entrepreneurial activities in the Arctic zone of the Russian Federation": adopted by the State Duma on July 7, 2020. Federal Law of July 13, 2020 No. 193-FL. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2020, no. 28, art. 4293. (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/ (accessed: 12 April 2024).
2. "On the land territories of the Arctic zone of the Russian Federation" (with amendments and additions dated June 27, 2017, March 5, 2020). Decree of the President of the Russian Federation dated May 2, 2014 No. 296. (In Russ.) Available at: <https://base.garant.ru/70647984/> (accessed 12 April 2024).
3. Neumann J., Morgenstern O. *Theory of games and economic behavior*. Princeton, NJ, USA, Princeton University Press, 1944. 776 p.
4. Friedman M. The social responsibility of business is to increase its profits. *New York Times Magazine*, 1970, September 13, p. 17.
5. Markowitz H. Portfolio selection. *The Journal of Finance*, 1952, no. 7 (1), pp. 77–91.
6. Arrow K.J. *Collective choice and individual values*. New York, NY, USA, Wiley, 1963. 152 p.
7. Khaimurzina N.Z. Risk protection as a factor of stable development. *Proceedings of the International Scientific School IAB – 2009 "Modeling and Analysis of Safety and Risk in Complex Systems"*. Saint Petersburg, IPMash RAS Publ., 2009. pp. 223–227. (In Russ.)
8. Sardak E.V., Antsiferova E.A. Practical aspects of modeling a marketing risk resistance management system for a trading enterprise. *Science Problems*, 2020, no. 2 (50), pp. 50–53. (In Russ.)
9. Turchaeva I.N. Risk assessment and risk protection criteria of agribusiness entities. *Journal of Economy and Business*, 2019, no. 9, pp. 190–193. (In Russ.) DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11189.
10. *Risks at a glance – getting started to the end*. April, 2016. (In Russ.) Available at: <https://www.pwc.com/kz/en/services/assets/risk-review-2016-rus-new.pdf> (accessed 30 September 2021).

11. Yakusheva U. The development of corporate social responsibility. (In Russ.) *Management in the High North: young researchers' contribution*. 2015, no. 1, pp. 52–74.
12. Bowen H.R. *Social responsibilities of the businessman*. New York, Harper & Row, 1953. 294 p.
13. Frederick W.C. The growing concern over business responsibility. *California Management Review*, 1960, no. 2, pp. 54–61.
14. Shatova M.N., Barysheva G.A. Impact of ESG indicators on economic growth. *Journal of Wellbeing technologies*, 2023, no. 2 (49), pp. 147–157. (In Russ.) DOI: 10.18799/26584956/2023/2/1600.
15. Kayachev G.F., Loktionov D.A. The way the conception of «value» changes the perception of modern capitalism. *Journal of Wellbeing technologies*, 2022, no. 3 (46), pp. 1– 8. (In Russ.) DOI: 10.18799/26584956/2022/3(46)/1166.
16. Kabaeva A., Dubovitskaya E. Digital solutions for ESG transformation. *EcoStandard.journal*, 2022. (In Russ.) Available at: <https://journal.ecostandard.ru/esg/keysy/tsifrovye-resheniya-dlya-esg-transformatsii/> (accessed 29 November 2023).
17. Ranking of sustainable development and integration of ESG criteria into the activities of constituent entities of the Russian Federation. *National Rating Agency*. (In Russ.) Available at: <https://www.ra-national.ru/renkingi/rjenking-ustojchivosti-razvitiya-i-integracii-esg-kriteriev-v-deyatelnost-subektov-rossijskoj-federacii/> (accessed 29 November 2023).
18. Methodology for assigning ESG ratings to companies. *RAEX*. (In Russ.) Available at: <https://raex-rr.com/> (accessed 29 November 2023).
19. *State Register of Subsurf Sites Provided for Use and Licenses for the Use of Subsurface*. (In Russ.) Available at: <https://rfgf.ru/ReestrLic/> (accessed 30 March 2024).
20. *Karelsky Okatysh*. (In Russ.) Available at: <https://karelskyokatysh.severstal.com/> (accessed 30 September 2021).
21. *Severstal. The report of Sustainable development*. 2020. Available at: https://www.severstal.com/files/63899/SR_Severstal_2020_RU.pdf (accessed 07 October 2022).
22. *ALROSA became a partner of a large-scale environmental project in Yakutia*. (In Russ.) Available at: <https://alrosa.ru/press-center/news/2021/alrosa-stala-partnerom-masshtabnogo-ekologicheskogo-proekta-v-yakutii/?ysclid=m341v44jq719851860> (accessed 1 October 2021).
23. *Severalmaz Annual Report 2020*. (In Russ.) Available at: <http://www.severalmaz.ru/download/?ID=6353> (accessed 07 October 2021).
24. *Limited liability company «LUKOIL-Komi»*. (In Russ.) Available at: <https://komi.lukoil.ru/ru/> (accessed 30 September 2021).
25. Stratling R. The legitimacy of corporate social responsibility. *Corporate Ownership & Control*, 2007, no. 4 (4), pp. 80–88. DOI: 10.22495/cocv4i4p6.

Information about the authors

Vera V. Stepanova, Dr. Sc., Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 54, bld. 1, Severnaya Dvina embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; v.stepanova@narfu.ru

Irina A. Sivobrova, Cand. Sc., Associate Professor, Head of the State and Municipal Management Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 54, bld. 1, Severnaya Dvina embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; i.sivobrova@narfu.ru

Uliana E. Yakusheva, Cand. Sc., Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 54, bld. 1, Severnaya Dvina embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; ylich.zz@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0807-7796>

Received: 20.08.2024

Revised: 13.12.2024

Accepted: 30.12.2024

УДК 316.74:001

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1932

Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Природа креативного класса когнитивного общества: концептуальный аспект

Г.В. Смолонский✉*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*

✉SGV-070@yandex.ru

Аннотация. Актуальность обращения к проблеме, связанной с природой креативного класса, обусловлена новым статусом знания в когнитивном обществе. Знание, являясь доминирующим ресурсом общества, формирует стержневой вектор социальной эволюции, определяет «осевое» (Д. Белл) направление развития и радикально трансформирует социальную структуру. По сути, знание выступает в роли классообразующего фактора. Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать, как новый статус знания в условиях когнитивного общества трансформирует социальную структуру общества и формирует новые конструктивные признаки «элиты знающих» – креативного класса нового общества. Автором используется методология сравнительного, социокультурного, культурно-исторического, комплексного анализа, а также аксиологический подход. В статье показано, как осуществляется трансформация социокультурной структуры и формируется прослойка «элиты знающих» и её доминирующего блока – креативного класса. Раскрыты конструктивные признаки креативного класса, способного играть определяющую роль в сегменте управления. Показано также, что становление креативного класса сопровождается трансформацией системы ценностей: приоритетные позиции теперь занимают ценности образа жизни, самовыражения, индивидуальности, разнообразия, независимого стиля мышления.

Ключевые слова: когнитивное общество, «элита знающих», компетентность, квалификация, образованность как конститутивный признак «элиты знающих»

Для цитирования: Смолонский Г.В. Природа креативного класса когнитивного общества: концептуальный аспект // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 63–72. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1932

UDC 316.74:001

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1932

Nature of the creative class of a cognitive society: conceptual aspect

G.V. Smolonsky✉*National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*

✉SGV-070@yandex.ru

Abstract. The relevance of addressing the problem related to the nature of the creative class is due to the new status of knowledge in the cognitive society. Knowledge, being the dominant resource of society, forms the core

vector of social evolution, determines the "axial" (D. Bell) direction of development and radically transforms the social structure. In essence, knowledge acts as a class-forming factor. **Aim.** To analyze how the new status of knowledge in the conditions of a cognitive society transforms the social structure of society and forms new constructive features of the "elite of the knowledgeable" – the creative class of the new society. **Methodology.** Comparative, socio-cultural, cultural-historical, complex analysis, as well as the axiological approach. **Results.** The article shows how the transformation of the socio-cultural structure is carried out and the stratum of the "elite of the knowledgeable" and its dominant block – the creative class – is formed. The author has revealed the constructive features of the creative class, capable of playing a decisive role in the management segment. It is also shown that the formation of the creative class is accompanied by a transformation of the value system: priority positions are now occupied by the values of lifestyle, self-expression, individuality, diversity, and independent thinking.

Keywords: cognitive society, "elite of the knowledgeable", competence, qualification, education as a constitutive feature of the "elite of the knowledgeable"

For citation: Smolonsky V.G. Nature of the creative class of a cognitive society: conceptual aspect. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 63–72. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1932

Характерная деталь, важная для понимания процессов трансформации управления в пост-индустриальном, когнитивном обществе, заключается в том, что стержневой вектор эволюции всецело зависит от знания. При этом, как отмечает Д. Белл [1], осевое направление эволюции оказалось определяемым теоретическим знанием, – оно, используемое в процедурах кодификации в системах символов, интерпретации сфер опыта, в процессах создания интеллектуальных технологий, применяемое в алгоритмах принимаемых решений, вышло на приоритетные позиции, трансформировав статусные особенности, роль, природу и характер власти и управления. Д. Белл [1] посредством декларирования этого тезиса сумел по-новому взглянуть на происходящие в когнитивном обществе процессы трансформации социальной структуры. Автор пишет о том, что вплоть до середины XX в. власть и управление были монополией делового сообщества, и решения в большинстве своем принимались бизнесом. Середина XX в. изменила эту ситуацию: даже решения, принимаемые правительством, обрели технологизированный характер, смысл и форму, поскольку в основание этих решений были положены научные разработки, создаваемые с ориентацией на принцип их полезности и эффективности. Резко возросла роль и значение образовательных центров и институтов, готовящих «элиту знающих» – это была новая элита, конститутивными признаками ее стали компетентность, квалификация и полученное образование. «Элита знания» потеснила «родовую элиту»; компетентность, квалификация, полученное образование были превращены в факторы, определяющие социальную мобильность и саму возможность вхождения в состав элиты. «Элита знания» обрела подлинную власть в управленческих сегментах, в пределах связанных с интеллектуальной деятельностью исследовательских организаций в университетах, сосредоточив в своих руках рычаги принятия решений, как и монополию на применяемые решения.

В условиях масштабного применения знания, превратившего западную экономику в инновационную, власть силы утратила свой потенциал, на смену прямому насилию пришли его скрытые формы, а власть, основанная на богатстве и силе, уступила место власти знания. Новым же способом получения общественного богатства стала «суперсимволическая» экономика. В целом описанное явление и было обозначено в футурологической версии-концепции О. Тоффлера как «сдвиг власти» [2–4]. В качестве «культурного ресурса», «ресурса общественной жизни», «ресурса власти и управления» выступило знание, и это совпало с возникновением принципиально новой движущей силы в эволюции общества – «креативного класса» [5]. Р. Флорида [5] не только раскрыл механизм становления нового общественного класса, формирующего инновационную суперсимволическую экономику, но и

увидел перспективу деятельности нового класса, обозначив его роль в сфере управления и назвав креативность движущей силой общественного развития: «Если для феодальной аристократии источником власти и классовой идентичности служил наследственный контроль над землей и населением, а для буржуазии – присущие ее представителям «роли» коммерсантов и фабрикантов, то особенности креативного класса определены творческой функцией его членов. Поскольку креативность – это движущая сила экономического развития, креативный класс к настоящему времени занял в обществе доминирующее положение» [5, с. 12].

Подход, излагаемый Р. Флоридой [5], основан на интерпретации феномена креативности как того качества, обладание которым является залогом создания всего принципиально нового и социально значимого, а условия конкурентных преимуществ, что создаются креативным классом, становятся ресурсом постиндустриальной эпохи.

В условиях интенсивного развития инновационной экономики в когнитивном обществе именно креативность, обладая потенциалом формирования преимуществ в отношениях жесткой конкуренции, превращена в товар. «Топливом инноваций» в инновационной экономике может явиться лишь знание креативное. Являясь платформой для создания инноваций, оно наделяет сами инновации способностью к разрушению созданного ранее, – именно в этом заключено основание для того, чтобы назвать инновации «креативным разрушителем», что и показал Й. Шумпетер [6]. Он не только дал интерпретацию динамики экономических циклов, а саму цикличность представил в качестве закономерности экономического роста, но также ввел различие «приспособительской реакции» и реакции «дестабилизирующей, инновационной, творческой». Автор полагает, что это различие является базисом в проведении отличия *homo economicus* и *homo creativus*; *homo creativus* восстает против созданного природой, – инновация и позволяет через заявленное решение заявить «протест диктату природы». Креативность – средство разрушения стереотипов, творчество по своей природе и сути – подрывная «акция»; подрывы творческой деструкции названы Й. Шумпетером [6] квинтэссенцией капитализма, креативные процессы разрушают наш гештальт ради другого, лучшего. Что касается отношений конкуренций, они важны, по мнению Й. Шумпетера, не сами по себе, а лишь когда речь идет о новой технологии, новом источнике снабжения, новом пике организации, т. е. когда заявляется решающее преимущество в стоимости и качестве, «бьющее не по уровню прибыли и производительности компаний, а по самым основам их бытия» [6, с. 125]. В этом решающем преимуществе и заключена дестабилизирующая, инновационная, творческая реакция *homo creativus*.

Когнитивное общество пронизано этосом креативности, понимаемым как преобладающий дух или характер культуры, и эта идея цементирует все рассуждения об обществе знания современного периода.

Креативность имеет множество параметров и измерений: «Креативность предполагает определенные типы мышления и характера, которые необходимо культивировать как на индивидуальном уровне, так и в обществе, окружающем человека. Соответственно, креативный этос проникает повсюду, от профессиональной культуры до общечеловеческих ценностей и сообществ, изменяя наше представление о себе как об экономических и социальных субъектах, т. е. саму идентичность. В нем отражаются нормы и ценности, которые одновременно питают креативность и помогают усилению ее роли. Сверх того, креативность нуждается в поддерживающей среде, обеспечивающей совокупность стимулов, – социальных, культурных и экономических. Поэтому она напрямую связана с развитием новых условий труда, стилей жизни, форм общения между людьми и соседскими сообществами, которые, в свою очередь, способствуют творческой деятельности» [7, с. 9].

В совокупности характеристик этоса креативности – способность к синтезу, умение рисковать, как и непокидающее креативного человека желание риска. Креативный этос формируется лишь через отход от конформистского прошлого; по своей природе «...творческая де-

тельность носит откровенно подрывной характер, поскольку она развивает существующие стереотипы мышления и поведения» [5, с. 37]. Для креативности неприемлем контекст изоляции; Р. Флорида [5] пишет о результативности мысли, способной к перекрестному опылению и взаимной стимуляции, что, в свою очередь, возможно лишь через реализацию потребности в самореализации и в среде, формирующей креативность. Фактором, формирующим креативность, Р. Флорида [5] считает присущий среде командный стиль – именно этот стиль, работа в команде, играет роль провоцирующего стимула, формирующего креативность.

Отметим вместе с тем то различие, что определяет отношение к креативности П. Друкера [7] и Р. Флориды [5]. Если в концепции П. Друкера акцент сделан на знании как доминирующем культурном ресурсе экономики знания, «средстве производства», то Р. Флорида акцентирует внимание на креативности как «доминирующем ресурсе социальной жизни», однако именно этот ресурс порождает применение знания в способности создавать новое и принципиально социально значимое – инновации, интерпретируемые в шumpетерианских речах в качестве «креативного разрушителя».

В классической традиции (Р. Флорида, Дж. Мокир [5, 8]) понятия «креативность» и «интеллект», являясь проявлением когнитивного потенциала личности, интерпретированы по-разному. Исследователи, определяя креативность как свойство нового класса эпохи цивилизации знания, делают акцент на таких свойствах, как готовность к созданию нового, одновременно и готовность к рискам и ошибкам (последние способны сыграть в перспективе роль фактора-указания), однако то главное, с чем связана проявляемая креативность, – это способность к синтезу.

Построение экономики знания (креативной, инновационной экономики) без использования потенциала креативности невозможно. Пока же разрыв численности креативного класса в США и в России определен цифрами 38 млн (это 30 % всех работающих американцев) и 13 млн от общего населения этих сверхдержав, и это абсолютная численность специалистов, представляющих креативные сферы труда. Россия здесь занимает второе место после США. Ситуация, однако, меняется в случае, если принять во внимание процент общей рабочей силы, – место России становится шестнадцатым; это место становится двадцать пятым, если говорить о мировом индексе, формируемом с учетом таких позиций, как талант, технологии, креативность [5]. Что касается доминирующего определения критерия классовых различий, он изменен. В классических определениях доминирующую роль играет отношение к средствам производства (они определяют и такие признаки класса, как отношения распределения и отношения обмена). Теория креативного класса в качестве критерия использует способность реализации творческих функций. Приведем данные, основанные на сравнении ситуации с численностью креативного класса в 1900, 1959 и, наконец, в 1999 гг.: в 1900 г. численность богемы в 100000 человек составляла 266 человек, шестьдесят лет спустя, в 1959 г. эта цифра составляла 344,1 человек и еще сорок лет спустя – 899,9 человек на 100000 населения. Что касается сообщества ученых, в 1900 г. в 100000 населения насчитывалось 55,2 ученых; в 1950 г. число представителей этого креативного класса увеличилось до 410,5 человек на 100000 населения, и уже в 1999 г. составило 1821,1 человек на 100000 населения. Хотя, предпочитая определенный стиль и образ жизни, люди, составляющие креативный класс, не идентифицируют себя как класс. Профессионал, отличающийся креативными характеристиками, разделяющий принципы креативного этоса, утверждает Р. Флорида [5], относит себя не просто к корпоративным служащим, он считает себя «организационным человеком», частью креативного класса. Отсюда, по мнению Р. Флориды, предпочтение, отдаваемое профессионалами стимулирующее креативную среду, – это города с их системой возможностей и удобств, с их терпимостью к различиям, где проявляется возможность идентифицировать себя с креативным классом. Ведущими центрами креативности для США являются города восточного побережья – Вашингтон, Бостон, Нью-Йорк, районы залива Сан-Франциско, Си-

этла, Остина. Что касается определения класса, в социологической теории класс представлен как совокупность людей, обладающих общими интересами и склонных думать, чувствовать и вести себя сходно, однако эти черты сходства в корне определяются экономической функцией – тем видом работы, который обеспечивает им средства к существованию. При этом социологи говорят о двух группах тех, кто составляет креативный класс: ядро креативного класса – из научной и технической среды, сфер архитектуры, дизайна, образования, искусства, индустрии развлечений (экономическая функция входящих в ядро сведена к созданию идей, технологий, креативного содержания – новых и социально значимых) и креативные специалисты – из сфер бизнеса, финансов, права, здравоохранения. В их компетенции – принятие решений, касающихся сложных задач, для чего нужно обладать независимым стилем мышления, высоким уровнем образования и человеческого капитала. Разделять принципы, на которых формируется творческий этос, – необходимое условие принадлежности к креативному классу.

В плане исследования лидерства в наше время интерес вызывает вопрос о социальной принадлежности лидеров креативного класса. Кто они? Из какого социального слоя, касты, класса они формируются? Этот вопрос актуален в связи с тем, что современное общество в своих трансформациях потеряло четко выверенную по классообразующему признаку (форма собственности) социально-классовую структуру. Поэтому и говорить о классах стало проблематично: классовые различия столь расплывчаты и трудноуловимы, что ставится под сомнение само существование классовой структуры [9]. Появились новые слои и классы без единства основания в их структурировании: консьюмеры, просьюмеры, фрилансеры и т. п. И если все-таки используется слово «класс», то это происходит либо потому, что все еще сохраняется вербальная традиция использования слова «класс», либо вследствие пока еще недостаточной разработки категориального аппарата (нет еще того слова, которым можно было бы обозначить релевантный этому «классу» критерий).

Как бы то ни было, но сегодня сохранилось слово «класс» по отношению к одному из возникших в конце XX в. новому социальному образованию. Возник креативный класс, который иногда и называют еще «X-people», «класс Икс» [10]. Наименование «класс Икс» как раз и фиксирует отсутствие общей критериальной классообразующей основы (о чем только что было сказано), на базе которой можно было бы определить и разграничить в классовом отношении всю социальность (она – вне рамок традиционных классов, в состоянии икс, неизвестная величина). Название же «креативный» фиксирует не старый критерий разграничения (форму собственности), но подчеркивает специфику постиндустриального общества, которое базируется на не материальной основе (собственность), но на основе знания, которое в теоретической, не воплощенной в технику, форме являет собой идеальное (нематериальное) состояние. Знание как основа развития общества породило специфические социальные характеристики: интеллектуальность, образованность, креативность и т. п. Это и легло в основание вербального обозначения нового класса – креативный.

Этот класс выразил специфику перехода к креативному обществу (основанного на знаниевой экономике) и сам приобрел специфические для этого времени характеристики. Его представители – интеллигенция, высоко образованные люди, работающие со знанием, с информацией, ее добыванием, обработкой, хранением. Эти характеристики вызывают необходимость креативности, которая не есть то же самое, что творчество (оно предполагает способность открывать новое), но, тем не менее, в некоторых чертах с ним совпадает (быстрота реакции, умение работать с большим количеством знаниевого материала, видение его разносторонности, способность собрать его для междисциплинарной оценки и практического применения и пр.). Его признаки, как видим, особые – не традиционные [11–13]. Эти признаки инициируют некий культурный сдвиг в системе ценностей. Появилась одна из наиболее значимых среди них ценность – ценность самовыражения. Именно это важно в системе лич-

ностных характеристик лидера. Поэтому в условиях креативного общества и креативного класса формируется и среда, взращивающая новых лидеров, и чаще всего они являются выходцами из креативного класса.

В этом плане характерно отношение креативного лидера к проблеме социальных рисков: не отказ от них и не страх перед ними, но напротив, лидер в целях развития креативного мышления у членов группы может привносить в ее работу элементы неожиданности, граничащие с грозящей опасностью, и предлагать совместное продумывание выхода из создавшейся ситуации. Мышление лидера и группы сегодня ориентировано на понимание хаоса как порядка [14]. В этом смысле в группе есть ощущение, что каждый ее член – это лидер. Традиционная идея относительно того, что есть один – главный, а остальные ведомые или последователи, сегодня устарела. Побуждением к развитию является не спокойствие относительно положения текущих процессов и дел, но постоянная настороженность, поскольку социальная реальность чрезвычайно подвижна и неоднолинейна.

Представленные теоретические обоснования понятий «креативный класс» и «класс Икс» можно подкрепить социально-историческим экскурсом, чтобы увидеть процесс возникновения этого класса.

О его отдельных проявлениях и предпосылках формирования говорилось еще в 50-е гг. ушедшего столетия. Но в 90-е гг. XX в. появляются действительные условия и экономические системы, ориентированные на стимулирование творческого потенциала человека. Развитые страны встали на путь создания экономики, доминирующим ресурсом которой стало знание. Тогда П. Друкер заявил, что основным экономическим ресурсом, «средством производства», является не капитал, не труд, не естественные ресурсы, им становится и останется знание [15]. Позиция П. Друкера уточняется социологом Р. Флоридой, утверждавшим в качестве движущей силы креативность, создание на базе знания практических новых форм [5]. Знание было объявлено орудием и рабочим материалом креативности, в продукт креативности была превращена инновация, приобретающая различные формы – новой технологии, новой модели отношений, формирующихся в бизнесе, новых форм научной и художественной практики. Возникла иная, в сравнении с предыдущей системой норм и ценностей, релевантная креативная экономика. Появилась «теория класса Икс», которая уже упоминалась выше [10].

Ранее, в 1970-е гг., идея меритократической (от лат.: достойной власти, *meritus* – достойный) классовой структуры, формирующейся в процессе перехода к постиндустриальной экономике, была предложена в дискуссии Д. Беллом [16], который в основу такой власти положил возможность ее исполнения достойными людьми. Ими, достойными, и оказались выходцы из креативного класса. Исследователи новой социальной структуры поставили в качестве актуальной задачи определение признаков и особенностей креативного класса. Возник характерный для креативного класса новый креативный этос. Регионы, в которых сосредоточен креативный класс, имеют особые индексы – «индекс таланта», «индекс креативности», «индекс богемности», «индекс инноваций»; в этих регионах ставится задача формировать, воспитывать, образовывать креативный класс.

Человек не является от рождения человеком этого класса, принадлежность к нему определяется длительным поиском, отбором людей по признакам нетипичности и оригинальности, независимости мышления. Характерной особенностью креативного класса, основой его формирования становится роль творческих людей в экономике: «его (креативного класса) экономическая функция поддерживает и определяет социальные и культурные решения креативных профессионалов, как и их образ жизни. Креативный класс состоит из людей, производящих экономические ценности в процессе творческой деятельности... в него входит великое множество занятых интеллектуальным трудом символических аналитиков, а также лиц свободных профессий и технических специалистов, но принципом объединения при этом служит их реальная роль в экономике» [5, с. 84]. В определении Р. Флориды акцент сделан

на способах самоорганизации людей класса Икс в социальные группы. Экономическая функция – то основание, на котором строится идентичность лиц, представляющих класс Икс, специфика их потребностей, социальные и культурные интересы и предпочтения.

В качестве характерной особенности класса Икс отмечено отсутствие материальной собственности, ее заменяют творческие способности. Этот класс лишен подхода, основанного на интерпретации себя как целостного и единого, хотя, безусловно, платформа, что объединяет обозначенную группу, – это вкусы, интересы, предпочтения. И хотя такая платформа классово-образующих признаков есть нечто размытое и достаточно неопределенное, класс Икс включает в себя суперкреативное ядро и прослойку креативных специалистов, используемых в процессах решения творческих проблем не периодически, но регулярно.

Отражением того подъема, который переживает в первые десятилетия XXI в. креативный класс, стала значительная трансформация системы его ценностей. Можно объединить ценности, формируемые в этом классе, в группы по ряду оснований: индивидуальность, меритократия, разнообразие и открытость [5, 17]. Характеризуя индивидуальность в системе ценностей креативного класса, Р. Флорида вводит понятие креативной идентичности, предлагая следующую логику рассуждения: «Представители креативного класса демонстрируют стойкую приверженность индивидуальному своеобразию и самоутверждению. Они не желают подчиняться инструкциям со стороны организаций и институтов и сопротивляются традиционным групповым нормам. Это всегда было характерно для творческих людей – от артистов «со странностями» до «эксцентричных» ученых... Представители креативного класса делают попытки создать индивидуальную тождественность, отражающую их личный творческий потенциал. Следствием иногда бывает сочетание нескольких креативных идентичностей» [5, с. 94].

Говоря о системе ценностей креативного класса, Р. Флорида видит специфику ценностных ориентаций его представителей в том, что «...креативные профессионалы перестали определять себя преимущественно по количеству денег, которые они зарабатывают, или по своему финансовому положению в общественной иерархии. Хотя деньги могут рассматриваться в качестве показателя профессиональных достижений, однако этого мало. При проведении интервью и фокус-групп я постоянно сталкивался с людьми, героически пренебрегавшими рамками экономического класса, к которому они принадлежали по рождению. Особенно заметно это на примере молодых отпрысков богатых семей – класса капиталистов, – которые часто изображают себя «простыми» представителями креативных профессий» [5, с. 94].

Итак, для креативного класса характерно уважение к личным успехам, способность не придавать значения финансовой составляющей своего статуса, и как итог – пренебрежение рамками того экономического класса, к которому индивид отнесен от рождения. В условиях жесткой конкуренции компании отдают предпочтение тем, кто обладает подобным набором качеств, не обращая внимание на то, что ранее являлось причиной отвержения, неприятия, – к примеру, расовая и религиозная принадлежность, сексуальная ориентация.

Для этого класса характерны разнообразие и открытость, связанные с так называемой «политикой равных возможностей». Разнообразию сегодня придано значение основной ценности, и класс Икс в этом проявляет желание найти атмосферу терпимости [18–20]. Об уважении к разнообразию свидетельствует и готовность к изменению принятых в компании порядков. К примеру, в Кремниевой долине и Остине офисная рождественская вечеринка может быть заменена иным универсальным торжеством; часто временем торжества является Хэллоуин, проводимый в маскарадных костюмах. Примечательно, однако, что, говоря о принимаемом и предпочитаемом креативным классом разнообразии, социологи видят элитарный подтекст.

Обратимся к упоминаемому ранее анализу ценностей Р. Инглхарта [17]. Автором представлены материалы, касающиеся коренных социальных проблем (разводы, аборты, самоубийства), а также проблем меньшей (по его мнению) значимости. Среди них – проблемы

уважения к авторитетам, уровня экономического развития, открытости и изолированности, проблема корреляционных механизмов, проявляющая себя в ценностном ряду. Вывод Р. Инглхарта заключается в том, что по всему миру происходит сдвиг от проблем экономических к росту ценности образа жизни, и этот сдвиг Р. Инглхарт называет переходом от «выживания» к ценностям «самовыражения» [17]. Подобным выводом автор утверждает идею устойчивой направленности отхода от ценностей, ранее причисляемых к разряду традиционных. Р. Флорида назвал это «эффектом постдефицита». Ранее человек жил в условиях постоянного дефицита. Экономика изобилия, высокий уровень экономической стабильности («эпоха постдефицита») сместили приоритеты системы ценностей. Приоритетный ряд ценностей пополнен такими категориями, как качество жизни, уровень жизни, образ жизни. Эти понятия получают приоритет в сравнении с понятием экономического роста. Формируется система постматериалистических ценностей (ценностей самовыражения, внутреннего благополучия, счастья). Названное смещение отражает и разрыв поколений: Р. Флорида акцентирует внимание на том, что «культурный сдвиг» подобного рода возможен в поколениях, для которых выживание и физическая безопасность гарантированы.

Выводы, полученные Р. Инглхартом, подкреплены позднее социологом П.-Х. Рзем и психологом Р. Андерсон [20]. Сегодня, по утверждению авторов, 50 млн американцев называют себя «творцами культуры», при этом, однако, они не являются приверженцами ни «традиционных», ни «современных ценностей». Они проявляют активную общественную позицию по тем вопросам, которые для них важны, к примеру, по вопросам защиты окружающей среды и равноправия полов.

Креативные профессионалы, однако, сами не принимают эпитетов «креативный», «богемный». Это новый общественный класс – класс терпимых и либеральных. Представитель этого класса – человек нового типа, *homo creativus*, сформированный новыми экономическими условиями и системой императивов инновационной креативной эпохи.

Достаточно подробное описание креативного класса было необходимо для того, чтобы, отвечая на вопрос, «кто сегодня становится лидером», сделать положительный вывод относительно представителей креативного класса. Те характеристики, в которых был описан креативный класс, – это черты современного лидера. И, действительно, лидер сегодня – это чаще всего представитель образованного, интеллектуального, интеллигентного и креативного класса, используя потенциал которого общество, возможно, решит проблему управляемого развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 2004. – 940 с.
2. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2002. – 557 с.
3. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Фирма "Издательство АСТ"», 2004. – 345 с.
4. Тоффлер Э. Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века. – М.: ИНИОН, 1991. – 32 с.
5. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые создают будущее. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 384 с.
6. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 2012. – 288 с.
7. Друкер П. Новое общество организаций // Управление знаниями: хрестоматия. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – С. 2–18.
8. Мокир Дж. Общество знания: теоретические и исторические основы // *Terra Economicus*. – 2004. – Т. 2. – № 1. – С. 10–30.
9. Ашкетов А. Экспертотократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. – М.: Европа, 2009. – 128 с.
10. Фассел П. Класс: путеводитель по статусной системе Америки. – М.: ВШЭ, 2021. – 240 с.
11. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы / пер. с англ. – М: Изд-во «Весь Мир», 2003. – 232 с.

12. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М.: Логос, 2000. URL: <https://lib.ru/ECONOMY/inozemcew.txt> (дата обращения: 11.05.2024).
13. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
14. Князева Е.Н. Удивительный мир нелинейности и сложности // Неизбежность нелинейного мира. Отв. редактор В.Н. Шевченко. – М.: Гуманитарий, 2012. – С. 73–96.
15. Друкер П. Эра социальных трансформаций. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2506> (дата обращения: 15.05.2024).
16. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342.
17. Инглхарт Р. Как мотивация и ценности людей меняют мир. URL <https://econs.online/articles/opinions/ronald-inglhart-kak-motivatsii-i-tsennosti-menyayut-mir/> (дата обращения: 15.05.2024).
18. Федотова В.Г. Хорошее общество. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
19. Черникова Д.В. Коммуникация и управление в аспекте социосинергетики: дис. ... канд. наук. – Томск, 2004. – 150 с.
20. Ray P.H., Sherry R.An. The cultural creatives: how 50 million people are changing the world. – New York: Harmony Books, 2000. – 370 p.

Информация об авторах

Григорий Вадимович Смолонский, аспирант Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30

Поступила в редакцию: 02.08.2024

Поступила после рецензирования: 20.11.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. Bell D. *The Coming Postindustrial Society. An Experience of Social Forecasting*. Moscow, Academia Publ., 2004. 940 p. (In Russ.)
2. Toffler E. *Future Shock*. Moscow, ACT Publ., 2002. 557 p. (In Russ.)
3. Toffler E. *The Third Wave*. Moscow, ACT Publ., 2004. 345 p. (In Russ.)
4. Toffler E. *Shifting power: knowledge, wealth, and coercion on the threshold of the 21st century*. Moscow, INION Publ., 1991. 32 p. (In Russ.)
5. Florida R. *Creative class: people who create the future*. Moscow, Mann, Ivanov, and Ferber Publ., 2016. 384 p. (In Russ.)
6. Schumpeter J. *Theory of economic development*. Moscow, Progress Publ., 2012. 288 p. (In Russ.)
7. Drucker P. The new society of organizations. *Knowledge management: reader*. St Petersburg, Higher School of Management Publ., 2010. pp. 2–18. (In Russ.)
8. Mokir J. Knowledge society: theoretical and historical foundations. *Terra Economicus*, 2004, vol. 2, no. 1, pp. 10–30. (In Russ.)
9. Ashketov A. *Expertocracy. Knowledge management: production and circulation of information in the era of ultra-capitalism*. Moscow, Evropa Publ., 2009. 128 p. (In Russ.)
10. Fussell P. *Class: a guide to America's status system*. Moscow, HSE Publ., 2021. 240 p. (In Russ.)
11. *Formation of a knowledge-based society. New tasks of higher education*. Moscow, Ves Mir Publ. House, 2003. 232 p. (In Russ.)
12. Inozemtsev V.L. *Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects*. Moscow, Logos Publ., 2000. (In Russ.) Available at: <https://lib.ru/ECONOMY/inozemcew.txt> (accessed: 11 May 2024).
13. Castells M. *Internet galaxy: reflections on the internet, business and society*. Ekaterinburg, U-Factoria Publ., 2004. 328 p. (In Russ.)
14. Knyazeva E.N. The Amazing world of nonlinearity and complexity. *The Inevitability of the Nonlinear World*. Ed. by V.N. Shevchenko. Moscow, Gummanitariy Publ., 2012. pp. 73–96. (In Russ.)
15. Drucker P. *The era of social transformations*. (In Russ.) Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2506> (accessed: 15 May 2024).
16. Bell D. Social framework of the information society. *New Technocratic Wave in the West*. Moscow, Progress Publ., 1986. pp. 330–342. (In Russ.)

17. Inglehart R. How people's motivation and values change the world. (In Russ.) Available at <https://econs.online/articles/opinions/ronald-inglkhart-kak-motivatsii-i-tsennosti-menyayut-mir/> (accessed: 15 May 2024).
18. Fedotova V.G. *Good society*. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2005. 544 p. (In Russ.)
19. Chernikova D.V. *Communication and management in the aspect of sociosynergetics*. Cand. Diss. Tomsk, 2004. 150 p. (In Russ.)
20. Ray P.H., Sherry R.A. *The cultural creatives: how 50 million people are changing the world*. New York, Harmony Books, 2000. 370 p.

Information about the author

Grigory V. Smolonsky, Applicant, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; SGV-070@yandex.ru

Received: 02.08.2024

Revised: 20.11.2024

Accepted: 30.12.2024

УДК 005:004.5:338.46

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1901

Шифр специальности ВАК: 5.2.3

Анализ внутренней среды организации инфраструктуры сервиса в условиях экспансии технологий «Индустрии 4.0»

В.Г. Жаров✉

Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, Россия, г. Москва

✉basille@mail.ru

Аннотация. В работе проанализирована внутренняя среда организации инфраструктуры сервиса с целью выявления и конкретизации аспектов, препятствующих развитию хозяйственных отношений в условиях активного роста ассортимента цифровых сервисов. Были рассмотрены состав и функции входящих во внутреннюю среду компонентов и (или) групп компонентов, при помощи которых предприятие инфраструктуры сервиса осуществляет свою хозяйственную деятельность и взаимодействует с внешней средой. Выявлены наиболее весомые из них для текущих условий. **Актуальность** обусловлена необходимостью поиска несовершенств в компонентах внутренней среды предприятий инфраструктуры сервиса и поиска приоритетных направлений для ее адаптации к хозяйственным отношениям, формирующихся в условиях экспансии технологий «Индустрии 4.0». **Методы:** методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, сравнения, обобщения и логики, системно-структурный и проблемно-целевой подходы, метод инфографического моделирования, который использовался для графической интерпретации системы связей компонентов внутренней среды организации инфраструктуры сервиса. В качестве информационной базы исследования выступили публикации в авторитетных СМИ, посвященные рассмотрению теоретических и практических аспектов функционирования внутренней среды организации, аналитические материалы периодических печатных и интернет-изданий, данные статистики. **Результаты:** проведенное исследование позволило определить ключевые составляющие в структуре внутренней среды организации инфраструктуры сервиса и выявить их слабые стороны. Были обнаружены проблемы в сфере подготовки квалифицированных кадров, в организационной структуре и финансовом блоке. Исследование показало, что в условиях экспансии технологий «Индустрии 4.0» роль кадровой составляющей внутренней среды организации инфраструктуры сервиса является ключевой.

Ключевые слова: внутренняя среда, проблемы внутренней среды, инфраструктура сервиса, цифровые технологии, «Индустрия 4.0», инновационное развитие, квалифицированные кадры

Для цитирования: Жаров В.Г. Анализ внутренней среды организации инфраструктуры сервиса в условиях экспансии технологий «Индустрии 4.0» // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 73–86. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1901

UDC 005:004.5:338.46

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1901

Analysis of the internal environment of service infrastructure organization in the context of the expansion of Industry 4.0 technologies

V.G. Zharov✉

A.N. Kosygin State University, Moscow, Russian Federation

✉basille@mail.ru

Annotation. The paper analyzes the internal environment of service infrastructure enterprises in order to identify and specify aspects that hinder the development of economic relations in the context of an active growth of the range of digital services. The paper considers the composition and functions of the components and (or) groups of components included in the internal environment. With their help the service infrastructure enterprise carries out its business activities and interacts with the external environment. The most significant of them have been identified for the current conditions. The importance of the research topic is due to the need to identify weaknesses in the components of the internal environment of service infrastructure enterprises and to search for priority areas for its adaptation to economic relations emerging in the context of the expansion of Industry 4.0 technologies. **Methods.** Methods of analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, generalization and logic, system-structural and problem-oriented approaches, infographic modeling method, which was used for graphical interpretation of the system of connections of components of the internal environment of the organization of the service infrastructure. The information base of the research was publications in reputable media devoted to the consideration of theoretical and practical aspects of the functioning of the organization internal environment, analytical materials of periodicals and online publications, statistical data on the problems studied in the article. **Results.** The conducted research made it possible to identify the key components, weaknesses in the structure of the internal environment of the organization of service infrastructure and identify their weaknesses. Problems were found in the field of training qualified personnel, organizational structure and financial block. The study showed that in the context of the expansion of Industry 4.0 technologies, the personnel component of the internal environment of the organization of service infrastructure plays the key role.

Keywords: internal environment, problems of the internal environment, service infrastructure, digital technologies, Industry 4.0, innovative development, qualified personnel

For citation: Zharov V.G. Analysis of the internal environment of the service infrastructure organization in the context of the expansion of Industry 4.0 technologies. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 73–86. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1901

Введение

Инфраструктура сервиса охватывает значительную сферу общественных отношений, включающую совокупность объектов, технических средств и информационных технологий, которые обеспечивают взаимодействие между заказчиком и поставщиком услуг при удовлетворении и реализации запросов потребителя (заказчика услуг) в услугах, сервисах и иных благах в объеме и качестве, котором он ожидает. Хозяйственные связи, которые при этом возникают, обусловлены свойствами компонентов организационной структуры внутренней среды предприятия (поставщика услуг). В условиях внедрения технологий «Индустрии 4.0» устоявшаяся система связей компонентов внутренней среды, считавшаяся ранее эффективной и сбалансированной на протяжении длительного времени, способна превратиться в тор-

моз для его развития. Причиной этого являются проблемные факторы, возникающие из-за запаздывания адаптации внутренней среды к изменениям хозяйственных связей под влиянием цифровых технологий.

До настоящего времени инфраструктура сервиса не рассматривалась экономистами как отдельно выделенная область исследований. Тем не менее, по мнению автора статьи, она в явном или неявном виде становится неотъемлемой частью большинства отраслей и формализуется как совокупность объектов, технических средств и информационных технологий, обеспечивающих взаимодействие между заказчиком и поставщиком услуг. В связи с этим исследования, посвященные внутренней среде организаций, будут валидны и для инфраструктуры сервиса.

Представление о внутренней среде организации, как правило, носит каноничный характер и включает взаимосвязанную и взаимозависимую совокупность факторов, связанных с ее целью, задачами, структурой, технологией, персоналом и организационной культурой [1, 2]. Однако ряд исследователей смотрят на данную область несколько шире, оценивая ее структуру «под разными углами», пытаясь определить, какие из составляющих являются приоритетными для предприятий различной отраслевой специфики в условиях цифровизации экономики. Такое положение дел усложняет идентификацию ключевых элементов внутренней среды, от которых в наибольшей степени зависят возможности предприятия «держаться на плаву» и сохранять возможности для развития в сложившихся условиях.

Об исчерпывающем составе последней, наиболее полно отражающей внутреннюю среду организации, ведутся активные дискуссии, что свидетельствует о наличии пробелов в данной области и потребности в поиске слабых мест, тормозящих развитие хозяйственных отношений в условиях экспансии цифровых сервисов [3–9].

Для поиска причин, лежащих в основе возникновения проблемных аспектов во внутренней среде, было проведено настоящее исследование. Оно сводится к анализу находящихся непосредственно внутри структуры организации составляющих ее компонентов и (или) групп компонентов, при помощи которых предприятие осуществляет свою хозяйственную деятельность и взаимодействует с внешней средой [10, 11].

Материалы и методы

В основу проведенного исследования была положена общенаучная методология с применением методов анализа, синтеза, индукции, дедукции, сравнения, обобщения и логики, а также системно-структурного и проблемно-целевого подходов. Для построения целостной картины в системе взаимодействия компонентов, составляющих внутреннюю среду организации, был задействован инструментарий инфографического моделирования. Данная методология позволяет анализировать сложные системы, учитывать цели, внутреннее и внешнее состояние среды, ресурсную базу, компонентный состав, а также за счет возможностей графической интерпретации и визуального восприятия формирует представление о системе в целом, что необходимо для выявления ключевых аспектов, относящихся к специфике изучаемой области [12, 13].

Данный набор исследовательского инструментария позволил детально изучить объективные и субъективные факторы, формирующие проблемы развития внутренней среды организации инфраструктуры сервиса в условиях недостатка статистических данных для исследуемой сферы.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведем анализ работ исследователей, рассматривающих внутреннюю среду организации в различных аспектах. Обращает на себя внимание точка зрения С.В. Овчинниковой и др., согласно которой «Многообразие внутренних факторов можно свести к следующим

укрупненным областям – это цели предприятия, технология, управление и человеческие ресурсы, причем, ни одна из этих областей не должна рассматриваться отдельно, так как все они взаимосвязаны и оказывают друг на друга определенное влияние» [14, с. 149].

Данный подход, по мнению автора статьи, является несколько упрощенным, так как предложенный набор укрупненных групп не содержит иных составляющих внутренней среды организации. В частности, исследователями не высказано отношение к финансовой компоненте.

У С.М. Анпилова иной подход: внутренние проблемы предприятия он подразделяет на экономические, социальные и управленческие. В качестве наиболее существенных, в отличие от предыдущего мнения, им были отмечены экономические, в частности недостаточное обеспечение хозяйственной деятельности финансовыми ресурсами на уровне руководящего звена [15].

Приведенная точка зрения, по мнению автора статьи, также является неполной, поскольку не учитываются аспекты, связанные непосредственно с сервисной поддержкой потребителя на протяжении жизненного цикла товара, работы, услуги и т. п. Помимо этого, не уделяется должного внимания кадровым проблемам, а упоминается о них только в рамках рассмотрения экономических, социальных и управленческих групп.

Несколько по-другому к изучению внутренней среды подходит М.А. ПолUTOва. Представляя организацию как открытую систему, она выделяет следующие составляющие: цели, структуру, задачи, технологии и люди. Данные составляющие необходимо рассматривать, опираясь на постулаты теории систем, учитывающих их взаимное влияние друг на друга в рамках единой системы [6].

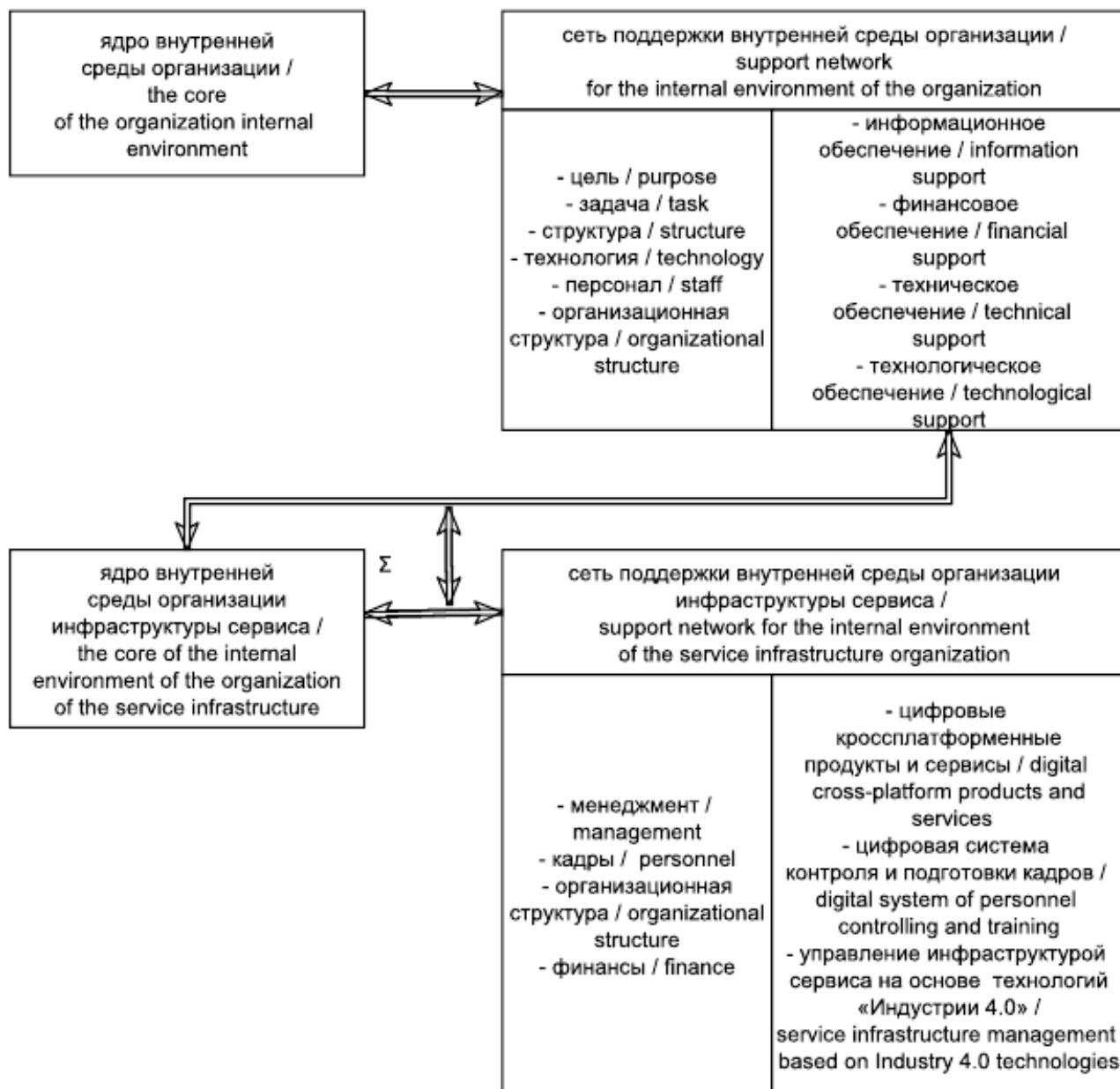
Ценным в этом подходе является интересное и емкое представление внутренней среды как социотехнической подсистемы, включающей социальную составляющую (людей) и техническую составляющую (другие внутренние переменные). Более того, люди, по мнению М.А. ПолUTOвой, «являются центральным звеном в любой системе управления. Поскольку организации представляют собой созданные людьми системы, то внутренние переменные в основном являются результатом управленческих решений. <...> Понимание и управление человеческими ресурсами в организации является наиболее сложной составляющей всего процесса управления и зависит от многих факторов: потребности, ценности и способности человека, восприятие и влияние среды на личность, управленческое лидерство и др.» [6, с. 81].

В рамках темы настоящего исследования данная точка зрения представляется автору наиболее исчерпывающей. Особенно обращает на себя внимание важная роль в создании условий для инновационного развития предприятий, отведенная квалифицированному персоналу. Особенно это касается инфраструктуры сервиса, поскольку, как показывает многолетний опыт работы автора настоящего исследования на предприятиях сферы бытового обслуживания населения, насколько полно и профессионально будет обеспечен высокотехнологичный сервис на различных его этапах, зависит именно от уровня профессиональной подготовки конкретного исполнителя.

В современных условиях экспансии технологий «Индустрии 4.0» возникают новые формы структуры внутренней среды [16]. В частности, О.С. Нагаева и В.В. Юманова, рассматривают внутреннюю среду виртуальных организаций – предприятий, осуществляющих свою деятельность при помощи интернет-ресурсов и цифровых платформ, что характерно для небольших компаний инфраструктуры сервиса [17]. В таком случае внутренняя среда не имеет части компонент, традиционных для реального сектора. При этом наблюдается усиление влияния отдельных составляющих. В частности, главенствующая роль отводится менеджменту и кадрам высокой квалификации (специалистам).

Различие в позициях и точках зрения исследователей не позволяет на данном этапе выделить компоненты внутренней среды предприятий инфраструктуры сервиса, которые играют

наиболее значимую роль в современных условиях экспансии цифровых технологий. Поэтому для определения ключевых составляющих внутренней среды организации инфраструктуры сервиса были использованы методы инфографического моделирования, на основании которых была сформирована визуализация системы связей компонентов внутренней среды организации инфраструктуры сервиса (рис. 1).

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Рис. 1. Инфографическая модель внутренней среды организации инфраструктуры сервиса

Fig. 1. Infographic model of the internal environment of the organization of the service infrastructure

При помощи полученной модели были выделены ключевые связи компонентов: руководящее звено компании, кадры, организационная структура и финансовая составляющая. Далее рассмотрим каждую из выделенных сфер более подробно с учетом специфики ведения деятельности в инфраструктуре сервиса.

В первую очередь необходимо оценить *аспекты деятельности руководящего звена* в условиях экспансии цифровых технологий.

В последнее время для реализации управленческой функции и упрощения процессов принятия решений менеджмент компании использует различные инструменты и технологии, способные анализировать массивы данных. Это кроссплатформенные продукты и сервисы, которые предназначены для автоматизации и оптимизации бизнес-процессов внутри организации. Наиболее популярные из них следующие: ERP (Enterprise Resource Planning) – интегрированная система управления ресурсами, которая включает в себя модули для управления финансами, учетом, управлением производством, логистикой, продажами, маркетингом и другими структурами предприятия; BI (Business Intelligence) – система управления бизнесом, включающая инструменты для сбора, хранения, анализа и представления всей полноты данных о хозяйственной деятельности предприятия в сфере продаж, маркетинге, финансах, производстве и т. д.; CRM (Customer Relationship Management) – система управления взаимоотношениями с клиентами, в которую входят программные продукты и сервисы, адаптированные для сбора и систематизации информации о потребностях и приоритетах клиентов с целью улучшения процессов их обслуживания и увеличения уровня удовлетворенности и др.

Представленный перечень систем управления можно дополнить и иными решениями, функционал которых аналогичен перечисленным продуктам. Однако само по себе использование подобных цифровых платформ не гарантирует обеспечения благоприятных условий для инновационного развития предприятия. Это обусловлено, по мнению автора, необходимостью учета не только информации, источником которой являются цифровые системы управления, но и данных, полученных при выявлении общих закономерностей развития и функционирования объекта в условиях влияния окружающей среды с учетом ее изменчивости, на что функционал большинства кроссплатформенных продуктов пока не способен. В то же время без использования последних достижений в области цифровых решений по управлению предприятиями инфраструктуры сервиса инновационное развитие последних не представляется возможным.

На практике сложившаяся ситуация дополнительно усложняется тем, что отрасли не статичны: они находятся в состоянии постоянного развития, движения. И основная задача менеджмента заключается в поиске новых стратегий, технологий поиска решений в сложившихся условиях [18]. Отсутствие четкого понимания руководством компании причин появления негативных факторов провоцирует возникновение внутренних проблем, тормозящих внедрение новаций и встраивание их в устоявшуюся систему хозяйственных связей. В связи с этим возрастает роль управленческого звена компании – индивидуумов. От стиля их руководства, квалификации, соответствия сложности решаемых задач во многом и зависит успех ее деятельности.

Анализ кадровой составляющей в структуре внутренней среды организации. С точки зрения оценки эффективности использования трудовых ресурсов на предприятии учитывается общее количество персонала, укомплектованность рабочих мест, квалификация исполнителей, выполняющих определенные функции, наличие у них мотивации и ее адаптивность, культура труда и профессиональная этика, а также другие аспекты. Поскольку развитие цифровых технологий в последние годы идет опережающими темпами, то нередко возникают ситуации, когда текущая квалификация исполнителей очень скоро перестает соответствовать требованиям по качеству товаров, работ, услуг, которые ожидает получить заказчик. Одна из причин появления данной проблемы, по мнению автора, – недостаток требуемого количества

квалифицированных кадров, способных удовлетворить постоянно возрастающие запросы клиентов. Отсутствие подготовленных специалистов также ставит под сомнение эффективность реализации процессов внутренней среды организации, направленных на внедрение новшеств для инфраструктуры сервиса в рамках концепции «Индустрии 4.0». В связи с этим для обеспечения инновационного развития кадровая проблема становится одной из основных, особенно если речь идет об услугах, предоставляемых сервисами, сервисном сопровождении товара на протяжении его жизненного цикла, что подтверждается и в исследованиях [19].

На этот счет интересными, по мнению автора, являются мнения, высказанные авторитетными экономистами. В частности, в материалах издания «Ведомости» приводятся высказывания главы Банка России Э. Набиуллиной, а также ряда других экспертов, которые делятся своими мнениями о ситуации с подготовкой кадров в отраслях экономики. Их объединяет позиция, касающаяся осознания проблемы наличия количественного и качественного кадрового голода. Так, по мнению проректора Финансового университета при правительстве России А. Сафонова, «Рынок труда сейчас находится в циклических разрывах между спросом и итогами профессиональной подготовки. Это оборотная сторона так называемой структурной безработицы. Когда качество рабочей силы не удовлетворяет требованиям, предъявляемым со стороны работодателей, – по квалификации или локации рабочего места, – возникают такие разрывы между спросом и предложением на рынке труда» [20].

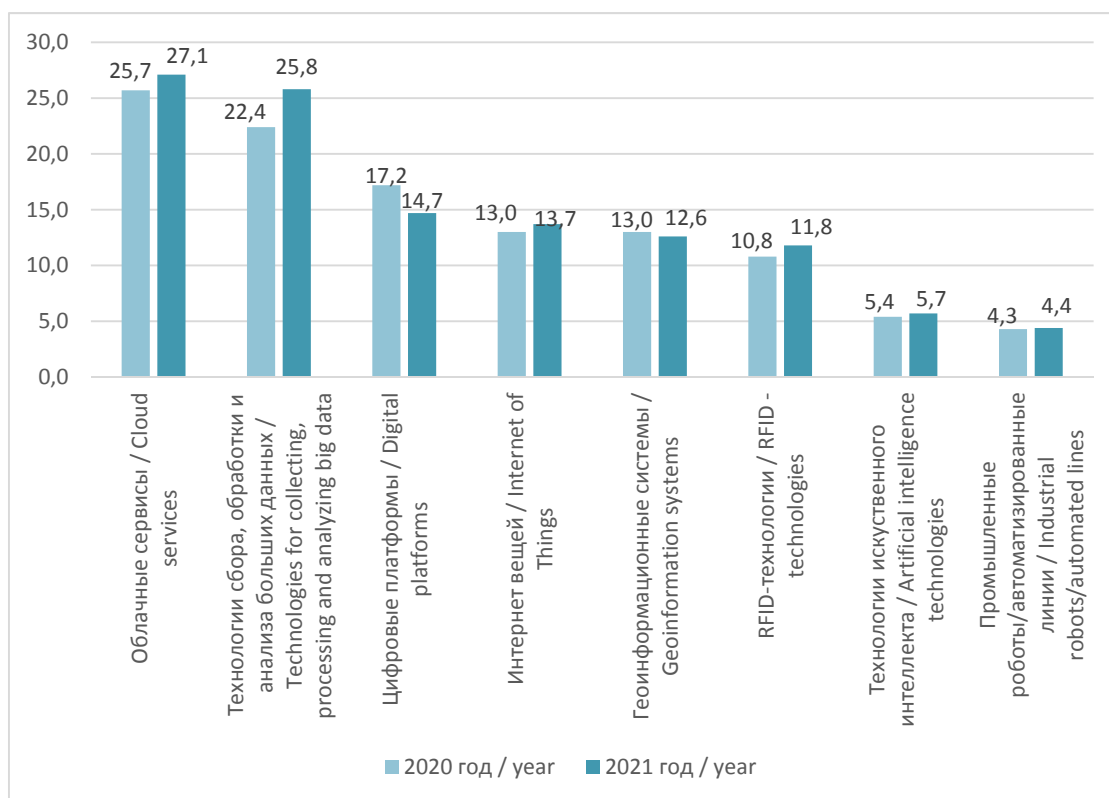
Особенно остро данная проблема проявляется в сфере подготовки кадров, без которых не обходится практически ни одна отрасль экономики, в которой используются технологии «Индустрии 4.0» – работники, отвечающие за информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Данные статистики [21] показывают, что доля специалистов по ИКТ в % от общей численности занятых составила 2,4 %, что является самым низким показателем среди европейских стран. Для сравнения: у Италии, которая занимает место перед Россией, данный показатель – 3,8 %, а у лидера рейтинга – Швеции – 8,0 %.

Ситуация усугубляется дополнительно недостаточным количеством центров профессионального обучения и повышения квалификации исполнителей (продуцентов), подготовленных для работы в инфраструктуре сервиса в соответствии с требованиями действующих стандартов и фирм-производителей оборудования сервисной инфраструктуры. По мнению автора, это можно объяснить снижением числа профессорско-преподавательского персонала университетов и других организаций высшего образования, занимающегося подготовкой специалистов для сферы ИКТ, с 244,9 тыс. чел. в 2019 г. до 206,4 тыс. чел. в 2021 г. [21]. Если такая тенденция продолжится, то ожидать скорого решения проблемы обеспечения квалифицированными кадрами не придется, поскольку минимальный срок подготовки специалиста с «нуля» занимает 4–5 лет, а для инженерных направлений и специалитета – минимум 5–6 лет.

Внедрение цифровых технологий в различных областях народного хозяйства требует от сотрудников компаний новых знаний, позволяющих адекватно реагировать на повышение сложности используемого оборудования и цифровизацию процессов внутреннего взаимодействия в организации. В инфраструктуре сервиса, где в отличие от производства дополнительно присутствует аспект индивидуализированной ориентированности при оказании услуг, помимо набора необходимых для осуществления трудовой деятельности профессиональных знаний и навыков квалифицированные специалисты должны обладать сервисной компетентностью. Высокий уровень подготовки исполнителей повышает статус работника в восприятии заказчика, формирует положительный имидж компании и системы сервиса в целом, способствует росту ценности услуги как одного из основных критериев эффективности деятельности сервисного предприятия.

В связи с этим подготовка квалифицированных кадров для инфраструктуры сервиса должна вестись на системном уровне в тесном взаимодействии с производителями оборудования и сервисных продуктов. Это позволит рассчитывать на высокую профессиональную теоретическую и практическую подготовку будущих и действующих специалистов, адаптацию и масштабирование передовых практик компаний на текущий момент и на перспективу [22].

Анализ организационной структуры предприятия включает в себя форму собственности, правовой статус, наличие каких-либо особых условий и ограничений ведения хозяйственной деятельности. В условиях развития цифровизации и расширения зоны охвата технологий «Индустрии 4.0» организационная структура предприятия претерпевает модернизацию. В результате на передний план выходят информационные технологии, технико-технологические и аппаратные средства, портативные гаджеты, мобильные средства коммуникации, при помощи которых производится сбор и анализ данных, необходимых для обеспечения оперативного и удобного взаимодействия в рамках организации. Широкое распространение последних сформировало представление о таком понятии, как цифровая трансформация [23], воплощенном с помощью инноваций в сфере цифровых технологий и повлекшем за собой значительные социально-экономические эффекты [24]. Цифровые технологии совместно с аппаратным обеспечением способны обеспечить оперативное и удобное взаимодействие человека с производственными системами инфраструктуры сервиса при сборе информации о состоянии оборудования, производственных процессах и качестве продукции, а также при управлении производством и обучении персонала [25] (рис. 2).

Источник: составлено автором по данным [21].

Source: compiled by the author according to [21].

Рис. 2. Использование цифровых технологий в организациях, %

Fig. 2. Use of digital technologies in organizations
(as a percentage of the total number of organizations)

Например, инновационные решения для управления инфраструктурой объектов на основе стандартов BIM (Building Information Modeling или Building Information Model) – информационное моделирование здания или информационная модель здания, позволяющие формировать информационную модель объекта. Исследования показывают, что целесообразно гибридное использование BIM и функционала CAFM (Computer Aided Facility Management – информационная система управления), поскольку такой тандем за счет оптимизации ряда характеристик позволяет добиться лучших результатов при эксплуатации объектов недвижимости. Экономия при эксплуатации достигает до 10 %; при осуществлении ремонта – до 50 %; сокращение продолжительности простоя оборудования – до 25 %; адаптивный поиск запасных частей – до 35 %; уменьшение объема сверхурочных работ – до 40 %; за счет увеличения производительности персонала до 20 % [26].

Актуальность и востребованность данного подхода оценили и на государственном уровне. В частности, согласно поручению Президента Российской Федерации № Пр-1235 от 19 июля 2018 года «О первоочередных задачах по модернизации строительной отрасли и повышению качества строительства», необходимо в срок до 1 июля 2019 г. обеспечить переход к системе управления жизненным циклом объектов капитального строительства путем внедрения технологий информационного моделирования [27]. Таким образом, технологии информационного моделирования должны затронуть все госструктуры при строительстве зданий и сооружений до конца 2022 г. Кроме этого, возможности технологий BIM способны минимизировать риски и экономить бюджетные средства на различных этапах управления инфраструктурой, что делает их применение для проектов по госзаказам обязательным [28].

На основании проведенного анализа можно сказать, что имеющие место проявления проблемных факторов в организационной структуре предприятия достаточно оперативно нивелируются законодательными инициативами и распоряжениями на разных уровнях, что делает их влияние на формирование внутренних проблем незначительными. Помимо этого, технологии, доступные и используемые в инфраструктуре сервиса, а также необходимое для этого оборудование и информационные ресурсы также затрагивают сферу технико-технологического обеспечения деятельности организации, что требует отдельного подробного исследования.

Аспекты финансовой составляющей внутренней среды организации инфраструктуры сервиса. Причисляемый к составляющим внутренней среды финансовый аспект отражает затраты, анализ текущего и планируемого уровня доходов и расходов, налоговой нагрузки, инвестиционного климата и др. Для обеспечения финансирования инновационных проектов, особенно на ранней стадии, чаще всего используются альтернативные инвестиции: прямые инвестиции, мезонинное финансирование и краудфандинг. Это связано с тем, что банковские кредиты и инструменты фондового рынка пока не доступны, поскольку не соответствуют ряду критериев кредиторов, в частности, по сроку деятельности, наличию залогового имущества и т. п. Для операций на фондовом рынке основным является отсутствие интереса у инвесторов к подобным компаниям из-за недостаточного срока деятельности и небольшого объема выручки эмитента.

Мнение о том, что отсутствие необходимого финансирования хозяйственной деятельности организации приводит к появлению проблем, препятствующих инновационному развитию, не ново и встречается в ряде исследований [29, 30].

В частности, такая позиция отражена в отчете о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ механизмов венчурного и прямого инвестирования, осуществляемого с использованием средств федерального бюджета» [31]. В качестве одной из причин недостаточного финансирования аналитики видят в отсутствии единой повестки и приоритетов государственной политики в сфере рынков венчурных инвестиций. Не придает оптимизма и Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных це-

лях развития Российской Федерации на период до 2030 года». В его содержании не упоминаются цели и задачи, которые необходимо решить для стимулирования роста инвестиций. Отмечается отсутствие выверенной и утвержденной стратегии увеличения привлекательности венчурных и прямых инвестиций на период до 2025 г., не уделяется должного внимания мероприятиям и показателям по комплексному развитию отраслей и научно-технологических направлений, в рамках которых использовались бы венчурные механизмы. Кроме этого, отсутствуют четкие прогнозы, цели и сценарии развития венчурного рынка не только для инфраструктуры сервиса, но и по отраслям в целом.

Сложившаяся ситуация могла бы быть решена с использованием инвестиционных платформ, реализующих возможности коллективного инвестирования, – краудфандинга и его разновидностей (краудлендинг, краудинвестинг и краудревординг).

Однако, по информации аналитического доклада Банка России, рассчитывать на существенный эффект от применения данного инструментария преждевременно, поскольку в России рынок коллективного инвестирования бизнес-проектов находится на стадии формирования и имеет низкую популярность. К слову, доля российского сегмента в мировом объеме краудфандинга по окончании 2019 г. не достигает и до 1 % [32].

Низкая востребованность инвестиционных платформ в России кроме отсутствия отработанных механизмов венчурного и прямого финансирования связана с рядом факторов, в числе которых низкая эффективность вложений, высокие риски, отсутствие информированности розничных инвесторов и др.

Проблемы недостаточного финансирования инновационной деятельности отражаются и на сохраняющихся в последние годы низких темпах экономического роста. В связи с этим принятие мер по созданию условий для притока в экономику долгосрочных финансовых ресурсов должно происходить на государственном уровне и входить в перечень приоритетных задач развития экономики.

Заключение

Проведенное исследование позволило обозначить проблемные зоны во внутренней среде организаций инфраструктуры сервиса, препятствующие ее развитию и прийти к следующим выводам:

1. В текущих условиях развития хозяйственных отношений, использование последних достижений в области цифровых технологий, кроссплатформенных решений не способно полностью устранить имеющиеся проблемы в управленческом звене предприятий инфраструктуры сервиса. В то же время они хорошо дополняют традиционные подходы, позволяют менеджерам принимать более взвешенные решения в условиях необходимости учета большого массива данных, поступающих с разных уровней, что является безусловным положительным аспектом. Однако окончательное управляющее действие остается за руководителем – индивидуумом, поэтому личные качества и уровень профессиональной подготовки управленца обретают первостепенное значение.

2. Для инфраструктуры сервиса квалифицированные кадры являются одним из ключевых элементов внутренней среды организации. В свою очередь, в условиях цифровизации запаздывание внедрения необходимых средств и методов по обучению или переобучению кадров, а также отсутствие механизмов адаптации и масштабирования передовых практик по использованию современного технологического оснащения в инфраструктуре сервиса становятся триггером для формирования проблем внутренней среды и препятствием на пути инновационного развития.

3. Проблемы внутренней среды предприятия инфраструктуры сервиса, обусловленные спецификой его организационной структуры, в настоящее время достаточно оперативно купируются принятием необходимых законодательных инициатив и распоряжений на феде-

ральном и региональном уровнях. В то же время отмеченные в работе цифровые технологии и сервисы, интегрированные в организационную структуру предприятий, а также необходимые для их функционирования оборудование и информационное обеспечение выводят данный вопрос из контекста обсуждения текущей темы в область технико-технологического обеспечения деятельности, что требует отдельного подробного исследования.

4. Недостатки в финансовой составляющей внутренней среды, рассмотренные в рамках настоящей работы не являются уникальными только для предприятий инфраструктуры сервиса, и присущи большинству отраслей экономики в целом. Поэтому выработку мер и средств борьбы с имеющимися препятствиями в данной сфере целесообразно проводить на государственном уровне, с учетом выбора приоритетов решения текущих и перспективных задач в рамках долговременной стратегии.

С учетом специфики рассмотренной в работе сферы хозяйственной деятельности акцентируем внимание на первостепенной необходимости решения задачи подготовки квалифицированных кадров, поскольку, как показало исследование, данный аспект является ключевым фактором формирования внутренних проблем, препятствующих текущей деятельности и перспективному развитию инфраструктуры сервиса, в том числе с использованием новаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агарков А.П. Теория организации. Организация производства. – М.: Дашков и К, 2017. – 272 с.
2. March J.G., Simon. H.A. Organizations. – New York: Wiley, 1985. – 288 p.
3. Костин С.Ю., Мещеряков Д.И., Иваев М.И. Среда функционирования предприятия: внешняя и внутренняя // Вопросы устойчивого развития общества. – 2021. – № 3. – С. 77–86. DOI: 10.34755/IROK.2021.99.20.024.
4. Серебрякова Г.В. Модели управления развитием организации: монография. – Чебоксары: Среда, 2022. – 148 с.
5. Санталова М.С., Плиев У.И. Внутренняя среда торговой организации // Вестник Академии управления и производства. – 2023. – № 3. – С. 149–158.
6. ПолUTOва М.А. Теоретико-методологические подходы к организации как открытой системе: внутренняя и внешняя среда организации // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2014. – № 3 (106). – С. 075–087.
7. Amit R., Zott C. Crafting business architecture: the antecedents of business model design // Strategic Entrepreneurship Journal. – 2015. – Vol. 9. – P. 331–350.
8. Mitchell R., Agle B., Wood D. Toward of a theory of stakeholder identification and Silence: defining the principle of who and what really counts // Academy of Management. – 1997. – Vol. 2. – № 4. – P. 853–856.
9. Nikezić S, Dželetović M, Vučinić D. Chester barnard: organizational-management code for the 21st century // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2016. – № 221. – P. 126–134.
10. Timmers P. Business models for electronic markets // Electronic Markets. – 1998. – Vol. 8. – № 2. – P. 3–8.
11. Strohmeier S. HRM in the digital age – digital changes and challenges of the HR profession // Employee Relations. – 2014. – Vol. 36. – № 4. DOI: <https://doi.org/10.1108/ER-03-2014-0032>.
12. Прикладная сервисология: использование системотехнического и комплексотехнического моделирования / А.И. Мохов, Л.А. Мохова, Н.М. Комаров, С.Г. Новоженков // Наукoведение. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/73evn412.pdf> (дата обращения 23.05.2024).
13. Комаров Н.М. Влияние феномена высокотехнологичности на развитие менеджмента // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2011. – № 4. – С. 11–14.
14. Овчинникова С.В., Буренина А.П., Иевлева Н.В. Проблема учета влияния внутренних и внешних факторов среды на финансовое состояние предприятия // Теория и практика актуальных научных исследований: сборник научных статей. – Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2017. – С. 148–151.
15. Анпилов С.М. Систематизация внутренних факторов, сдерживающих устойчивое развитие современного предприятия // Вестник Самарского государственного университета. Серия «Экономика и управление». – 2012. – № 4 (95). – С. 4–10.
16. Дуброва М.В. Трансформация внутренней среды некоммерческих организаций в условиях цифровой экономики // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2019. – Т. 2. – № 10. – С. 84–93.
17. Нагаева О.С., Юманова В.В. Особенности внутренней и внешней среды виртуальной организации // Экономика и социум. – 2014. – № 4-4 (13). – С. 11–18.

18. Чан Ким У., Моборн Р. Стратегия голубого океана. – М.: HIPPO, 2005. – 272 с.
19. Цифровая трансформация в России – 2020: Аналитический отчет КМДА. URL: https://komanda-a.pro/projects/dtr_2020?ysclid=lpisvvd1x368759674 (дата обращения 23.05.2024).
20. Почему кадровый дефицит стал главной проблемой российской экономики // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/11/10/1005070-pochemu-kadrovii-defitsit-stal-glavnoi-problemoi-ekonomiki> (дата обращения 23.05.2024).
21. Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневский и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 120 с.
22. Анализ компетенций когнитивных специалистов, обеспечивающих рост человеческого капитала сервисных компаний / Н.М. Комаров, Н.В. Иванова, В.М. Сафронов, Жаров В.Г., Дунцова Н.В., Комаров К.Н. // Наукоедение. – 2013. – № 1 (14). – С. 1–10.
23. Цифровая трансформация: ожидания и реальность / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневский, М.А. Гершман, Л.М. Гохберг и др. // XXIII Ясинская (Апрельская) международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. – М., 2022. – М.: ИД Высшей школы экономики, 2022. – 221 с.
24. Индикаторы цифровой экономики: 2021: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ice2021> (дата обращения 23.05.2024).
25. Что такое цифровая трансформация? // РБК. Тренды. 20 октября 2023 г. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d695a969a79476ed81148ef?from=copy> (дата обращения 23.05.2024).
26. Demenev A.V., Zharov V.G., Lopatko R.N. Operation of buildings and structures based on BIM standards in the digital economy // 2019 International Multi-Conference on Industrial Engineering and Modern Technologies, FarEastCon 2019. – Vladivostok, 1–4 October 2019. – Vladivostok: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2019. – P. 8934034. DOI: 10.1109/FarEastCon.2019.8934034.
27. Цифровую платформу, объединяющую информационные системы в области строительства, создадут к 2024 году // Минстрой России. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/tsifrovuyu-platformu-obedinyayushchuyu-informatsionnye-sistemy-v-oblasti-stroitelstva-sozhdut-k-2024/> (дата обращения 23.05.2024).
28. Что такое BIM и зачем новые технологии нужны девелоперам и госструктурам // РБК. Недвижимость. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5ca1ceff9a794758d0568b37?from=copy> (дата обращения 23.05.2024).
29. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. 4th ed. The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities. – Paris; Luxembourg: OECD/Eurostat Publ., 2018. DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264304604-en>.
30. Индикаторы инновационной деятельности: 2020: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 336 с.
31. Заключение Счетной палаты Российской Федерации о результатах внешней проверки исполнения Федерального закона «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» и бюджетной отчетности об исполнении федерального бюджета за 2022 год (включая проверку исполнения федеральной адресной инвестиционной программы)» в Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации (Министр строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации И.Э. Файзуллин) // Счетная палата Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/a29/a298f3e07b401a8d60e4e4afdd1671b7.pdf?ysclid=lq3trq0gk9409975866> (дата обращения 23.05.2024).
32. Развитие альтернативных механизмов инвестирования: прямые инвестиции и краудфандинг. Доклад для общественных консультаций // Центральный банк Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/112055/Consultation_Paper_200811.pdf (дата обращения 23.05.2024).

Информация об авторе

Василий Геннадьевич Жаров, кандидат технических наук, доцент кафедры технологии художественной обработки материалов Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина, Россия, 119071, г. Москва, ул. Малая Калужская, 1; basille@mail.ru

Поступила в редакцию: 17.07.2024

Поступила после рецензирования: 20.11.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. Agarkov A.P. *Theory of organization. Organization of production*. Moscow, Dashkov and K Publ., 2017. 272 p. (In Russ.)

2. March J. G., Simon. H. A. *Organizations*. New York, Wiley, 1985. 288 p.
3. Kostin S.Yu., Meshcheryakov D.I., Ivaev M.I. Enterprise operating environment: external and internal. *Issues of sustainable development of society*, 2021, no. 3, pp. 77–86. (In Russ.) DOI: 10.34755/IROK.2021.99.20.024.
4. Serebryakova G.V. *Models of organization development management*. Cheboksary, Sreda Publ., 2022. 148 p. (In Russ.)
5. Santalova M.S., Pliev U.I. Internal environment of a trade organization. *Bulletin of the Academy of Management and Production*, 2023, no. 3, pp. 149–158. (In Russ.)
6. Polutova M.A. Theoretical and methodological approaches to the organization as an open system: internal and external environment of the organization. *Bulletin of the Transbaikal State University*, 2014, no. 3 (106), pp. 075–087. (In Russ.)
7. Amit R., Zott C. Crafting business architecture: the antecedents of business model design. *Strategic Entrepreneurship Journal*, 2015, vol. 9, pp. 331–350.
8. Mitchell R., Agle B., Wood D. Toward a theory of stakeholder identification and Silence: defining the principle of who and what really counts. *Academy of Management*, 1997, vol. 2, no. 4, pp. 853–856.
9. Nikezić S, Dželetović M, Vučinić D. Chester barnard: organizational-management code for the 21st century. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016, no. 221, pp. 126–134.
10. Timmers P. Business models for electronic markets. *Electronic Markets*, 1998, vol. 8, no. 2, pp. 3–8.
11. Strohmeier S. HRM in the digital age – digital changes and challenges of the HR profession. *Employee Relations*, 2014, vol. 36, no. 4. DOI: <https://doi.org/10.1108/ER-03-2014-0032>.
12. Mokhov A.I., Mokhova L.A., Komarov N.M., Novozhenov S.G. Applied serviceology: the use of system engineering and complex engineering modeling. *Naukovedenie*. (In Russ.) Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/73evn412.pdf> (accessed 23 May 2024).
13. Komarov N.M. The influence of the phenomenon of high technology on the development of management. *Intelligence. Innovations. Investments*, 2011, no. 4, pp. 11–14. (In Russ.)
14. Ovchinnikova S.V., Burenina A.P., Ievleva N.V. The problem of accounting for the influence of internal and external environmental factors on the financial condition of the enterprise. *Theory and practice of current scientific research: collection of scientific articles*. Volgograd, Volgograd State Technical University Press, 2017. pp. 148–151. (In Russ.)
15. Anpilov S.M. Systematization of internal factors hindering the sustainable development of a modern enterprise. *Bulletin of Samara State University. Series “Economics and Management”*, 2012, no. 4 (95), pp. 4–10. (In Russ.)
16. Dubrova M.V. Transformation of the internal environment of non-profit organizations in the digital economy. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 2019, vol. 2, no. 10, pp. 84–93. (In Russ.)
17. Nagaeva O.S., Yumanova V.V. Features of the internal and external environment of a virtual organization. *Economy and Society*, 2014, no. 4-4 (13), pp. 11–18. (In Russ.)
18. Chan Kim W., Mauborgne R. *Blue Ocean Strategy*. Moscow, HIPPO Publ., 2005. 272 p. (In Russ.)
19. *Digital Transformation in Russia 2020: KMDA Analytical Report*. (In Russ.) Available at: https://komanda-a.pro/projects/dtr_2020?ysclid=lpispvd1x368759674 (accessed 23 May 2024).
20. Why has the personnel shortage become the main problem of the Russian economy. *Vedomosti*. (In Russ.) Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/11/10/1005070-pochemu-kadrovii-defitsit-stal-glavnoi-problemoi-ekonomiki> (accessed 23 November 2023).
21. Abdrakhmanova G.I., Vasilkovsky S.A., Vishnevsky K.O. *Digital economy: 2023: a brief statistical collection*. Moscow, National research Higher School of Economics Publ., 2023. 120 p. (In Russ.)
22. Komarov N.M., Ivanova N.V., Safronov V.M., Zharov V.G., Duntsova N.V., Komarov K.N. Analysis of the competencies of cognitive specialists ensuring the growth of human capital of service companies. *Online Journal of Science*, 2013, no. 1 (14), pp. 30. (In Russ.)
23. Abdrakhmanova G.I., Vasilkovsky S.A., Vishnevsky K.O., Gershman M.A., Gokhberg L.M. Digital transformation: expectations and reality. *XXIII Yasinskaya (April) international scientific conference on the problems of economic and social development*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2022. 221 p. (In Russ.)
24. Abdrakhmanova G.I., Vishnevsky K.O., Gokhberg L.M. *Digital Economy Indicators: 2021: Statistical Digest*. (In Russ.) Available at: <https://www.hse.ru/primarydata/ice2021> (accessed 23 May 2024).
25. What is digital transformation? *RBC. Trends*. 20 October 2023. (In Russ.) Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d695a969a79476ed81148ef?from=copy> (accessed 23 May 2024).
26. Demenev A.V., Zharov V.G., Lopatko R.N. Operation of buildings and structures based on BIM standards in the digital economy. *2019 International Multi-Conference on Industrial Engineering and Modern Technologies, FarEastCon 2019*. Vladivostok, 1–4 October 2019. Vladivostok, Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2019. pp. 8934034. DOI: 10.1109/FarEastCon.2019.8934034.
27. A digital platform combining information systems in the field of construction will be created by 2024. *Ministry of Construction of Russia*. (In Russ.) Available at: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/tsifrovuyu-platformu-obedinyayushchuyu-informatsionnye-sistemy-v-oblasti-stroitelstva-sozdatut-k-202/> (accessed 23 May 2024).

28. What is BIM and why do developers and government agencies need new technologies. *RBC. Realty*. April 03, 2019. (In Russ.) Available at: <https://realty.rbc.ru/news/5ca1ceff9a794758d0568b37?from=copy> (accessed 23 May 2024).
29. *Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation*. 4th ed. *The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities*. Paris, Luxembourg, OECD Publ./Eurostat, 2018. DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264304604-en>.
30. Gokhberg L.M., Ditkovsky K.A., Evnevich E.I. *Indicators of innovation activity: 2020: statistical collection*. Moscow, Higher School of Economics Press, 2020. 336 p. (In Russ.)
31. Conclusion of the Accounts Chamber of the Russian Federation on the results of an external audit of the implementation of the Federal Law "On the Federal Budget for 2022 and for the Planning period 2023 and 2024" and budget reports on the execution of the federal budget for 2022 (including verification of the execution of the federal targeted investment program)" in the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Minister of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation I.E. Fayzullin). *Accounts Chamber of the Russian Federation*. (In Russ.) Available at: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/a29/a298f3e07b401a8d60e4e4afdd1671b7.pdf?ysclid=lq3trq0gk9409975866> (accessed 23 May 2024).
32. Development of alternative investment mechanisms: direct investment and crowdfunding. Report for public consultations. *Central Bank of the Russian Federation*. (In Russ.) Available at: https://cbr.ru/Content/Document/File/112055/Consultation_Paper_200811.pdf (accessed 23 May 2024).

Information about the author

Vasily G. Zharov, Cand. Sc., Associate Professor, A.N. Kosygin Russian State University, 1, Malaya Kaluzhskaya street, Moscow, 119071, Russian Federation; basille@mail.ru

Received: 17.07.2024

Revised: 20.11.2024

Accepted: 30.12.2024

УДК 620.9

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1883

Шифр специальности ВАК: 5.2.6

Риски внешней среды: риск изменения цен на нефть и газ

В.С. Николаенко^{1,2,3} ✉

¹ *Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
Россия, г. Томск*

² *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*

³ *Сибирский государственный медицинский университет, Россия, г. Томск*

✉ valentin.s.nikolaenko@tusur.ru

Аннотация. По итогам 2023 г. доля нефтегазовых доходов консолидированного федерального бюджета РФ составила 30,3 %, что указывает на высокую чувствительность отечественного бюджета к изменениям цен на нефть и газ, их объемов добычи и экспорта, что влияет на экономическую, энергетическую и национальную безопасность России. В этой связи целью настоящей статьи является анализ риска изменения цен на нефть и газ. Для достижения цели была проведена оценка уровня воздействия этого риска на национальную экономику. В частности, были проанализированы структура нефтегазовых доходов, добыча и экспорт нефтегазового сырья, фактическое исполнение доходов федерального бюджета и др. Также количественно были оценены последствия от предпринятых недружественными иностранными государствами действий и введенных ими в 2022–2023 гг. рестрикций и эмбарго. В результате проведенного анализа помимо геополитического давления были установлены факторы, оказывающие влияние на стоимость нефти (увеличение себестоимости добычи, ухудшение физико-химических характеристик сырья, незавершенность налогообложения, решения ОПЕК и ОПЕК+) и газа (увеличение затрат при добыче и во время транспортировки, недостаточное развитие внутреннего рынка).

Ключевые слова: риск, нефть, газ, рестрикции, эмбарго

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания «Наука», проект FEWM-2023-0013.

Для цитирования: Николаенко В.С. Риски внешней среды: риск изменения цен на нефть и газ // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 87–96. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1883

UDC 620.9

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1883

External risks: risk of changes in oil and gas prices

V.S. Nikolaenko^{1,2,3} ✉

¹ *Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation*

² *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*

³ *Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation*

✉ valentin.s.nikolaenko@tusur.ru

Abstract. Aim. To analyze the risk of changes in oil and gas prices. To achieve this goal, the author has assessed the level of this risk impact on the national economy, namely, he analyzed oil and gas revenue structure, oil and gas production and export, actual execution of federal budget revenues, etc. The author quantitated the consequences of actions taken by unfriendly foreign states and restrictions and embargoes introduced in 2022–2023. As a result of the analysis, besides the geopolitical pressure, the author identified the factors that affect prices of oil (higher production costs, deterioration in the physical and chemical characteristics of raw materials, incomplete taxation, decisions of OPEC and OPEC+) and gas (increase in costs of production and transportation, insufficient development of the domestic market).

Keywords: risk, oil, gas, restrictions, embargo

Acknowledgements: The work was performed within the framework of the State Task «Nauka», the FEWM-2023-0013 project.

For citation: Nikolaenko V.S. External risks: risk of changes in oil and gas prices. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 87–96. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1883

Введение

Материализация риска изменения цен на нефть и газ оказывает значительное влияние на функционирование национальной экономики, отраслей, регионов и конкретных экономических агентов, что позволяет классифицировать этот риск как макро-, мезо- и микрориск (рис. 1) [1–3].

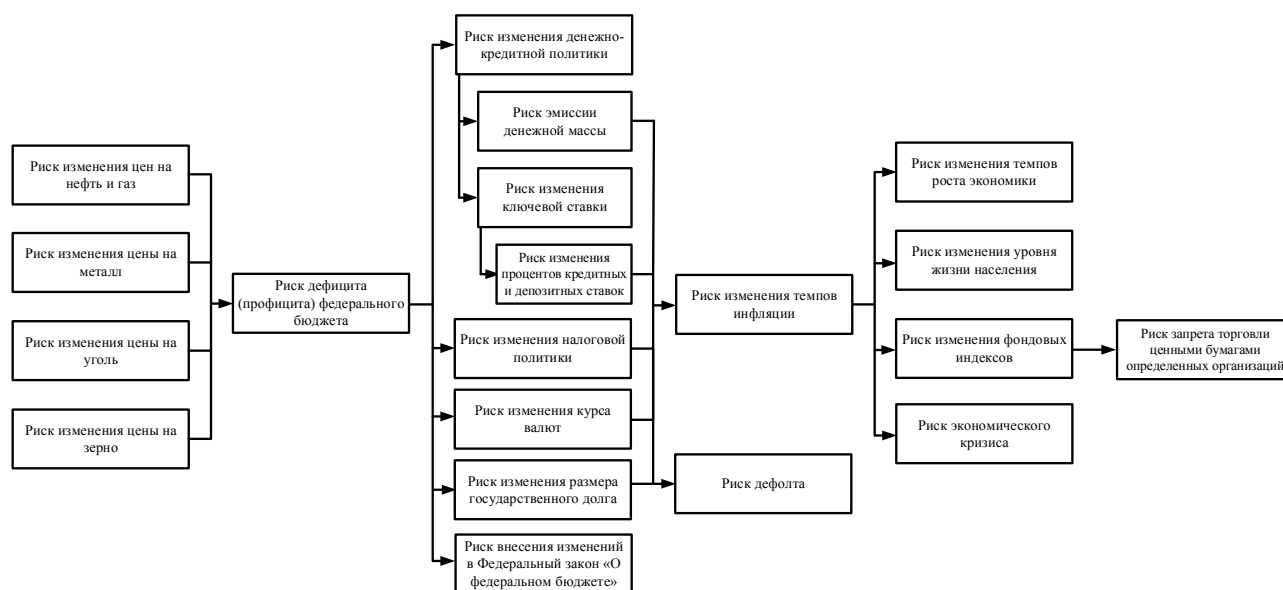

Рис. 1. Причинно-следственная связь внешних экономических рисков

Fig. 1. Causal relationship of external economic risks

Подобное влияние на деятельность экономических агентов может быть объяснено важной ролью топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) в формировании доходов в отечественной бюджетной системе России (табл. 1) [4, 5].

Из табл. 1 следует, что средний объем нефтегазовых доходов в федеральном бюджете составляет порядка 36,9 %. Это обстоятельство указывает на большую зависимость федерального бюджета от изменения цен на нефть и газ, их объемов добычи и экспорта, что влияет на экономическую, энергетическую и национальную безопасность России [6].

Таблица 1. Соотношение нефтегазовых и ненефтегазовых доходов в федеральном бюджете в 2018–2023 гг.**Table 1.** Ratio of oil and gas and non-oil and gas revenues in the federal budget in 2018–2023

Доходы/Revenues	2018	2019	2020	2021	2022	2023
	%					
Нефтегазовые/Oil and gas	46,4	39,3	28,0	35,8	41,6	30,3
Ненефтегазовые/Non-oil and gas	53,6	60,7	72,0	64,2	58,4	69,7

В частности, согласно Энергетической стратегии на период до 2035 г. (далее – Стратегия), утвержденной в рамках распоряжения № 1523-р (далее – Распоряжение № 1523-р), объемы добычи нефти и газа до 2024 г. должны составлять 556–560 млн т и 795,1–820,6 млрд м³, а в период до 2035 г. – 490–555 млн т и 859,7–1 000,7 млрд м³¹. Фактические показатели добычи нефти и газа показывают, что отечественным институтам удалось достичь запланированных значений и обеспечить стабильность функционирования национальной экономики, отраслей, регионов и экономических агентов² (табл. 2).

Таблица 2. Фактическая добыча нефти и газа в 2018–2023 гг.**Table 2.** Actual oil and gas production in 2018–2023

Добыча/Production of	2018	2019	2020	2021	2022	2023
нефти, млн т/oil, million tons	555,8	560,2	512,7	524,0	534,0	527,0
газа, млрд м ³ /gas, billion cubic meters	725,4	738,0	692,3	762,3	672,0	642,0

Учитывая факты, рассмотренные выше, особое внимание необходимо обратить на показатели нефтегазовых и ненефтегазовых доходов, которые представлены в Федеральном законе № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» (далее – Закон № 540-ФЗ)³. В соответствии со статьей 1 Закона № 540-ФЗ доходы федерального бюджета в 2024 г. должны составить 35062,5 млрд р., где объем нефтегазовых доходов прогнозируется на уровне 1053,6 млрд р., т. е. 3 % от общего объема доходов. Совокупный объем доходов на 2025 г. прогнозируется в размере 33552,3 млрд р., из которых 1835,6 млрд р. – это доходы, полученные от реализации нефтегазового сырья и нефтепродуктов (5,4 % от общего объема доходов). В 2026 г. планируется обеспечить федеральный бюджет доходами на уровне 34050,9 млрд р., где 1844,8 млрд р. – нефтегазовые доходы (5,4 % от общего объема доходов).

Подобное уменьшение доли нефтегазовых доходов в федеральном бюджете России может негативно сказаться на устойчивости национальной экономики. В этой связи целью настоящей статьи является проведение анализа риска изменения цен на нефть и газ, оценка устойчивости национальной экономики, а также идентификация факторов, которые оказывают влияние на изменение цен на нефть и газ.

Анализ динамики поступлений нефтегазовых доходов

В 2022 г. на процесс достижения запланированных показателей по добыче нефти и газа было оказано беспрецедентное рестрикционное давление, которое привело к кардинальным

¹ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 321 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие энергетики"». URL: <https://clck.ru/34k88Y> (дата обращения: 01.09.2024).

² Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года». URL: <https://clck.ru/34XEga> (дата обращения: 01.09.2024).

³ Федеральный закон от 27.11.2023 № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов». URL: <https://clck.ru/3Ck4dJ> (дата обращения: 01.09.2024).

изменениям условий функционирования отечественной экономики. Так, отказ ряда стран от сотрудничества в сырьевой сфере снизил экспорт газа на 30,7 %, до 170,6 млрд м³⁴. Однако, несмотря на внешнее давление, экспорт нефти в 2022 г. достиг 242,0 млн т, увеличившись на 7,6 % по сравнению с 2021 г.⁵ Данный рост обусловлен оперативной переориентацией экспортных поставок нефти в Китай, Индию и Индонезию [7].

Очевидно, что беспрецедентное рестрикционное давление на нефтегазовую сферу было направлено на социально-экономическое положение России, которое должно было ухудшиться из-за возникшего дефицита федерального бюджета, увеличения темпов инфляции, падения уровня жизни населения, снижения темпов роста экономики и др. [8]. Требуется подчеркнуть, что согласно Доктрине энергетической безопасности⁶ и Стратегии национальной безопасности⁷ подобное давление квалифицируется как действия, которые направлены на причинение ущерба энергетическим, экономическим и национальным интересам Российской Федерации [9].

Необходимо добавить, что позитивных показателей по уровню добычи и экспорта сырьевых ресурсов удалось во многом добиться за счет усиления сотрудничества между Россией и странами Азиатско-Тихоокеанского региона⁸. В частности, за счет подписанного соглашения между ПАО «Роснефть» и китайской компанией «CNPC», в рамках которого в течение десяти лет (до 31.12.2033 г.) в Китай через Казахстан будут поставлены 100 млн т нефти⁹. Также стоит отметить, что в этот же день (04.02.2022 г.) между ПАО «Газпром» и китайской компанией «CNPC» был заключен еще один важный договор купли-продажи, по условиям которого объем поставок газа в Китай с Дальнего Востока должен достигнуть 48 млрд м³ в год¹⁰.

Снижение поступлений нефтегазовых доходов в 2023 г. в первую очередь обусловлено снижением цен на нефтепродукты и недобросовестным поведением недружественных стран. Например, введен потолок цен на нефтепродукты из России, где светлые нефтепродукты (бензин и дизельное топливо) нельзя покупать, если их цена будет превышать 100 долл. США за баррель, а темные нефтепродукты – 40 долл. США. Подобные дискриминационные меры привели к значительному сокращению экспорта отечественных нефтепродуктов. Так, например, в январе 2023 г. доходы от экспорта нефти и газа упали на 38 % по сравнению с тем же периодом прошлого года. Кроме того, на объемы нефтегазовых доходов оказало негативное влияние изменение налогового и таможенного законодательства в части продолжения реализации механизма «налогового маневра».

Анализ табл. 3 показывает, что на соотношение нефтегазовых и ненафтегазовых доходов оказывают существенное влияние цены на энергоносители. Ярким примером является рост цен на газ в 2022 г. По сравнению с 2021 г. цена на газ выросла в 3,2 раза, что обеспечило увеличение объемов пошлин, несмотря на падение объема экспорта газа. Однако в 2023 г. цена на газ упала на 45,5 %.

⁴ В Минэнерго сообщили, что Россия в 2022 году снизила экспорт газа на 30,7 %. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17270415> (дата обращения: 01.09.2024).

⁵ Экспорт российской нефти в 2022 году увеличился на 7,6 процента. URL: <https://clck.ru/34jn4g> (дата обращения: 01.09.2024).

⁶ Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации». URL: <https://clck.ru/34kUzA> (дата обращения: 01.09.2024).

⁷ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://clck.ru/32zud4> (дата обращения: 01.09.2024).

⁸ Официальный сайт ПАО «Роснефть». URL: <https://www.rosneft.ru/> (дата обращения: 01.09.2024).

⁹ «Роснефть» подписала соглашение о поставке 100 млн т нефти в Китай. URL: <https://clck.ru/34jnu8> (дата обращения: 01.09.2024).

¹⁰ «Газпром» заключил договор о продаже в Китай газа с Дальнего Востока. URL: <https://clck.ru/34jncG> (дата обращения: 01.09.2024).

Таблица 3. Доходы федерального бюджета в 2018–2023 гг. (млрд р.) [4, 5]**Table 3. Federal budget revenues in 2018–2023 (billion rubles) [4, 5]**

Наименование/Name	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Цена на нефть марки «Юралс», \$ за баррель Urals oil price, \$ per barrel	70,0	63,8	41,4	69,0	77,6	62,9
Цена на газ (дальнее зарубежье), \$ за тыс. м ³ Gas price (non-CIS countries), \$ per thousand cubic meters m	245,3	204,8	131,6	334,7	954,5	434,6
Курс \$ к рублю Exchange rate \$ to ruble	62,6	64,7	72,0	73,6	67,5	84,7
Доходы/Income	19454,4	20188,8	18719,1	25286,4	27824,0	29124,0
Нефтегазовые доходы Oil and gas revenues	9017,8	7924,3	5235,2	9056,5	11586,2	8822,2
Нефть/нефтепродукты Oil/petroleum products	7431,0	6432,4	4174,7	7115,9	7703,9	6577,4
Налог на дополнительный доход (НДД) Additional income tax (NDI)	0,0	101,1	149,0	1008,7	1008,7	1292,6
Налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) на нефть Mineral extraction tax (MET) on oil	5232,3	5175,5	3198,3	6295,7	8391,5	7786,5
Акциз на нефтяное сырье, направленное на переработку Excise tax on petroleum raw materials sent for processing	0,0	–424,6	135,0	–1287,6	–3248,9	–2912,4
Пошлины на нефть сырую Duties on crude oil	1550,0	1115,5	436,0	707,8	606,8	283,9
Пошлины на товары, выработанные из нефти Duties on goods produced from oil	648,7	464,9	256,4	391,4	269,5	126,8
Газ/Gas	1439,9	1322,6	921,4	1703,2	3502,2	1785,3
НДПИ на газ MET on gas	630,6	627,0	482,2	577,8	1872,1	1219,3
Пошлины на газ/Gas duties	809,2	695,7	439,1	1125,4	1630,1	566,0
Газовый конденсат/Gas condensate	147,0	169,3	139,1	237,4	380,1	459,4
НДПИ на газовый конденсат MET on gas condensate	147,0	169,3	139,1	237,4	380,1	459,4
Ненефтегазовые доходы Non-oil and gas revenues	10436,6	12264,5	13483,8	16229,9	16237,8	20301,7

Исполнение федерального бюджета в 2018–2023 гг. показывает, что размер пошлины для нефти снизился с 1550,0 до 283,9 млрд р., для нефтепродуктов – с 648,7 до 126,8 млрд р. (табл. 3). Снижение объемов поступлений может быть объяснено реализацией «налогового маневра», т. е. постепенного уменьшения пошлины на нефть и нефтепродукты с 30 до 0 % (с 2019 до 2024 г.)¹¹. Смысл «налогового маневра» заключается в снижении зависимости российского бюджета от цены на нефть, т. к. для расчета НДПИ используется цена на нефть и курс доллара США, а пошлина напрямую исчисляется в долларах США. Например, пошлина на нефть в 2022 г. установлена в размере \$46,7 за тонну, на светлые нефтепродукты – \$14,0 за тонну, на темные нефтепродукты – \$46,7 за тонну¹². Реализуется «налоговый ма-

¹¹ Федеральный закон от 18.02.2020 № 24-ФЗ «О внесении изменения в статью 35 Закона Российской Федерации «О таможенном тарифе». URL: <https://clck.ru/34jocX> (дата обращения: 01.09.2024).

¹² О вывозных таможенных пошлинах на нефть и отдельные категории товаров, выработанных из нефти, на период с 1 по 31 декабря 2022 года. URL: <https://clck.ru/34joqx> (дата обращения: 01.09.2024).

невр» путем введения поправочных коэффициентов для пошлины от 0,167 в 2019 г. до 1 в 2024 г. для НДС и от 0,833 в 2019 г. до 0 в 2024 г.

Особое внимание необходимо обратить на величину НДС в структуре поступлений доходов федерального бюджета, которая существенно увеличилась по сравнению с 2019–2021 гг. с 101,1 до 1008,7 млрд р. (табл. 3). Подобный рост НДС свидетельствует о результативности перехода месторождений на этот режим налогообложения. Под режим НДС подпадают определенные арктические проекты, а также месторождения в Восточной и Западной Сибири, для которых выработанность составляет менее 5 %. Данный налог направлен на замену пошлины и частично НДС¹³.

Важно отметить, что в 2022 г. цена на нефть превысила \$43,3 за баррель, в результате чего были сформированы нефтегазовые сверхдоходы в объеме 5077,3 млрд р., из которых 1127,9 млрд р. в силу Постановления Правительства РФ № 699 (далее – Постановление № 699) было направлено на покупку иностранной валюты и золота¹⁴. В силу Федерального закона № 384-ФЗ, указанные средства были направлены на увеличение резервного фонда (далее – Закон № 384)¹⁵. Согласно Закону № 384, если происходит снижение цены на нефть марки «Юралс» ниже \$43,3 за баррель, то для недопущения дефицита федерального бюджета и покрытия выпадающих нефтяных доходов Минфин России применяет «бюджетное правило», продавая валюту (доллары США, фунты, евро и др.) со счетов резервного Фонда национального благосостояния (ФНБ) Банка России. «Бюджетное правило» действует в Российской Федерации с 2017 г., его сутью является направление сверхдоходов от продажи нефти марки «Юралс» в ФНБ, если ее цена превышает \$43,3 за баррель.

Из данных табл. 3 видно, что существенно возросло влияние на структуру нефтегазовых доходов акциза на нефтяное сырье, направленное на переработку. Величина акциза изменилась с 424,6 млрд р. за 2019 г. до 2912,4 млрд р. за 2023 г. Увеличение размера «обратного акциза» связано с постепенным переходом от пошлины на нефть при соизмеримом повышении НДС. Так, «обратный акциз» в виде налогового вычета выплачивается нефтеперерабатывающим заводам (НПЗ), если их материнские компании находятся под рестрикциями, если данные НПЗ перерабатывают за год более 600 тыс. т нефти, а также если они в течение квартала производят бензина и нефти для внутреннего рынка не менее 5 тыс. т.

Стоит подчеркнуть, что несмотря на образовавшийся дефицит федерального бюджета в размере 3229,7 млрд р. в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» № 466-ФЗ изменения не вносились¹⁶.

Нельзя не отметить, что, несмотря на важное место нефтегазовых доходов, их прогнозируемая доля от общего объема федерального бюджета в 2024 г. будет составлять порядка 3 %, в 2024 г. – 5,4 %, в 2025 г. – 5,4 %. Подобное уменьшение обусловлено сокращением добычи нефти и газа. Сокращение в первую очередь вызвано рестрикциями. В частности, 05.12.2022 г. страны G7, ЕС и Австралия установили эмбарго на поставки нефти в ЕС и вве-

¹³ Кабмин одобрил законопроект по расширению НДС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13637745> (дата обращения: 01.09.2024).

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 14.08.2013 № 699 «О проведении расчетов и перечислении средств в связи с формированием и использованием дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета, средств Фонда национального благосостояния, а также о признании утратившими силу отдельных актов Правительства Российской Федерации». URL: <https://clck.ru/34jpHy> (дата обращения: 01.09.2024).

¹⁵ Федеральный закон «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2022 году» от 29.11.2021 № 384-ФЗ. URL: <https://clck.ru/34jpPa> (дата обращения: 01.09.2024).

¹⁶ Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» от 06.12.2021 № 390-ФЗ. URL: <https://clck.ru/34X4Bi> (дата обращения: 01.09.2024).

ли потолок цен на нефть, поставляемую в третьи страны, на уровне \$60 за баррель, а 05.02.2023 г. ввели потолок цен на нефтепродукты, поставляемые в третьи страны [10]¹⁷.

Факторы, оказывающие влияние на изменение цен на нефть и газ

Наряду с геополитическим давлением для нефтяной отрасли актуальны следующие факторы, оказывающие влияние на стоимость нефти [11]:

- *Увеличение себестоимости добычи* [12]. Согласно годовым отчетам ПАО «Роснефть» средняя себестоимость добычи нефти марки «Юралс» составляет \$10 за баррель, а со временем будет увеличиваться вследствие перехода на поздние стадии разработки месторождений [12, 13].
- *Ухудшение физико-химических характеристик добываемой нефти*. Плотность нефти варьируется от 0,65–1,05 г/куб. см. Если плотность нефти ниже 0,830, то ее принято называть легкой, если 0,831–0,860 – средней, если выше 0,860 – тяжелой [14]. Нефть марки «Юралс» является тяжелой, т. к. ее плотность составляет 0,860–0,871 г/куб. см. Кроме плотности качество нефти также определяется количеством различных примесей, таких как сера, кислород, металлоорганические соединения, углеводородный газ, вода, механические примеси и др. [15]. Чем выше уровень примесей, тем дороже обходится переработка нефти.
- *Незавершенность процесса формирования механизмов налогообложения*. Переход в условиях «налогового маневра» дестабилизирует ценообразование нефтепродуктов на внутреннем рынке.
- *Снижение объемов добычи и экспорта нефти в результате соглашений ОПЕК и ОПЕК+*. На членов ОПЕК и ОПЕК+ приходится около 40 % от всемирной добычи нефти [16, 17]. Консолидирование решения стран-участниц ОПЕК и ОПЕК+ оказывает значительное влияние на стоимость нефти.

Отдельно необходимо отметить факторы, влияющие на цену на газ, для газовой отрасли:

- *Увеличение затрат при добыче и транспортировке газа*. Рост расходов обусловлен сокращением неглубоко залегающих запасов, поэтому добыча перемещается на месторождения со сложными природно-климатическими и геологическими условиями. В частности, в настоящее время ведутся работы по созданию крупных производств в Арктической зоне на полуострове Ямал и Гыданском полуострове.

Также рост расходов при транспортировке связан с ухудшающимися условиями, вызванными уничтожением газовой инфраструктуры, а именно газопроводов «Северный поток» и «Северный поток 2», которые были выведены из строя 26.09.2022 г.¹⁸

- *Отсутствие конкурентного внутреннего рынка газа*. По итогам 2022 г. в России было добыто 672,0 млрд куб. м, из которых 170,6 млрд куб. м (25,3 % от общего объема) было экспортировано. Однако стоит отметить, что с запуском газопровода «Сила Сибири» реализуется программа газификации ряда субъектов России, расположенных на Дальнем Востоке.

Заключение

Учитывая перспективы роста мирового энергопотребления, рестрикции и факторы риска для нефтяной отрасли, прогнозируется замедление спроса на нефть с одновременным увеличением спроса на газ. Условия для роста спроса на газ обеспечиваются за счет роста потреб-

¹⁷ ЕС уточнил механизм действия ограничений на поставку российских нефтепродуктов. URL: <https://clck.ru/34jxez> (дата обращения: 01.09.2024).

¹⁸ В обеих нитках «Северного потока-1» упало давление. URL: <https://clck.ru/34k6cv> (дата обращения: 01.09.2024).

ления электрической энергии и усиливаются требованиями климатической политики. Данный вывод согласуется с положениями, представленными в Стратегии, где отмечается, что в среднесрочной перспективе уровень цены на нефть будет определяться целым рядом общеэкономических, политических и социальных факторов [18].

Необходимо отметить, что в соответствии с прогнозом Стратегии рост мощностей первичной переработки ожидается в Азиатско-Тихоокеанском регионе, прежде всего за счет вводов новых нефтеперерабатывающих заводов на территории Китая и Индии [19]. В Европе и Северной Америке объемы первичной переработки будут снижаться из-за низкой маржи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мастепанов А. Нефтяные рынки в годы великих трансформаций // Энергетическая политика. – 2023. – № 4 (182). – С. 18–33. DOI: 10.46920/2409-5516_2023_4182_18
2. Николаенко В.С. Безупречный риск-менеджмент. – Томск: Изд-во ТУСУРа, 2023. – 140 с.
3. Богданова Т.С., Костина О.И. Влияние цен на нефть на доходную часть бюджета Российской Федерации // Экономика, управление, финансы: теория и практика: сборник материалов XI-ой международной очно-заочной научно-практической конференции. В 2 т. Т. 2. – М.: Научно-издательский центр «Империя», 2019. – С. 153–158.
4. Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2022 год (предварительные итоги). – М.: Министерство финансов Российской Федерации, 2023. – 134 с. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/04/main/ispolnenie_federalnogo_budzheta_predvaritelnye_itogi.pdf (дата обращения: 17.05.2024).
5. Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2023 год. – М.: Министерство финансов Российской Федерации, 2024. – 112 с. URL: https://minfin.gov.ru/document?id_4=307469-ispolnenie_federalnogo_byudzheta_i_byudzhetrov_byudzhethoi_sistemy_rossiiskoi_federatsii_za_2023_god (дата обращения: 17.05.2024)
6. Николаенко В.С. Оценка угроз национальной безопасности Российской Федерации // Философия права. – 2024. – № 1 (108). – С. 205–212.
7. Моделирование последствий дисконта цен на нефть и его влияние на инвестиционную функцию добычи / Г. Паршикова, А. Перфильев, А. Прокопенко, А. Силаев // Энергетическая политика. – 2023. – № 3 (181). – С. 12–23. DOI: 10.46920/2409-5516_2023_3181_12
8. Дзюба Ю.А., Колужнов Д.В. Оценка степени влияния резкого спада цен на нефть и санкций на динамику ключевых макроэкономических показателей России // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2021. – Т. 2. – № 4. – С. 228–236. DOI: 10.33764/2618-981X-2021-2-4-228-236
9. Новак А. Российский ТЭК 2022: вызовы, итоги и перспективы // Энергетическая политика. – 2023. – № 2 (180). – С. 4–11. DOI: 10.46920/2409-5516_2023_2180_4
10. Громов А., Титов А. Перестройка российской нефтяной отрасли в условиях эмбарго и «потолка» цен // Энергетическая политика. – 2023. – № 5 (183). – С. 6–19. DOI: 10.46920/2409-5516_2023_5183_6
11. Ханеня Д.Ю., Богомолова Е.В. Изучение факторов, провоцирующих нефтяные кризисы и влияющих на образование цены на нефть // Будущее науки-2019: сборник научных статей 7-й Международной молодежной научной конференции. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 416–419.
12. Воробьев С.Ю., Сафонова Т.Ю., Алихашкин С.А. О «Дружбе» с Белоруссией // Бурение и нефть. – 2020. – № 3. – С. 3–11.
13. Соловьева Ю.В., Черняев М.В. Факторы, влияющие на формирование цены на нефть марок Brent и Urals // Этап: экономическая теория, анализ, практика. – 2020. – № 4. – С. 73–85. DOI: 10.24411/2071-6435-2020-10035
14. Рудская И.А. Анализ развития нефтегазовой промышленности в Российской Федерации // Экономический анализ: теория и практика. – 2021. – Т. 20. – № 7 (514). – С. 1214–1233.
15. Емец С.В., Ахматвалиев Р.Г., Игнатьева Л.И. Оценка результатов контроля метрологических характеристик поточного преобразователя плотности нефти // Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2021. – № 72-1. – С. 45–47.
16. Состав и свойства нефти месторождения Приозерное / Л.В. Иванова, О.А. Стоколос, Ю.В. Генералова, В.А. Янтураев, О.В. Примерова, В.Р. Мкртычан // Бутлеровские сообщения. – 2021. – Т. 68. – № 10. – С. 105–110. DOI: 10.37952/jbc-01/21-68-10-105. URL: <https://butlerov.com/stat/reports/details.asp?lang=ru&id=39484> (дата обращения: 17.05.2024)
17. Зефирова В.И. Прогнозирование курса рубля к доллару на базе цен на нефть // Неделя науки Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. – 2019. – Т. 1. – № 1. – С. 33. EDN: JYNLKF

18. Николаенко В.С. Риск, риск-менеджмент и неопределенность: уточнение понятий // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 81. – С. 91–119. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10080
19. Конопляник А. Футуризм и коридоры возможностей для российского ТЭК в условиях создания единого евроазиатского энергетического пространства // Энергетическая политика. – 2023. – № 2 (180). – С. 54–69. DOI: 10.46920/2409-5516_2023_2180_54

Информация об авторах

Валентин Сергеевич Николаенко, кандидат экономических наук, доцент кафедры автоматизации обработки информации Факультета систем управления Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40; доцент отделения управления бизнесом и инновациями Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; доцент кафедры экономики, социологии, политологии и права Института интегративного здравоохранения Сибирского государственного медицинского университета, Россия, 634050, г. Томск, Московский тракт, 2; valentin.s.nikolaenko@tusur.ru

Поступила в редакцию: 30.09.2024

Поступила после рецензирования: 12.12.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. Mastepanov A. Oil markets in the years of great transformations. *Energy policy*, 2023, no. 4 (182), pp. 18–33. (In Russ.) DOI: 10.46920/2409-5516_2023_4182_18
2. Nikolaenko V.S. *Impeccable risk-management*. Tomsk, TUSUR Publ. House, 2023, 140 p. (In Russ.)
3. Bogdanova T.S., Kostina O.I. The impact of oil prices on the revenue side of the budget of the Russian Federation. *Economy, Management, Finance: Theory and Practice. Collection of Materials of the XI International In-Person and Correspondence Scientific and Practical Conference*. In 2 vol. Vol. 2. Moscow, Scientific Publishing Center "Empire", 2019. pp. 153–158. (In Russ.)
4. *Execution of the federal budget and budgets of the budget system of the Russian Federation for 2022 (preliminary results)*. Moscow, Ministry of Finance of the Russian Federation Publ., 2023. 134 p. (In Russ.) Available at: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/04/main/ispolnenie_federalnogo_budzheta_predvaritelnye_itogi.pdf (accessed: 17 May 2024).
5. *Execution of the federal budget and budgets of the budget system of the Russian Federation for 2023*. Moscow, Ministry of Finance of the Russian Federation Publ., 2024. 112 p. (In Russ.) Available at: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=307469-ispolnenie_federalnogo_byudzheta_i_byudzhetrov_byudzhetnoi_sistemy_rossiiskoi_federatsii_za_2023_god (accessed: 17 May 2024).
6. Nikolaenko V.S. Assessment of threats to the national security of the Russian Federation. *Philosophiya prava*, 2024, no. 1 (108), pp. 205–212. (In Russ.)
7. Parshikova G., Perfiliev A., Prokopenko A., Silaev A. Modeling the consequences of the oil price discount and its impact on the investment function of production. *Energy policy*, 2023, no. 3 (181), pp. 12–23. (In Russ.) DOI: 10.46920/2409-5516_2023_3181_12
8. Dzyuba Yu.A., Kolyuzhnov D.V. The estimation of influence of the sharp oil prices reduction and sanctions on the dynamics of Russian crucial macroeconomic indicators. *Interexpo Geo-Siberia*, 2021, vol. 2, no. 4, pp. 228–236. (In Russ.) DOI: 10.33764/2618-981X-2021-2-4-228-236
9. Novak A. Russian Fuel and Energy Sector 2022: challenges, results and prospects. *Energy policy*, 2023, no. 2 (180), pp. 4–11. (In Russ.) DOI: 10.46920/2409-5516_2023_2180_4
10. Gromov A., Titov A. Restructuring the Russian oil industry in the context of the embargo and the price cap. *Energy policy*, 2023, no. 5 (183), pp. 6–19. (In Russ.) DOI: 10.46920/2409-5516_2023_5183_6
11. Khanenya D.Yu., Bogomolova E.V. Study of factors provoking oil crises and influencing oil price formation. *The Future of Science-2019. Collection of scientific articles of the 7th International Youth Scientific Conference*. Kursk, South-West State University Publ., 2019. pp. 416–419. (In Russ.)
12. Vorobyov S.Yu., Safonova T.Yu., Alikhashkin S.A. On “Friendship” with Belarus. *Drilling and Oil*, 2020, no. 3, pp. 3–11. (In Russ.)
13. Solovyova Yu.V., Chernyaev M.V. Factors influencing the formation of the price of Brent and Urals crude oil. *Etap: economic theory, analysis, practice*, 2020, no. 4, pp. 73–85. (In Russ.) DOI: 10.24411/2071-6435-2020-10035
14. Rudskaya I.A. Analysis of the development of the oil and gas industry in the Russian Federation. *Economic analysis: theory and practice*, 2021, vol. 20, no. 7 (514), pp. 1214–1233. (In Russ.)

15. Emets S.V., Akhmatvaliev R.G., Ignateva L.I. Evaluation of the results of control the metrological characteristics of the flow converter of oil density. *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 2021, no. 72-1, pp. 45–47. (In Russ.)
16. Ivanova L.V., Stokolos O.A., Generalova Yu.V., Yanturaev V.A., Primerova O.V., Mkrtychan V.R. Composition and properties of oil from Priozernoye field. *Butlerovskie communications*, 2021, vol. 68, no. 10, pp. 105–110. (In Russ.) DOI: 10.37952/jbc-01/21-68-10-105. Available at: <https://butlerov.com/stat/reports/details.asp?lang=ru&id=39484> (accessed: 17 May 2024).
17. Zefirov V.I. Forecasting ruble to course on the basis of oil prices. *Science Week of St. Petersburg State Maritime Technical University*, 2019, vol. 1, no. 1, pp. 33. (In Russ.) EDN: JYNLKF
18. Nikolaenko V.S. Risk, risk management and uncertainty: clarifying the concepts. *Public Administration. E-journal (Russia)*, 2020, no. 81, pp. 91–119. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10080
19. Konoplyanik A. Futurism and corridors of opportunities for Russian fuel and energy complex within formation of a common Eurasian energy space. *Energy policy*, 2023, no. 2 (180), pp. 54–69. (In Russ.) DOI: 10.46920/2409-5516_2023_2180_54

Information about the authors

Valentin S. Nikolaenko, Cand. Sc., Associate Professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 40, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; Siberian State Medical University, 2, Moskovsky tract, Tomsk, 634050, Russian Federation; valentin.s.nikolaenko@tusur.ru

Received: 30.09.2024

Revised: 12.12.2024

Accepted: 30.12.2024

УДК 338.433:339.178.46(470+571)
DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1899
Шифр специальности ВАК: 5.2.3

Агроагрегатор как ключевой элемент развития малого и среднего предпринимательства в регионах Российской Федерации

Е.Г. Захарченко ✉

Мелитопольский государственный университет, Россия, г. Мелитополь

✉ zaharchenko_lena@mail.ru

Аннотация. Актуальность. В рамках стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года, а также осуществления господдержки субъектам малого предпринимательства, которые производят сельскохозяйственную продукцию на территориях Новороссии, актуальным является организация деятельности агроагрегаторов. **Цель:** обоснование внедрения и создания агроагрегатора как связующего звена между производителями и потребителями, что позволяет исключить посредников, которые имеют большую прибыль в отличие от сельскохозяйственного производителя. **Методы:** методы экономической теории, исторический метод, контент-анализ, метод системного подхода. **Результаты:** исследована история происхождения термина «агрегация», выявлено усиление роли агрегации в современном мире; рассмотрены экономико-правовые аспекты употребления термина «агрегатор» в Российской Федерации; введено понятие «агроагрегатор»; обоснована социально-экономическая роль агроагрегаторов как оператора и помощника для малых и средних сельскохозяйственных производителей; предложена организационно-функциональная схема деятельности агроагрегатора, которая облегчит создание и внедрение агроагрегаторов на территории новых регионов России.

Ключевые слова: агрегация, агрегатор, агроагрегатор, функции агроагрегатора, малые и средние сельскохозяйственные производители, устойчивое развитие сельских территорий, новые регионы

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания на проведение научно-исследовательской работы по теме «Формирование социально-экономических условий эффективного развития малых форм хозяйственной деятельности региона» FRRS-2023-0033.

Для цитирования: Захарченко Е.Г. Агроагрегатор как ключевой элемент развития малого и среднего предпринимательства в регионах Российской Федерации // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 97–112. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1899

UDC 338.433:339.178.46(470+571)
DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1899

Agroaggregator as a key element of the development of small and medium-sized enterprises in the regions of the Russian Federation

E.G. Zakharchenko ✉

Melitopol State University, Melitopol, Russian Federation

✉ zaharchenko_lena@mail.ru

Abstract. Relevance. Within the framework of the strategy for sustainable development of rural areas of the Russian Federation for the period until 2030, as well as the implementation of state support to small businesses that produce agricultural products in the territories of Novorossiia, the organization of the activities of agricultural aggregators is relevant. **Aim.** To substantiate the necessity for the introduction and organization of agroaggregators as a link between producers and consumers, which allows excluding third-party intermediaries who have a large profit, unlike agricultural producers. **Methods.** Methods of economic theory, historical method, content analysis, systems approach method. **Results.** The author has investigated the history of the origin of the term "aggregation" and revealed the strengthening of the role of aggregation in the modern world. The paper considers the economic and legal aspects of using the term "aggregator" in the Russian Federation, as well as the introduction of the concept of "agroaggregator". The author substantiated the socio-economic role of agroaggregators as a partner and assistant for small and medium agricultural producers. According to the results of the study, an organizational and functional scheme of the agroaggregator activity is proposed. It will facilitate the creation and implementation of agroaggregators in the territory of new regions of Russia.

Keywords: aggregation, aggregator, agroaggregator, agroaggregator functions, small and medium-sized agricultural producers, sustainable rural development, new regions

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of the state assignment for conducting research work on the topic "Formation of socio-economic conditions for the effective development of small forms of economic activity in the region" FRRS-2023-0033.

For citation: Zakharchenko E.G. Agroaggregator as a key element of small and medium-sized enterprises development in the regions of the Russian Federation. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 97–112. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1899

Введение

Вызовы современного мира многогранны и затрагивают все сферы жизни общества. Проблемы аграрного сектора экономики страны – это не только вопросы продовольственной безопасности, миграции населения из села, дефицита квалифицированных кадров в сфере образования и здравоохранения, в целом инфраструктуры сельских территорий, которые достаточно тесно переплетены, но и формирование социально-экономических условий эффективного развития малых форм хозяйственной деятельности. Актуальность исследований в данном направлении подкреплена законодательными изменениями. Государственная дума приняла во втором и третьем чтении поправки в Федеральные законы «О развитии сельского хозяйства» и «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», направленные на поддержку сельского хозяйства, которые одобрены Советом Федерации, подписаны президентом и опубликованы 8 августа 2024 года. Согласно изменениям, внесенным в закон «О развитии сельского хозяйства», одним из направлений господдержки сельского хозяйства, устойчивого развития сельских территорий является поддержка совершенствования инфраструктуры рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, произведенных на животноводческих фермах или других объектах, принадлежащих сельскохозяйственным товаропроизводителям, отнесенным к субъектам малого предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, сельскохозяйственные потребительские кооперативы, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих производство сельскохозяйственной продукции, а также гражданам, ведущим личное подсобное хозяйство [1]. Такие изменения актуальны и для сельских территорий новых регионов Российской Федерации (Запорожской области, Херсонской области, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики), которые по окончании переходного периода должны полноценно влиться в экономику Российской Федерации и её правовое поле.

Целью статьи является изучение понятия агрегатора как связующего звена между производителем и потребителем товаров и услуг. Сформулированы следующие задачи: анализ современных форм и сфер внедрения агрегаторов, в том числе агроагрегатора; определение преимуществ и возможных рисков внедрения агроагрегаторов; построение примера функциональной модели агроагрегатора.

Научный обзор

Концепцию внедрения агрегаторов как посредников между производителем продукции и потребителем изучали ряд зарубежных авторов, среди которых Дж. Мелиала [2], Г.М. Прадо [3], Я. Хуан [4], Ч. Ченг [5], Х.Д. Кортес [6]. Так, Дж. Мелиала, М. Хубейс, С. Яхро, А. Маулана проанализировали деятельность и роль онлайн-агрегаторов (основанных на информационных технологиях) в цепочках создания стоимости сельскохозяйственной продукции, особенно овощей. Результаты анализа показали, что основные направления деятельности агрегатора – бизнес-цепочки создания стоимости, которые делятся на три части создания стоимости, а именно поставщиков сырья, переработчиков и поставщиков маркетинга. Онлайн-агрегаторы станут важными участниками системы агробизнеса [2].

Г.М. Прадо, Э. Катапан, С.М. Зануцци, Ф. Матос, П.М. Селиг изучили ключевые факторы успеха малых сельскохозяйственных предприятий на практическом примере цифровой торговой платформы Sumá для бразильских мелких фермеров. С помощью методики дискурса анализа были определены три критические области: рынок и возможности; ресурсы; команда предпринимателей. В области рынка и возможностей выявлена важность понимания динамики рынка, поведения потребителей и взаимоотношений с заинтересованными сторонами. Особое внимание было уделено обучению производителей для понимания сложностей рынка. В области ресурсов решающее значение для долгосрочной устойчивости является обеспечение финансовыми ресурсами, партнерские отношения и прозрачное общение с инвесторами [3].

Я. Хуан провёл эмпирическое исследование с помощью микроопросов представителей типичных фермерских хозяйств о различиях онлайн-продаж свежих и сухих сельскохозяйственных продуктов. Было выявлено большее влияние на доходы фермерских семей продаж сухой продукции в связи с тем, что проще процессы хранения и транспортировки. Онлайн-продажи дают возможность фермерам выходить на рынок без посредников [4].

Ч. Ченг, Ц. Гао, К. Цзю, Ю. Ма исследовали, как цифровые навыки влияют на сельскохозяйственное предпринимательство фермеров. На основании данных проведенного опроса фермерских хозяйств провинции Цзянсу за 2020–2022 гг. авторами сделан вывод о том, что цифровые навыки могут внести существенный вклад в принятие фермерами решений о предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве. Согласно исследованию, каждое повышение цифровых навыков на один пункт увеличивает вероятность развития фермерского предпринимательства в сельском хозяйстве на 1,10 п. п. [5].

Х.Д. Кортес, Д.Э. Джексон, А.Ф. Кортес, собрав исторические данные и проведя серию интервью с экспертами аграрной отрасли, используя методологию имитационного моделирования, предложили концепцию, которая помогает распределять мелким фермерам свою продукцию по каналам реализации для увеличения выручки в данном сезоне. Небольшие фермерские хозяйства сталкиваются с проблемой выбора канала реализации: продавать напрямую потребителям (то есть на фермерских рынках) или продавать через агрегаторы. Общие результаты исследований ученых подчеркивают, что фермерам следует планировать равномерное распределение своей продукции между двумя каналами сбыта. Однако если равномерное распределение невозможно, они должны планировать большую долю сбыта в неагрегаторном канале (фермерский рынок/прямой канал сбыта). Также авторами доказано, что фермер получает значительную выгоду от эффективной клиентской базы агрегаторного

канала. Это подчеркивает необходимость того, чтобы фермеры сотрудничали с агрегатором для продвижения и рекламы канала агрегатора, даже если они поставляют только ограниченное количество продукции.

В отечественных научных публикациях также рассматриваются деятельность и роль агрегаторов в различных сферах экономики. Привлекают внимание публикации таких авторов, как Л.И. Сафаргалеев [7], Л.А. Чеговадзе [8], Н.А. Малышева [9], Т.Ф. Тимофеева [10], В.В. Акбердина [11], Г.З. Мансуров [12], затрагивающие законодательные аспекты деятельности агрегаторов. Так, Л.И. Сафаргалеев исследует понятие агрегатора информации о товарах (услугах), а также статус его владельца и сущность договорных отношений владельца агрегатора. Им выявлена неурегулированность законом ответственности агрегатора перед поставщиком товаров или исполнителем услуг, которая на данный момент носит исключительно договорной характер [7]. Л.А. Чеговадзе провела анализ законодательства РФ в сфере деятельности агрегаторов и отметила агрегатор как объект прав их владельцев, покупателей и потребителей услуг. В публикации отмечено, что агрегатор является организатором торговли товарами и предоставления услуг с использованием интернет-технологий [8]. Н.А. Малышева, А.С. Мельник в своем исследовании провели сравнительную характеристику понятий «агрегатор информации о товарах (услугах)» и «цифровая платформа», где доказали о неправомерности отождествления данных понятий в первую очередь с юридической точки зрения [9]. Т.Ф. Тимофеева, В.В. Тимофеев определяют понятие торгового агрегатора как цифровой площадки, которая обеспечивает куплю-продажу по выгодным ценам и благодаря которой в едином информационном окне можно осуществлять поиск, анализ, сравнение большого количества предложенных товаров [10].

В.В. Акбердина, А.З. Барыбина, Е.А. Никулина отмечают, что цифровые платформы могут выполнять функции агрегаторов информации о товарах (услугах) и выступать в роли цифрового посредника. Однако в последней редакции закона «О защите прав потребителей» отсутствует определение агрегатора как информационного посредника [11, 21]. Г.З. Мансуров акцентирует внимание на проблеме в трактовке понятия «агрегатор». В законодательных актах данный термин обозначается двояко: и как субъект правового регулирования (платёжный агрегатор, единый агрегатор торговли), и как объект (новостной агрегатор, агрегатор социально значимой информации, агрегатор информации о товарах и услугах) [12]. В исследованиях глобальной цифровизации Е.А. Красильниковой в понятие агрегатора вкладывается смысл сервисов по доставке товаров повседневного спроса [13]. О.Н. Сараева, А.А. Шут предлагают модель агрегатора для рынка биржевых товаров, которая представляет собой программную платформу с единым пользовательским интерфейсом. В целом бизнес-агрегатор приравнивается к понятию маркетплейса [14]. Многие отечественные авторы в научных текстах, применяя понятие «агрегатор», понимают это как аналог цифровой платформы или цифровой площадки [15, 16]. Таким образом, выявленные проблемы и несоответствия в понимании термина «агрегатор» создают дополнительные сложности в восприятии и правовом регулировании экономических и социальных процессов современного общества.

Несмотря на результаты исследований, недостаточно изученными остаются процессы, связанные с пониманием деятельности аграрных агрегаторов, и необходимость их внедрения в отечественном агропромышленном комплексе с целью развития малого и среднего предпринимательства.

Методология исследования

Эмпирическая основа исследования – литературные источники зарубежных и отечественных авторов, законодательная база Российской Федерации. В статье проведен анализ происхождения термина «агрегатор» и сферы его применения, выявлены различные подходы в понимании этого понятия. Применяется один из методов исследования литературных источни-

ков и законодательной базы – это контент-анализ. Также на основе метода абстракции сформированы принципы деятельности аграрного агрегатора. В исследовании с помощью системного подхода была построена организационно-функциональная схема деятельности агроагрегатора.

Результаты

История происхождения термина «агрегатор»

В современном мире все более актуальным становится понятие «агрегация», которое используется во многих сферах жизни (экономика, программирование, маркетинг, медицина и т. д.). Начнем исследование с истории возникновения понятия. Согласно словарю иностранных слов, термин «агрегация» с латинского *aggregatio* переводится как сосредоточение, накопление, то есть соединение в единое целое [17]. С помощью агрегации в экономике можно получать укрупненные показатели. Также объединение элементов с общими чертами в процессе агрегации позволяет их больше изучать и эффективнее использовать. Человечество с VII в. до нашей эры начало применять в библиотечном деле каталоги в виде глиняных табличек – это первые попытки сбора информации в одном месте (табл. 1). Позже использовались бумажные носители, но со середины XX в. начали внедряться электронно-вычислительные машины, которые значительно облегчали многие процессы общественного производства и функционирование его инфраструктуры. Таким образом, агрегация обеспечивала, в том числе, и консолидацию информации в одном месте. Появление Интернета позволяет агрегировать огромные объёмы информации, независимо от географического положения объектов. Научно-технический прогресс в XXI в. продолжает стимулировать развитие и усиление роли агрегации информации, на базе которой функционирует и эволюционирует искусственный интеллект. Также тесно вошли в современную жизнь маркетплейсы, поисковые системы, новостные платформы, социальные сети и т. д., то есть агрегация внедряется и используется во всех сферах жизни общества (экономической, социальной, политической).

Таблица 1. Этапы развития агрегации
Table 1. Stages of aggregation development

Этапы Stages	Начало развития Beginning of development	Использование агрегации Using aggregation
I	с VII в. до н. э. since the 7 th century BC	Каталог (агрегация информации на механических (позже бумажных) носителях) Catalog (information aggregation on mechanical (later paper) media)
II	с (since) 1942 г.	Агрегация информации с помощью электронно-вычислительных машин Information aggregation using electronic computers
III	с (since) 1983 г.	Интернет (обмен агрегированной информацией) Internet (exchange of aggregated information)
IV	с (since) 1997 г. с (since) 2000 г. с (since) 2020 г.	Ускорение развития искусственного интеллекта; поисковые системы; генеративный искусственный интеллект (современная бизнес-модель агрегатора как цифровая платформа) Acceleration of artificial intelligence development; search engines; generative artificial intelligence (modern business model of an aggregator as a digital platform)

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

В процессе анализа отечественных публикаций, в том числе и научно-популярных, было обнаружено употребление понятия «агрегатор» в разных смыслах. Один подход рассматривает агрегатор как организацию, компанию, выполняющую определенные функции агрегирования информации в том или ином направлении. Чаще всего такая формулировка содержится в федеральных законах. Так, например, в федеральном законе «О национальной платёжной системе» платёжный агрегатор – юридическое лицо, привлекаемое оператором по переводу денежных средств в целях: 1) обеспечения приема электронных средств платежа юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и иными лицами; 2) участия в переводе денежных средств в пользу юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных лиц по операциям с использованием электронных средств платежа [18]. В законе «Об электроэнергетике» агрегатор управления изменением режима потребления электрической энергии – коммерческая организация, имеющая статус субъекта оптового рынка, осуществляющая деятельность по формированию агрегированных объектов управления изменением режима потребления электрической энергии из принадлежащих третьим лицам объектов регулирования потребления электрической энергии потребителей розничных рынков и (или) оптового рынка и оказывающая с использованием таких объектов услуги по управлению изменением режима потребления электрической энергии [19]. И второй подход рассматривает термин «агрегатор» как программу для ЭВМ либо сайт или страницу сайта в сети Интернет, а также информационный ресурс. Этот подход заведомо предусматривает использование цифровых технологий для агрегации информации и её использования. Такое объяснение используется в терминах «новостной агрегатор», «агрегатор информации». Так, например, согласно законодательству, информационный ресурс признают новостным агрегатором, если на нём обрабатывается и распространяется новостная информация и если его посещает более одного миллиона пользователей сети в течение суток [20]. Также в публикациях агрегатор отождествляют со следующими понятиями: маркетплейс, дистрибьютер, цифровая, финансовая, инвестиционная платформа, распределительный центр и т. д. Следует отметить, что в российское законодательство этот термин вошёл сравнительно недавно: в течение последнего десятилетия были внесены изменения в ряд законов (табл. 2), но, несмотря на это, нет единого точного обозначения понятия «агрегатор» для его однозначного восприятия не только с юридической точки зрения, но и с экономической.

В приведенных законодательных актах в таблице присутствуют два основных подхода к понятию «агрегатор». При этом в принятом законе № 297-ФЗ от 08.08.2024, который вносит поправки в закон «О развитии сельского хозяйства» вводится новый термин: агроагрегатор – организация, основные виды деятельности которой относятся к сфере обращения фермерской продукции и которая образована согласно законодательству. С позиции возможности использования господдержки рассматриваются следующие агроагрегаторы:

- сельскохозяйственный потребительский кооператив;
- организация, не менее 51 % доли (акций) которой принадлежит сельскохозяйственным товаропроизводителям, отнесенным в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» к субъектам малого предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, сельскохозяйственные потребительские кооперативы, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих производство фермерской продукции [1].

Наиболее обоснованным автор статьи считает подход, который рассматривает агрегатор как организацию (либо юридическое лицо), одной из функций которой является процесс сосредоточения информации, товаров и услуг, в том числе и с использованием цифровых технологий для дальнейшего их сбыта либо распространения. Возникновение различных агрегаторов и их деятельность являются неотъемлемой частью современного общества и его социально-экономических процессов, что и обуславливает постепенную корректировку законодательства в этом направлении.

Таблица 2. Трактовка термина «агрегатор»
Table 2. Interpretation of the term "aggregator"

Название закона, подзаконный акт Title of the law, subordinate act	Дата внесенного изменения Date of change made	Вид агрегатора Type of aggregator	Трактовка Interpretation
ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated 27.07.2006 N 149-FL	2016	Новостной агрегатор News aggregator	Программа для ЭВМ, сайт, страница сайта Computer program, website, website page
ФЗ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1 Federal Law "On Protection of Consumer Rights" dated 07.02.1992 N 2300-1	2018	Агрегатор информации о товарах (услугах) Aggregator of information about goods (services)	Программа для ЭВМ, сайт, страница сайта Computer program, website, website page
Распоряжение Правительства РФ «О создании единого агрегатора торговли» № 824-р (ред. от 13.02.2024) Order of the Government of the Russian Federation "On the creation of a single trade aggregator" N 824-r (as amended on 13.02.2024)	2018	Единый агрегатор Unified aggregator	Информационный ресурс Information resource
ФЗ «О национальной платёжной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ Federal Law "On the National Payment System" dated 27.06.2011 N 161-FL	2019	Платежный агрегатор Payment aggregator	Юридическое лицо, обеспечивающее прием электронных средств платежа Legal entity that ensures the acceptance of electronic means of payment
ФЗ «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 № 35-ФЗ Federal Law "On Electric Power Industry" dated 26.03.2003 N 35-FL	2023	Агрегатор управления изменением режима потребления электрической энергии Aggregator for managing changes in the mode of electric energy consumption	Коммерческая организация Commercial organization
О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» и статью 2 Федерального закона «О внесении изменения в статью 7 Федерального закона «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 297-ФЗ On Amendments to the Federal Law "On the Development of Agriculture" and Article 2 of the Federal Law "On Amendments to Article 7 of the Federal Law "On Organic Products and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 08.08.2024 N 297-FL	2024	Агроагрегатор Agroaggregator	Организация Organization

Источник: составлено автором на основе [1, 18–23].

Source: compiled by the author on the basis of [1, 18–23].

Агрегаторы выполняют основные функции накопления информации, поиск с использованием фильтров, возможность сравнения пр. Также с помощью агрегаторов можно анализировать показатели спроса и предложения на рынке товаров и услуг.

Несмотря на отсутствие четкой формулировки понятия «аграрный агрегатор» в научной литературе, предлагаем следующее определение (Федеральный закон № 297). Аграрный агрегатор – это организация, которая действует на принципах сельскохозяйственного потребительского кооператива либо акционерное общество с 51 % акций малых предприятий и более (в том числе, крестьянских фермерских хозяйств, сельскохозяйственных потребительских кооперативов, индивидуальных предпринимателей, производящих фермерскую продукцию) и функциями которой является агрегация аграрной продукции в одном месте с целью переработки, хранения, подготовки к сбыту и реализации. Закон вступит в силу с 1 марта 2025 года.

Создание агроагрегаторов в Запорожской области служит актуальным ответом на современные вызовы сельскохозяйственного сектора и может существенно способствовать устойчивому развитию региона. Сельское хозяйство является основным сектором экономики региона, который обеспечивает 70 % валового регионального продукта. Также 68 % трудоспособного населения Запорожской области заняты в агропромышленном комплексе.

До начала СВО сельское хозяйство Запорожской области характеризовалось следующими показателями: 99,5 % овощных культур и 99,6 % плодовых и ягодных культур выращивалось в личных подсобных хозяйствах и крестьянских фермерских хозяйствах.

Таблица 3. Объёмы производства плодово-овощной продукции в Запорожской области в 2021 г.
Table 3. Production volumes of fruit and vegetable products in the Zaporozhye region in 2021

Показатели Indicators	Все хозяйства All farms	Личные подсобные хозяйства (ЛПХ) Personal subsidiary farms (PSF)	% ЛПХ от общего количества % of PSF in total amount
Площадь, га/Area, ha			
картофель/potato	17583	17543	99,8
овощи открытого грунта open ground vegetables	10536	9743	92,5
плодовые и ягодные культуры fruit and berry crops	8787	4126	47,0
Валовый сбор, т/Gross collection, t			
картофель/potato	222002,5	221566,9	99,8
овощи открытого грунта open ground vegetables	184498,1	169032,3	91,6
плодовые и ягодные культуры fruit and berry crops	64154,0	54331,4	84,7

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Анализ объёмов производства плодово-овощной продукции в Запорожской области в 2021 г. показал, что 99,8 % валового сбора картофеля и 84,7 % валового сбора плодовых и ягодных культур обеспечивают ЛПХ. Также 92,5 % площадей посевов овощей открытого грунта занимают площади личных подсобных хозяйств (табл. 3).

В процессе исследования был проведён выборочный опрос владельцев личного подсобного хозяйства и членов крестьянских фермерских хозяйств, которые занимаются выращиванием плодовой продукции Запорожской области за период 01.06.2023–30.08.2024. В выборку попали 50 К(Ф)Х и 100 ЛПХ. Целью исследования было определение количества потерь урожая во время сбора и в процессе реализации продукции, а также причин потерь урожая плодовой продукции в хозяйствах.

Согласно проведённому опросу среди представителей К(Ф)Х и ЛПХ было выявлено, что больший процент выращенной продукции утилизируется у ЛПХ (в 2024 г. – 50 %), табл. 4.

Таблица 4. Количество утилизированной плодовой продукции по результатам опроса членов крестьянских фермерских хозяйств и владельцев личных подсобных хозяйств Запорожской области в 2023–2024 гг.

Table 4. Amount of recycled fruit products based on the results of a survey of members of peasant farms and owners of personal subsidiary plots in the Zaporozhye region in 2023–2024

Форма хозяйствования Farm form	Процент потерянного урожая от общего числа выращенного Percentage of crop losses from the total amount of grown products	
	2023	2024
ЛПХ/PSF	10	50
Крестьянские фермерские хозяйства (К(Ф)Х) Peasant farms (PF)	5	30

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

В процессе проведённого опроса были выявлены основные причины потерь урожая, среди которых:

- нарушение сроков уборки урожая вследствие либо нехватки рабочих, либо нерентабельности найма сборщиков из-за низкой цены реализации на местном рынке;
- поражение болезнями, вредителями, неблагоприятные погодные условия. Этот фактор потерь обусловлен дороговизной средств защиты растений, несоблюдением агротехнических сроков обработок, неблагоприятными погодными условиями во время сбора урожая (дожди);
- проблемы при реализации плодовой продукции – низкая цена при превышении предложения над спросом на местном оптовом рынке либо вообще отсутствии достаточного количества покупателей;
- отсутствие достаточного количества перерабатывающих мощностей плодовой продукции на территории Запорожской области, которые бы позволили переработать продукцию, которая не реализована в свежем виде (табл. 5).

Отметим, что 2023 г. был неурожайным и были дожди во время уборки урожая. 2024 г., напротив, отличался большим урожаем плодовых (косточковых) культур, и объём потерь был значительным. Так, 50 % опрошенных владельцев ЛПХ отметили проблему в реализации как причину утилизации урожая и 25 % потеряли урожай по причине отсутствия возможности сдачи на переработку продукции. 30% К(Ф)Х утилизировали урожай также из-за проблем с реализацией. И поскольку объёмы произведённой продукции выше у К(Ф)Х, то 30 % респондентов также назвали отсутствие специальных хранилищ одной из причин потерь урожая (табл. 5).

Таким образом, необходимость решения проблем с реализацией, переработкой и хранением овощной и плодовой продукции является одной из приоритетных экономических задач региона. Также Запорожская область, обладая значительным аграрным потенциалом благодаря своему географическому положению и климатическим условиям, нуждается в инновационных решениях для повышения эффективности и конкурентоспособности сельскохозяйственного производства.

Рассмотрим основные предпосылки, которые влияют на необходимость создания агроагрегатора:

1. Технологическое обновление: в последние годы аграрный сектор области сталкивается с необходимостью ускоренной интеграции новых технологий, таких как точное земледелие,

автоматизация процессов, внедрение искусственного интеллекта и аналитики больших данных. Агроагрегатор может функционировать как платформа для обмена технологиями и лучшими практиками в этой области.

2. Экономическая целесообразность. Экономические условия требуют оптимизации ресурсов и снижения издержек. Агроагрегатор может помочь фермерам объединять усилия для закупки семян, удобрений и техники по более выгодным ценам за счёт коллективных закупок. Это также способствует улучшению логистических процессов и доступа к рынкам сбыта других регионов и крупных торговых сетей.
3. Социальные факторы. В Запорожской области, как и в других регионах, наблюдается проблема оттока молодёжи из сельских районов. Организация агроагрегатора может способствовать созданию новых рабочих мест и привлечению молодёжи за счёт развития современных и высокотехнологичных агропроектов.
4. Экологическая устойчивость. Современное сельское хозяйство должно быть не только экономически, но и экологически устойчивым. Агроагрегатор может стимулировать внедрение экологически безопасных методов ведения сельского хозяйства и поддерживать инициативы по сохранению биоразнообразия и снижению общего воздействия на окружающую среду.
5. Институциональная поддержка. Государство и региональные власти могут предоставить важную институциональную поддержку для создания агроагрегатора. Это включает в себя разработку нормативно-правовой базы, грантовые программы и субсидии для поддержки инициатив в области аграрных инноваций.
6. Глобализация и изменение рыночной структуры. Усиление глобальной конкуренции и изменение потребительских предпочтений требуют большей гибкости и способности к адаптации. Агроагрегатор может помочь производителям в Запорожской области интегрироваться в глобальные цепочки поставок, предлагая продукцию, соответствующую международным стандартам качества.

Таблица 5. Причины утилизации плодовой продукции крестьянских фермерских хозяйств и личных подсобных хозяйств Запорожской области в 2023–2024 гг.

Table 5. Reasons for the utilization of fruit products of peasant farms and private subsidiary farms of the Zaporozhye region in 2023–2024

Причины/Reasons	Удельный вес владельцев хозяйств, ответивших утвердительно, % Proportion of farm owners who answered affirmatively, %			
	ЛПХ/PSF		КФХ/PF	
	2023	2024	2023	2024
нарушение сроков уборки violation of cleaning deadlines	5	8	3	20
поражение болезнями, вредителями, неблагоприятные погодные условия damage by diseases, pests, adverse weather conditions	20	15	16	10
проблемы в реализации плодовой продукции problems in the sale of fruit products	10	50	7	30
отсутствие специальных хранилищ lack of special storage facilities	10	15	6	30
отсутствие переработки lack of processing	5	25	8	15

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

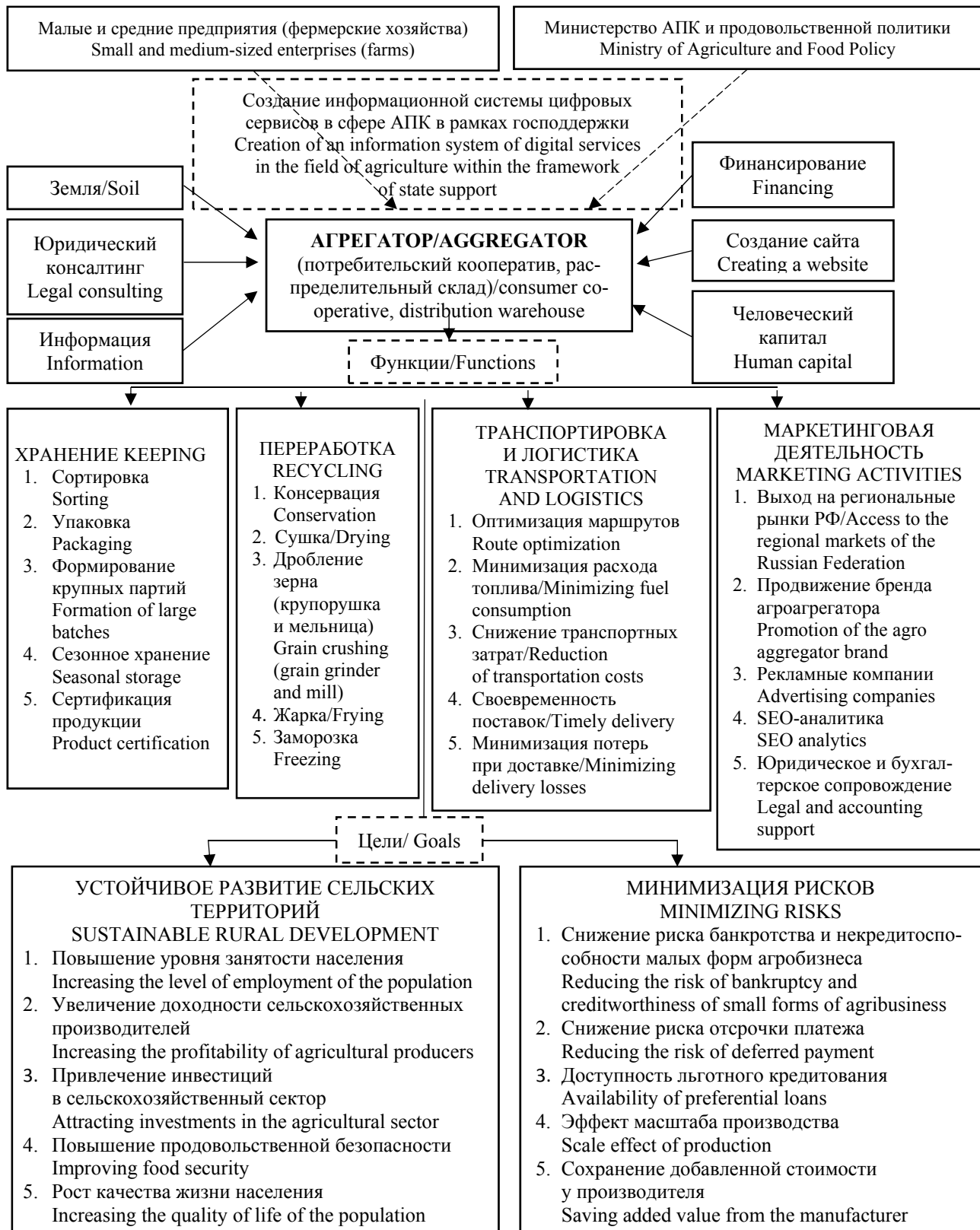
Исходя из вышеизложенного, создание агроагрегатора в Запорожской области является не только возможностью, но и необходимостью для обеспечения конкурентоспособности и устойчивости аграрного сектора в современных условиях. Это позволит региону эффективно использовать свои ресурсы, внедрять инновации и укреплять позиции на внутреннем и внешнем рынках.

Рассмотрим предложенную организационно-функциональную схему деятельности агроагрегатора в Запорожской области (см. рисунок). Организационно-правовая форма созданного агроагрегатора – общество с ограниченной ответственностью.

Инициаторами создания агроагрегатора могут выступить губернатор области либо Министерство АПК и продовольственной политики Запорожской области. Основной смысл создания агроагрегатора в организации канала сбыта в первую очередь для плодово-овощной продукции, выращенной мелкими и средними предприятиями Запорожской области. В основе агроагрегатора также может быть уже созданный сельскохозяйственный потребительский кооператив. Далее основанием данного оператора выступает ресурсная база – это уже имеющиеся земельные участки либо земельные участки, которые выделит местный орган власти под деятельность агрегатора, человеческий капитал, финансирование строительства и закупки оборудования, юридический консалтинг, а также информация, поступающая из разных источников (власти, производителей, потребителей, торговых сетей и т. д.). Немаловажным является информирование владельцев личных подсобных хозяйств, а также руководителей малых и средних аграрных предприятий о создании агрегатора, его функциях и возможностях сотрудничества, в том числе через создание сайта.

Функции разработанного агроагрегатора могут решать достаточно широкий спектр социальных и экономических проблем и вопросов населения региона. В первую очередь созданная организация выполняет роль посредника между мелкими сельскохозяйственными производителями и торговыми сетями. Рассмотрим функции, которые может выполнять агроагрегатор в регионе:

1. Функция хранения обеспечивается за счет создания распределительного логистического центра, где произведенная продукция будет проходить предпродажную подготовку, которая включает в себя сортировку, упаковку, маркировку, а также формирование крупных партий товара, сертификацию продукции и, при необходимости, хранение. Агрегаторы могут создаваться под разные категории продукции – ФРОВ и ФРЕШ. Для начала это может быть ограниченный перечень продукции, которую можно будет реализовать через агрегатор.
2. Переработка может быть также организована на площадях агроагрегатора. Процессы охлаждения, сушки, дробления, заморозки, жарки и т. д. дают возможность создания добавленной стоимости.
3. Транспортировка и логистика для гарантирования определенных объемов продукции. Мелкие партии фермеры могут доставлять в распределительный центр самостоятельно. Грамотная логистика позволит оптимизировать маршруты, минимизировать расход топлива, в целом создаст условия для снижения общих транспортных затрат при доставке продукции как в распределительный центр, так и в торговые сети. Специализированный транспорт сделает возможным минимизацию потерь при доставке и своевременность поставок, что немаловажно для ритейла.
4. Маркетинговая деятельность – одна из важнейших функций агрегатора, которая делает возможным создание интернет-магазина для реализации сельскохозяйственной продукции. Также при заключении договоров с торговыми сетями других регионов организуется выход на региональные рынки РФ. Для реализации этой функции необходимы разработка и продвижение бренда агрегатора. Внедрение SEO-аналитики в анализе деятельности интернет-магазина даст возможность реагировать на реакции потенциальных потребителей, эффективность и работоспособность сайта.

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рисунок. Организационно-функциональная схема деятельности агроагрегатора в Запорожской области

Figure. Organizational and functional scheme of the agroaggregator in the Zaporozhye region

Основные цели создания таких организаций связаны с устойчивым развитием сельских территорий, что является важным фактором в реализации стратегии по сокращению миграции населения из села, особенно в условиях проведения специальной военной операции, в том числе и на территориях новых регионов Российской Федерации.

Таким образом, помощь в реализации выращенной продукции обеспечит привлечение населения для работы в крестьянские фермерские хозяйства и другие малые и средние предприятия и их желание регистрироваться как самозанятые. Это произойдет при увеличении доходности сельскохозяйственного производства, что, в свою очередь, станет привлекательным для инвестирования в аграрный сектор. Обеспечение бесперебойного сбыта сельскохозяйственной продукции станет основой повышения продовольственной безопасности не только региона, но и всей страны. В целом комплексная помощь аграриям в закупках семян, удобрений, средств защиты растений и пр., а также в реализации готовой продукции послужит фактором роста качества жизни сельского населения.

Важнейшими целями создания агроагрегаторов является минимизация следующих рисков: риск банкротства и некредитоспособности малых форм агробизнеса; риска отсрочки платежа за поставленную продукцию посреднику; доступность льготного кредитования, в том числе увеличение получателей социального контракта. Увеличение размеров партий в поставках продукции через агроагрегатор позволит получать больший доход за счет эффекта масштаба производства. И с помощью агрегатора количество посредников между производителем и потребителем сокращается до одного, что сохраняет часть добавленной стоимости у производителя.

В целом создание таких организаций в аграрной сфере станет фактором роста экономической эффективности сельскохозяйственных малых и средних предприятий, а также будет способствовать развитию сельских территорий. Согласно Федеральному закону № 297, при создании агроагрегаторов малые и средние предприятия смогут получать государственную поддержку.

Обсуждение

Таким образом, проведенный анализ применения термина «агрегатор» на законодательном уровне показал неоднозначность его трактовки, понимания и применения, что требует доработки и уточнений. Необходимость изучения понятия агрегации связано с развитием научно-технического прогресса и тесным внедрением цифровых технологий во все сферы жизни, в том числе и в аграрную сферу, что также имеет подтверждение в принятых федеральных законах.

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании организационно-функциональной схемы деятельности агроагрегатора в Запорожской области, формировании ресурсной базы, а также в формулировке возможности достижения экономических и социальных целей в результате организации деятельности аграрных агрегаторов.

Результаты исследований могут послужить ориентиром и обоснованием организации аграрных агрегаторов на территориях новых регионов Российской Федерации, а также расширением функций в уже действующих агроагрегаторах Липецкой, Тульской областей и других регионах.

Заключение

Итак, агроагрегаторы на данный момент являются посредниками и проводниками выхода в крупные торговые сети сельскохозяйственной продукции малых и средних предприятий, что станет одним из условий устойчивого развития сельских территорий и сокращения рисков для этих предприятий. Главными функциями созданных агроагрегаторов будут хранение, переработка, транспортировка и логистика, а также маркетинговая деятельность. Про-

цессы образования агроагрегаторов имеют свои сложности, и в реализацию таких проектов вовлекаются губернаторы регионов, а также министерства АПК и продовольственной политики. Планируется достижение комплексных целей для Запорожской области на рынке труда сельских территорий, усиление продовольственной безопасности, доходности малых и средних предприятий в сельском хозяйстве, привлечение инвестиций в аграрную отрасль и повышение уровня жизни населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» и статью 2 Федерального закона «О внесении изменения в статью 7 Федерального закона «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: федер. закон № 297-ФЗ от 08.08.2024. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=7ZqLrQ&base=LAW&n=482552#zLWWmNUThtHVgEM> (дата обращения 08.09.2024).
2. The role of online aggregators in the vegetable value chain / J. Meliala, M. Hubeis, S. Jahroh, A. Maulana // *Jurnal Manajemen dan Agribisnis*. – 2020. – Vol. 17 (2). – P. 185–195. DOI: <http://dx.doi.org/10.17358/jma.17.2.185>.
3. Exploring the key success factors: A case study of a digital marketplace platform for Brazilian small farmers / G.M. Prado, E. Catapan, C.M. Silva, F. Matos, P.M. Selig // *Procedia Computer Science*. – 2024. – Vol. 232. – P. 159–168. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2024.01.016>.
4. Huang Y. Differences in online sales of agricultural products from the perspective of farmers // *Frontiers in Business, Economics and Management*. – 2022. – Vol. 5 (3). – P. 154–160. DOI: <https://doi.org/10.54097/fbem.v5i3.1999>.
5. How digital skills affect farmers' agricultural entrepreneurship? An explanation from factor availability / C. Cheng, Q. Gao, K. Ju, Y. Ma // *Journal of Innovation & Knowledge*. – 2024. – Vol. 9 (2). URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2444569X24000179> (дата обращения 04.09.2024).
6. Cortes J.D., Jackson J.E., Cortes A.F. Farmers' markets or the supermarket? Channel selection in small farming businesses // *New England Journal of Entrepreneurship*. – 2024. – Vol. 27 (1). – P. 40–62. DOI: <https://doi.org/10.1108/NEJE-07-2022-0045>.
7. Сафаргалеев Л.И. Агрегаторы информации о товарах и услугах: вопросы правового регулирования // *Право цифровой экономики*. – 2021. – № 17. – С. 259–291.
8. Чеговадзе Л.А. Агрегаторы как объекты гражданских прав и ответственность их владельцев по обязательствам // *Гражданское право*. – 2022. – № 1. – С. 12–20.
9. Малышева Н.А., Мельник А.С. Платформа – не агрегатор? Перспективы частноправового регулирования цифровой инфраструктуры // *Вестник Московского университета МВД России*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/platforma-ne-agregator-perspektivy-chastnopravovogo-regulirovaniya-tsifrovoy-infrastruktury> (дата обращения 09.09.2024).
10. Тимофеева Т.Ф., Тимофеев В.В. Проблемы правового регулирования торгового агрегатора как разновидности цифровой технологической платформы // *Oeconomia et Jus*. – 2022. – № 3. – С. 73–79.
11. Акбердина В.В., Барыбина А.З., Никулина Е.А. Нормативно-правовое законодательство как способ регулирования деятельности цифровых платформ // *Вестник Академии знаний*. – 2024. – № 1 (60). – С. 20–25. DOI: 10.13140/RG.2.2.13902.6432.
12. Мансуров Г.З. О несовершенстве понятийного аппарата платформенного законодательства // *Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право»*. – 2022. – Т. 7. – Вып. 2. – С. 16–23. DOI: 10.47475/2618-8236-2022-17203.
13. Красильникова Е.А. E-commerce: тенденции развития услуг агрегаторов // *Экономика и управление: проблемы, решения*. – 2024. – № 2. – Т. 2. – С. 167–174. DOI: <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.02.018>.
14. Сараева О.Н., Шут А.А. Применение бизнес-модели агрегатора на рынке сырьевых товаров (нефтепродуктов) // *Baikal Research Journal*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-biznes-modeli-agregatora-na-rynke-syrievykh-tovarov-nefteproduktov/viewer> (дата обращения 08.09.2024). DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(3).33. EDN: QMDXJD.
15. Агамирова М.Е. Место цифровых платформ в экономическом анализе и сложности их регулирования // *Journal of Economic Regulation*. – 2023. – № 14 (4). – С. 48–56 DOI: 10.17835/2078- 5429.2023.14.4.048-056.
16. Шатилов М.В., Мещерякова Р.А., Иванова М.И. Трансформация продовольственной системы в условиях цифровизации АПК // *Экономика сельского хозяйства России*. – 2021. – № 1. – С. 52–60. DOI: 10.32651/211-52.
17. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. – М.: Эксмо, 2006. – 672 с.
18. О национальной платёжной системе: федер. закон № 161-ФЗ от 27.06.2011. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения 12.09.2024).

19. Об электроэнергетике: федер. закон № 35-ФЗ от 26.03.2003. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41502/ (дата обращения 12.09.2024).
20. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон № 149-ФЗ от 27.07.2006. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 12.09.2024).
21. О защите прав потребителей: федер. закон № 2300-1 от 07.02.1992 (ред. от 08.08.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения 12.09.2024).
22. О развитии сельского хозяйства: федер. закон № 264-ФЗ от 29.12.2006 (ред. от 22.06.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/ (дата обращения 12.09.2024).
23. О создании единого агрегатора торговли: распоряжение Правительства РФ № 824-р от 28.04.2018 (ред. от 13.02.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297120/ (дата обращения 12.09.2024).

Информация об авторе

Елена Григорьевна Захарченко, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики Мелитопольского государственного университета, Россия, 727312, г. Мелитополь, пр. Б. Хмельницкого, 18; zaharchenko_lena@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3259-3328>

Поступила в редакцию: 21.09.2024

Поступила после рецензирования: 24.12.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. *On Amendments to the Federal Law "On the Development of Agriculture" and Article 2 of the Federal Law "On Amendments to Article 7 of the Federal Law "On Organic Products and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation. Federal Law No. 297-FZ dated 08/08/2024. (In Russ.) Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=7ZqLrQ&base=LAW&n=482552#zLWWmNUThtH VgEM> (accessed 8 September 2024).*
2. Meliala J., Hubeis M., Jahroh S., Maulana A. The role of online aggregators in the vegetable value chain. *Jurnal Manajemen dan Agribisnis*, 2020, vol. 17 (2), pp. 185–195. DOI: <http://dx.doi.org/10.17358/jma.17.2.185>.
3. Prado G.M., Catapan E., Silva Zanuzzi C.M., Matos F., Selig P.M. Exploring the key success factors: A case study of a digital marketplace platform for Brazilian small farmers. *Procedia Computer Science*, 2024, vol. 232, pp. 159–168. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2024.01.016>.
4. Huang Y. Differences in online sales of agricultural products from the perspective of farmers. *Frontiers in Business, Economics and Management*, 2022, vol. 5 (3), pp. 154–160. DOI: <https://doi.org/10.54097/fbem.v5i3.1999>.
5. Cheng C., Gao Q., Ju K., Ma Y. How digital skills affect farmers' agricultural entrepreneurship? An explanation from factor availability. *Journal of Innovation & Knowledge*, 2024, vol. 9 (2). Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2444569X24000179> (accessed 8 September 2024).
6. Cortes J.D., Jackson J.E., Cortes A.F. Farmers' markets or the supermarket? Channel selection in small farming businesses. *New England Journal of Entrepreneurship*, 2024, vol. 27 (1), pp. 40–62. DOI: <https://doi.org/10.1108/NEJE-07-2022-0045>.
7. Safargaliev L.I. Aggregators of information about goods and services: issues of legal regulation. *The law of the digital economy*, 2021, no. 17, pp. 259–291. (In Russ.)
8. Chegovadze L.A. Aggregators as objects of civil rights and the responsibility of their owners for civil rights obligations. *Civilist*, 2022, no. 1, pp. 12–20. (In Russ.)
9. Malysheva N.A., Melnik A.S. Is the platform not an aggregator? Prospects of private law regulation of digital infrastructure. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/platforma-ne-agregator-perspektivy-chastnopravovogo-regulirovaniya-tsifrovoy-infrastruktury> (accessed 9 September 2024).*
10. Timofeeva T.F., Timofeev V.V. Problems of legal regulation of a trade aggregator as a kind of digital technology platform. *Oeconomia et Jus*, 2022, no. 3, pp. 73–79. (In Russ.)
11. Akberdina V.V., Barybina A.Z., Nikulina E.A. Regulatory legislation as a way of regulating the activities of digital platforms. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2024, no. 1 (60), pp. 20–25. (In Russ.) DOI: 10.13140/RG.2.2.13902.6432.
12. Mansurov G.Z. On the imperfection of the conceptual apparatus of platform legislation. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series "Law"*, 2022, vol. 7, Iss. 2, pp. 16–23. (In Russ.) DOI: 10.47475/2618-8236-2022-17203.
13. Krasilnikova E.A. E-commerce: trends in the development of aggregator services. *Economics and management: problems, solutions*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 167–174. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.02.02.018>.

14. Saraeva O.N., Shut A.A. Application of the aggregator business model in the market of raw materials (petroleum products). *Baikal Research Journal*. (In Russ.) DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(3).33. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-biznes-modeli-agregatora-na-rynke-syrievyh-tovarov-nefteproduktov/viewer> (accessed 8 September 2024). EDN: QMDXJD.
15. Agamirova M.E. The place of digital platforms in economic analysis and the complexity of their regulation. *Journal of Economic Regulation*, 2023, no. 14 (4), pp. 48–56. (In Russ.) DOI: 10.17835/2078- 5429.2023.14.4.048-056.
16. Shatilov M.V., Meshcheryakova R.A., Ivanova M.I. Transformation of the food system in the conditions of digitalization of the agro-industrial complex. *The economics of agriculture in Russia*, 2021, no. 1, pp. 52–60. (In Russ.) DOI: 10.32651/211-52.
17. Komlev N.G. *Dictionary of foreign words*. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 672 p. (In Russ.)
18. *On the National Payment System*. Federal Law dated June 27, 2011 No. 161-FL (as amended on September 9, 2024). (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (accessed 12 September 2024).
19. *On Electric Power Industry*. Federal Law dated March 26, 2003 No. 35-FL (as amended on September 9, 2024). (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41502/ (accessed 12 September 2024).
20. *On Information, Information Technologies and Information Protection*. Federal Law dated July 27, 2006 No. 149-FL (as amended on September 12, 2024). (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (accessed 12 September 2024).
21. *On Consumer Rights Protection*. Federal Law dated February 07, 1992 No. 2300-1 (as amended on September 12, 2024). (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (accessed 12 September 2024).
22. *On the Development of agriculture*. Federal Law dated 12/29/2006 No. 264-FZ (as amended on September 12, 2024). (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/ (accessed 12 September 2024).
23. *On the creation of a single trade aggregator*. Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/28/2018 No. 824-r (as amended on February 13, 2024). (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297120/ (accessed 12 September 2024).

Information about the author

Elena G. Zakharchenko, Cand. Sc., Associate Professor, Melitopol State University, 18, B. Khmel'nitsky avenue, Melitopol, 727312, Russian Federation; zakharchenko_lena@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3259-3328>

Received: 21.09.2024

Revised: 24.12.2024

Accepted: 30.12.2024

УДК 005.21

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1900

Шифр специальности ВАК: 5.2.6

К проблеме систематизации методов стратегического менеджмента

О.В. Симагина, Ю.В. Вершинина ✉

*Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Новосибирск*

✉ veryuv@nso.ru

Аннотация. Актуальность: описывая систему стратегического управления, необходимо обращаться к фундаментальным научным принципам, которые являются универсальными и находят своё применение в различных областях знания. Особое значение имеют принципы комплексности и системности. Однако в настоящее время в научной литературе методы стратегического менеджмента изучаются разрозненно, что негативно сказывается на качестве управленческих решений, а также не позволяет сформировать необходимую и достаточную теоретическую и методологическую базу стратегического менеджмента.

Цель: систематизировать методы стратегического менеджмента, описанные в научной литературе.

Методы: обобщение, анализ документов, сравнительный анализ, синтез данных. **Результаты:** последовательно проанализированы возможности применения структурно-функционального и содержательного подходов к описанию системы стратегического управления. Показано, что содержательный подход является более подходящим для представления системы стратегического менеджмента. Предложены авторские модели процесса стратегического управления и систематизации методов в цикле стратегического менеджмента. **Выводы:** разработанные схемы не только упорядочивают уже существующую информацию о методах и приемах, используемых в процессе стратегического управления, но также создают основу для дальнейших исследований в области обобщения и систематизации теории и практики стратегического менеджмента.

Ключевые слова: стратегический менеджмент, методы стратегического менеджмента, систематизация, структурно-функциональный подход, содержательный подход

Для цитирования: Симагина О.В., Вершинина Ю.В. К проблеме систематизации методов стратегического менеджмента // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 113–127. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1900

UDC 005.21

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1900

Problem of systematization of strategic management methods

O.V. Simagina, Yu.V. Vershinina ✉

*Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation*

✉ veryuv@nso.ru

Abstract. Relevance. Describing the system of strategic management, it is necessary to refer to the fundamental scientific principles that are universal and find their application in various fields of knowledge. In particular, the principles of comprehensiveness and systematicity are particularly important here. However, to date in the scientific literature the methods of strategic management are studied in a fragmented manner, which negatively affects the implementation of managerial decisions and analytical actions, as well as does not allow forming the necessary and sufficient theoretical and methodological basis of strategic management. **Aim.** To systematize the methods of strategic management described in the scientific literature. **Methods.** Generalization, document analysis, comparative analysis, data synthesis. **Results.** The authors have analyzed consistently the possibilities of application of structural-functional and substantive approaches to the description of strategic management system. It is shown that the substantive approach is more suitable for describing the strategic management system. The authors proposed the models of the strategic management process and systematization of methods in the strategic management cycle. **Conclusions.** The developed schemes not only organize the already existing information about the methods and techniques used in strategic management, but also create a basis for further research in the field of generalization and systematization of the theory and practice of strategic management.

Keywords: strategic management, methods of strategic management, systematization, structural-functional approach, substantive approach

For citation: Simagina O.V., Vershinina Yu.V. Problem of systematization of strategic management methods. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 113–127. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1900

Введение

В каждой социальной и экономической системе, а также в рамках механизмов стратегического управления исследователи сталкиваются с феноменом двойственности. Внутри каждой структуры существуют элементы, которые обладают своей относительной независимостью и способностью к самоуправлению, и в то же время они могут достигать уровня полного противопоставления друг другу. Эта уникальная способность к автономии и одновременно к противоречию определяет динамику и функционирование любой социально-экономической структуры, включая феномен стратегического управления [1]. В процессе описания системы стратегического управления авторы неизбежно обращаются к фундаментальным научным принципам, которые являются универсальными и находят своё применение в различных областях знания. Особенно важны принципы комплексности и системности. Структурно-функциональный подход позволяет увидеть систему стратегического управления как совокупность взаимосвязанных элементов, каждый из которых выполняет определённые функции, внося свой вклад в достижение общей стратегии. Содержательный подход, в свою очередь, акцентирует внимание на содержании этих функций, их значении и влиянии на общую эффективность системы [2]. В каждом аспекте функционирования системы можно заметить наличие двойственности, которая заслуживает отдельного рассмотрения.

Во-первых, когда ученые говорят о том, что необходимо определить элементы системы и понять, как они взаимодействуют друг с другом, подразумевается структурно-функциональный подход. Этот подход позволяет глубже проникнуть в суть процессов, происходящих внутри системы, и понять, как различные ее составляющие влияют на общую картину.

Во-вторых, когда речь заходит о разделении исследования на две ключевые области (разработку стратегии управления, расчетно-методическое обоснование), реализуется содержательный подход. Этот подход позволяет не только разрабатывать эффективные стратегии управления, но и обеспечивать их научное обоснование и практическую применимость.

В рамках стратегического управления, которое является неотъемлемой частью успешного функционирования любого современного предприятия, особое внимание следует уделить аналитическим процедурам. Они занимают ключевое место, поскольку обеспечивают необ-

ходимую основу для принятия взвешенных и рациональных управленческих решений. Важно осознавать, что именно благодаря аналитическим процедурам стратегическое управление приобретает целостность и системность.

В связи с этим общая концепция стратегического управления может быть визуализирована и представлена в виде четкой схемы стратегического анализа. Эта схема является не просто инструментом для определения управленческих решений и планирования аналитических мероприятий, но также служит наглядным пособием для понимания того, как различные этапы процесса стратегического управления взаимосвязаны друг с другом. Более того, схема стратегического анализа предоставляет возможность детализировать каждый из этапов, что, в свою очередь, позволяет более глубоко и всесторонне понять структуру и динамику стратегического управления.

В рамках конкретного контекста задачи, связанные с организацией стратегического менеджмента, решаются задолго до того, как начнутся активные работы по формулированию стратегических планов. Организационная теория охватывает процессы формирования управленческой структуры, включая её упорядоченность и определение временных границ, а также обеспечивает управленцев необходимым нормативно-методическим инструментарием.

Управление, как известно, представляет собой сложную систему, в которой каждый элемент играет свою уникальную роль. В этой системе структура выступает в качестве каркаса, который обеспечивает возможность организованного и последовательного выполнения действий. Она позволяет постепенно углубляться, начиная с широкого спектра выполняемых функций, и переходить к более узким подфункциям, а затем шаг за шагом добираться до конкретных задач и детализированных процедур управления.

Ключевым аспектом такого подхода является четкое выделение различных этапов процесса. Это выделение включает в себя как относительно независимые этапы, так и взаимосвязанные и выполняемые в определенной последовательности. Временные рамки играют здесь решающую роль, так как они позволяют координировать действия и синхронизировать работу различных элементов процесса.

Кроме того, организационная структура является неотъемлемым инструментом, который связывает все части задачи с конкретными исполнителями. Она обеспечивает четкую связь между задачами, ответственными за их выполнение, и потоком документации, который протекает в организации. Это, в свою очередь, способствует более эффективному управлению ресурсами и повышению общей продуктивности работы организации.

Научный обзор

С 1970-х гг., представленных работами I. Ansoff, R.P. Decker, R.L. Hayes, J.F. Moore, M.E. Porter [3–7], и до нашего времени, когда появились актуальные методы анализа бизнес-экосистем авторства D. Isenberg, E. Stam, M.G. Jacobides, A. van de Ven [8–11], требования к стратегическому управлению значительно выросли. Сегодня в списке важных факторов появились ранее считающиеся постоянными внешние условия, включая поддержку экологически чистого бизнеса, стремление к декарбонизации и соблюдение ESG-стандартов (экологические, социальные, управленческие). С увеличением сложности и неопределенности в экономической и социальной сферах возникли новые концепции, изучающие нелинейность и сложное взаимодействие между различными акторами. Например, в рамках «тройных и четверных спиралей», объединяющих науку, бизнес, образовательные учреждения и общество для разработки и применения новых знаний.

Вместе с тем уровень развития управленческой теории и методологии напрямую зависит от степени осознания общественного запроса на научное изучение практических проблем. В настоящее время начинают формироваться собственные методологические подходы, хоть и с применением общенаучных методов. Иными словами, сейчас организации только начи-

нают осознавать необходимость разработки всесторонней стратегии развития вместо использования отдельных методов управления для решения конкретных задач. Ранее комплексное планирование стратегии было характерно скорее для уникальных компаний, чем для всех организаций в целом.

Именно поэтому до настоящего времени не появилось работ с детальным описанием внедрения и реализации стратегии, обеспечивающей соответствие внутреннего положения системы сложности и изменчивости внешней среды.

Методология исследования

В ходе проведения данного исследования был осуществлен тщательный и всесторонний анализ научных трудов, посвященных актуальным вопросам конкурентного и портфельного стратегического анализа. Особое внимание было уделено изучению и систематизации уже имеющихся публикаций в данной области, что позволило сформировать теоретическую основу для дальнейших выводов, выявить и классифицировать различные группы авторов, каждый из которых делает акцент на определенных аспектах стратегического управления. Некоторые из них сосредоточили свои усилия на стратегическом анализе в целом, другие – на стратегическом контроле, а третьи – на стратегическом планировании. Таким образом, исследование опирается на широкий спектр научных источников, что обеспечивает его высокую степень достоверности и научную обоснованность.

Результаты

Обобщенно стратегический анализ состоит из двух частей:

- конкурентный анализ;
- портфельный анализ.

Первый дает возможность оценить, насколько ресурсы компании или системы готовы к новым вызовам на рынке в рамках ее основной деятельности. Этап начинается с определения стратегических задач. Важно осознавать, что при проведении такого анализа особое внимание следует уделить тому, чтобы критерии оценки были не только четкими и понятными, но и имели возможность быть измеренными и конкретизированными. Это не относится непосредственно к целям, которые ставятся перед компанией, а скорее, к параметрам, по которым будет оцениваться их достижение. В итоге решение о том, какие цели ставить перед собой, полностью лежит на руководстве организации. Р.М. Грант в своих работах акцентирует внимание на том, что стремление к формулированию и достижению высоких, смелых и амбициозных целей часто становится ключевым моментом, который задает направление для успешного развития и роста компании [12].

В процессе тщательной и всесторонней разработки стратегического прогноза, который охватывает все аспекты будущего развития компании, уделяется особое внимание каждой из долгосрочных целей, стоящих перед организацией. Этот этап включает в себя глубокий анализ первоначальных задач, а также их предполагаемое состояние в будущем, что позволяет с высокой точностью выявить существующие недостатки и пробелы в текущей стратегии. Такой подход дает возможность четко определить ключевые проблемы, требующие немедленного решения.

Далее все усилия команды экспертов сосредоточены на том, чтобы минимизировать выявленные разрывы. Это достигается путем внедрения новшеств в уже существующие направления деятельности, что включает в себя проведение детального конкурентного анализа. Кроме того, особое внимание уделяется расширению спектра деятельности компании через диверсификацию, что предполагает глубокий портфельный анализ и поиск новых возможностей для роста и развития.

Анализ конкурентной среды осуществляется по двум ключевым направлениям:

- идентификация ключевых сильных и слабых аспектов, которые позволяют компании выделяться на фоне других участников рынка;
- исследование рыночных возможностей на основе данных о наиболее эффективных конкурентах.

В рамках устранения выявленных разрывов команда активно занимается созданием целого ряда конкретных проектов, программ и детально проработанных бизнес-планов. Одновременно с этим осуществляется глубокий анализ стратегий, которые оказались успешными у конкурентов. Особое внимание уделяется их инвестиционной деятельности, что позволяет определить наиболее эффективные подходы и методы для достижения целей, максимально приближенных к тем, что используют лидеры отрасли.

В результате проведенных мероприятий и анализа создается обновленный прогноз, который предполагает не просто улучшение, но и значительный рост потенциала организации.

Конкурентный анализ в итоге приводит к формированию целостной картины недостатков стратегического портфеля. Однако, если по каким-то причинам поставленные цели не достигаются, компании не останавливаются на достигнутом. В таких случаях они готовы пересмотреть свои приоритеты, внести коррективы в конкурентную позицию и даже пересмотреть сами цели, чтобы обеспечить соответствие стратегии текущим условиям рынка и потребностям клиентов [13].

После проведения стратегического анализа наступает этап имплементации и реализации разработанной стратегии. Ключевым требованием на данном этапе является обеспечение координации между внутренними компетенциями организации и динамикой внешней среды, характеризующейся своей сложностью и подвижностью. Следует отметить, что процесс реализации стратегии не имеет четко установленных регламентов, а его описание в научной литературе нередко носит поверхностный характер.

В академическом дискурсе наблюдается тенденция акцентирования внимания на значимости отдельных аспектов управленческой функции, таких как стратегический анализ, стратегический контроль, стратегическое планирование и др. Это приводит к ситуации, когда исследователи «перетягивают одеяло» на свою сторону, уделяя внимание одной из функций в ущерб комплексному подходу. Примеры такой селективности можно наблюдать в таблице.

Таблица. Примеры акцентирования внимания на функциях управления
Table. Examples of emphasising management functions

Источник Source	Основная мысль
[14]	«Стратегическое планирование, являясь одной из базовых функций стратегического управления, в значительной степени влияет на адаптацию деятельности организации в современных условиях» (Strategic planning, being one of the basic functions of strategic management, significantly influences the adaptation of the organization activities in modern conditions)
[15]	«К настоящему времени стратегическое планирование является важнейшей составляющей стратегического менеджмента и одним из основных направлений теории управления, что в немалой степени способствует эффективной деятельности многих зарубежных компаний» (By now, strategic planning is the most important component of strategic management and one of the main directions of management theory, which to a large extent contributes to the effective operation of many foreign companies)
[16]	«Очевидно, что обеспечение социально-экономического развития предполагает определенную деятельность со стороны государства. Стратегическое планирование в данном случае является основным административно-правовым механизмом, посредством которого такая деятельность должна обеспечиваться» (It is obvious that ensuring socio-economic development presupposes certain activities on the part of the state. Strategic planning in this case is the main administrative and legal mechanism, by which such activities should be ensured)

[17]	«Стратегическое планирование является важным компонентом построения дорожной карты для миссии и видения будущего организации. Оно позволяет совету директоров и руководству оценивать текущую среду, позицию компании в этой среде, а затем разработать план успешного выполнения миссии организации» (Strategic planning is an essential component of building a roadmap for an organization mission and vision for the future. It allows the board and management to assess the current environment, the company position in that environment, and then develop a plan to successfully achieve the organization mission)
[18]	«В условиях нестабильной внешней среды, когда изменений непредсказуемы и не всегда поддаются полному контролю, долгосрочный план, по сути, становится главным и практически единственным элементом системы стратегического менеджмента. В этом случае в системе стратегического менеджмента основным звеном является стратегический анализ, который связывает перспективы развития и цели компании между собой для выработки стратегии» (In an unstable external environment, when changes are unpredictable and not always subject to complete control, a long-term plan, in essence, becomes the main and practically the only element of the strategic management system. In this case, the main element in the strategic management system is strategic analysis, which links the development prospects and goals of the company to each other for the development of a strategy)
[19]	«В сложных и динамичных условиях современного бизнеса жизнеспособность, успешность функционирования и устойчивость организаций в долгосрочной перспективе в значительной степени определяются наличием грамотной стратегии организации и эффективностью ее реализации, что в свою очередь зависит от качества информационно-аналитического обеспечения стратегического управления в целом и стратегического анализа как его важнейшей составляющей» (In the complex and dynamic conditions of modern business, the viability, successful functioning and sustainability of organizations in the long term are largely determined by the presence of a competent organizational strategy and the effectiveness of its implementation, which in turn depends on the quality of information and analytical support for strategic management in general and strategic analysis as its most important component)
[20]	«Стратегический анализ является важнейшим этапом стратегического управления хозяйствующим субъектом и представляет собой процесс исследования и оценки влияния внутренних и внешних факторов на деятельность фирмы, результатом которого является формирование информационной базы для стратегического планирования» (Strategic analysis is the most important stage of strategic management of an economic entity and is a process of research and assessment of the influence of internal and external factors on a company activities, the result of which is the formation of an information base for strategic planning)
[21]	«Таким образом, стратегический контроль функций помогает предприятию быстро использовать ожидаемую потенциальную возможность и создавать новые условия высокой активности в перспективе. Контроллинг в стратегической сфере общественного мнения как «внутренний консультант» лучшего и лучшего собственника сельского хозяйства при постановке стратегических целей и задач, и их состояния» (Thus, strategic control of functions helps the enterprise to quickly use the expected potential opportunity and create new conditions for high activity in the future. Controlling in the strategic sphere of public opinion as an "internal consultant" of the best and best owner of agriculture when setting strategic goals and objectives, and their status)
[22]	«Что добиться оптимальных результатов деятельности, необходимо обеспечить согласованность и связь функций учета, анализа и контроля, так концепция стратегического контроля объединяет эти элементы в единую эффективную систему координации стратегического процесса» (In order to achieve optimal performance, it is necessary to ensure the consistency and connection of the functions of accounting, analysis and control, so the concept of strategic control unites these elements into a single effective system of coordination of the strategic process)
[23]	«Современные экономические условия, характеризующиеся ускоренной динамикой рыночной конъюнктуры, активной конкурентной борьбой за покупателей, требуют, чтобы процесс принятия управленческих решений опирался на результаты стратегического анализа, которые способны оказать серьезное влияние на будущую эффективность деятельности коммерческой организации» (Modern economic conditions, characterized by accelerated dynamics of the market situation, active competition for customers, require that the process of making management decisions be based on the results of strategic analysis, which can have a serious impact on the future effectiveness of a commercial organization)

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Множество исследователей не придают значения последовательности шагов в стратегическом планировании, что связано с гибкостью и длительностью данного процесса. Это объясняет характер стратегического менеджмента как «открытого», предполагающего регулярные корректировки и нарушающего последовательность функционального подхода, который принимает во внимание высокий уровень неопределенности.

В противовес этому для решения вышеуказанных проблем более целесообразно применять не функциональный, а процессный подход в управлении. Тем не менее в российской научной литературе этапы стратегического менеджмента часто описываются не в рамках «кругов» и «улиток», которые являются основой процессного управления.

Например, в исследовании Г.Н. Гужиной и А.А. Кузьминой представлена пятишаговая методология:

- 1) осуществление комплексного анализа;
- 2) формулирование основных задач и миссии компании;
- 3) создание и отбор разнообразных стратегических направлений для развития предприятия;
- 4) применение выбранной стратегии в практической деятельности предприятия;
- 5) обеспечение координации и мониторинга процесса реализации стратегии [24].

При этом для раскрытия содержания все равно описываются методы стратегического анализа. Хотя нельзя не признать, что в данной работе произведена удачная попытка сгруппировать методы по этапам.

Так, например, на этапе комплексного анализа в качестве методов, по мнению Г.Н. Гужиной и А.А. Кузьминой, могут быть использованы: SWOT-анализ, диаграмма Исикавы, экспертная оценка, морфологический анализ, матрица БКГ, построение конкурентной карты и т. п. [24].

Л.В. Панферова и Е.Ю. Иванов разделяют это мнение. По их словам, процесс стратегического планирования включает в себя несколько ключевых этапов. Сначала происходят тщательное изучение и оценка внешней и внутренней организационной среды. Затем определяются основная задача и миссия компании. Далее разрабатывается комплекс целей для организации. Следующим шагом является внедрение разработанной стратегии. После этого необходимо осуществлять мониторинг достигнутых результатов и, если потребуется, вносить изменения в первоначальный план [25].

Схожие этапы выделяет Т.К. Кравченко: диагностика ситуации, описание управленческих целей, разработка различных альтернативных вариантов решения проблемы, создание плана реализации, учет организационного аспекта [26].

О.М. Хотяшева предлагает следующий метод работы: на начальном этапе проводится тщательный анализ рыночных условий. Далее анализируются внутренние потенциалы компании и определяются границы применения конкретной стратегии инноваций. На третьем этапе с учетом рыночную нестабильность и внутренние ограничения разрабатываются альтернативные планы адаптации к изменениям внешней среды, причем их должно быть не менее трех. Затем руководство компании проводит тщательную и целенаправленную оценку каждой альтернативы, а также рассматривает вопросы финансирования выбранного курса действий. На пятом этапе создается детальный план действий для реализации выбранной стратегии инноваций. Наконец, на шестом этапе происходит координация процесса принятия решения, включающая в себя уточнение положений, принятых на высшем уровне управления, их доведение до всех уровней организации, распределение обязанностей и делегирование полномочий на более низкие уровни, что является ключевым элементом координации стратегического процесса [27].

А.В. Брякина и Н.В. Сироткина выявили свою последовательность принятия стратегических управленческих решений на основе индикаторов управления, которая в целом совпадает с мнением вышеперечисленных исследователей [28].

По мнению авторов статьи, для адекватного моделирования процессов стратегического управления оптимальным инструментом является применение концепции цикла OODA (Ориентирование – Решение – Действие – Адаптация), разработанной Джоном Бойдом. Изначально созданная для нужд военного дела данная концепция впоследствии нашла широкое применение в разнообразных областях, включая корпоративное управление, политическую деятельность и социологические исследования. Использование цикла OODA в этих сферах позволяет эффективно моделировать процессы и обосновывать управленческие решения на базе системного анализа и адаптивного подхода [29].

Цикл OODA представляет собой кибернетическую модель, характеризующуюся самовоспроизводящейся и саморегулирующейся природой. Данная модель включает в себя четыре последовательных этапа: наблюдение, ориентацию, принятие решения и действие. Она основана на принципе обратной связи, подразумевающим многократное повторение цикла. В соответствии с этой концепцией процессы, адекватно отражающие реальность, функционируют в рамках непрерывного цикла, осуществляя постоянное взаимодействие с окружающей средой и адаптируясь к её изменениям [30].

Цикл представляет собой четыре последовательных этапа:

- наблюдение (Observation) – сбор информации, которая должна максимально соответствовать реальности. Качество информации зависит от достоверности источников, фактов, независимости трактовки и т. д.;
- ориентация (Orientation) – формирование моделей поведения, создание возможных вариантов и оценка каждого из них по совокупности критериев;
- решение (Decision) – определение оптимального курса действий, который будет осуществлён в реальной жизни. Это процесс выбора наиболее подходящего сценария по итогам тщательного анализа установленных критериев;
- действие (Action) – непосредственная реализация выбранного плана, его трансформация из теории в практику. Выдача приказа или указания, начало проекта, старт маркетинговой кампании, активная защита структуры и объема ресурсов, новое позиционирование, коррекцию системы метрик с целью улучшения наблюдения в следующем цикле.

Трудности систематизации структуры и методологии стратегического управления в рамках процессного подхода определяются тем, что содержательный подход является более подходящим: он обеспечивает системное видение процессов стратегического управления.

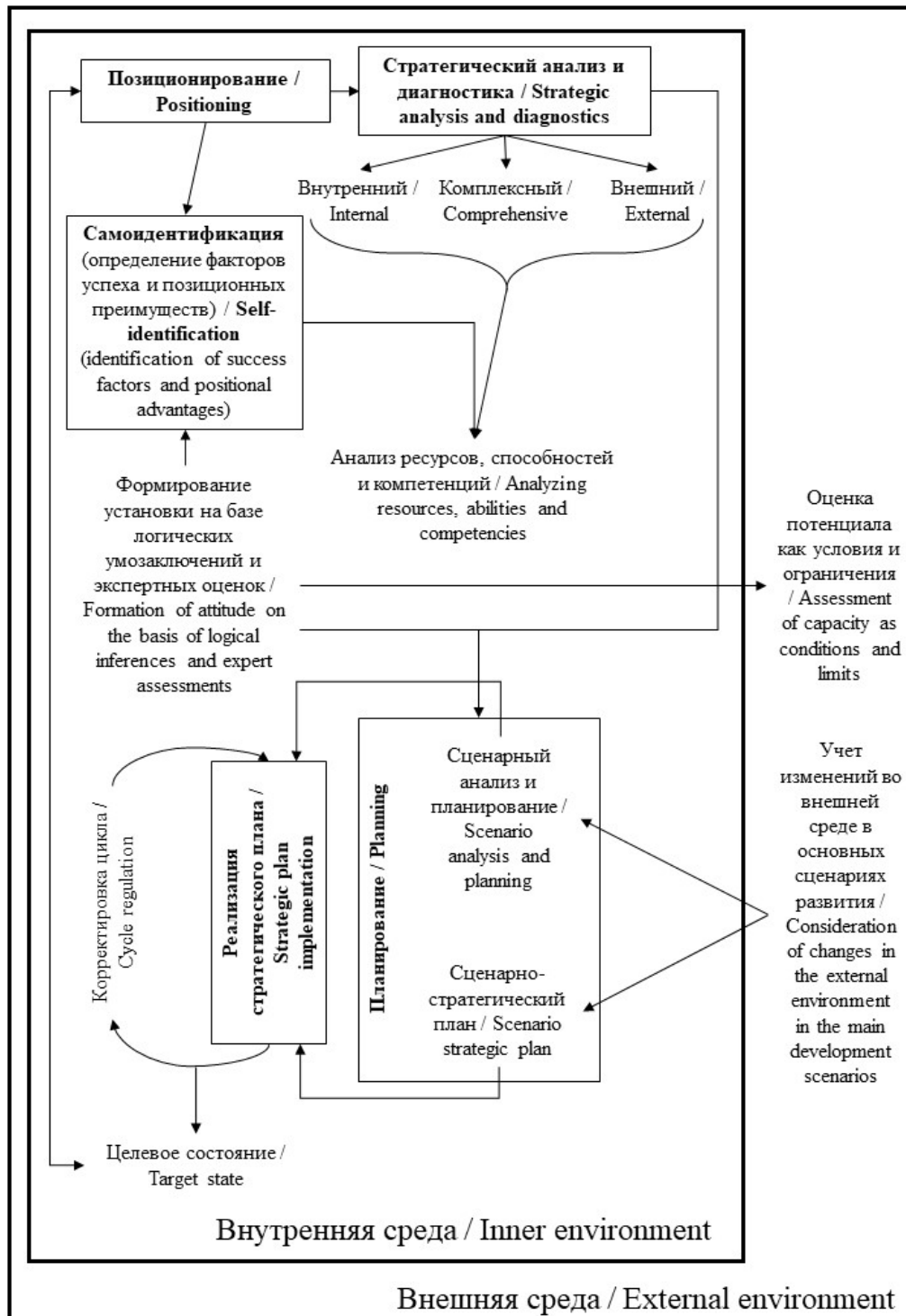
В содержательном контексте стратегического управления необходимо учитывать не только собственно подготовку и реализацию самой стратегии, но и такой феномен, как позиционирование, существенно влияющий на характер протекающих стратегических процессов.

В исследовании К.Ю. Курилова «Принципы формирования системы затрат промышленного предприятия» акцентируется внимание на неотъемлемой связи между стратегическим направлением деятельности организации и стратегическим позиционированием. Автор утверждает, что интеграция этих аспектов является ключевым фактором, способствующим достижению конкурентных преимуществ предприятия [31].

Л.М. Мартынов утверждает, что стратегическое позиционирование – фундаментальный принцип, на котором базируется аргументация в пользу создания альтернативных моделей стратегического развития организаций [32].

Е.В. Иванова пишет, что стратегическое позиционирование – ключевой аспект деятельности любой корпорации, вне зависимости от ее отраслевой принадлежности. Она подчеркивает, что стратегическое позиционирование закладывает фундамент для создания корпоративного имиджа и оказывает значительное воздействие на прибыльность и конкурентные преимущества организации [33].

По мнению авторов статьи, позиционирование является одним из ключевых элементов схемы процесса стратегического управления наряду со стратегическим анализом и диагностикой (рис. 1).

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the author.

Рис. 1. Процесс стратегического управления
Fig. 1. Strategic management

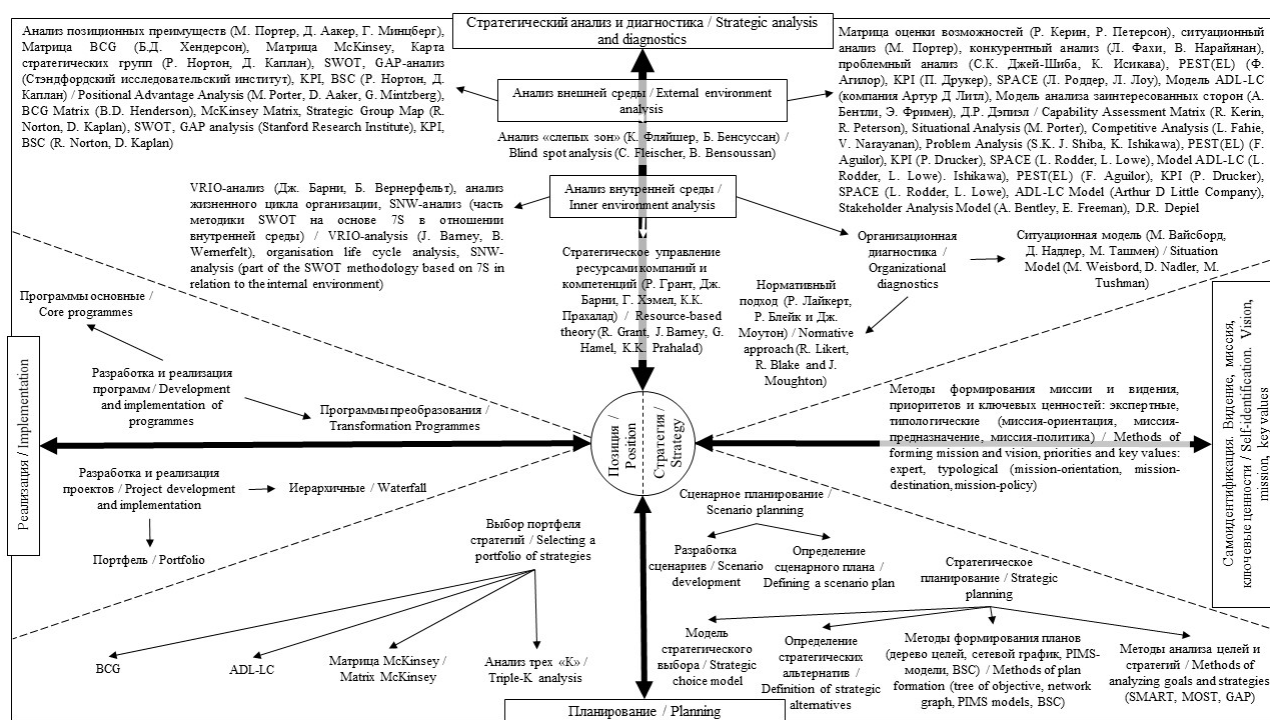
Формирование позиции (в том числе факторов успеха и позиционных преимуществ) влияет на формирование стратегического плана ничуть не меньше, чем результаты стратегического анализа, так как именно при позиционировании исследователи определяются с аспектами организации, которые будут развивать в процессе стратегического управления. По сути, это еще один из приемов описания организации, который используется в стратегическом менеджменте.

Феномен стратегического управления при этом не может быть раскрыт вне определения входящих в него видов деятельности.

Авторы статьи полагают, что особенностью процесса стратегического управления организацией является необходимость выделения этапа самоидентификации в части видения миссии и ее ключевых ценностей. Этот этап предвосхищает стратегическое планирование, так как формирует его фокус на определенных аспектах функционирования и развития организации.

Таким образом, замкнутый цикл стратегического управления состоит из следующих этапов: позиционирование; стратегический анализ и диагностика; самоидентификация; планирование; реализация.

Все эти виды деятельности имеют связанную между собой методическую базу. На рис. 2 представлены результаты обобщения известных методов стратегического анализа и управления, используемые на этапах стратегического процесса и на межэтапных корректировках.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the author.

Рис. 2. Система методов в цикле стратегического управления

Fig. 2. System of methods in the strategic management

Авторы предложили систематизацию методов стратегического управления с учетом его природы. Внутренний контур охватывает два основных аспекта стратегического управления (позицию и стратегию), которые позволяют понять этот процесс в статике и динамике. Внешний контур представляет собой структурированную систематизацию методов по этапам стра-

тегического процесса. Такой подход помогает рассмотреть различные способы выполнения каждого этапа, выбор которых зависит от ситуации и особенностей управляемого объекта.

Обсуждение

В результате проведенных исследований авторами статьи была разработана система, которая обеспечивает интеграцию и систематизацию разрозненных методик стратегического менеджмента. Данная система охватывает широкий спектр аспектов, включая определение позиции организации, формулирование стратегических направлений, процессы реализации стратегии, стратегический анализ и диагностику, а также вопросы самоидентификации и стратегического планирования.

Например, в категорию методов, ориентированных на планирование, авторами включены такие группы, как разработка проектов, формирование стратегического портфеля, сценарное планирование и стратегическое. Тем не менее первые две группы больше сфокусированы на процессе реализации, в то время как последние две – на самоопределении, что привело к их размещению в различных секторах системы.

Заключение

По мнению авторов статьи, подобный подход не только упорядочивает уже существующие знания, но и создает прочную основу для последующих исследований, направленных на дальнейшее обобщение и систематизацию как теоретических, так и практических аспектов стратегического менеджмента. Использование целостного подхода к сбору и анализу данных о различных методах и приемах, которые находят свое место в процессе стратегического управления, открывает новые горизонты для более глубокого понимания этой области. Это, в свою очередь, способствует развитию научной мысли и практического применения стратегического управления в различных сферах деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – 7-е изд. – М.: Институт новой экономики, 2010. – 1472 с.
2. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента (Management). – М.: Дело, 1997. – 704 с.
3. Ansoff I. Corporate strategy. – N.Y.: McGraw-Hill, 1965. – 241 p.
4. Ansoff I. Strategic management. – London: Macmillan, 1979. – 236 p.
5. Ansoff I., Declerck R.P., Hayes R.L. From strategic planning to strategic management. – London: Wiley, 1976. – 257 p.
6. Moore J.F. The death of competition: leadership and strategy in the age of business ecosystems. – N.Y.: HarperBusiness, 1996. – 297 p.
7. Porter M.E. On competition. – Boston: Harvard Business School, 1998. – 544 p.
8. Isenberg D. The entrepreneurship ecosystem strategy as a new paradigm for economy policy: Principles for cultivating entrepreneurship. URL: <https://archive.org/details/Isenberg-entrepreneurship-ecosystem-strategy-for-economic-growth/page/n7/mode/2up> (дата обращения 24.07.2024).
9. Stam E., Spigel B. Entrepreneurial ecosystems. URL: <https://econpapers.repec.org/paper/usetkiwps/1613.htm> (дата обращения 24.07.2024).
10. Jacobides M.G., Cennamo C., Gawer A. Towards a theory of ecosystems // Strategic management journal. – 2018. – Vol. 39. – № 8. – P. 2255–2276.
11. Stam E., Van de Ven A. Entrepreneurial ecosystem elements // Small business economics. – 2021. – Vol. 56. – № 2. – P. 809–832.
12. Грант Р. Современный стратегический. – СПб.: Питер, 2022. – 672 с.
13. Воробьев А.Д. Стратегия предприятия: правильное формулирование и успешная реализация. URL: <https://pakhotin.org/business/enterprise-strategy/> (дата обращения 24.07.2024).
14. Саркин А.В. Стратегическое планирование как базовая функция стратегического управления // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2009. – № 1 (23). – С. 62–67.
15. Бубнов Г.Г., Паутова А.В., Золотарев В.И. Стратегическое планирование как важнейшая функция управления // Транспортное дело России. – 2011. – № 7. – С. 24–26.

16. Амкуаб К.Г. Стратегическое планирование как механизм обеспечения функций государства // Образование и право. – 2022. – № 12. – С. 33–36. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-12-33-36.
17. Кондрачук О.Е. Отдельные подходы к развитию стратегического менеджмента в организации // Московский экономический журнал. – 2023. – № 1. – С. 472–477. DOI: 10.55186/2413046X_2023_8_1_25.
18. Сорокина А.В. Стратегический менеджмент: теория и практика. – М.: МГУПС, 2015. – 175 с.
19. Современный стратегический анализ: теория и практика использования в деятельности российских организаций: монография / И.В. Соклакова, Д.А. Ермилина, Л.Н. Панкова и др. – М.: Дашков и К, 2021. – 194 с.
20. Мирошникова Е.А. Роль и значение стратегического анализа в управлении деятельностью экономических субъектов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2018. – № 3. – С. 37–42.
21. Лаенко О.А., Денисова К.Е. Стратегический контроллинг // Международный журнал гуманитарных и дополнительных наук. – 2016. – Т. 1. – С. 232–236.
22. Ровнушкина Н.А. Содержание и методические инструменты контроля реализации стратегий развития организации // Теория и практика современной науки. – 2021. – № 11 (77). – С. 99–105.
23. Бороненкова С.А., Чепулянис А.В. Стратегический учет и анализ в управлении хозяйствующим субъектом // Journal of new economy. – 2011. – № 5 (37). – С. 20–29.
24. Гужина Г.Н. Структура и методология стратегического управления // Инновации и инвестиции. – 2015. – № 12. – С. 110–113.
25. Панферова Л.В. Стратегическое планирование как основа для принятия управленческих решений // Oeconomia et Jus. – 2019. – № 3. – С. 10–18.
26. Кравченко Т.К., Исаев Д.В. Системы поддержки принятия решений: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2022. – 292 с.
27. Хотяшева О.М., Слесарев М.А. Инновационный менеджмент: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 326 с.
28. Брякина А.В., Сироткина Н.В. Последовательность принятия стратегических управленческих решений на основе индикаторов управления // Территория науки. – 2014. – № 6. – С. 141–147.
29. Brehmer B. The dynamic OODA loop: Amalgamating Boyd's OODA loop and the cybernetic approach to command and control // 10th international command and control research technology symposium. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Dynamic-ODA-Loop-%3A-Amalgamating-Boyd-%E2%80%99-s-ODA-Brehmer/7e9d23a6911d636666338358505613bb5eba43b8# citing-papers> (дата обращения 24.07.2024).
30. Гарипов Т.А. Цикл НОРД (OODA): как принимать верные решения. URL: <https://uprav.ru/blog/cycle-nord/> (дата обращения 23.07.2024).
31. Курилов К.Ю. Принципы формирования системы затрат промышленного предприятия // АНИ: экономика и управление. – 2015. – № 3 (12). – С. 41–45.
32. Мартынов Л.М. Стратегическое позиционирование организаций в условиях инновационной информационно-коммуникационной бизнес-среды // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 2 (часть 2) – С. 93–95.
33. Иванова Е.В. Стратегическое позиционирование компаний // Современная наука: проблемы и перспективы развития: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. В 3 ч. Ч. 2. – Омск, 28 февраля 2020. – Омск: Омская гуманитарная академия, 2020. – С. 66–71.

Информация об авторах

Ольга Владимировна Симагина, доктор экономических наук, доцент, заместитель министра экономического развития Новосибирской области, Россия, 630007, г. Новосибирск, Красный пр., 18; solg@nso.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1174-1544>

Юлия Владимировна Вершинина, аспирант Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6; veryuv@nso.ru; <https://orcid.org/0009-0002-6363-1566>

Поступила в редакцию: 15.09.2024

Поступила после рецензирования: 23.11.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. *Big economic dictionary*. Ed. by A.N. Azriliyan. Moscow, Institute of New Economics Press, 2010. 1472 p. (In Russ.)
2. Mescon M., Albert M., Hedourie F. *Management*. Moscow, Delo Publ., 1997. 704 p. (In Russ.)

3. Ansoff I. *Corporate strategy*. N.Y., McGraw-Hill, 1965. 241 p.
4. Ansoff I. *Strategic management*. London, Macmillan, 1979. 236 p.
5. Ansoff I., Declerck R.P., Hayes R.L. *From strategic planning to strategic management*. London, Wiley, 1976. 257 p.
6. Moore J.F. *The death of competition: leadership and strategy in the age of business ecosystems*. N.Y., HarperBusiness, 1996. 297 p.
7. Porter M.E. *On competition*. Boston, Harvard Business School, 1998. 544 p.
8. Isenberg D. *The entrepreneurship ecosystem strategy as a new paradigm for economy policy: Principles for cultivating entrepreneurship*. Available at: <https://archive.org/details/Isenberg-entrepreneurship-ecosystem-strategy-for-economic-growth/page/n7/mode/2up> (accessed 24 July 2024).
9. Stam E., Spigel B. *Entrepreneurial ecosystems*. Available at: <https://econpapers.repec.org/paper/usetkiwps/1613.htm> (accessed 24 July 2024).
10. Jacobides M.G., Cennamo C., Gawer A. Towards a theory of ecosystems. *Strategic management journal*, 2018, vol. 39, no. 8, pp. 2255–2276.
11. Stam E., Van de Ven A. Entrepreneurial ecosystem elements. *Small business economics*, 2021, vol. 56, no. 2, pp. 809–832.
12. Grant P.M. *Modern strategic analysis*. St Petersburg, Piter Publ., 2022. 672 p. (In Russ.)
13. Vorobev A.D. *Enterprise strategy: correct formulation and successful implementation*. (In Russ.) Available at: <https://pakhotin.org/business/enterprise-strategy/> (accessed 24 July 2024).
14. Sarkin A.V. Strategic planning as a basic function of strategic management. *Uchenye zapiski St. Petersburg University of Management Technologies and Economics*, 2009, no. 1 (23), pp. 62–67. (In Russ.)
15. Bubnov G.G., Pautova A.V., Zolotarev V.I. Strategic planning as an essential functions. *Transport business in Russia*, 2011, no. 7, pp. 24–26. (In Russ.)
16. Amkuab K.G. Strategic planning as a mechanism for ensuring functions of the state. *Education and Law*, 2022, pp. 33–36. (In Russ.) DOI: 10.24412/2076-1503-2022-12-33-36.
17. Kondrachuk O.E. Individual approaches to the development of strategic management in the organization. *Moscow Economic Journal*, 2023, no. 1, pp. 472–477. (In Russ.) DOI: 10.55186/2413046X_2023_8_1_25.
18. Sorokina A.V. *Strategic management: theory and practice. Study guide*. Moscow, Moscow State University of Railway Transport Publ., 2015. 175 p. (In Russ.)
19. Soklakova I.V., Ermilina D.A., Pankova L.N. *Modern strategic analysis: theory and practice of use in the activities of Russian organizations: a monograph*. Moscow, Dashkov and K Publ., 2021. 194 p. (In Russ.)
20. Miroshnikova E.A. Role and importance of strategic analysis in the management of economic entities. *Intellect. Innovations. Investments*, 2018, no. 3, pp. 37–42. (In Russ.)
21. Laenko O.A., Denisova K.E. Strategic controlling. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2016, vol. 1, pp. 232–236. (In Russ.)
22. Rovnushkina N.A. The content and methodological tools for monitoring the implementation of the organization's development strategies. *Theory and practice of modern science*, 2021, no. 11 (77), pp. 99–105. (In Russ.)
23. Boronenkova S.A., Chepulyanis A.V. Strategic accounting and analysis in the management of an economic entity. *Journal of new economy*, 2011, no. 5 (37), pp. 20–29. (In Russ.)
24. Guzhina G.N. Structure and methodology of strategic management. *Innovations and Investments*, 2015, no. 12, pp. 110–113. (In Russ.)
25. Panferova L.V. Strategic planning as a basis for management decision-making. *Oeconomia et Jus*, 2019, no. 3, pp. 10–18. (In Russ.)
26. Kravchenko T.K., Isaev D.V. *Decision support systems: textbook and workshop for universities*. Moscow, Yurait Publ., 2022. 292 p. (In Russ.)
27. Khodesheva O.M., Slesarev M.A. *Innovation management*. Moscow, Yurait Publ., 2023. 326 p. (In Russ.)
28. Bryakina A.V., Sirotkina N.V. Sequence of strategic management decisions based on management indicators. *Territory of Science*, 2014, no. 6, pp. 141–147. (In Russ.)
29. Brehmer B. The dynamic OODA loop: Amalgamating Boyd's OODA loop and the cybernetic approach to command and control. *10th international command and control research technology symposium*. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Dynamic-ODA-Loop-%3A-Amalgamating-Boyd-%E2%80%99s-ODA-Brehmer/7e9d23a6911d636666338358505613bb5eba43b8#citing-papers> (accessed 24 July 2024).
30. Garipov T.A. *The OODA cycle: how to make the right decisions*. (In Russ.) Available at: <https://uprav.ru/blog/cycle-nord/> (accessed 24 July 2024).
31. Kurilov K.Yu. Principles of formation of the cost system of an industrial enterprise. *ANI: Economics and Management*, 2015, no. 3 (12), pp. 41–45. (In Russ.)
32. Martynov L.M. Strategic positioning of organizations in the conditions of innovative information and communication business environment. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2014, no. 2, part 2, pp. 93–95. (In Russ.)

33. Ivanova E.V. Strategic positioning of companies. *Collection of articles of the IV International scientific-practical conference. Modern science: problems and prospects of development.* Omsk, Omsk Humanitarian Academy Publ., 2020. pp. 66–71. (In Russ.)

Information about the authors

Olga V. Simagina, Dr. Sc., Associate Professor, Deputy Minister of Economic Development of Novosibirsk Region, 18, Krasny avenue, Novosibirsk, 630007, Russian Federation; solg@nso.ru

Yulia V. Vershinina, Postgraduate Student, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 6, Nizhegorodskaya street, Novosibirsk, 630102, Russian Federation; veryuv@nso.ru

Received: 15.09.2024

Revised: 23.11.2024

Accepted: 30.12.2024

УДК 338.2:339.562-048.62:005.334(470+571)

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1907

Шифр специальности ВАК: 5.2.1

Структурный индекс импортозамещения и его апробация в условиях воздействия шоков на российскую экономику

С.А. Жиронкин✉, Е.А. Таран

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*

✉ zhironkin@tpu.ru

Аннотация. К настоящему моменту существует ряд подходов к количественной оценке импортозамещения, которые, однако, не затрагивают структурный характер его инициирования в долгосрочном плане. Предметом современных исследований выступает эффективность импортозамещения «в моменте», что затрудняет его регулирование и прогнозирование результатов в условиях нециклических шоковых событий макроэкономической динамики. Преодоление такого разрыва в теории и методике анализа импортозамещения видится авторам возможным при акцентировании внимания на структурной составляющей импортозамещения – производственно-отраслевой, факторной, технологической. Именно структура экономики и процессов, опосредующих импортозамещение, является «проводником» внешних шоков в макро- и мезоэкономическую динамику, поэтому регулирование выпуска конкурентоспособной продукции для внутреннего рынка должно осуществляться в рамках структурной политики государства. **Цель:** формирование методического подхода к оценке импортозамещения в условиях усиления внешних шоков и интерпретации результатов, исходя из изменений в структуре экономики. **Методы:** конструктивный критический анализ научных работ в области количественной оценки импортозамещения, обобщение и синтез авторской идеи использования метода индексов для выявления путей и форм воздействия внешних шоков на структуру импортозамещения. **Результаты:** авторами предложен агрегированный индекс импортозамещения, который объединяет ряд частных индексов, демонстрирующих воздействие внешних шоков на его структуру, – исходный индекс (выпуск импортозамещающей продукции в отраслях экономики), базовый индекс (изменение эффективности факторов производства), индекс устойчивости импортозамещения к внешним шокам (с позиции технологий, воспроизводства основного капитала и производительности труда). Также предложен подход к интерпретации результатов анализа отдельных индексов и агрегированного структурного индекса импортозамещения. **Выводы:** результаты расчета структурного индекса импортозамещения и их интерпретация позволяют говорить о наибольшем воздействии внешних шоков на эффективность факторов производства, которое происходит с отставанием в 2–3 года и определяет долгосрочные перспективы вытеснения импорта или восполнения потерь от ухода иностранных фирм с российского рынка, инвестиционных и технологических ограничений. В свою очередь, негативные колебания эффективности факторов производства в российской экономике отражаются на отраслевом выпуске импортозамещающей продукции с задержкой в 1–2 года, что дает возможность скорректировать структурную политику государства с учетом внешних шоков.

Ключевые слова: импортозамещение, внешние шоки, индекс, структура, структурная политика

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01423, <https://rscf.ru/project/23-28-01423/>

Для цитирования: Жиронкин С.А., Таран Е.А. Структурный индекс импортозамещения и его апробация в условиях воздействия шоков на российскую экономику // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 128–143. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1907

UDC 338.2:339.562-048.62:005.334(470+571)

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1907

Structural index of import substitution and its testing under the impact of shocks on the Russian economy

S.A. Zhironkin ✉, E.A. Taran

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

✉ zhironkin@tpu.ru

Abstract. To date, there are a number of approaches to the quantitative assessment of import substitution, which, however, do not affect the structural nature of its initiation in the long term. The subject of modern research is the effectiveness of import substitution "at the moment", which complicates its regulation and forecasting the results in the context of non-cyclical shock events of macroeconomic dynamics. Overcoming such a gap in the theory and methodology of import substitution analysis seems possible to the authors by focusing on the structural component of import substitution – production and industry, factor, technological. It is the structure of the economy and, accordingly, the processes mediating import substitution that is the "conductor" of external shocks in the macro- and mesoeconomic dynamics. Therefore, regulation of the release of competitive products for the domestic market should be carried out within the framework of the structural policy of the state. **Aim.** To develop a methodological approach to assessing import substitution in the context of increasing external shocks and interpreting the results based on changes in the structure of the economy. **Methods.** Constructive critical analysis of scientific works in the field of quantitative assessment of import substitution, generalization and synthesis of the author's idea of using the index method to identify the paths and forms of impact of external shocks on the structure of import substitution. **Results.** Consist in the proposal by the authors of the aggregate index of import substitution, which combines a number of private indices demonstrating the impact of external shocks on its structure – the initial index (output of import-substituting products in economic sectors), the basic index (change in the efficiency of production factors), the index of import substitution stability to external shocks (from the standpoint of technology, reproduction of fixed capital and labor productivity). An approach to interpreting the results of the analysis of individual indices and the aggregated structural index of import substitution is also proposed. **Conclusions.** Results of the calculation of the structural index of import substitution and their interpretation allow us to speak about the greatest impact of external shocks on the efficiency of production factors, which occurs with a lag of 2–3 years and determines the long-term prospects for displacing imports or replenishing losses from the departure of foreign firms from the Russian market, investment and technological restrictions. In turn, negative fluctuations in the efficiency of production factors in the Russian economy are reflected in the sectoral output of import-substituting products with a lag of 1–2 years, which makes it possible to adjust the state structural policy taking into account external shocks.

Keywords: import substitution, external shocks, index, structure, structural policy

Acknowledgements: The study was supported by Russian Science Foundation grant no. 23-28-01423, <https://rscf.ru/en/project/23-28-01423/>

For citation: Zhironkin S.A., Taran E.A. Structural index of import substitution and its testing under the impact of shocks on the Russian economy. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 128–143. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1907

Введение

Актуальность поиска методов количественной оценки эффективности импортозамещения в российской экономике возрастает в условиях воздействия на нее шоков. Конечным адресатом методики анализа и оценки импортозамещения выступает государство, которое формирует и реализует политику импортозамещения, осуществляет регулирование структурных сдвигов, а также противодействует внешним шокам.

Наряду с этим важность качественной оценки импортозамещения в контексте структурных изменений российской экономики, напрямую связанных с шоковым воздействием санкций и технологических ограничений, требует формирования синтетических индикаторов, объединяющих динамику различных показателей в единый индекс, нивелирующий флуктуации нескольких процессов – внешних и внутренних, эндогенной (экономической) природы и экзогенной (неэкономической – политической, пандемийной, технологической).

Применение метода индексов – обобщающих индикаторов динамики различных процессов – представлено в экономических публикациях достаточно широко, во многом для соединения (агрегирования) нескольких рядов динамики в единый показатель, простой и удобный для использования как в научной, так и в деловой и управленческой среде, в целях прогнозирования динамики развития сложных процессов [1, 2].

В свою очередь, индекс, применяемый для оценки импортозамещения, должен учитывать его структурно-сдвиговую сущность, то есть обусловленность ростом выпуска конкурентоспособной продукции для внутреннего рынка изменениями в составе субъектов воспроизводственной системы, пропорций распределения капитала, рабочей силы, технологий между отраслями и секторами экономики, соотношением передовых и базовых производственных технологий, их отечественного и зарубежного сегмента [3].

В России для оценки импортозамещения применяются следующие индикаторы:

- абсолютные и относительные значения выпуска продукции, замещающей на внутреннем рынке некоторые прямые субституты (используется Росстатом как «Показатели, характеризующие импортозамещение в России» – производство основных видов импортозамещающих пищевых продуктов, товарный состав импорта продовольственных товаров, доля импорта в объеме товарных ресурсов розничной торговли и пр.) [4];
- индекс импортозамещения в агропромышленном комплексе, рассчитываемый Минсельхозом России (Методика расчета значений показателя «Индекс импортозамещения в АПК (соотношение накопленного темпа роста производства продукции АПК и накопленного темпа роста импорта продукции АПК)» федерального проекта «Развитие отраслей и техническая модернизация агропромышленного комплекса» Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717);
- различные коэффициенты, характеризующие самообеспечение национальной экономики отечественной продукцией, импортную зависимость и нагрузку, импортный приоритет, ценовое превосходство отечественных производителей [5].

Вместе с тем данные показатели не отражают влияния изменения тех структурных пропорций в воспроизводственной сфере, в отраслевом создании ВВП и распределении факторов производства, его технологическом и институциональном обеспечении, которые определяют успех импортозамещения в долгосрочном плане, а также подвержены воздействию шоков.

Поэтому при формировании структурного индекса для оценки эффективности импортозамещения и анализа последствий влияния на него внешних шоков следует принять во внимание принципы учета различных факторов – инвестиционных, инновационно-технологических, трудовых, институциональных, таких как:

- макро- и мезоэкономическая применимость (универсальность), которая должна позволить использовать обобщенные значения индекса в целях анализа текущих трендов и составления прогнозов отраслевой динамики факторов производства и их распределения между отраслями, с учетом макроэкономических переменных – производительности труда в национальной экономике, инфляция, процентные ставки, валютные курсы, а также ВВП;

- верифицируемость как возможность однозначного количественного измерения и оценки результатов расчетов, что дает возможность учесть текущее законодательство в области импортозамещения и научные основы его исследования, а также перспективы их изменения при смене базовых условий хозяйственной деятельности;
- адекватность разработанным к настоящему моменту подходам и методикам анализа структурных изменений в экономике на макро- и мезоуровне, а также теоретическим положениям исследования экономической динамики, в том числе нециклической (шоковой) и циклической (деловых, промышленных циклов);
- учет комплексного характера взаимосвязей между рядами данных, которые опосредуют процессы, сопровождающие изменения пропорций в структуре воспроизводства, распределения факторов производства, создания и распределения ВВП, технологий, а также возникающие в ходе импортозамещения.

Опора на данные принципы позволит перейти к формированию структурного индекса импортозамещения, отражающего как воздействие внешних шоков на российскую экономику, так и противодействие им со стороны государства.

Использование метода индексов для оценки влияния внешних шоков на изменения в структуре импортозамещения

Важная роль, которую играет индексный метод в анализе и прогнозировании структурных сдвигов, заключается в возможности оценки всех процессов, вызывающих изменение его структуры, в комплексной взаимосвязи [6, 7]. Поэтому О.Ю. Красильников [8], а позднее М.А. Гасанов [9], предложили рассчитывать индекс структурного сдвига (I) следующим образом:

$$I = \frac{D_i}{D_0},$$

где D_i – значение конкретного индикатора структурных пропорций в текущий период; D_0 – значение данного индикатора структурных пропорций в базовый период:

$$D_i = D_0 + M,$$

где M – «масса» структурного сдвига за определенный период.

При разработке структурного индекса импортозамещения авторами была предпринята попытка поэтапного агрегирования рядов динамики, отражающих изменение различных факторов (выпуска продукции для внутреннего рынка в целях замещения импорта, измерения фондоотдачи, обеспечения высококвалифицированной рабочей силой, технологиями), а также воздействия на них внешних шоков. В соответствии с этим на первом этапе расчета структурного индекса предложено определять исходный и базовый индексы импортозамещения, а также индекс его устойчивости к внешним шокам:

1. *Исходный индекс импортозамещения*, носящий отраслевой характер и отражающий структуру Планов мероприятий по импортозамещению, представленных Минпромторгом России в 2014 г. и обновленных в 2021–2023 гг. [10]:

$$I_{\text{имп}i}^{\text{исх}} = \frac{D_{oi} + M_i}{D_{oi}},$$

где D_{oi} – первоначальный объем выпуска продукции в отрасли i ; M_i – увеличение выпуска продукции для внутреннего рынка в отрасли i , в рамках соответствующего отраслевого Плана мероприятий по импортозамещению Минпромторга России.

2. *Базовый индекс импортозамещения*, который также носит отраслевой характер, предназначен для отражения изменений в эффективности факторов производства, напрямую определяющих возможности выпуска конкурентоспособной на внутреннем рынке продукции в условиях усиления внешних шоков ($I_{\text{имп}i}^{\text{баз}}$):

$$I_{\text{имп}i}^{\text{баз}} = I_{\text{имп}i}^{\text{исх}} \times I_{\text{пс}},$$

где $I_{\text{пс}}$ – индекс воздействия на импортозамещение изменений в состоянии производительных сил и факторов производства:

$$I_{\text{пс}} = I_{\text{фв}} \times I_{\text{рво}} \times I_{\text{тз}},$$

где $I_{\text{фв}}$ – индекс изменения фондоотдачи; $I_{\text{рво}}$ – индекс изменения количества работников с высшим образованием; $I_{\text{тз}}$ – индекс технологической зависимости, определяемый разработчиками Госпрограммы «Научно-технологическое развитие РФ». При его расчете Роспатент рассматривает отношение числа патентных заявок на изобретения, поданных российскими и иностранными заявителями в течение года.

3. *Индекс устойчивости импортозамещения к внешним шокам*, определяемый для каждой отрасли i ($I_{\text{пвш}i}$):

$$I_{\text{пвш}i} = I_{\text{иок}i} \times I_{\text{ппт}i} \times I_{\text{пт}i} \times I_{\text{ооф}i},$$

где $I_{\text{иок}i}$ – индекс изменения инвестиций в основной капитал в отрасли i , включенной в Планы мероприятий по импортозамещению Минпромторга России; $I_{\text{ппт}i}$ – индекс изменения числа используемых принципиально новых производственных технологий в отрасли i ; $I_{\text{пт}i}$ – индекс изменения производительности труда отрасли i ; $I_{\text{ооф}i}$ – индекс обновления основных фондов в отрасли i .

Следует отметить, что ни Росстат, ни Минпромторг России не предоставляют детализацию фондоотдачи в разрезе отраслей и производств, указанных в Планах мероприятий по импортозамещению. Росстат в своей отраслевой детализации опирается на действующий на настоящий момент ОКВЭД2. Поэтому авторами использованы индексы фондоотдачи Росстата в целом для всей экономики России.

На втором этапе предложено рассчитывать *структурный индекс импортозамещения* как объединяющий базовый индекс и индекс подверженности внешним шокам. Структурный индекс рассчитывается как для отдельных отраслей ($I_{\text{стр}i}$), так и для всей экономики страны в целом (агрегированный – $I_{\text{стр}}$):

$$I_{\text{стр}i} = I_{\text{имп}i}^{\text{баз}} \times I_{\text{пвш}i};$$

$$I_{\text{стр}} = \prod_{i=1}^n I_{\text{стр}i}.$$

Для расчета исходного, базового индексов импортозамещения, а также его устойчивости к внешним шокам в целях апробации предложенной методики была сформирована база исходных данных, представленная в табл. 1–7. Отраслевая структура показателей, включенных в индексы, состоит из 21 отрасли, которые отражены в ряде Планов мероприятий по импортозамещению Минпромторга России.

Сами показатели включают в себя валовую добавленную стоимость по отраслевым данным Росстата, а для тех отраслей, которые не исчерпываются ОКВЭД2, были использованы другие данные из открытых источников, в том числе опубликованных экспертных мнений, аналитических отчетов, научных статей. В свою очередь, не все отрасли из перечня Планов Минпромторга России (такие как возобновляемая энергетика и накопление энергии, производство обычных вооружений, железнодорожное машиностроение, спортивная индустрия, производство строительных материалов) были использованы для апробации индекса, поскольку открытых достоверных данных выпуска продукции в достаточном количестве не опубликовано. Также авторами был учтен тот факт, что Росстат к концу 2024 г. закрыл доступ к некоторым данным за 2023–2024 гг., поэтому временной период расчета индексов был ограничен 2022 г.

Данные для расчета структурного индекса импортозамещения и его результаты

Данные для расчета исходного индекса импортозамещения по отраслям российской экономики, выбранным по указанным выше критериям, представлены в табл. 1.

Таблица 1. Данные для расчета исходного индекса импортозамещения (валовая добавленная стоимость по ОКВЭД2 в ценах 2021 г., млрд руб.) [11]

Table 1. Data for calculating the initial import substitution index (gross added value according to OKVED2 in 2021 prices, billion rubles) [11]

Отрасли/Industry	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Автомобильная промышленность Automotive industry	801,2	640,3	511,4	581,4	658,2	623,3	539,3	625,6	349,8
Гражданское авиастроение (предложение авиационной техники, ед., с 2020 г. – прогноз) [12] Civil aircraft manufacturing (supply of aircraft equipment, units, from 2020 – forecast) [12]	336	310	376	462	695	631	771	521	464
Пищевая и перерабатывающая промышленность Food and processing industry	1938,0	1922,2	1974,0	1980,3	2044,0	2090,3	2141,8	2182,7	2181,2
Нефтегазовое машиностроение [13] Oil and gas engineering [13]	210,5	234,5	251	257,1	261	268,4	268,7	н. д.	н. д.
Производство строительной техники [14] Production of construction equipment [14]	н. д.	н. д.	н. д.	8151	8952	9110	8721	9233	9132
Радиоэлектронная промышленность Radioelectronic industry	478,36	607,59	524,77	513,48	539,92	607,72	624,16	652,26	721,29
Станкоинструментальная промышленность [15] Machine tool industry [15]	35,2	36,1	36,5	37,5	39,2	41,3	40,6	43,2	44,6
Производство электротехнической продукции Production of electrical products	410,6	344,9	237,4	259,6	272,0	254,5	257,5	304,9	292,7
Тяжелое машиностроение Heavy engineering	178,2	181,8	186,7	199,9	209,2	201,6	209,8	221,8	н. д.
Производство композитных материалов Production of composite materials	391,9	276,8	313,5	346,9	355,59	351,5	361,1	402,8	404,6
Отрасль обращения с отходами Waste management industry	571,4	502,6	547,8	540,0	541,3	558,8	560,47	619,7	590,9
Парфюмерная промышленность (млн флаконов) [16, 17] Perfume industry (million bottles) [16, 17]	н. д.	н. д.	61,5	118,8	55,3	62,3	71,2	77,9	67,7
Легкая промышленность Light industry	192,7	197,8	220,2	257,2	254,7	257,3	256,8	281,6	284,4
Лесопромышленный комплекс Forestry complex	282,6	297,2	323,6	337,4	363,3	376,3	394,1	438,3	437,5
Медицинская промышленность Medical industry	230,1	238,5	291,5	305,3	313,9	379,1	451,3	519,1	553,4
Сельскохозяйственное машиностроение (производство зерноуборочных комбайнов, ед.) [18]	н. д.	н. д.	4652	4421	4285	4343	5438	7256	5471

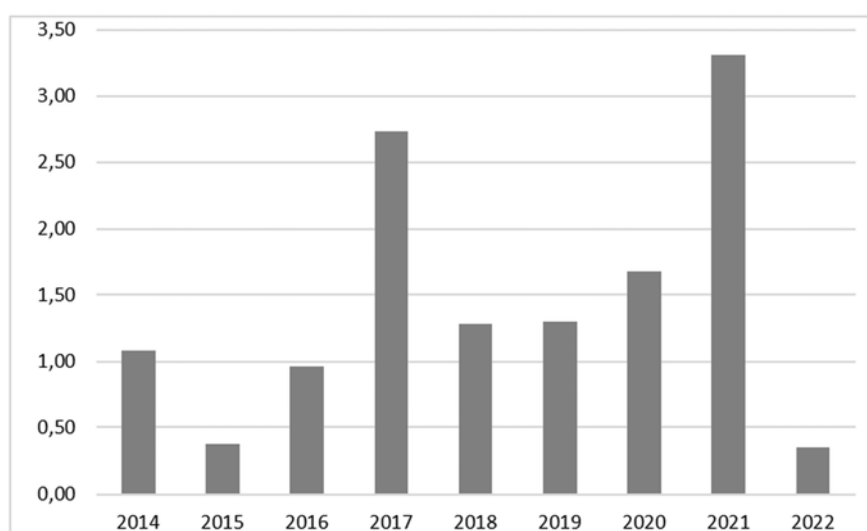
Agricultural engineering (production of grain harvesters, units) [18]									
Металлургия/Metallurgy	3699,2	3640,2	3411,8	3573,3	3579,7	3686,7	3600,1	3579,0	3490,9
Судостроение (количество произведенных гражданских судов водоизмещением более 50 т, ед.) [19] Shipbuilding (number of produced civil vessels with a displacement of over 50 tons, units) [19]	120	83	66	42	46	41	38	35	н. д.
Измерительная техника (тыс. ед.) [20] Measuring equipment (thousand units) [20]	79,2	77,2	76,8	74,3	72,5	68,5	63,1	68,9	71,9
Энергетическое машиностроение (производство турбин для электростанций, ед.) [21] Power engineering (production of turbines for power plants, units) [21]	8129	8169	8112	8099	8056	8074	8036	8098	8005
Производство водогазоочистительного оборудования Production of water and gas purification equipment	571,4	502,6	547,8	540,0	541,3	558,8	560,4	619,7	590,9

Источник: составлено авторами по [11].

Source: Compiled by the authors according to [11].

Расчетные отраслевые значения индексов, определенные авторами на основе данных из табл. 1, которые используются в расчете исходного индекса импортозамещения, отражены в табл. 2.

Значения исходного индекса импортозамещения, рассчитанного по данным табл. 2 путем агрегирования отраслевых значений индекса, представлены на рис. 1.

Источник: составлено авторами по [11].

Source: compiled by the authors according to [11].

Рис. 1. Значения исходного индекса импортозамещения в динамике за 2014–2022 гг.

Fig. 1. Values of the initial import substitution index in dynamics for 2014–2022

Таблица 2. Отраслевые индексы для расчета исходного индекса импортозамещения
Table 2. Industry indices for calculating the Initial Import Substitution Index

Отрасли/Industry	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Автомобильная промышленность Automotive industry	0,894	0,799	0,799	1,137	1,132	0,947	0,865	1,160	0,559
Гражданское авиастроение Civil aircraft industry	1,102	0,923	1,213	1,229	1,504	0,908	1,222	0,676	0,891
Пищевая и перерабатывающая промышленность Food and processing industry	0,998	0,992	1,027	1,003	1,032	1,023	1,025	1,019	0,999
Нефтегазовое машиностроение Oil and gas engineering	1,025	1,114	1,070	1,024	1,015	1,028	1,001	1,000	1,000
Производство строительной техники Production of construction equipment	1,000	1,000	1,000	1,000	1,098	1,018	0,957	1,059	0,989
Радиоэлектронная промышленность Radioelectronic industry	0,986	1,270	0,864	0,979	1,051	1,126	1,027	1,045	1,106
Станкоинструментальная промышленность Machine tool industry	0,981	1,026	1,011	1,027	1,045	1,054	0,983	1,064	1,032
Производство электротехнической продукции Production of electrical products	1,098	0,840	0,688	1,093	1,048	0,936	1,012	1,184	0,960
Тяжелое машиностроение/Heavy engineering	1,089	1,020	1,027	1,071	1,047	0,964	1,041	1,057	1,000
Производство композитных материалов Production of composite materials	0,982	0,706	1,133	1,107	1,025	0,989	1,027	1,116	1,004
Отрасль обращения с отходами Waste management industry	1,056	0,880	1,090	0,986	1,003	1,032	1,003	1,106	0,954
Парфюмерная промышленность/Perfume industry	1,000	1,000	1,000	1,932	0,465	1,127	1,143	1,094	0,869
Легкая промышленность/Light industry	1,025	1,026	1,113	1,168	0,990	1,010	0,998	1,096	1,010
Лесопромышленный комплекс Forestry complex	1,089	1,052	1,089	1,042	1,077	1,036	1,047	1,112	0,998
Медицинская промышленность/Medical industry	0,957	1,037	1,222	1,047	1,028	1,207	1,191	1,150	1,066
Сельскохозяйственное машиностроение Agricultural engineering	1,000	1,000	1,000	0,950	0,969	1,014	1,252	1,334	0,754
Металлургия/Metallurgy	1,023	0,984	0,937	1,047	1,002	1,030	0,977	0,994	0,975
Судостроение/Shipbuilding	0,782	0,692	0,795	0,636	1,095	0,891	0,927	0,921	1,000
Измерительная техника Measuring equipment	0,989	0,975	0,995	0,967	0,976	0,945	0,921	1,092	1,044
Энергетическое машиностроение Power engineering	0,967	1,005	0,993	0,998	0,995	1,002	0,995	1,008	0,989
Производство водогазоочистительного оборудования Production of water and gas purification equipment	1,102	0,880	1,090	0,986	1,003	1,032	1,003	1,106	0,954

Источник: составлено авторами по [11].

Source: compiled by the authors according to [11].

В соответствии с диаграммой, представленной на рис. 1, можно выделить нестабильность выпуска конкурентоспособной продукции для внутреннего рынка в условиях усиления внешних шоков. В свою очередь, изменение факторной эффективности российской экономики в целом (для фактора капитала – фондоотдача, для фактора рабочей силы – увеличение количества высокопроизводительных рабочих мест, для инновационного фактора – сокращение технологической зависимости) учтено авторами при определении базового индекса импортозамещения, исходные данные, для расчета которого показаны в табл. 3.

Таблица 3. Исходные данные, использованные в расчете базового индекса импортозамещения
Table 3. Initial data used in calculating the basic import substitution index

Отрасли/Industry	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Индекс изменения фондоотдачи [22] Index of change in return on assets [22]	88,7	101,0	101,2	98,0	98,7	97,7	93,4	102,0	93,4
Прирост высокопроизводительных рабочих мест, % [22] Increase in high-productivity jobs, % [22]	4,5	-9,1	-4,8	7,1	14,7	5,6	5,9	1,1	3,5
Индекс технологической зависимости, % [23] Technological Dependency Index, % [23]	148,3	180,1	181,1	165,5	191,3	191,1	211,7	215,3	200

Источник: составлено авторами по [11].

Source: compiled by the authors according to [11].

В свою очередь, отраслевые компоненты базового индекса импортозамещения, отражающие изменение факторной эффективности экономики, показаны в табл. 4.

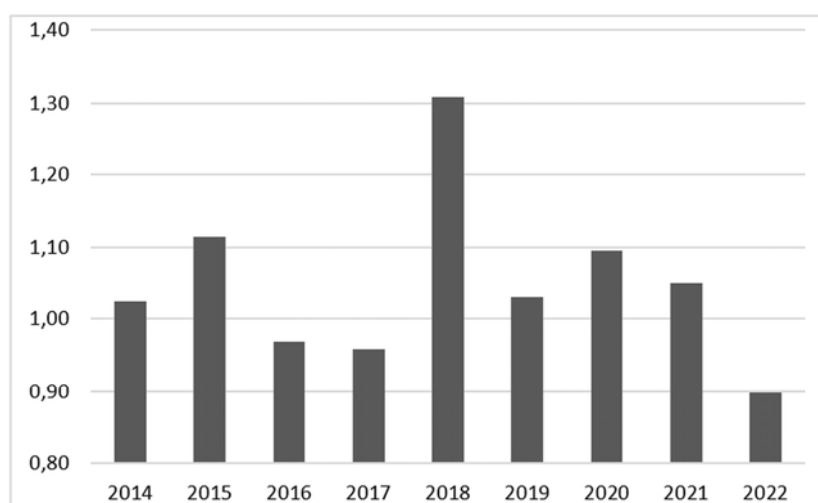
Таблица 4. Отдельные индексы для расчета базового индекса импортозамещения
Table 4. Individual indices for calculating the basic import substitution index

Индексы/Indexes	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Индекс изменения фондоотдачи Index of change in return on assets	0,887	1,010	1,012	0,980	0,987	0,977	0,934	1,020	0,934
Индекс прироста высокопроизводительных рабочих мест High-Productivity Job Growth Index	1,045	0,909	0,952	1,071	1,147	1,056	1,059	1,011	1,035
Изменение Индекса технологической зависимости (индекс) Change in the Technology Dependency Index (index)	1,105	1,214	1,006	0,914	1,156	0,999	1,108	1,017	0,929

Источник: составлено авторами по [11].

Source: compiled by the authors according to [11].

Расчетные значения базового индекса импортозамещения представлены на рис. 2.

Источник: составлено авторами по [11].

Source: compiled by the authors according to [11].

Рис. 2. Значения базового индекса импортозамещения за 2014–2022 гг.

Fig. 2. Values of the basic import substitution index for 2014–2022

Согласно диаграмме (рис. 2) наблюдается тенденция снижения факторной эффективности российской экономики, наиболее ярко проявившаяся в 2016–2017, 2019, 2022 гг. Это соответствует снижению значений исходного индекса импортозамещения с отставанием в один год, что авторы объясняют сокращением автономных инвестиций в российской экономике, не связанных с текущим спросом (чаще всего инвестирования инноваций). В результате возникают отставание в реализации планов наращивания выпуска внутренне конкурентоспособной продукции и нарастание технологического отставания российской обрабатывающей промышленности.

Для расчета индекса устойчивости импортозамещения в российской экономике к внешним шокам авторами были выбраны следующие показатели: реальные инвестиции, прирост отечественных передовых производственных технологий и производительности труда, обновление основного капитала [24], значения которых представлены в табл. 5.

Таблица 5. Исходные данные для расчета индекса устойчивости импортозамещения к внешним шокам

Table 5. Initial data for calculating the index of import substitution stability to external shocks

Показатели/Indicators	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Инвестиции в основной капитал (индекс Росстата) [25] Investments in fixed capital (Rosstat index) [25]	98,5	89,9	99,8	104,8	105,4	102,1	99,9	108,6	104,6
Число используемых передовых производственных технологий [26] Number of advanced manufacturing technologies used [26]	204546	218018	232388	240054	254927	262645	242931	256582	269541
Производительность труда (индекс Росстата) [22] Labor productivity (Rosstat index) [22]	100,8	98,7	100,1	102,1	103,1	102,4	99,6	103,7	96,4
Коэффициент обновления основного капитала, % [27] Fixed capital renewal rate, % [27]	4,3	3,9	4,4	4,3	4,7	4,7	3,9	4,0	4,6

Источник: составлено авторами по [11].

Source: compiled by the authors according to [11].

Расчет значений отдельных показателей для определения индекса устойчивости импортозамещения к внешним шокам (по факторам производства и их эффективности) представлен в табл. 6.

Таблица 6. Отдельные индексы для расчета индекса устойчивости импортозамещения к внешним шокам

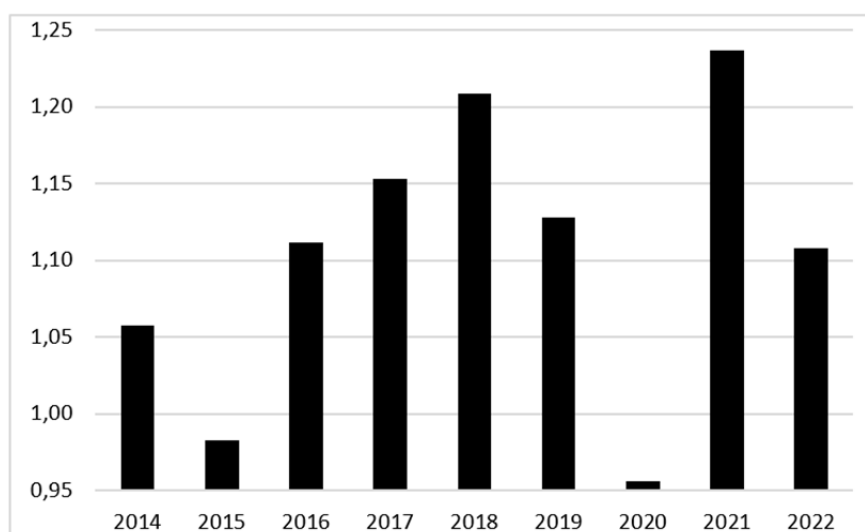
Table 6. Separate indices for calculating the index of import substitution stability to external shocks

Индексы/Indexes	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Инвестиции в основной капитал (индекс Росстата) Investments in fixed assets (Rosstat index)	0,985	0,899	0,998	1,048	1,054	1,021	0,999	1,086	1,046
Число используемых передовых производственных технологий Number of advanced manufacturing technologies used	1,021	1,066	1,066	1,033	1,062	1,030	0,925	1,056	1,051
Производительность труда (индекс Росстата) Labor productivity (Rosstat index)	1,008	0,987	1,001	1,021	1,031	1,024	0,996	1,037	0,964
Коэффициент обновления основного капитала, % Fixed capital renewal rate, %	1,043	1,039	1,044	1,043	1,047	1,047	1,039	1,040	1,046

Источник: составлено авторами по [11].

Source: compiled by the authors according to [11].

В свою очередь, графическое изображение полученных значений индекса устойчивости импортозамещения к внешним шокам дано на рис. 3.

Источник: составлено авторами по [11].

Source: compiled by the authors according to [11].

Рис. 3. Значения индекса устойчивости импортозамещения к внешним шокам за 2014–2022 гг.

Fig. 3. Values of the import substitution stability index to external shocks for 2014–2022

Анализ расчетных значений индекса устойчивости импортозамещения к внешним шокам (рис. 3) дает возможность выделить периоды его резкого падения: 2015 г. – шок санкционно-го противостояния «первой волны», 2020 г. – шок начала глобального распространения COVID-19, 2022 г. – шок санкций «второй волны». Также можно заключить, что наибольшую чувствительность процесс импортозамещения в российской экономике демонстрирует к внешним шокам, воздействующим на воспроизводство (инвестиции в основной капитал и вовлечение рабочей силы в выпуск конкурентоспособной продукции для внешнего рынка).

Исходные данные для расчета структурного индекса импортозамещения, агрегирующего его базовый и исходный индексы, приведены в табл. 7.

Таблица 7. Расчетные значения индексов импортозамещения и результаты определения его структурного индекса

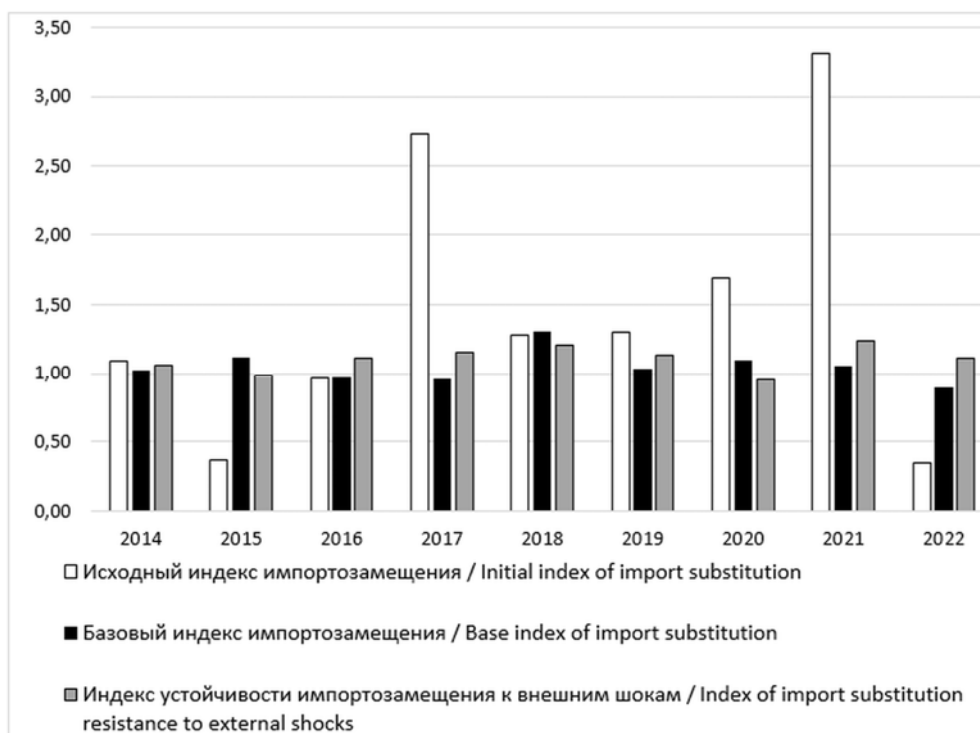
Table 7. Calculated values of import substitution indices and results of determining its structural index

Индексы/Indexes	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Исходный индекс импортозамещения Initial index of import substitution	1,088	0,371	0,965	2,737	1,282	1,300	1,685	3,312	0,349
Базовый индекс импортозамещения Basic index of import substitution	1,024	1,115	0,969	0,959	1,309	1,031	1,096	1,049	0,898
Индекс устойчивости импортозамещения к внешним шокам Index of import substitution resistance to external shocks	1,057	0,983	1,112	1,153	1,208	1,128	0,956	1,237	1,108
Структурный индекс импортозамещения Structural index of import substitution	1,178	0,406	1,039	3,027	2,027	1,511	1,765	4,297	0,347

Источник: составлено авторами по [11].

Source: compiled by the authors according to [11].

Сравнительная динамика исходного и базового индексов импортозамещения, а также индекса его устойчивости к внешним шокам представлена на рис. 4.

Источник: составлено авторами по [11].

Source: compiled by the authors according to [11].

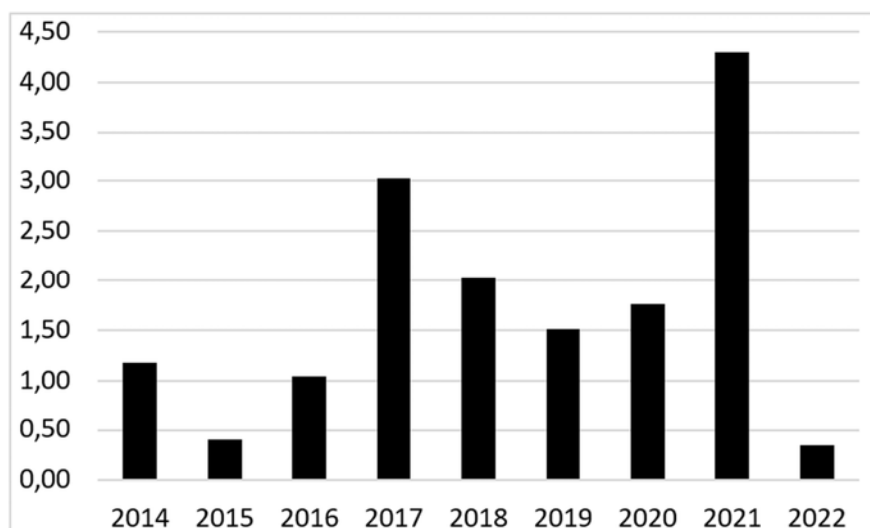
Рис. 4. Значения исходного и базового индексов импортозамещения, а также индекса устойчивости импортозамещения к внешним шокам за 2014–2022 гг.

Fig. 4. Values of the initial and basic import substitution indices, as well as the index of import substitution sustainability to the latest shocks for 2014–2022

Из анализа сравнительной динамики индексов импортозамещения – исходного, базового, устойчивости к шокам – можно сделать вывод о том, что периоды падения первого и второго отстают друг от друга на один-два года, что говорит о явно негативном влиянии на выпуск продукции для внутреннего рынка при снижении эффективности факторов производства. В свою очередь, влияние на импортозамещение внешних шоков проявляется с отставанием в два-три года, что свидетельствует о технологической природе такого воздействия. Это также дает государственному регулятору возможность определения путей и инструментов реализации структурной политики для содействия импортозамещению в обрабатывающем и высокотехнологичном секторах экономики в условиях внешних шоков.

Значения структурного (агрегированного индекса) индекса импортозамещения представлены на рис. 5.

Значения структурного индекса импортозамещения (рис. 5) позволяют однозначно судить о негативном влиянии внешних шоков (пандемийного, санкционных, рыночных) на импортозамещение. Это проявляется, как было показано выше, в снижении эффективности факторов производства, в ухудшении их структуры (например, в сокращении доли автономных инвестиций), что проявляется в нестабильности выпуска продукции для внутреннего рынка. Эти положения призваны сыграть важную роль в формировании политики импортозамещения как составляющей единой структурной политики государства.

Источник: составлено авторами по [11].

Source: compiled by the authors according to [11].

Рис. 5. Значения структурного индекса импортозамещения за 2014–2022 гг.

Fig. 5. Values of the structural import substitution index for 2014–2022

Заключение

Несмотря на наличие ряда подходов к формированию количественной оценки импортозамещения, остается потребность в анализе структурных изменений в экономике, которые определяют долгосрочные перспективы выпуска конкурентоспособной продукции для внутреннего рынка. Поэтому предложенный авторами структурный индекс импортозамещения сформирован на основе таких принципов, как макро- и мезоэкономическая применимость, верифицируемость и однозначность интерпретации, адекватность общепринятым теоретическим подходам (теории воспроизводства, экономических циклов и шоков) и учет комплексного характера структурных изменений.

Предложенная методика расчета структурного индекса импортозамещения основана на агрегировании его составляющих – исходного индекса выпуска импортозамещающей продукции в отраслях экономики (согласно Планам мероприятий по импортозамещению Минпромторга России), базового индекса изменения эффективности факторов производства, а также индекса устойчивости импортозамещения к внешним шокам (учитывающего воздействие рыночных флуктуаций, санкционных, пандемийных, инвестиционных ограничений в основной капитал и обновление основных фондов, число используемых принципиально новых производственных технологий и производительности труда).

Результаты анализа расчета структурного индекса импортозамещения свидетельствуют о наибольшей подверженности внешним шокам именно эффективности факторов производства (труда, капитала, технологий), что подрывает долгосрочные перспективы выпуска конкурентоспособной продукции для внутреннего рынка. Воздействие шоков на факторную структуру импортозамещения происходит с отставанием в 2–3 года, в дальнейшем снижение факторной эффективности оказывает негативное воздействие на отраслевой выпуск с задержкой в 1–2 года. Это дает возможность скорректировать направления и инструментарий структурной политики в целях активизации импортозамещения в условиях внешних шоков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тусков А.А., Голдуева Д.А. Эконометрическое моделирование международного индекса счастья // Наука Красноярья. – 2022. – Т. 11. – № 4. – С. 77–95. DOI: 10.12731/2070-7568-2022-11-4-77-95.
2. Методы и индексы комплексной оценки развития городов и регионов России / Д.В. Гончаров, И.В. Свиридова, С.А. Забнин, А.А. Долинский // Мировая наука. – 2020. – № 12 (45). – С. 105–108.
3. Жиронкин С.А., Таран Е.А., Алешина О.Г. Структурно-неоиндустриальные основы импортозамещения в условиях усиления внешних шоков // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 2 (151). – С. 231–234.
4. Показатели, характеризующие импортозамещение в России // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11188> (дата обращения 07.10.2024).
5. Мешкова А.П., Вострикова Е.О. Оценка эффективности политики импортозамещения в контексте экономической безопасности // BENEFICIUM. – 2022. – № 3 (44). – С. 57–66.
6. Куторова К.А. Применение Линда для оценки структуры рынка сотовой связи // Форум молодых ученых. – 2017. – № 2 (6). – С. 147–150.
7. Бондаренко Г.А., Полякова И.А. Структурно-динамические изменения экономической и трудовой сфер г. Ростова-на-Дону: статистический анализ // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». – 2021. – № 2 (210). – С. 94–99. DOI: 10.18522/2687-0770-2021-2-94-99.
8. Красильников О.Ю. Структурные сдвиги в экономике: теория и методология. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – 68 с.
9. Гасанов М.А. Структурные сдвиги в условиях трансформации экономики России и становления инновационного типа развития: дис. ... д-ра экон. наук. – Томск, 2012. – 364 с.
10. Отраслевые планы импортозамещения Минпромторга России. URL: <https://frprf.ru/plany-importozameshcheniya/> (дата обращения 23.08.2024).
11. Национальные счета // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VDS_god_OKVED2_s2011-2023.xlsx (дата обращения 07.10.2024).
12. Анализ отрасли авиастроения в России в 2015-2019 гг., оценка влияния коронавируса и прогноз на 2020–2024 гг. // BusinesStat. URL: https://businesstat.ru/images/demo/aircraft_industry_russia_demo_businesstat.pdf (дата обращения 07.10.2024).
13. Оценка текущего социально-экономического состояния отрасли нефтегазового машиностроения в России. URL: https://tpp74.ru/docum/New%20Folder/03%20-%20III.P.%20Юлгушев_Фед.%20практика_2020-1.pdf (дата обращения 23.08.2024).
14. Производство отдельных видов строительных машин и оборудования // Строительство в России. 2022. – М.: Росстат, 2022. – 148 с.
15. Самодуров Г.В., Лахтюхов Д.В. Станкоинструментальная отрасль России в 2022 году: цифры и факты // Станкоинструмент: наука, проектирование, производство. – 2023. – № 2. – С. 40–47.
16. Корпорация «Развитие». Рынок парфюмерно-косметической продукции. URL: <https://belgorodinvest.com/upload/iblock/293/qt9rslcsnfopo9qhi4l9ib71lztngcf.pdf> (дата обращения 07.10.2024).
17. Производство духов и одеколонов в России достигло рекорда // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/02/08/2024/66aa288f9a79474f3ddd09da> (дата обращения 07.10.2024).
18. Производство зерноуборочных комбайнов в России // Анализ рынка зерноуборочных комбайнов в России в 2019–2023 гг., прогноз на 2024–2028 гг. URL: https://businesstat.ru/images/demo/combine_harvesters_russia_demo_businesstat.pdf (дата обращения 07.10.2024).
19. Судостроение ушло в глухую оборону // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2927174> (дата обращения 07.10.2024).
20. Яншин В.Н. Состояние и особенности импортозамещения измерительной техники. URL: https://omsketalon.ru/sites/default/files/yanshin_vn_sostoyanie_i_osobennosti_importozameshcheniya.pdf (дата обращения 07.10.2024).
21. Рынок энергетического машиностроения. URL: http://www.boges.ru/files/Inform/VOSA/VOSA19022018/2%20заключение%20о%20стоимости_скан-копия_new.pdf (дата обращения 07.10.2024).
22. Эффективность экономики // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186> (дата обращения 07.10.2024).
23. Государственная программа «Научно-технологическое развитие РФ». URL: <https://ntp.pf/indicators-and-ratings/indicator/cube21/> (дата обращения 07.10.2024).
24. Таран Е.А., Жиронкин С.А. Структура импортозамещения в российской экономике в условиях внешних шоков: монография. – Томск: STT, 2023. – 144 с.
25. Инвестиции в нефинансовые активы // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения 07.10.2024).
26. Технологическое развитие отраслей экономики // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189> (дата обращения 07.10.2024).
27. Основные фонды и другие нефинансовые активы // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14304> (дата обращения 07.10.2024).

Информация об авторах

Сергей Александрович Жиронкин, доктор экономических наук, профессор отделения экономики и организации производства Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; zhironkin@tpu.ru

Екатерина Александровна Таран, кандидат экономических наук, доцент отделения экономики и организации производства Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; ektaran@tpu.ru

Поступила в редакцию: 11.10.2024

Поступила после рецензирования: 19.12.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. Tuskov A.A., Goldueva D.A. Econometric modeling of the international happiness index. *Krasnoyarsk Science*, 2022, vol. 11, no. 4, pp. 77–95. (In Russ.) DOI: 10.12731/2070-7568-2022-11-4-77-95.
2. Goncharov D.V., Sviridova I.V., Zabnin S.A., Dolinskiy A.A. Methods and indices for a comprehensive assessment of the development of cities and regions of Russia. *World Science*, 2020, no. 12 (45), pp. 105–108. (In Russ.)
3. Zhironkin S.A., Taran E.A., Aleshina O.G. Structural-neo-industrial foundations of import substitution in the context of increasing external shocks. *Economy and Entrepreneurship*, 2023, no. 2 (151), pp. 231–234. (In Russ.)
4. Indicators characterizing import substitution in Russia. *Rosstat*. (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/11188> (accessed 7 October 2024).
5. Meshkova A.P., Vostrikova E.O. Assessing the effectiveness of import substitution policy in the context of economic security. *BENEFICIUM*, 2022, no. 3 (44), pp. 57–66. (In Russ.)
6. Kutorova K.A. Application of the Linda index to assess the structure of the cellular communications market. *Forum of young scientists*, 2017, no. 2 (6), pp. 147–150. (In Russ.)
7. Bondarenko G.A., Polyakova I.A. Structural and dynamic changes in the economic and labor spheres of Rostov-on-Don: statistical analysis. *Bulletin of higher educational institutions. North Caucasus region. Social science*, 2021, no. 2 (210), pp. 94–99. (In Russ.) DOI: 10.18522/2687-0770-2021-2-94-99.
8. Krasilnikov O.Yu. *Structural shifts in the economy: theory and methodology*. Saratov, Saratov University Publ. House, 2001. 68 p. (In Russ.)
9. Gasanov M.A. *Structural shifts in the context of the transformation of the Russian economy and the formation of an innovative type of development*. Dr. Diss. Tomsk, 2012. 364 p. (In Russ.)
10. *Sectoral import substitution plans of the Ministry of Industry and Trade of Russia*. (In Russ.) Available at: <https://frprf.ru/plany-importozameshcheniya/> (accessed 23 August 2024).
11. National Accounts. *Rosstat*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VDS_god_OKVED2_s2011-2023.xlsx (accessed 7 October 2024).
12. Analysis of the aircraft manufacturing industry in Russia in 2015–2019, assessment of the impact of coronavirus and forecast for 2020–2024. *BusinesStat*. (In Russ.) Available at: https://businesstat.ru/images/demo/aircraft_industry_russia_demo_businesstat.pdf (accessed 7 October 2024).
13. *Assessment of the current socio-economic state of the oil and gas engineering industry in Russia. 2021*. (In Russ.) Available at: https://tpp74.ru/docum/New%20Folder/03%20-%20Sh.R.%20Julgushev_Fed.%20praktika_2020-1.pdf (accessed 23 August 2024).
14. Production of certain types of construction machinery and equipment. *Construction in Russia*, 2022. Moscow, Rosstat Publ., 2022, 148 p. (In Russ.)
15. Samodurov G.V., Lakhtyukhov D.V. Machine-tool industry of Russia in 2022: figures and facts. *Machine-tool: science, design, production*, 2023, no. 2, pp. 40–47. (In Russ.)
16. Corporation “Development”. *Perfumery and cosmetics market*. (In Russ.) Available at: <https://belgorodinvest.com/upload/iblock/293/qt9rslcsnfopo9qhi4l9ib71lztngcf.pdf> (accessed 7 October 2024).
17. Perfume and cologne production in Russia reaches record high. *RBC*. (In Russ.) Available at: <https://www.rbc.ru/business/02/08/2024/66aa288f9a79474f3ddd09da> (accessed 7 October 2024).
18. Production of grain harvesters in Russia. *Analysis of the grain harvester market in Russia in 2019–2023, forecast for 2024–2028*. (In Russ.) Available at: https://businesstat.ru/images/demo/combine_harvesters_russia_demo_businesstat.pdf (accessed 7 October 2024).
19. Shipbuilding has gone into deep defense. *Kommersant*. (In Russ.) Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2927174> (accessed 7 October 2024).
20. Yanshin V.N. *Status and features of import substitution of measuring equipment*. (In Russ.) Available at: https://omsketalon.ru/sites/default/files/yanshin_vn_sostoyanie_i_osobennosti_importozameshcheniya.pdf (accessed 7 October 2024).

21. *Power engineering market*. (In Russ.) Available at: http://www.boges.ru/files/Inform/VOSA/VOSA19022018/2%20zakljuchenie%20o%20stoimosti_skan-kopija_new.pdf (accessed 7 October 2024).
22. Economic efficiency. *Rosstat*. (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186> (accessed 7 October 2024).
23. *State program "Scientific and technological development of the Russian Federation"*. (In Russ.) Available at: <https://ntr.rf/indicators-and-ratings/indicator/cube21/> (accessed 7 October 2024).
24. Taran E.A., Zhironkin S.A. *Structure of import substitution in the Russian economy under external shocks*. Tomsk, STT Publ., 2023. 144 p. (In Russ.)
25. Investments in non-financial assets. *Rosstat*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (accessed 7 October 2024).
26. Technological development of economic sectors. *Rosstat*. (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189> (accessed 7 October 2024).
27. Fixed assets and other non-financial assets. *Rosstat*. (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/14304> (accessed 7 October 2024).

Information about the authors

Sergey A. Zhironkin, Dr. Sc., Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; zhironkin@tpu.ru

Ekaterina A. Taran, Cand. Sc., Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; ektaran@tpu.ru

Received: 11.10.2024

Revised: 19.12.2024

Accepted: 30.12.2024

УДК 330

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1905

Шифр специальности ВАК: 5.2.3

Факторы качества жизни населения: междисциплинарный подход к систематизации

С.А. Меленькина[✉], И.Ю. Нестеренко

Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Россия, г. Челябинск

[✉]melenkina.sa@uiec.ru

Аннотация. Статья посвящена обобщению и уточнению классификации факторов качества жизни населения. В качестве методологической основы исследования избран дискурс-анализ, позволивший провести изучение научных работ, опубликованных в академической литературе. Показан континуум понятий «фактор», «причина», «условие», «предпосылка», поскольку применительно к прикладным исследованиям социально-экономических процессов данные понятия рассматриваются исследователями в качестве синонимов. Предложено разграничить понятия «фактор» и «индикатор» применительно к категории качество жизни населения. Определено, что индикаторы, как показатели, позволяют оценить состояние качества жизни населения, измерить результат влияния факторов, как «движущих сил», на уровень и качество жизни общества, но не равны им. Приведена условная типология факторов качества жизни населения по расширенному набору признаков. В дополнение к рассматриваемым в литературе типологиям факторов по признаку источника возникновения (деление факторов на внешние и внутренние, а также объективные и субъективные) предложено классифицировать факторы качества жизни населения по значимости – на основные и второстепенные; по времени действия – на временные и постоянные; по возможности количественного измерения – на количественно измеряемые и трудно поддающиеся количественным измерениям. Расширена и дополнена классификация факторов качества жизни населения, построенная по принципу выделения групп факторов в соответствии со сферами жизни общества. На основе существующих подходов к классификации факторов качества жизни населения были выделены социальные, экономические, финансовые, институциональные (в том числе политико-правовые), инфраструктурные, культурные (в том числе духовно-нравственные), природно-климатические, экологические и технологические. Проанализированы взаимосвязи факторов как внутри групп, так и во вне. Предложенные в исследовании признаки типологизации, а также расширенная классификация факторов качества жизни населения помимо приращения научного знания носят практический характер, поскольку позволяют усовершенствовать методологию оценки качества жизни, что позволяет учитывать более широкий спектр аспектов, влияющих на благополучие населения, тем самым повышая полноту и достоверность оценок.

Ключевые слова: факторы, причины, условия, качество жизни населения, факторы качества жизни, индикаторы качества жизни

Благодарности: Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Институт экономики УрО РАН на 2024–2026 гг.

Для цитирования: Меленькина С.А., Нестеренко И.Ю. Факторы качества жизни населения: междисциплинарный подход к систематизации // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 144–167. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1905

УДК 330

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1905

Factors of the population life quality: an interdisciplinary approach to systematization

S.A. Melenkina[✉], I.Yu. Nesterenko

*Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russian Federation*

[✉]melenkina.sa@uiec.ru

Abstract. The article is devoted to the generalization and clarification of the classification of factors of the population life quality. Discourse analysis is chosen as the methodological basis of the study. It allowed carrying out a study of scientific works published in academic literature. The paper demonstrates the continuum of the concepts of “factor”, “cause”, “condition”, “prerequisite”, since in applied research of socio-economic processes these concepts are considered by researchers as synonyms. It is proposed to distinguish the concepts of “factor” and “indicator” in relation to the category of population life quality. It is determined that indicators, as measures, allow us to assess the state of population life quality, measure a certain result of the influence of factors as “driving forces” on the level and quality of life of society, but they are not equal to them. We present a conditional typology of the factors of population life quality according to an extended set of characteristics. In addition to the typologies of factors on the basis of the source of origin (division of factors into external and internal, as well as objective and subjective) considered in the literature, it is proposed to classify the factors of the quality of life of the population by importance – into major and minor; by time of action – into temporary and permanent; by the possibility of quantitative measurement – into quantifiable and difficult to quantify. The classification of the factors of the population life quality, built on the principle of separating groups of factors in accordance with the spheres of life of society, was expanded and supplemented. Developing the existing approaches to the classification of the factors of population life quality, the authors identified social, economic, financial, institutional (including political and legal), infrastructural, cultural (including spiritual and moral), natural and climatic, environmental and technological factors. The authors analyzed the interrelationships of factors both within groups and outside. The typological features proposed in the study, as well as the expanded classification of the factors of the population's quality of life are practical in addition to increasing scientific knowledge. These ideas allow us to improve the methodology for assessing the quality of life, which makes it possible to take into account a wider range of aspects affecting the well-being of the population, thereby increasing the completeness and reliability of assessments.

Keywords: factors, causes, conditions, population life quality, quality of life factors, quality of life indicators

Acknowledgements: The article was prepared in accordance with the Research Plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024–2026.

For citation: Melenkina S.A., Nesterenko I.Yu. Factors of the population life quality: an interdisciplinary approach to systematization. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 144–167. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1905

Введение

Качество жизни населения выступает объектом исследования многочисленных трудов как отечественных, так и зарубежных авторов на протяжении длительного времени, не теряя своей актуальности. При этом оно находится в фокусе внимания не только ученых, но и государственных институтов, поскольку формирует целевые ориентиры при разработке госу-

дарственной и региональной политики, направленной на повышение уровня благосостояния населения, улучшение отдельных аспектов качества жизни граждан.

В современном академическом дискурсе наблюдается стремительное увеличение числа публикаций, посвященных исследованию качества жизни населения (КЖН). Концепция качества жизни первоначально возникла в западной философской традиции, где она рассматривалась в контексте человеческого счастья и благополучия. Постепенно этот термин проник в различные научные дисциплины, включая медицину, социологию и экономику.

Исследования качества жизни стали неотъемлемой частью широкого спектра программ, направленных на оценку воздействия различных факторов на благополучие человека, таких как состояние здоровья, социальное положение и экономическое благополучие. В связи с этим уточнение набора признаков и классификации факторов КЖН приобрело сегодня особую актуальность.

Объектом настоящей работы являются факторы КЖН региона. Цель исследования – приращение научного знания в части выделения и классификации факторов КЖН посредством контент-анализа публикаций отечественных и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой тематике.

Исследование методологически основано на интеграции методов дискурс-анализа, контент-анализа, типологического анализа, сравнительного анализа и системного анализа.

Дискурс-анализ позволил исследовать понятия «фактор», «причина», «условие» и «предпосылка» и выявить разнообразие их интерпретаций. Контент-анализ был применен для систематической и количественной оценки публикаций с целью определения частоты использования и контекста употребления ключевых понятий. Типологический анализ использован для разработки типологий факторов КЖН по признакам источника возникновения, значимости, времени действия и возможности количественного измерения. Сравнительный анализ позволил сопоставить существующие классификации факторов качества жизни с предложенной в исследовании расширенной классификацией. Системный анализ применялся для изучения взаимосвязей между факторами внутри и между группами, что позволило понять их комплексное влияние на КЖН.

Научный обзор работ, посвященных исследованию факторов КЖН, проводился по базе данных научной электронной библиотеки *elibrary*¹ за период с 2010 по 2024 гг. В качестве ключевых слов при осуществлении начального поиска академических публикаций использовались «факторы качества жизни населения» с учетом морфологии. Тематика была ограничена экономическими науками. Поиск осуществлялся по публикациям в научных журналах. Поиск зарубежных источников осуществлялся с помощью профессиональной социальной сети для учёных и исследователей *ResearchGate*² по ключевым словам «quality of life», «quality of life factors» с учетом их употребления в названии публикации, в ключевых словах, в аннотации и в полном тексте публикации.

Исследование вносит вклад в научное понимание понятий «фактор» и «индикатор» в контексте оценки КЖН. Предложенная расширенная классификация факторов КЖН по принципу выделения групп факторов в соответствии со сферами жизни общества дополняет и расширяет существующие классификации.

Разработанные типологии и классификации могут быть использованы для усовершенствования методологии оценки качества жизни, что позволит учитывать более широкий спектр факторов, влияющих на благополучие населения, повышая полноту и достоверность оценок.

¹ Научная электронная библиотека *Elibrary* URL: <https://elibrary.ru/querybox.asp>

² Publications by Topics URL: <https://www.researchgate.net/>

Научный обзор

Междисциплинарный характер исследований качества жизни требует учета многофакторной природы этого сложного явления. Качество жизни часто рассматривается как многомерный конструкт, охватывающий объективные условия жизни (например, доход, здоровье) и субъективные аспекты благополучия (например, удовлетворенность жизнью, эмоциональное состояние). Изучение условий и факторов качества жизни, помимо приращения научного знания, является важным инструментом для разработки политики, направленной на повышение благосостояния людей и общества в целом.

В этой связи особый интерес представляет выявление и изучение факторов КЖН. В литературе по этому вопросу имеется некоторая путаница: что отнести к факторам, а что к индикаторам КЖН? можно ли провести четкую границу между этими понятиями? Процесс поиска ответов на данные вопросы предполагает более глубокий категориальный анализ.

Исследование и результаты

Прежде всего следует обратиться к этимологии понятия «фактор» – термина, заимствованного из латинского языка (*factor* – делающий, производящий). В словаре иностранных слов дается следующее определение фактора: «движущая сила совершающегося процесса или одно из его необходимых условий» [1, с. 669]. В социологическом энциклопедическом словаре приводится похожее определение: «движущая сила, причина какого-либо процесса, явления; существенное обстоятельство в каком-либо процессе, явлении» [2, с. 386].

То есть фактор является неким детерминантом в причинно-следственной связи процессов и явлений, соответственно, существует в поле действия принципа причинности [3]. Сама идея причинности обладает универсальным смыслом, определяя порядок возникновения действия, возникновения вещей и явлений. В основе принципа причинности лежит формула условия «если *a*, то *b*», обозначающая следующее предположение: явление причины *a* «с необходимостью» порождает следствие *b* (другое явление). Необходимость носит характер случайности, что предполагает наличие случайного в процессе реализации причины [4]. При этом следует уточнить, что причина и следствие – это события, происходящие в явлениях, а не сами явления [5].

В философии сущность причинной связи широко изучена. Одним из первых исследователей этого вопроса является Аристотель [6, с. 79], который видел в явлениях четыре вида причин: материальный, формальный, производящий и конечный. Под причиной в философии в самом общем случае понимается некое явление, порождающее другое явление при наличии определенных условий [7, с. 462]. В то же время в качестве причины принимается «один из факторов, необходимых для наступления следствия», – некий причинный фактор, остальные факторы в данной причинной связи могут быть «отнесены к условиям» [8].

Таким образом, причина является сложной категорией, обладающей рядом признаков: внутренних и внешних. Например, наличие стабильной работы и заработка проявляется у населения уверенностью в завтрашнем дне, социальной активностью и благополучием, что можно отнести к внешним признакам данного явления. Однако внешние признаки характеризуются динамичностью и изменчивостью. Так, например, та же стабильная работа в условиях отсутствия финансового риска может восприниматься населением как экономический застой и ограничение потенциального заработка.

При рассмотрении причинного фактора следует остановиться на понятии условий, с которыми он находится «в постоянном взаимодействии» [9]. По отношению к объекту исследования условия являются внешними (характеристики окружения) и внутренними (характеристики самого объекта). Действие условий может быть как сонаправлено вектору причинного фактора и способствовать усилению причинно-следственной связи, так и противоположно,

что препятствует возможности данного действия в итоге. То есть следствие воздействия причинного фактора следует рассматривать через призму его сочетания с имеющимися условиями.

Таким образом в цепочке причинно-следственной связи необходимым звеном являются условия, которые выступают катализатором действия причинного фактора.

В философском словаре понятие «условий» трактуется как категория, «выражающая отношение предмета к окружающим его явлениям, без которых он существовать не может» [7, с. 380–381].

Таким образом, к условиям относится совокупность объектов окружающей действительности (вещи, отношения, процессы и проч.), в которой осуществляется возникновение и развитие причин. Без необходимых условий данные причины не реализуются, то есть нарушается причинно-следственная связь процессов и явлений. Так, например, при наличии многообразия причин экономических преступлений в том или ином регионе осуществление мер, направленных на профилактику подобных правонарушений, препятствует реализации указанных причин.

Однако подобная точка зрения на сущность понятия условий не охватывает всей ее полноты, а именно сужает данное понятие, ограничиваясь только объектами «окружения». То есть к условиям в данном случае относятся внешние силы, в том числе и случайные, которые либо оказывают влияние на обусловливаемый объект, либо никак не взаимодействуют с ним. В то время как условия могут быть образованы внутренними характеристиками данного объекта, например, если рассмотреть в качестве результата причинно-следственной связи получение высшего образования, то к внешним условиям можно отнести образовательную инфраструктуру в конкретном регионе, наличие учреждений высшего образования, реализуемые государственные и региональные программы поддержки (например, программы целевого обучения, выплата стипендий, предоставление жилья студентам), перспективы востребованности на рынке труда в будущем. При этом немалое значение в данном случае будут играть внутренние условия: стремление к самообразованию, дисциплине, мотивация к получению высшего образования.

Таким образом, нельзя не согласиться с авторами, синонимизирующими понятия факторов, причин и условий применительно к прикладным исследованиям социально-экономических процессов [10–14], как неких каузальных явлений действительности, оказывающих влияние на исследуемый объект. При этом сила корреляционной связи с объектом снижается при «движении» от понятия «фактор» к понятию «условия». Однако здесь, на наш взгляд, следует добавить к рассмотрению еще одно понятие, близкое по значению к рассматриваемым, – «предпосылка», которое отражает набор факторов, способствующих (препятствующих) преобразованию явлений действительности в условия, а затем в причины и факторы. То есть, говоря о тесноте каузальной связи, предпосылки обладают, по нашему мнению, наименьшей из имеющихся.

В своей работе, посвященной исследованию КЖН, при выделении факторов мы будем использовать наиболее широкое понимание данного термина, включающего в себя причины, условия и предпосылки.

Следует также остановиться подробнее на разграничении понятий «фактор» и «индикатор» качества жизни населения, которые в некоторых исследованиях отождествляются [15–21 и др.].

Индикатор как термин пришел в социально-экономические исследования из естественно-научной области (индикатором обозначается химический реактив, а также прибор, отображающий состояние объекта исследования) и отчасти перенес своё этимологическое значение: в экономике индикатором обозначается показатель (финансовый, экономический, социологический), указывающий направление развития экономических процессов [22]. Таким

образом, индикаторы, как показатели, позволяют оценить состояние КЖН, измерить некий результат влияния факторов, как «движущих сил», на уровень и качество жизни общества, но не равны им. То есть индикаторами КЖН являются факторные показатели, позволяющие измерить результат действия одного или совокупности факторов КЖН. Так, например, среди экономических факторов КЖН выделим фактор уровня доходов населения, который можно измерить рядом показателей: уровнем среднемесячной начисленной заработной платы; размером назначенных пенсий, пособий, стипендий; уровнем доходов от предпринимательской деятельности, от собственности; размером различных социальных выплат. Кроме того, косвенно на уровень доходов населения влияют размеры социальных стандартов: прожиточного минимума, минимального размера оплаты труда и прочие, которые с одной стороны являются индикаторами КЖН, с другой стороны становятся факторами для других индикаторов. Так, изменение размеров минимальных социальных стандартов оперативно ведет к изменению основных доходов населения – трудовых и социальных, что свидетельствует о наличии системной взаимосвязи и взаимозависимости факторов и индикаторов КЖН.

В XIX в. в социальных науках был широко распространен натуралистический подход, предполагающий влияние ведущего либо единственного фактора на общественные процессы. Многофакторная теория пришла на смену монистическому подходу и рассматривала влияние множества факторов на развитие общества. Русский социолог М.М. Ковалевский стал одним из основоположников нового направления, развив своё учение о социальной эволюции, в основу которого была положена идея «плюралистической социальной каузальности», предполагающая «взаимозависимость факторов» [23]. Нам импонирует такой подход и представляется возможным комплексное исследование КЖН с отдельным изучением совокупности множества взаимозависимых факторов.

КЖН как комплексное многоаспектное понятие, структурно состоящее из компонентов различного воздействия, в составе источников своего развития имеет совокупность факторов разного генеза. Существует многообразие подходов к их классификации и типологизации, имеющих в основе принципиально различный набор признаков. В большинстве исследований факторы КЖН подразделяются на внешние и внутренние, объективные и субъективные [11, 24, 25]. Но и в этом случае, несмотря на схожесть типологий, следует отметить различия в выборе исследовательского объекта, испытывающего воздействие фактора. Так, *внешние* и *внутренние* факторы КЖН могут рассматриваться через призму населения, социума, тогда к внешней среде будет относиться другой социум, например, мировой по отношению к страновому, либо страновой по отношению к региональному, а внутренней средой будет сам социум, характеризующийся образом жизни, личным восприятием своего благополучия. Если же в фокусе исследователя находится понятие качества жизни, то к внешней среде будут относиться различные сферы общественной жизни – экономика, политика, экология и прочие, а к внутренней – характеристики внутренней структуры КЖН, его компонентов. Таким образом, подтверждается многокритериальность такого понятия, как качество жизни населения, и тем самым обозначается многосложность попыток систематизации и типологизации его факторов. Однако считаем возможным и необходимым рассмотреть ряд известных в научном познании признаков классификации факторов в контексте исследуемых нами факторов КЖН.

Все факторы, воздействующие на общественные процессы, по источнику возникновения условно подразделяются нами на *объективные* и *субъективные*. К объективным факторам, помимо природно-географических, климатических условий, которые предопределяют структуру экономики и сферы хозяйствования, на наш взгляд, следует также отнести совокупность исторически заложенных культурных и экономических предпосылок, формирующих духовный склад народа, его восприятие своих потребностей и уровня благополучия, образа жизни и стремлений. То есть объективные факторы являются первичными по отношению к субъективным, формируя базис для принятия решений и проявления собственной воли.

При рассмотрении факторов КЖН через призму их значимости можно условно выделить группы *основных* и *второстепенных*. Например, возможность получения высокого уровня дохода, доступность образования и здравоохранения являются основными факторами КЖН, а цифровизация муниципальных услуг населению – второстепенным, поскольку этот фактор сам по себе не улучшает ни сами услуги, ни качество этих услуг, а только улучшает информирование население о них и ускоряет процесс взаимодействия граждан и муниципальных органов власти по данным вопросам, то есть косвенно воздействует на конечный результат. В то же время, например, возможность работы и получения, соответственно, дохода дистанционно посредством сети Интернет может стать для человека основным фактором качества его жизни (к примеру, в случае наличия особенностей здоровья, не позволяющих передвигаться от места проживания до места работы и обратно). То есть в этом случае сам по себе фактор цифровизации (отдельных процессов и экономики в целом) «становится» в группу основных среди факторов КЖН. Таким образом, отбор и группировка конкретных факторов для конкретного исследования требует учета особенностей и характеристик жизнедеятельности объекта исследования – населения, участвующего в данном исследовании (население определенного региона, определенного возраста, его принадлежность к определенной социально-профессиональной группе).

Кроме того, факторы КЖН могут обладать разным временем действия и, соответственно, условно подразделяются на *временные*, действующие, к примеру, во время ведения военных действий государством, и *постоянные*, не изменяемые со временем, к которым относятся климат и географическое положение страны или региона.

При исследовании факторов качества жизни возможность их количественного измерения играет немаловажную роль, поскольку является неким элементом доказательности получаемых результатов и выводов. Так, одни факторы являются *количественно измеряемыми*, например, минимальные стандарты в оплате труда, зафиксированные в отраслевых соглашениях, напрямую влияющие на качество трудовой жизни, и *трудно поддающиеся количественным измерениям* факторы КЖН, такие как имидж социальных групп и слоев, исследованные в [26], а также ценностные ориентации поведения граждан и прочие.

С практической точки зрения считаем необходимым учитывать эту группировку при расчетах, в частности при установлении весовых коэффициентов, а также при отборе факторов для оценки КЖН и при разработке региональной политики, направленной на повышение уровня жизни граждан. При этом считаем необходимым оговориться, что второстепенные, временные и трудно измеряемые факторы не следует исключать из анализа, но только лишь учитывать при проведении исследования их природу и специфику.

В [24] рассматривается типологизация факторов КЖН в соответствии со «сферами жизни общества». Нам близок такой подход в исследовании, однако считаем приводимую типологизацию неполной и видим необходимость в ее развитии и дополнении.

Безусловно, такое комплексное понятие, как КЖН, испытывает воздействие со стороны множества факторов. В рамках данной работы наш интерес сосредоточен на систематизации основных из них с точки зрения их воздействия на КЖН и взаимного влияния друг на друга. Развивая существующие подходы к классификации факторов КЖН, считаем возможным выделить социальные, экономические, финансовые, институциональные (в том числе политико-правовые), инфраструктурные, культурные (в том числе духовно-нравственные, природно-климатические, экологические и технологические). Выделение данных групп факторов является по многим позициям условным, поскольку все они находятся в тесной взаимосвязи, но в той или иной степени оказывают влияние на КЖН страны, региона или муниципального образования. Соответственно, судить о КЖН по какому-либо одному фактору не представляется возможным. Лишь совокупное рассмотрение причинного воздействия позволяет в определенной степени оценить, измерить и сопоставить территориальные образования по уровню жизни населения.

Социальные факторы охватывают значительную по составу группу и представляют собой сложный комплекс множества компонентов. Во многом социальные факторы определяются ценностными ориентирами исследуемого общества, которые находятся в постоянном развитии, в следствие чего трудно фиксируются и отслеживаются. Так, к социальным факторам следует отнести модельный или позитивно воспринимаемый обществом образ жизни, включающий в себя определенное отношение к своему здоровью (наличие вредных привычек, регулярные занятия спортом, традиции питания), к демонстративному потреблению (как материальное, выходящее за рамки жизненно-необходимого, так и нематериальное, культурно-интеллектуальное, связанное со сверх потреблением товаров и услуг духовной сферы), к карьерным устремлениям и саморазвитию (намерения и возможности населения в сфере получения образования, повышения квалификации, трудоустройства и продвижения по карьерной лестнице) и прочее. Здесь следует подчеркнуть взаимообратное влияние факторов и согласиться с [27] в том, что условия жизни, уровень образования в обществе, развитие системы здравоохранения во многом определяют рассматриваемый образ (уклад) жизни. Таким образом, население субъективно и самостоятельно формирует качество своей жизни посредством заботы о собственном здоровье, образовании, уровне культуры, а общество в лице государственной и региональной власти создает условия для реализации стремлений данного населения.

Кроме того, в данной группе факторов КЖН следует рассмотреть социальное устройство общества. Самооценки уровня благосостояния населением во многом определяются принадлежностью к определенному слою населения [28], а следовательно, степень жесткости социальной стратификации и характеристики социальной мобильности, также следует рассматривать в качестве факторов КЖН. Помимо этого, социальное неравенство, вызванное расслоением общества, оказывает непосредственное влияние не только на материальное благополучие, но и на социальное развитие населения – доступность образования и здравоохранения [29].

Уровень развития системы здравоохранения в стране и в мире, как внешний социальный фактор, в значительной мере определяет психофизиологическое здоровье население – внутренний фактор КЖН. Аналогичная взаимосвязь отмечается между проводимой социальной политикой, как внешнего фактора КЖН, и таких внутренних факторов, как плотность населения, демографический портрет страны и региона, жилищные условия городского и сельского населения и тому подобные. Эти аспекты широко исследуются не только в России, но и за рубежом [30–32], подчеркивая значительное влияние условий жизни населения на его качество и чувство личного благополучия.

Стоит отметить в составе социальных факторов так называемые личностные факторы: личные установки, субъективные оценки, потребности, ценности, личностные характеристики. Согласившись с мнением авторов [33], подчеркнем значимость личностных ценностей в формировании качества жизни индивидуума. Они являются внутренними факторами КЖН, однако в большей мере формируются под влиянием внешних. Рассмотрим важнейшие из них.

Восприятие собственного благополучия является сложным социальным феноменом [34] и в социологических исследованиях может искажать объективный уровень КЖН как в сторону увеличения, так и в сторону снижения. Личные установки, представляя собой устойчивые системы взглядов и убеждений, определяют отношение индивида к миру. Положительные установки, такие как оптимизм, самоэффективность и принятие, способствуют более высокой оценке собственного качества жизни, обеспечивая чувство удовлетворенности, жизнестойкость и благополучие. С другой стороны, отрицательные установки, такие как пессимизм, самопринижение и избегание, снижают оценку уровня качества жизни, вызывая негативные эмоции, мешая достижению целей и препятствуя самоутверждению.

Потребности являются фундаментальными физиологическими, психологическими и социальными требованиями для функционирования и благополучия человека. Удовлетворение важнейших потребностей (голод, безопасность, принадлежность и самореализация) имеет прямую корреляционную связь с ощущением высокого качества жизни, обеспечивая чувство целостности, удовлетворения и баланса. Помимо удовлетворения вновь возникающих потребностей человеком и его поведением движут моральные ценности, а именно глубоко укоренившиеся убеждения и принципы. Ценности, которые согласуются с убеждениями и целями индивида, обеспечивают чувство осмысленности, направления и самореализации, что создаёт ощущение счастья и, соответственно, способствует высокой личной оценке качества жизни. В том случае, когда ценности находятся в конфликте с убеждениями и целями индивида, они вызывают внутренний диссонанс и неудовлетворенность, что приводит к снижению личного качества жизни индивида.

Кроме того, в социальных факторах КЖН немаловажную роль играют аспекты личной безопасности. Так, отсутствие насилия и террора создает безопасную и благоприятную среду для жизни. Она снижает страх и беспокойство, способствует социальному сплочению и позволяет людям свободно выражать свои мысли и чувства. Это, в свою очередь, повышает качество жизни, обеспечивая чувство безопасности, стабильности и благополучия. В целом мирное существование способствует процветанию и развитию на всех уровнях. Оно создает условия для экономического роста, улучшения здравоохранения и образования, а также развития искусства и культуры. Эти факторы вместе повышают качество жизни, предоставляя возможности, ресурсы и условия для самореализации, благополучия и удовлетворения.

В тесной взаимосвязи с социальными факторами находятся *экономические*, объединяющие в себе характеристики экономического развития как территориального образования, так и самого населения. Исследование [35] рассматривает в качестве факторов уровень развития экономики и производства, эффективность деятельности экономических институтов, состояние и уровень использования энергетических и сырьевых запасов государства, восприимчивость экономики к инновациям. В [36] авторами исследуются на региональном уровне сложившаяся система оплаты труда, уровень развития предприятий крупного и среднего бизнеса, динамика и величина безработицы, состояние инфраструктуры и социально-экономической среды в качестве факторов не только качества жизни населения, но и его здоровья и образа жизни. Согласимся с мнением авторов и считаем необходимым выделить экономические факторы в отдельную группу и расширить их состав.

Так, важнейшим макроэкономическим фактором является интеграция производственно-рыночного пространства, представляющая собой процесс объединения различных экономических субъектов и ресурсов в рамках единой системы. Это явление способствует повышению эффективности производства за счет оптимизации распределения ресурсов, улучшения логистики и внедрения новых технологий. В результате интеграции наблюдается рост конкурентоспособности предприятий, что приводит к увеличению объемов производства и, как следствие, к повышению уровня занятости. В свою очередь, увеличение рабочих мест и улучшение условий труда непосредственно влияют на качество жизни населения, обеспечивая стабильный доход и доступ к социальным благам.

Другим макроэкономическим фактором, не выделяемым как таковым авторами в рассмотренных нами академических публикациях, отражающим экономическое развитие, является экономическая генерация, или генерация экономических процессов, включающая в себя создание новых производств, услуг и технологий, что способствует динамичному развитию экономики. Этот фактор влияет на качество жизни через несколько механизмов: во-первых, новые экономические процессы создают дополнительные рабочие места и способствуют повышению заработной платы. Во-вторых, инновации приводят к улучшению качества товаров и услуг, что позволяет населению удовлетворять свои потребности более эффективно.

В-третьих, активизация экономической деятельности может способствовать улучшению инфраструктуры и доступу к образовательным и медицинским услугам, что в целом повышает уровень жизни. Экономическое развитие воздействует на состояние и структуру рынка труда страны и региона.

Согласимся с [36] в части рассмотрения уровня безработицы и материальных доходов населения в качестве факторов КЖН и расширим состав группы факторов до макроуровня. Уровень занятости и доходов населения определяются структурой и состоянием элементов рынка труда, а следовательно, необходимо рассмотреть его компоненты отдельно и в их взаимосвязи. Считаем необходимым включить в рассмотрение такие факторы КЖН, как уровень занятости, наличие высокопроизводительных рабочих мест, напряженность (уровень конкуренции) на рынке труда, состояние условий и охраны труда, уровень производительности труда. Кроме того, следует выделить отдельные характеристики занятости, такие как участие женщин в общественном производстве, привлечение детей к работе (детский труд) и прочие.

В литературе среди экономических факторов широко исследуются материальные источники благосостояния населения как важнейшего компонента КЖН [37]. Безусловно, материальное благосостояние населения является одним из основных факторов качества жизни. Оно включает в себя уровень доходов, доступ к основным товарам и услугам, а также возможность накопления сбережений. Высокий уровень материального благосостояния позволяет населению удовлетворять базовые потребности, а также инвестировать в здоровье, образование и досуг. Это создает условия для повышения общего уровня счастья и удовлетворенности жизнью.

Экономическое поведение людей отражает и определяет с одной стороны покупательную способность и структуру потребления населения, с другой – уровень финансовой грамотности граждан, что уже относится к группе *финансовых* факторов. Данный фактор рассматривается в [38] в качестве показателя КЖН. Действительно, высокий уровень финансовой грамотности позволяет населению принимать обоснованные решения относительно сбережений, инвестиций и кредитов, что способствует улучшению материального благосостояния и повышению качества жизни. Одновременно ответственное финансовое поведение, включая планирование бюджета и накопление средств, помогает избежать долговой зависимости и обеспечивает стабильность в личных финансах, создавая условия для долгосрочного благосостояния.

В числе финансовых факторов, по нашему мнению, следует также рассматривать развитие финансовой сферы, что включает в себя стабильность банковской системы, доступность кредитов и инвестиционных инструментов, а также доступность финансовых услуг. Стабильная финансовая система обеспечивает доступ к кредитам и инвестициям, что способствует развитию бизнеса и созданию новых рабочих мест. Это в свою очередь улучшает материальное положение граждан. Независимость финансовой системы от политических и экономических манипуляций способствует ее устойчивости, что создает уверенность у населения в том, что их сбережения защищены, и положительно сказывается на уровне потребления и инвестиций. Финансовая нестабильность может привести к кризисам, что негативно сказывается на доходах населения и уровне жизни. Высокие риски могут ограничивать доступ к финансированию для бизнеса и граждан.

Поскольку социальная сфера играет значительную роль в формировании КЖН, следует включить фактор ее финансирования в число факторов КЖН в целом. В исследовании [39] объектом выступает социальная защита и социальное обеспечение населения как возможность снижения социальных рисков. Бесспорно, региональные бюджеты играют ключевую роль в обеспечении доступа к качественным услугам. Чем больше средств выделяется на социальную сферу, тем выше уровень услуг, доступных населению. Поддержка социальной

сферы помогает снизить уровень неравенства в обществе, обеспечивая помощь наиболее уязвимым группам населения, что способствует повышению общего уровня жизни и социальной стабильности.

Влияние *институциональных* и *политико-правовых* факторов на качество жизни населения представляет собой сложный и многогранный процесс, обусловленный взаимодействием различных социальных, экономических и культурных элементов. Данные факторы являются предметом многих исследований, в которых выделяются следующие:

- разделение властей, как фактор стабильности [40];
- социальное чувство [41];
- социальная мобильность и циркуляция элиты [42];
- социальный контроль [43];
- эффективность и легитимность власти [44.];
- культурные нормы и ценности [45];
- конституционный порядок [46];
- социальная ответственность бизнеса и деятельность системы государственного управления [47]
- влияние других подсистем общества и международных отношений на политическую систему [48].

Действительно, социальные институты, такие как семья, образование, здравоохранение и правосудие, играют ключевую роль в формировании условий жизни. Их устойчивость обеспечивает стабильность и предсказуемость социальных взаимодействий. В рассмотренных нами исследованиях в качестве фактора институционального воздействия на КЖН не рассматривается социальное партнерство. При этом наличие сильного и активного профсоюзного движения может значительно улучшать условия труда и жизни населения. Профсоюзы, представляя интересы работников, способствуют улучшению условий труда, повышению зарплат и защите трудовых прав. Активность и влияние профсоюзов способствуют росту качества трудовой жизни населения, в противном случае работающие граждане остаются без необходимой защиты.

Выделим дополнительно ряд институциональных и политико-правовых факторов КЖН, которые ранее не исследовались в качестве таковых в научной литературе.

Политическая культура общества, определяя уровень вовлеченности граждан в политические процессы и их отношение к власти, развиваясь, способствует активному участию граждан в управлении, что ведет к более эффективному решению социальных проблем.

Немаловажным аспектом среди политико-правовых факторов являются ментальные установки и доминирующие идеологии, поскольку они влияют на восприятие гражданами своей роли в обществе и их ожидания от власти. Идеологические конфликты могут дестабилизировать общество, в то время как консенсус по ключевым вопросам способствует повышению общественного благополучия.

Кроме того, в политической жизни граждан общественные движения играют важную роль, выражая интересы различных групп населения и способствуя улучшению качества жизни через активное участие в политических процессах.

Среди политико-правовых факторов следует выделить социальную мобильность и циркуляцию элиты, поскольку изменения в составе и ориентации политических элит могут оказывать значительное влияние на формирование государственной политики и уровень жизни населения. Эффективные элиты, ориентированные на интересы общества, способны реализовывать стратегии, направленные на улучшение качества жизни.

Таким образом, институциональные и политико-правовые факторы КЖН в первую очередь направлены на формирование социальной стабильности и повышение жизненных стандартов. Законодательство, которое соответствует ожиданиям и потребностям граждан, дове-

рие между гражданами и к институтам власти, гарантированные права и свободы создают основу для социальной стабильности, способствуют сотрудничеству, социальной сплоченности и активному участию граждан в общественной жизни.

На пересечении с финансовыми факторами, предполагающими финансовую помощь населению через систему социальных внебюджетных фондов, находятся меры государственной поддержки населения, относящиеся к группе институциональных. Объем и направления социальной помощи, такие как пособия, программы занятости, доступность образования и здравоохранения, играют ключевую роль в повышении качества жизни. Региональные социальные проекты могут способствовать привлечению и удержанию населения, улучшению уровня жизни и развитию отдельных отраслей социальной сферы. Эффективные меры поддержки помогают снизить уровень бедности и повысить социальную мобильность.

При рассмотрении политико-правовых факторов нельзя не остановиться на международном имидже страны. Восприятие государства за рубежом влияет на его международный статус, инвестиционную привлекательность и возможность сотрудничества, способствующую обмену опытом, технологиями и ресурсами, что в свою очередь позволяет создавать новые рабочие места и улучшать уровень жизни населения.

С институциональными факторами в тесной связи находятся *инфраструктурные*. В [49] рассматриваются «рыночная инфраструктура, мониторинг окружающей природной среды, здравоохранение, наука и образование, культура, торговля, общественное питание, транспорт и связь, пригородное сельское хозяйство, строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание» в качестве инфраструктурных факторов КЖН. По нашему мнению, в данную группу следует включить территориальную доступность объектов социальной инфраструктуры, формы оказания социальной поддержки и непосредственно инфраструктуру социальных объектов.

Территориальная доступность социальных служб, таких как центры социального обслуживания граждан, оказывающих прямое воздействие на уровень и качество жизни населения, играет значительную роль в этом процессе [50]. Расположение этих учреждений вблизи жилых районов способствует более эффективному и быстрому получению услуг населением. Исследования показывают, что высокая доступность социальных услуг снижает временные затраты на их получение и способствует более активному обращению граждан за помощью. В свою очередь, это приводит к повышению уровня удовлетворенности жизнью и улучшению социального капитала в обществе. В регионах с низкой доступностью социальных служб наблюдается увеличение уровня социальной изоляции и ухудшение общего состояния здоровья населения.

Наличие современных больниц, поликлиник и специализированных медицинских центров обеспечивает доступ к качественным медицинским услугам. Это снижает время ожидания при получении медицинской помощи, улучшает диагностику и лечение заболеваний, что в свою очередь способствует повышению общего уровня здоровья населения.

Школы, детские сады, колледжи и университеты играют важную роль в образовании и социализации граждан. Доступ к качественному образованию способствует повышению уровня грамотности и квалификации населения, что влияет на его трудоспособность и возможность получения высокооплачиваемой работы.

Развитие инфраструктуры социальных объектов, включая учреждения здравоохранения, образования, культуры, общественного питания, спорта и жилищно-коммунального хозяйства, а также транспортной инфраструктуры оказывает значительное влияние на трудоспособность, благосостояние, экономический потенциал и качество жизни населения.

Наличие спортивных комплексов, библиотек, театров и культурных центров создает условия для активного досуга и самореализации граждан. Это способствует укреплению здоровья, развитию творческих способностей и формированию социальных связей, что улучшает общее качество жизни.

На федеральном и региональном уровнях используются различные формы социальной поддержки, в первую очередь это денежная форма, оказывающая прямое воздействие на уровень благосостояния граждан. Помимо этого, применяются меры поддержки в неденежной форме, такие как предоставление услуг по уходу, консультирование и обучение. Такие меры могут включать в себя программы по социальной адаптации, психологическую поддержку и образовательные инициативы. Исследования показывают, что неденежные формы поддержки способствуют более глубокому вовлечению граждан в социальные процессы и повышают уровень их социальной активности [50]. Кроме того, неденежная поддержка может быть особенно важна для уязвимых групп населения, таких как пожилые люди, инвалиды и многодетные семьи.

КЖН определяется множеством факторов, среди которых особое место занимают *культурные* аспекты. В исследованиях, посвященных данным вопросам, рассматриваются институциональные преобразования в сфере культуры России [51], социально-культурная деятельность [52]. По нашему мнению, в состав группы культурных факторов следует включить средства массовой информации (СМИ), туризм, искусство и культурное наследие. Каждый из этих факторов оказывает значительное влияние на общественное благосостояние и индивидуальное восприятие жизни.

Современные СМИ принимают активное участие в формировании общественного мнения и культурных ценностей. Они обеспечивают доступ населения к информации о социальных, экономических и политических событиях, способствуют развитию критического мышления, повышают уровень образования и культурной осведомленности. Кроме того, они могут служить платформой для обсуждения актуальных социальных проблем, что ведет к активному участию граждан в общественной жизни и улучшению качества жизни через осознание своих прав и обязанностей.

В то же время социальной культурной интеграции способствует туризм, как культурный фактор, который вносит значительный вклад в экономическое развитие регионов и формирование культурной идентичности. Он способствует созданию рабочих мест, развитию инфраструктуры и улучшению качества услуг. Культурный туризм, в частности, позволяет населению взаимодействовать с различными культурами, что обогащает их жизненный опыт и способствует межкультурному диалогу. Кроме того, туризм может способствовать сохранению культурного наследия, так как интерес к историческим памятникам и традициям стимулирует инвестиции в их реставрацию и поддержку.

Творческая деятельность, включая визуальные искусства, музыку, театр и литературу, во многом определяет и формирует эмоциональное состояние общества. Она способствует развитию креативности, самовыражению и социальной сплоченности, служит средством социальной критики и отражает актуальные проблемы общества, что способствует их обсуждению и поиску решений. Участие в художественных мероприятиях улучшает психоэмоциональное состояние граждан, способствует формированию культурных ценностей и обогащению культурного наследия – совокупности материальных и нематериальных ценностей, передаваемых из поколения в поколение. Сохранение культурного наследия имеет важное значение для формирования идентичности народа, исторической памяти и понимания культурных корней. На практике эти цели реализуются посредством социально-культурной деятельности, включающей в себя разнообразные мероприятия, направленные на развитие культурной жизни общества. Это фестивали, выставки, мастер-классы и другие формы взаимодействия граждан с культурой, которые способствуют укреплению социальных связей, развитию общественного духа и повышению уровня вовлеченности граждан в культурную жизнь. Они создают условия для самовыражения и поддержки местных традиций, что в свою очередь улучшает качество жизни через создание позитивной социальной среды.

Качество жизни населения в значительной степени определяется *природно-климатическими* факторами, которые оказывают влияние на здоровье, социальное благополучие и экономическое развитие. К основным из них относятся: температурный фактор, уровень солнечной и магнитной радиации, а также санитарно-эпидемиологическая обстановка в регионе.

Температура воздуха является одним из ключевых климатических параметров, влияющих на КЖН. Она определяет не только комфортность условий проживания, но и здоровье людей. Высокие температуры могут привести к перегреву организма, особенно в условиях высокой влажности, что увеличивает риск тепловых ударов и других заболеваний. Холодные температуры, в свою очередь, могут способствовать развитию гипотермии и других заболеваний, связанных с переохлаждением. С экономической точки зрения температурные колебания оказывают значительное воздействие на сельское хозяйство и продовольственную безопасность региона, а следовательно, на экономическое положение населения. Кроме того, климат с экстремальными температурными условиями предполагает увеличенные затраты на отопление или охлаждение жилых помещений.

Солнечная и магнитная радиация, являясь внешними объективными факторами, не поддаются какой-либо корректировке, однако их влияние на КЖН и, в первую очередь, на здоровье населения невозможно не учитывать. Так, оптимальный уровень солнечного света способствует синтезу витамина D в организме, что важно для поддержания здоровья костной системы и иммунной функции. В то же время избыточное воздействие ультрафиолетового излучения может привести к различным заболеваниям кожи, включая развитие онкологии [53].

При изучении воздействия на здоровье населения следует дополнительно выделить такой фактор, как санитарно-эпидемиологическая обстановка в регионе, объединяющая в себе уровень заболеваемости, доступность медицинских услуг, а также состояние окружающей среды. Неблагоприятные санитарные условия (к примеру, загрязнение воды и воздуха) могут способствовать ухудшению здоровья населения, распространению инфекционных заболеваний вплоть до развития эпидемий и пандемий, что представляет собой серьезную угрозу для населения. Эффективная система санитарного контроля и профилактики заболеваний способствует улучшению санитарно-эпидемиологической обстановки и, как следствие, повышению качества жизни.

В тесной связи с природно-климатическими факторами находятся *экологические*. Экологическая обстановка в регионе представляет собой совокупность факторов, влияющих на окружающую среду, включая уровень загрязнения, состояние экосистем и биоразнообразие. Вредное воздействие технологического развития на экологию рассматривается в [54] при выделении факторов, оказывающих влияние на экологический аспект КЖН. Кроме того, нельзя не согласиться с [55] в том, что негативные изменения в экосистемах могут приводить к утрате природных ресурсов, ухудшению здоровья населения, а именно развитию хронических заболеваний, связанных с воздействием загрязняющих веществ. Однако, на наш взгляд, следует также рассматривать сами экологические условия в качестве факторов КЖН. Так, помимо рассмотренной выше экологической обстановки в регионе, следует выделить состояние воздуха, воды и почвы, а также доступ к чистой питьевой воде. Однако, в отличие от природно-климатических условий, экологические факторы зачастую формируются и корректируются под воздействием антропогенных технологических факторов.

Структура региональной экономики в значительной мере определяет состояние воздуха – одного из критически важных факторов, влияющих на здоровье населения. Загрязнение атмосферного воздуха различными вредными веществами, такими как твердые частицы, оксиды азота и серы, угарный газ и летучие органические соединения, может вызывать серьезные заболевания дыхательной системы, сердечно-сосудистые и онкологические заболевания. Долгосрочное воздействие загрязненного воздуха приводит к снижению продолжительности

жизни и ухудшению общего состояния здоровья населения. Особенно уязвимыми являются дети и пожилые люди, для которых чистота воздуха имеет особое значение. Улучшение качества атмосферного воздуха через контроль выбросов и внедрение экологически чистых технологий является важной задачей в вопросах повышения КЖН.

Состояние водных ресурсов также существенно влияет на КЖН. Загрязнение водоемов промышленными отходами, сельскохозяйственными химикатами и бытовыми стоками приводит к ухудшению качества воды и снижению ее пригодности для питья и хозяйственного использования, что ведет к вспышкам инфекционных заболеваний и развитию хронических болезней, связанных с потреблением загрязненной воды. Обеспечение доступа к качественной питьевой воде требует комплексного подхода, включающего защиту водоемов от загрязнения, развитие инфраструктуры водоснабжения и проведение образовательных программ о важности сохранения водных объектов.

Состояние почвы является важным экологическим фактором, влияющим на сельское хозяйство и продовольственную безопасность региона. Загрязнение почвы пестицидами, тяжелыми металлами и другими химическими веществами может негативно сказываться на качестве сельскохозяйственной продукции. Это приводит к снижению урожайности и ухудшению питания и здоровья населения, поскольку, загрязненные почвы могут стать источником токсичных веществ, которые проникают в растения и затем в организм человека через пищевую цепь. Поддержание здоровья почв через устойчивые методы земледелия и контроль за использованием химических веществ является важным шагом к улучшению качества жизни населения.

Сохранение экологии и природных объектов требует, в свою очередь, развития технологий, включая повышательный переход на последующие технологические уклады, то есть уровни технологического развития региона или страны, которые определяют общие условия для внедрения технологий в различные сферы жизни. Технологические уклады характеризуются различными парадигмами производства и потребления, что влияет на состояние экологии, экономический рост, уровень благосостояния населения. Безусловно, уровень технологического развития оказывает воздействие на КЖН [56]. Отказ от использования неэффективных «грязных» производств в отраслях промышленности способствует снижению вредного воздействия на окружающую среду и ее естественному восстановлению. Данные меры относятся к сфере *технологических* факторов КЖН, которые, помимо существующего уровня технологического развития промышленного производства, также включают использование информационных технологий, информатизацию общества, электронное государство, цифровую трансформацию экономики и общественных отношений, доступность инноваций и новых технологий. Каждый из этих факторов оказывает значительное влияние на различные аспекты жизни граждан. В литературе сегодня актуальным вопросом является цифровизация социальной сферы и ее влияние на КЖН [57–61 и др.].

Действительно, использование информационных технологий (ИТ) в повседневной жизни значительно изменяет способы взаимодействия людей, а также доступ к информации и услугам. ИТ позволяют автоматизировать рутинные процессы, повышая эффективность работы как в частном, так и в государственном секторах. Доступ к интернету и мобильным приложениям расширяет возможности для обучения, работы и общения. В частности, онлайн-образование предоставляет возможность получать знания независимо от географического положения, что способствует повышению уровня образования населения и его квалификации. Кроме того, использование ИТ в здравоохранении (телемедицина, электронные медицинские карты) улучшает доступ к медицинским услугам и качество их предоставления. Однако важно отметить, что неравномерный доступ к информационным технологиям может привести к цифровому неравенству, что негативно сказывается на качестве жизни определенных групп населения.

В целом информатизация общества представляет собой процесс внедрения информационных технологий в различные сферы жизни и цифровую трансформацию экономики. Так, электронное государство (e-government) подразумевает использование информационных технологий для повышения эффективности работы государственных органов, улучшения взаимодействия с гражданами, сокращения времени ожидания и упрощения процесса получения государственных услуг. Цифровая трансформация экономики предполагает интеграцию цифровых технологий в бизнес-процессы, что приводит к изменению моделей ведения бизнеса и созданию новых экономических возможностей. В качестве технологического фактора КЖН это способствует повышению конкурентоспособности предприятий, оптимизации производственных процессов и улучшению качества товаров и услуг.

Среди технологических факторов, на наш взгляд, следует дополнительно выделить такие, как доступность инноваций и новых технологий, которые способствуют интенсивному экономическому развитию страны и ее регионов, а внедрение новшеств в повседневную жизнь граждан значительно повышает ее качество (к примеру, системы умного города, умного дома и тому подобные).

Все рассмотренные факторы как внутри групп, так и во вне находятся в непрерывной взаимосвязи и дополняют друг друга при воздействии на КЖН. То есть факторы, определяющие КЖН, образуют сложную и динамичную систему взаимосвязанных элементов. Кроме того, они не только оказывают влияние на качество жизни, но и сами находятся под его обратным воздействием. Влияние различных факторов на КЖН может существенно различаться в зависимости от объективных условий окружающей среды и от субъективного восприятия личностью своих потребностей.

Например, в периоды экономической нестабильности и социальных потрясений приоритетными факторами становятся те, которые обеспечивают физическое выживание и безопасность (например, доход, доступ к базовым услугам). В более стабильные периоды на первый план могут выходить факторы, связанные с самореализацией и удовлетворением высших потребностей человека (например, образование, культура, социальные связи).

Воздействие на факторы КЖН может осуществляться посредством различных федеральных и региональных программ и проектов. При этом указанное воздействие может быть как прямым, так и косвенным. Так, например, такие факторы, как «использование детского труда», «инфраструктура социальных объектов», «электронное государство», могут быть управляемы прямым воздействием. Большинство рассмотренных социальных факторов (например, условия жизни населения, ценностные ориентиры, социальное устройство общества) могут быть подвергнуты косвенному воздействию посредством проектного управления: через региональные социальные программы, государственные проекты по идеологическому воспитанию, программы экономической поддержки и развития, проекты по развитию культуры и искусства и другие. Наименьшее же число факторов, таких как температура окружающей среды и уровень солнечной и магнитной радиации, не поддаются управленческому воздействию. Таким образом, абсолютное большинство выделенных нами факторов КЖН могут быть управляемы посредством проектного подхода, что позволяет утверждать, что КЖН является подверженным влиянию явлением, а процесс его формирования может быть трансформирован с помощью целенаправленного воздействия со стороны федеральных, региональных и местных властей.

В настоящей работе проведено обобщение существующих классификаций факторов КЖН. Особого внимания заслуживают факторы, оказывающие воздействие на разные сферы жизни населения, поскольку находятся в тесной взаимосвязи с другими факторами, и изменения, порождаемые в одних, цепной реакцией вызывают трансформации в других факторах КЖН. Так, например, интеграция производственно-рыночного пространства позволяет создать новые рабочие места, способствует повышению уровня эффективной занятости населения,

снижает напряженность на рынке труда, что ведет к улучшению условий труда, уровня оплаты труда. Рост благосостояния населения ввиду роста уровня оплаты труда ведет к изменению в социальной стратификации общества, изменяет карьерные устремления. Изменения на рынке труда не остаются без внимания профсоюзного движения, а интеграция производства находит своё отражение в уровне технологического развития, что непременно отражается на состоянии окружающей среды и экологической обстановке в регионе. Такой комплекс взаимосвязей требует аналогично принципу комплексности при разработке управленческого воздействия посредством проектного управления.

Обсуждение

Понятие категории КЖН со временем приобрело особую значимость, став комплексной количественной и качественной характеристикой уровня, условий и результата жизни людей в конкретном обществе. Эта категория охватывает широкий спектр аспектов, включая как объективные параметры (например, доход, здравоохранение, образование), так и субъективные элементы (например, чувство довольства, удовлетворенность своей жизнью). КЖН выступает не только как отражение уровня развития общества, но и как важный фактор, влияющий на его динамику. В долгосрочной перспективе динамичное изменение КЖН служит индикатором социального прогресса и устойчивого развития общества, поскольку улучшает здоровье и благополучие граждан, способствует устойчивому экономическому росту и гармоничным общественным отношениям. Таким образом, категория КЖН становится все более важной метрикой для оценки эффективности государственной политики и принятия решений, направленных на создание более справедливого, благополучного и устойчивого общества.

Таким образом, система факторов, влияющих на качество жизни, требует повышенного интереса как со стороны исследователей, так и со стороны государственных региональных органов власти. Поскольку рассматриваемая система факторов КЖН постоянно находится в состоянии динамичного равновесия, приоритетность тех или иных факторов может меняться в зависимости от объективных обстоятельств и субъективных факторов, формируя уникальный профиль качества жизни для конкретного общества или группы населения. Понимание этих взаимосвязей имеет решающее значение для разработки и реализации эффективных мер политики, направленных на повышение КЖН.

Предложенные в исследовании признаки типологизации, а также расширенная классификация факторов КЖН помимо приращения научного знания носят практический характер, поскольку, во-первых, позволят усовершенствовать методологию оценки качества жизни, что позволит учитывать более широкий спектр аспектов, влияющих на благополучие населения, тем самым повышая полноту и достоверность оценок, во-вторых, выявлять специфические проблемы и недостатки в различных сферах, обеспечивая более точную диагностику социально-экономического положения, в-третьих, идентификация ранее не рассматриваемых факторов позволит разрабатывать более эффективные социальные программы, направленные на целенаправленное улучшение КЖН в уязвимых группах и в регионах с конкретной проблематикой, в-четвёртых, позволит проводить как регулярный мониторинг динамики факторов КЖН, так и сравнительный анализ между регионами для выявления лучших практик, обмена опытом и регионального развития.

Заключение

В данной работе проведен дискурс-анализ работ, посвященных исследованиям факторов КЖН и его отдельных компонентов. Проведенное исследование позволило уточнить и расширить существующие классификации факторов КЖН в региональном аспекте. На основе дискурс-анализа научной литературы уточнено понятие «фактор КЖН» и предложено его

разграничение с понятием «индикатор». Разработана условная типология факторов КЖН по расширенному набору признаков, включающая подразделение факторов по значимости, времени действия и возможности количественного измерения. Расширена и дополнена классификация факторов КЖН по принципу выделения групп факторов в соответствии со сферами жизни общества. Выделены социальные, экономические, финансовые, институциональные, инфраструктурные, культурные, природно-климатические, экологические и технологические факторы. Проанализированы взаимосвязи факторов внутри обозначенных групп и во вне. Предложенные уточнения и дополнения в классификации факторов КЖН имеют практическое значение. Они позволяют исследователям и практикам учитывать более широкий спектр факторов при оценке благополучия населения в региональном аспекте, что повысит полноту и достоверность оценок.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку инструментов для измерения факторов КЖН и оценку их влияния на конкретные аспекты благосостояния населения в территориальном разрезе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь иностранных слов / гл. ред. Ф.Н. Петрова. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 784 с.
2. Социологический энциклопедический словарь / ред.-коор. Г.В. Осипов. – М.: ИГ «Инфра М–Норма», 1998. – 488 с.
3. Категория причинности в диалектической концепции связи / отв. ред. И.Я. Лойфман. – Свердловск: б.и., 1974. – 87 с.
4. Suppes P.A. Probabilistic theory of causality. – Amsterdam: North Holland Pub. Co., 1970. – 130 p.
5. Пивоваров Д.В. Основание, причина, эффективность, детерминизм // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2014. – № 1 (125). – С. 183–196.
6. Аристотель. Метафизика. – М.: Эксмо, 2023. – 416 с.
7. Философский словарь. 7-е изд., перераб. и доп. / под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
8. Стукс И.Ю. К определению понятия «Причина» // Известия Томского политехнического института. – 1969. – Т. 182. – С. 93–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-prichina> (дата обращения: 16.07.2024).
9. Кербинов О.В. Проблема причинности в медицине. – М.: Знание, 1965. – 64 с.
10. Ягмур Е.А. Факторы обеспечения качества жизни населения как основа управления благосостоянием народа в новых субъектах Российской Федерации // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2023. – Т. 3. – № 1. – С. 81–90. DOI: <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2023-3-1-81>
11. Pukelienė V., Starkauskienė V. Quality of life: factors determining its measurement complexity // Engineering Economics. – 2011. – Iss. 22 (2). DOI: <https://doi.org/10.5755/j01.ee.22.2.311>
12. Ашӯров Ф.М. Камбизоатии аҳолии дехот ҳамчун омилҳои сатҳи пасти зиндагӣ // Аҳбори Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон. Шӯъбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ. – 2021. – № 2 (263). – Р. 88–90.
13. Сайдуллоева Д.К., Сайдуллоева М.Х. Омилҳои сифати зиндагии ҷомеаи минтақавӣ // Номҳои донишгоҳ. Силсилаи илмҳои табиатшиносӣ ва иқтисоди. – 2023. – Vol. 66. – № 3. – Р. 180–184.
14. Առաքելյան Ռ. Վ., Ֆիդանյան Լ. Ա. ՀՀ բնակչության մահացության և կյանքի միջին տևողության վրա անցիալ-տնտեսական գործոնների ազդեցության վիճակագրական վերլուծությունը // Շիրակի Նախարարի անվան պետական համալսարանի Գիտական տեղեկագիր. – 2022. – № 1. – Р. 105–111. DOI: <https://doi.org/10.54151/27382559-2022.2a-105>
15. Мазуркин П.М. Влияние 40 факторов жизни на долю населения ниже прожиточного минимума в субъектах Урала и Сибири // Успехи современного естествознания. – 2021. – № 10. – С. 62–68. DOI: <https://doi.org/10.17513/use.37699>
16. Новиков А.В. Ожидаемая продолжительность жизни как фактор качества жизни российского населения // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 12-5. – С. 139–145.
17. Рогов П.В. Жилищные условия в Сибири как фактор качества жизни населения // Возможности развития социально-экономического пространства сибирского макрорегиона в условиях глобальной нестабильности: Материалы Научных чтений памяти сибирских географов. – Иркутск, 31 мая – 02 июня 2021. – Иркутск: Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, 2021. – С. 110–112.

18. Гумарова Ф.З., Холина Я.И. Анализ факторов качества жизни населения Республики Марий Эл // Актуальные проблемы управления: сборник научных статей по итогам VIII Всероссийской научно-практической конференции. – Нижний Новгород, 16 ноября 2021. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2022. – С. 305–310.
19. Дамдинова О.Г. Исследование факторов, влияющих на качество жизни населения в регионах России // Молодой ученый. – 2024. – № 24 (523). – С. 242–245.
20. Зыкова Н.В., Коновалова Л.В., Стрелкова Е.А. Занятость как фактор социально-экономического развития и повышения качества жизни населения Арктических территорий Архангельской области // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 7 (108). – С. 427–431.
21. Бондарев М.А., Яковлева Е.Е., Альпидовская М.Л. Социально-экономическое развитие как фундаментальный фактор, отражающий качество уровня жизни населения: проблемы и пути решения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2021. – Т. 14. – № 6. – С. 159–169. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-159-169>
22. Борисов А.Б. Большой экономический словарь. – М.: Книжный мир, 2003. – 895 с.
23. Тимашев Н.С. Социологические теории Максима Ковалевского // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2011. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskie-teorii-maksima-kovalevskogo> (дата обращения: 08.08.2024).
24. Носкова Е.П. Качество жизни населения региона в системе факторов, влияющих на его формирование // Электронный экономический вестник Татарстана. – 2014. – № 2. – С. 53–59.
25. Cummins R.A. Objective and subjective quality of life: an interactive model // Social Indicators Research. – 2000. – Iss. 52 (1). – P. 55–72.
26. Череднякова А.Б. Имиджевая культура в контексте культурологического подхода // Вестник ЧГАКИ. – 2018. – № 2 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzhevaya-kultura-v-kontekste-kulturologicheskogo-podhoda> (дата обращения: 30.09.2024).
27. Dahlgren G., Whitehead M. Policies and strategies to promote social equity in health // Background document to WHO – Strategy paper for Europe. – Stockholm: Institutet för Framtidsstudier, 2007. – 69 p.
28. Мареева С.В. Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2018. – Т. 18. – № 4. – С. 695–707.
29. Social determinants of health / Eds. M. Marmot, R.G. Wilkinson. – N.Y.: Oxf. Univ. Press, 2006. – 376 p.
30. Are we happy in densely populated environments? Assessing the impacts of density on subjective well-being, quality of life, and perceived health in Montreal, Canada / A. Belikow, J. DeWeese, L. Ravensbergen, Ya. Kestens, A. El-Geneidy // Findings, June. DOI: <https://doi.org/10.32866/001c.23718>
31. Başkan A.H., Zorba E., Bayrakdar A. Impact of the population density on quality of life // Journal of Human Sciences. – 2017. – № 14 (1). – P. 506–518. DOI: <https://doi.org/10.14687/jhs.v14i1.4416>
32. Cramer V., Torgersen S., Kringlen E. Quality of life in a city: the effect of population density // Social Indicators Research. – 2004. – Iss. 69. – P. 103–116. DOI: <https://doi.org/10.1023/B:SOCI.0000032663.59079.0b>
33. Ruta D., Camfield L., Donaldson C. Sen and the art of quality of life maintenance: towards a general theory of quality of life and its causation // The Journal of Socio-Economics. – 2007. – Iss. 36. – P. 397–423. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socec.2006.12.004>
34. Капралова Е.А. Проблематизация феномена социального благополучия // Коммуникология. – 2022. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problematizatsiya-fenomena-sotsialnogo-blagopoluchiya> (дата обращения: 08.08.2024).
35. Кулаков И.Н. Влияние факторов экономической среды на качество жизни // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2017. – № 5 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-faktorov-ekonomicheskoy-sredy-na-kachestvo-zhizni> (дата обращения: 05.07.2024)
36. Капкаев Ю.Ш., Добровольский И.П. Влияние факторов социально-экономической среды на уровень жизни населения // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. – 2015. – № 11 (366). – Вып. 49. – С. 56–63.
37. Артемова О.В., Савченко А.Н., Меленькина С.А. Благосостояние как мера обеспеченности благами населения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2022. – № 59. – С. 58–77. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988648/59/4>
38. Новиков А.В., Газарян А.Ю. Финансовая грамотность как показатель качества жизни российского населения // Национальная ассоциация ученых (НАУ). – 2016. – № 6 (22). – С. 57–60.
39. Пайкович П.Р., Горохов А.А. Внебюджетные фонды как компоненты социальной защиты в Российской Федерации // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2017. – № 1 (19). – С. 259–266.
40. Гайнутдинова Л.А., Гайнутдинов Р.И. Концепция разделения властей Ш. Монтескье и ее практическое измерение // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2019. – № 4. DOI:

- 10.25991/VRHGA.2020.20.4.012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-razdeleniya-vlastey-sh-monteskie-i-ee-prakticheskoe-izmerenie> (дата обращения: 04.07.2024)
41. Конт О. Дух позитивной философии (продолжение) // Развитие личности. – 2009. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duh-pozitivnoy-filosofii-prodolzhenie> (дата обращения: 04.07.2024).
42. Елин С.П. Особенности взгляда Парето на роль элит в системе социального равновесия общества // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzglyada-pareto-na-rol-elit-v-sisteme-sotsialnogo-ravnovesiya-obschestva> (дата обращения: 04.07.2024).
43. Поверинов И.Е., Писачкин Д.В. Социальный контроль в системе социологического знания // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2013. – № 2 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kontrol-v-sisteme-sotsiologicheskogo-znaniya> (дата обращения: 04.07.2024)
44. Николаева В.Г., Липсет С.М. Некоторые социальные предпосылки демократии: экономическое развитие и политическая легитимность. (перевод) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. – 2012. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2012-03-003-lipset-s-m-nekotorye-sotsialnye-predposylki-demokratii-ekonomicheskoe-razvitiye-i-politicheskaya-legitimnost-perevod-lipset-s-m> (дата обращения: 04.07.2024).
45. Батыгин Г.С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2003. – № 4–5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnyy-funktsionalizm-tolkotta-parsonsa> (дата обращения: 04.07.2024)
46. Троицкая А., Храмова Т. Основы основ: экспрессивный и функциональный потенциал конституционных устремлений // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 1 (122). – С. 54–79. DOI: <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2018-1-54-79>
47. Гизатуллина Е.Н., Чучко Е.П. Исследование влияния экономических и институциональных факторов на качество жизни населения Российской Федерации // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2020. – № 4. – С. 80–89.
48. Негрова М.С., Савин С.Д. О понятии политических факторов стабильности изменяющегося общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2012. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-politicheskikh-faktorov-stabilnosti-izmenyayuschegosya-obschestva> (дата обращения: 04.07.2024).
49. Зайцева И.А., Острякова Ю.Е. Развитие региональной инфраструктуры как фактор повышения качества жизни населения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-regionalnoy-infrastruktury-kak-faktor-povysheniya-kachestva-zhizni-naseleniya> (дата обращения: 05.07.2024).
50. Артемова О.В., Меленькина С.А. Уровень благосостояния населения в регионах Российской Федерации: институциональное и инфраструктурное обеспечение // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2023. – Т. 21. – № 4. – С. 87–97. DOI: [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21\(4\).87-97](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21(4).87-97)
51. Культура как фактор роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, императив динамичного социально-экономического развития и сохранения единого культурного пространства / Э.Е. Быдтаева, А.С. Васильева, М.Н. Кузнецова и др. / под ред. В.Л. Кукушкина, О.А. Подкопаева. – Самара: ООО НИЦ «ПНК», 2021. – 140 с.
52. Панова Н.Г. Социально-культурная деятельность как фактор повышения качества жизни населения // МНКО. – 2021. – № 1 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kulturnaya-deyatelnost-kak-faktor-povysheniya-kachestva-zhizni-naseleniya> (дата обращения: 08.07.2024).
53. Тоноян Т.З., Лепян М.К. Классификация факторов риска и их влияние на здоровье населения. URL: https://www.academia.edu/643844/Classification_of_risk_factors_and_their_influence_on_health_of_the_population_in_Russian (дата обращения 05.07.2024 г.)
54. Шамаева Е.Ф. Факторы экологической компоненты качества жизни населения // Уровень жизни населения регионов России. – 2020. – Т. 16. – № 4. – С. 105–118. DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.4.9>
55. Ревазов В.Ч. Воздействие экологических факторов на уровень и качество жизни населения региона // Вестник МАНЭБ. – 2023. – Т. 28. – № 4. – С. 107–113.
56. Маякова А.В. Шестой технологический уклад и качество жизни // Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета. – 2022. – № 2. – С. 14–19.
57. Пахомов Е.В. Анализ подходов к оценке влияния цифровизации на качество жизни населения // Управленческий учет. – 2021. – № 12-1. – С. 198–206. DOI: <https://doi.org/10.25806/uu12-12021198-206>
58. Бондаренко В.А., Гузенко Н.В. Цифровизация сферы здравоохранения России: «умные технологии» в обеспечении качества жизни // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 103–113. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-1-103-113>

59. Перфилова О.В. Влияние цифровизации на качество жизни и безопасность человека // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения: военно-научный журнал. – 2021. – № 1 (57). – С. 74–78.
60. Назаров Д.А. Политика цифровизации как фактор повышения качества жизни в России // Вестник современных исследований. – 2018. – № 9.2 (24). – С. 170–172.
61. Сковрцова Е.Е. Взаимосвязь цифровизации и качества жизни: измерение и интерпретация // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. – № 2. – С. 66–75. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.6>

Информация об авторах

Светлана Анатольевна Меленькина, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1; melenkina.sa@uiec.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4149-2975>

Ирина Юрьевна Нестеренко, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1; nesterenko.iy@uiec.ru; <https://orcid.org/0009-0006-8842-7608>

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 01.10.2024

Поступила после рецензирования: 26.11.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. *Dictionary of Foreign Words*. Ed. by F.N. Petrova. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1964. 784 p. (In Russ.)
2. *Sociological Encyclopedic Dictionary*. Ed. by G.V. Osipov. Moscow, “Infra M–Norma” Publ. Group, 1998. 488 p. (In Russ.)
3. *The category of causality in the dialectical concept of connection*. Ed. by I.Y. Loifman. Sverdlovsk, 1974. 87 p. (In Russ.)
4. Suppes P.A. *Probabilistic theory of causality*. Amsterdam, North Holland Pub. Co., 1970. 130 p.
5. Pivovarov D.V. Ground, reason, efficiency, determinism. *Izvestia Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*, 2014, no. 1 (125), pp. 183–196. (In Russ.)
6. *Aristotle. Metaphysics*. Moscow, Eksmo Publ., 2023. 416 p. (In Russ.)
7. *Philosophical dictionary*. Ed. by I.T. Frolov. Moscow, Respublika Publ., 2001. 719 p. (In Russ.)
8. Stuks I.Yu. To the definition of the concept “Reason”. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic Institute*, 1969, vol. 182, pp. 93–97. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-prichina> (accessed: 16 July 2024).
9. Kerbikov O.V. *Problem of causality in medicine*. Moscow, Znanie Publ., 1965. 64 p. (In Russ.)
10. Yagmur E.A. Factors of ensuring the quality of life of the population as a basis for managing the welfare of the people in the new subjects of the Russian Federation. *Corporate governance and innovative development of the economy of the North: Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment Syktyvkar State University*, 2023, vol. 3, no. 1, pp. 81–90. DOI: <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2023-3-1-81> (In Russ.)
11. Pukelienė V., Starkauskienė V. Quality of life: factors determining its measurement complexity. *Engineering Economics*, 2011, Iss. 22 (2). DOI: <https://doi.org/10.5755/j01.ee.22.2.311>
12. Ashurov F.M. Rural poverty as a factor of low standard of living. *News of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Department of Social Sciences*, 2021, no. 2 (263), pp. 88–90. (In Tajik)
13. Saidulloeva D.K., Saidulloeva M.H. Factors of the quality of life of the regional community. *University letter. Series of Natural and Economic Sciences*, 2023, vol. 66, no. 3, pp. 180–184. (In Tajik)
14. Arakelyan R.V., Fidanyan L.A. Statistical analysis of the influence of socio-economic factors on mortality and average life expectancy of the RA population. *SUSh Scientific Proceedings*, 2022, no. 1, pp. 105–111. (In Armenian) DOI: <https://doi.org/10.54151/27382559-2022.2a-105>
15. Mazurkin P.M. Influence of 40 factors of life on the share of the population below the subsistence minimum in the subjects of the Urals and Siberia. *The successes of modern natural science*, 2021, no. 10, pp. 62–68. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17513/use.37699>

16. Novikov A.V. Life expectancy as a factor in the quality of life of the Russian population. *Modern trends in the development of science and technology*, 2016, no. 12-5, pp. 139–145. (In Russ.)
17. Rogov P.V. Housing conditions in Siberia as a factor in the quality of life of the population. *Opportunities for the development of socio-economic space of the Siberian macro-region in the context of global instability. Proceedings of the Scientific Readings in memory of Siberian geographers*. Irkutsk, Publishing house of the Sochava Institute of Geography SB RAS, 2021. pp. 110–112. (In Russ.)
18. Gumarova F.Z., Kholina Y.I. Analysis of factors of the quality of life of the population of the Republic of Mari El. *Actual problems of management. A collection of scientific articles based on the results of VIII All-Russian scientific-practical conference*. Nizhny Novgorod, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University Publ., 2022. pp. 305–310. (In Russ.)
19. Damdinova O.G. Research of the factors influencing the quality of life of the population in the regions of Russia. *Young Scientist*, 2024, no. 24 (523), pp. 242–245. (In Russ.)
20. Zykhova N.V., Kononova L.V., Strelkova E.A. Employment as a factor of socio-economic development and improvement of the quality of life of the population of the Arctic territories of the Arkhangelsk region. *Economics and entrepreneurship*, 2019, no. 7 (108), pp. 427–431. (In Russ.)
21. Bondarev M.A., Yakovleva E.E., Alpidovskaya M.L. Socio-economic development as a fundamental factor reflecting the quality of life of the population: problems and solutions. *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic sciences*, 2021, vol. 14, no. 6, pp. 159–169. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-159-169>.
22. Borisov A.B. *Big economic dictionary*. Moscow, Knizhny Mir Publ., 2003. 895 p. (In Russ.)
23. Timashev N.S. Sociological theories of Maxim Kovalevsky. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, 2011, no. 1. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskie-teorii-maksima-kovalevskogo> (accessed: 08 August 2024).
24. Noskova E.P. The quality of life of the population of the region in the system of factors influencing its formation. *Electronic Economic Bulletin of Tatarstan*, 2014, no. 2, pp. 53–59. (In Russ.)
25. Cummins R.A. Objective and subjective quality of life: an interactive model. *Social Indicators Research*, 2000, Iss. 52 (1), pp. 55–72.
26. Cherednyakova A.B. Image culture in the context of a cultural approach. *Herald of the Chelyabinsk state academy of culture and arts*. 2018, no. 2 (54). (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzhevaya-kultura-v-kontekste-kulturologicheskogo-podhoda> (accessed: 30 September 2024).
27. Dahlgren G., Whitehead M. Policies and strategies to promote social equity in health. *Background document to WHO – Strategy paper for Europe*. Stockholm, Institutet för Framtidsstudier, 2007. 69 p.
28. Mareeva S.V. Zones of subjective well-being and disadvantage in Russian society. *RUDN Journal of Sociology*, 2018, vol. 18, no. 4, pp. 695–707. (In Russ.)
29. Marmot M., Wilkinson R.G. *Social determinants of health*. N.Y., Oxf. Univ. Press, 1999. 376 p.
30. Belikow A., DeWeese J., Ravensbergen L., Kestens Ya., El-Geneidy A. Are we happy in densely populated environments? Assessing the impacts of density on subjective well-being, quality of life, and perceived health in Montreal, Canada. *Findings, June*. DOI: <https://doi.org/10.32866/001c.23718>
31. Başkan A.H., Zorba E., Bayrakdar A. Impact of the population density on quality of life. *Journal of Human Sciences*, 2017, no. 14 (1), pp. 506–518. DOI: <https://doi.org/10.14687/jhs.v14i1.4416>
32. Cramer V., Torgersen S., Kringlen E. Quality of life in a city: the effect of population density. *Social Indicators Research*, 2004, Iss. 69, pp. 103–116. DOI: <https://doi.org/10.1023/B:SOCI.0000032663.59079.0b>
33. Ruta D., Camfield L., Donaldson C. Sen and the art of quality of life maintenance: Towards a general theory of quality of life and its causation. *The Journal of Socio-Economics*, 2007, Iss. 36, pp. 397–423. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socrec.2006.12.004>
34. Kapralova E.A. Problematicization of the phenomenon of social well-being. *Communicology*, 2022, no. 2. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problematicizatsiya-fenomena-sotsialnogo-blagopoluchiya> (accessed: 08 August 2024).
35. Kulakov I.N. The influence of economic environment factors on the quality of life. *Industry: economics, management, technologies*, 2017, no. 5 (69). (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-faktorov-ekonomicheskoy-sredy-na-kachestvo-zhizni> (accessed: 05 July 2024).
36. Kapkaev Yu.Sh., Dobrovolsky I.P. Influence of factors of the socio-economic environment on the standard of living of the population. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Economy*, 2015, no. 11 (366), Iss. 49, pp. 56–63. (In Russ.)
37. Artemova O.V., Savchenko A.N., Melenkina S.A. Welfare as a measure of provision of benefits to the population. *Bulletin of Tomsk State University. Economy*, 2022, no. 59, pp. 58–77. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/19988648/59/4>.
38. Novikov A.V., Gazaryan A.Yu. Financial literacy as an indicator of the quality of life of the Russian population. *National Association of Scientists (NAS)*, 2016, no. 6 (22), pp. 57–60. (In Russ.)

39. Paikovich P.R., Gorokhov A.A. Extra-budgetary funds as components of social protection in the Russian Federation. *Innovative economics: prospects for development and improvement*. 2017, no. 1 (19), pp. 259–266. (In Russ.)
40. Gainutdinova L.A., Gainutdinov R.I. The concept of separation of powers by S. Montesquieu and its practical dimension. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 2019, no. 4. (In Russ.) DOI: 10.25991/VRHGA.2020.20.4.012. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-razdeleniya-vlastey-sh-monteskie-i-ee-prakticheskoe-izmerenie> (accessed: 04 July 2024).
41. Comte Au. The Spirit of positive philosophy (continued). *Personality development*, 2009, no. 1. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/duh-pozitivnoy-filosofii-prodolzhenie> (accessed: 04 July 2024).
42. Elin S.P. Features of Pareto's view on the role of elites in the system of social equilibrium of society. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2012, no. 20. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzglyada-pareto-na-rol-elit-v-sisteme-sotsialnogo-ravnovesiya-obschestva> (accessed: 04 July 2024).
43. Poverinov I.E., Pisachkin D.V. Social control in the system of sociological knowledge. *Humanities: current problems of humanities and education*, 2013, no. 2 (22). (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kontrol-v-sisteme-sotsiologicheskogo-znaniya> (accessed: 04 July 2024).
44. Nikolaeva V.G., Lipset S.M. Some social prerequisites of democracy: economic development and political legitimacy. (translation) *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 11, Sociology: An abstract journal*, 2012, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/2012-03-003-lipset-s-m-nekotorye-sotsialnye-predposylki-demokratii-ekonomicheskoe-razvitiye-i-politicheskaya-legitimnost-perevod-lipset-s-m> (accessed: 04.07.2024). (In Russ.)
45. Batygin G.S. The structural functionalism of Talcott Parsons. *RUDN Journal of Sociology*, 2003, no. 4–5. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnyy-funktsionalizm-tolkotta-parsonsa> (accessed: 04 July 2024).
46. Troitskaya A., Khramova T. Fundamentals of fundamentals: expressive and functional potential of constitutional aspirations. *Comparative Constitutional Review*, 2018, no. 1 (122), pp. 54–79. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2018-1-54-79>.
47. Gizatullina E.N., Chuchko E.P. Investigation of the influence of economic and institutional factors on the quality of life of the population of the Russian Federation. *Bulletin of Donetsk National University. Series B. Economics and Law*, 2020, no. 4, pp. 80–89. (In Russ.)
48. Negrova M.S., Savin S.D. On the concept of political factors of stability in a changing society. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, 2012, no. 2. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-politicheskikh-faktorov-stabilnosti-izmenyayushchegosya-obschestva> (accessed: 04 July 2024).
49. Zaitseva I.A., Ostryakova Yu.E. Development of regional infrastructure as a factor in improving the quality of life of the population. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2016, no. 1. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-regionalnoy-infrastruktury-kak-faktor-povysheniya-kachestva-zhizni-naseleniya> (accessed: 05 July 2024).
50. Artemova O.V., Melenkina S.A. The level of welfare of the population in the regions of the Russian Federation: institutional and infrastructural support. *Bulletin of Omsk University. Series: Economics*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 87–97. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21\(4\).87-97](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21(4).87-97).
51. Bydayeva E.E., Vasilyeva A.S., Kuznetsova M.N. *Culture as a factor in the growth of the quality of life and the harmonization of public relations, the imperative of dynamic socio-economic development and the preservation of a single cultural space*. Eds. V.L. Kukushkina, O.A. Podkopaeva. Samara, NIC PNK LLC Publ., 2021. 140 p. (In Russ.)
52. Panova N.G. Socio-cultural activity as a factor in improving the quality of life of the population. *The World of Science, Culture, Education*, 2021, no. 1 (86). (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kulturnaya-deyatelnost-kak-faktor-povysheniya-kachestva-zhizni-naseleniya> (accessed: 08 July 2024).
53. Tonoyan T.Z., Lepyanyan M.K. *Classification of risk factors and their impact on public health*. (In Russ.) Available at: https://www.academia.edu/643844/Classification_of_risk_factors_and_their_influence_on_health_of_the_population_in_Russian (accessed 05 July 2024).
54. Shamaeva E.F. Factors of environmental components of the quality of life of the population. *The standard of living of the population of the regions of Russia*, 2020, vol. 16, no. 4, pp. 105–118. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.4.9>.
55. Revazov V.Ch. The impact of environmental factors on the level and quality of life of the region's population. *Vestnik IAE LPS*, 2023, vol. 28, no. 4, pp. 107–113. (In Russ.)
56. Mayakova A.V. The sixth technological way and the quality of life. *Humanitarian Bulletin of the Don State Agrarian University*, 2022, no. 2, pp. 14–19. (In Russ.)
57. Pakhomov E.V. Analysis of approaches to assessing the impact of digitalization on the quality of life of the population. *Managerial accounting*, 2021, no. 12-1, pp. 198–206. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25806/uu12-12021198-206>.

58. Bondarenko V.A., Guzenko N.V. Digitalization of the Russian healthcare sector: "smart technologies" in ensuring the quality of life. *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 103–113. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-1-103-113>.
59. Perfilova O.V. The impact of digitalization on the quality of life and human security. *Scientific bulletin of the Volsky Military Institute of Material Support: military scientific journal*, 2021, no. 1 (57), pp. 74–78. (In Russ.)
60. Nazarov D.A. The policy of digitalization as a factor in improving the quality of life in Russia. *Bulletin of modern research*, 2018, no. 9.2 (24), pp. 170–172. (In Russ.)
61. Skvortsova E.E. The relationship between digitalization and quality of life: measurement and interpretation. *Population*, 2021, vol. 24, no. 2, pp. 66–75. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.6>.

Information about the authors

Svetlana A. Melenkina, Cand. Sc., Senior Researcher, Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 155/1, Svobody street, Chelyabinsk, 454091, Russian Federation; melenkina.sa@uiec.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4149-2975>

Irina Yu. Nesterenko, Cand. Sc., Senior Researcher, Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 155/1, Svobody street, Chelyabinsk, 454091, Russian Federation; nesterenko.iy@uiec.ru; <https://orcid.org/0009-0006-8842-7608>

The author contributed equally to this article.

The author declares no conflicts of interests.

Received: 01.10.2024

Revised: 26.11.2024

Accepted: 30.12.2024

УДК 336.76

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1924

Шифр специальности ВАК: 5.2.3

Прогнозирование котировок акций ПАО «НК «Лукойл» на основе полиномиальных моделей тенденции

Л.И. Теньковская[✉]

ПАО «Московская биржа ММВБ-РТС», Россия, г. Москва

[✉]tenkovskaya.lyudmila@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена экономико-математическому моделированию и прогнозированию котировок акций ПАО «НК «Лукойл». **Предмет:** процессы формирования динамики стоимости ценных бумаг изучаемой компании. **Цель:** спрогнозировать котировки акций ПАО «НК «Лукойл» посредством создания новой методологии построения полиномиальных моделей тенденции второго порядка в рамках экономических циклов. **Задачи:** рассмотрение теоретических основ, создание и апробация методологии прогнозирования котировок акций ПАО «НК «Лукойл». Выдвинута гипотеза в научной проработке, которая заключается в том, что котировки акций ПАО «НК «Лукойл» в пределах экономических циклов формируют динамику, соответствующую параболе и описываемую с помощью уравнения полиномиальной тенденции второго порядка. **Методы:** анализ, синтез, монографический метод, научное абстрагирование, визуальный метод, метод центрированного скользящего среднего, ADF-тест, KPSS-тест, экономико-математическое моделирование, прогнозирование, графический и табличный методы. Методология исследования предполагает создание моделей полиномиальных тенденций второго порядка с функцией прогноза котировок акций компаний в пределах экономических циклов, начинающихся и завершающихся экономическим ростом, для расчета максимальных значений стоимости интересующих инвестиционных активов и даты их достижения. **Результаты.** Построена полиномиальная модель второго порядка для прогнозирования котировок акций ПАО «НК «Лукойл», которая сигнализирует о завершении роста стоимости данных ценных бумаг в пределах текущего экономического цикла. Прделанная научная работа имеет теоретическое и прикладное значение: она может служить основой для прогнозирования стоимости акций других компаний; прогноз котировок акций ПАО «НК «Лукойл» является сигналом для инвесторов к продаже данных ценных бумаг. Области применения результатов научной работы: в торговле на российском фондовом рынке; при корпоративном управлении публичными акционерными обществами; в процессе государственного регулирования деятельности отечественных корпораций, пополняющих федеральный бюджет доходами.

Ключевые слова: экономико-математическое моделирование, прогнозирование, полиномиальные модели тенденций, котировки акций компаний, ПАО «НК «Лукойл», экономические циклы

Для цитирования: Теньковская Л.И. Прогнозирование котировок акций ПАО «НК «Лукойл» на основе полиномиальных моделей тенденции // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 168–185. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1924

UDC 336.76

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1924

Forecasting stock quotations of PJSC NK Lukoil based on polynomial trend models

L.I. Tenkovskaya✉

PJSC Moscow Exchange MICEX-RTS, Moscow, Russian Federation

✉tenkovskaya.lyudmila@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the economic and mathematical modeling and forecasting stock quotations of PJSC NK Lukoil. **Subject.** Processes of forming the dynamics of the value of the studied company securities. **Aim.** To predict the stock prices of PJSC NK Lukoil by creating a new methodology for constructing second-order polynomial trend models within the framework of economic cycles. **Tasks.** Include the consideration of the theoretical foundations, the creation and testing of a methodology for forecasting stock quotations of PJSC NK Lukoil. The author has put forward a scientific hypothesis, which consists in the fact that the share prices of PJSC NK Lukoil within the economic cycles form a dynamics corresponding to a parabola and described using the second-order polynomial trend equation. **Methods.** Analysis, synthesis, monographic method, scientific abstraction, visual, centered moving average method, ADF test, KPSS test, economic and mathematical modeling, forecasting, graphical, tabular. The research methodology involves the creation of models of second-order polynomial trends with the function of forecasting stock prices of companies within economic cycles beginning and ending with economic growth to calculate the maximum values of the cost of the investment assets of interest and the date of their achievement. **Results.** The second-order polynomial model was built to predict the share prices of PJSC NK Lukoil, which signals the completion of the growth in the value of these securities within the current economic cycle. The scientific work done has theoretical and applied significance: it can serve as a basis for forecasting the value of shares of other companies; the forecast of stock quotations of PJSC NK Lukoil is a signal for investors to sell these securities. Areas of application of the results of scientific work: in trading on the Russian stock market; in corporate governance of public joint-stock companies; in state regulation of the activities of domestic corporations that replenish the federal budget with revenues.

Keywords: economic and mathematical modeling, forecasting, polynomial trend models, company stock quotes, PJSC NK Lukoil, economic cycles

For citation: Tenkovskaya L.I. Forecasting stock quotations of PJSC NK Lukoil based on polynomial trend models. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 168–185. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1924

Введение

Предвидение стоимости объектов инвестиций считается трудной задачей, потому что оно осуществляется в сложных экономических условиях, характеризующихся совокупностью внешних глобальных и национальных факторов, а также определенным сложным соединением внутренних ресурсов субъектов экономической деятельности. Также известно, что экономические ситуации не повторяются из-за наличия множества взаимосвязей между отраслями народного хозяйства и другими сферами деятельности. Усложняют экономическую ситуацию и многообразные взаимоотношения экономических субъектов, каждый из которых нацелен на извлечение максимальной прибыли в процессе своей работы. Цикличность – предсказуемая характеристика экономического развития. Однако время наступления экономических кризисов и подъемов, а также их причины неизвестны заранее, так как трудно из всей совокупности воздействующих факторов выделить те силы, которые действительно

кардинально изменят экономическую ситуацию. В таких условиях целесообразно контролировать множество влияющих на экономическую ситуацию факторов, чтобы своевременно предсказать ход событий либо грамотно установить все имеющиеся локальные тенденции для понимания будущего экономического состояния. Обе приведенные задачи считаются практически невыполнимыми. В связи с этим точное прогнозирование стоимости объектов инвестиций – до сих пор нерешенный вопрос.

Ранее определено, что тенденции на фондовых рынках складываются под воздействием большой совокупности внешних и внутренних факторов, то есть тренды являются результатом влияния движущих сил. Поэтому работа по грамотному выявлению локальных тенденций в котировках акций компаний уже предполагает учет имеющихся сил, приводящих в движение стоимость изучаемых ценных бумаг. Следовательно, в настоящее время актуально создавать и совершенствовать новые методы по определению тенденций в котировках акций интересующих компаний. Получение новой информации о результатах прогнозирования котировок акций компаний на основе выявленных тенденций – тоже актуальная современная деятельность. Таким образом, тема прогнозирования котировок акций ПАО «НК «Лукойл» посредством создания полиномиальных моделей тенденции в пределах экономических циклов является актуальной.

Цели исследования – экономико-математическое моделирование и прогнозирование котировок акций ПАО «НК «Лукойл» на основе создания моделей полиномиальной тенденции второй степени в пределах экономических циклов, последовательно охватывающих предшествующий рост, кризис и новый подъем в экономике. В соответствии с целями решены следующие задачи: изучены теоретические основы прогнозирования котировок акций ПАО «НК «Лукойл» и стоимости других объектов инвестиций; разработана методология экономико-математического моделирования и прогнозирования котировок акций ПАО «НК «Лукойл» в рамках экономических циклов, включающих рост, кризис и восстановление хозяйственной системы нашей страны, в международной экономике и мире в целом; построены экономико-математические модели полиномиальной тенденции второй степени в пределах выделенных экономических циклов с функцией предвидения будущих значений котировок акций ПАО «НК «Лукойл»; сделан прогноз котировок акций ПАО «НК «Лукойл» на основе статистических данных последнего экономического цикла и рассчитанного пятого уравнения полиномиальной тенденции второй степени. В процессе работы применялись следующие научные методы: анализ, синтез, монографический метод, научное абстрагирование, визуальный метод, метод центрированного скользящего среднего, ADF-тест, KPSS-тест, экономико-математическое моделирование, прогнозирование, графический и табличный методы.

Научная новизна исследования заключается в следующем: разработана методология экономико-математического моделирования и прогнозирования котировок акций компаний в пределах экономических циклов на основе полиномиальных моделей тенденции второй степени, графически соответствующих параболам, не имеющим либо максимальных, либо минимальных уровней; построены экономико-математические модели полиномов второй степени в рамках экономических циклов, начинающихся и заканчивающихся экономическим ростом, с функцией предвидения котировок акций ПАО «НК «Лукойл».

Прежде всего, представленное научное исследование должно вызвать интерес у частных инвесторов, поскольку около половины акций этой российской компании находится в свободном обращении на отечественном фондовом рынке. Научное изыскание привлекательно для индивидуальных инвесторов благодаря тому, что раскрывает методологию, позволяющую определять максимальные уровни котировок акций компаний в пределах текущего экономического цикла и даты их достижения. Такая информация помогает своевременно продать ценные бумаги компаний до наступления нового экономического кризиса. Этот научный труд может быть основой инвестиционных стратегий на фондовых рынках. Кроме того,

научное исследование представляет собой ценность для топ-менеджеров компании ПАО «НК «Лукойл», так как несет в себе информацию о стоимости данной нефтяной компании, связанной с эффективностью ее деятельности. Научная проработка заслуживает внимания государственных служащих, так как от результативности функционирования ПАО «НК «Лукойл», которая отражается в котировках акций исследуемой российской энергетической компании и может быть предсказана на их основе, зависят доходы бюджета нашего государства.

Настоящая работа имеет содержательную структуру, позволяющую раскрыть все стороны экономико-математического моделирования и прогнозирования котировок акций компаний. Она состоит из следующих разделов: введения, теоретических аспектов прогнозирования котировок акций ПАО «НК «Лукойл», методологии прогнозирования котировок акций ПАО «НК «Лукойл» в пределах экономических циклов, результатов прогнозирования котировок акций ПАО «НК «Лукойл» на основе полиномиальных моделей, заключения.

С созданием данной рукописи автор внесла вклад в зарубежную и отечественную научную литературу, освещающую вопросы формирования динамики стоимости инвестиционных объектов, в виде новой методологии экономико-математического моделирования и прогнозирования котировок акций компаний.

Теоретические аспекты прогнозирования котировок акций ПАО «НК «Лукойл»

Одной из компаний, привлекательных для инвестиций, является ПАО «НК «Лукойл». Это особенно значимая характеристика для данной компании в свете того, что экономика России находится в зависимости от нефтяной отрасли, экспортирующей энергетическое сырье, а нефтяные доходы способны стимулировать развитие перерабатывающих и обрабатывающих производств в нашей стране [1]. Краткая характеристика ПАО «НК «Лукойл» сводится к следующим пунктам: 1. Компания зависит от российских месторождений и подвержена опасениям по поводу их истощения, поэтому активно участвует в добыче полезных ископаемых за пределами России. 2. Она установила международную географию процессов переработки нефти, дистрибуции и продаж нефтепродуктов. 3. Действует в основном в пространственных условиях, созданных во время советского территориального режима [2, 3]. 4. Организация нацелена на реализацию стратегии по ориентации на экспорт нефти в Азиатско-Тихоокеанский регион [4]. 5. Успех компании в условиях развивающегося российского рынка обусловлен преимуществами низких затрат, навыками выявления потребностей рынков сбыта, пониманием неоднозначной среды существования, выбором правильного курса действий, приводящего к повышению инновационной эффективности [5]. 6. Активно участвует в бегстве капитала из страны из-за несовершенства российской экономики [6]. 7. В настоящее время компания находится в санкционном списке западных стран, которые ограничивают ее инвестиционные возможности [7]. 8. Поскольку дочерние предприятия ПАО «НК «Лукойл» могут демонстрировать антиконкурентное поведение, согласованно устанавливая параллельные розничные цены на бензин, можно сказать, что она обладает монопольной властью [8]. Итак, компания ПАО «НК «Лукойл» как субъект международной экономики довольно-таки устойчива, имеет большие размеры и масштабные долгосрочные проекты, экономически эффективна, поэтому ее акции могут быть хорошими объектами инвестирования.

Инвестирование в акции компаний должно основываться на максимально точном прогнозировании их котировок. Предсказание котировок акций ПАО «НК «Лукойл» вызывает большой интерес у экономистов – существует целый ряд научных работ, посвященных этой тематике. J. Pavlata и другие исследователи согласны с тем, что, прежде всего, на котировки акций нефтяных компаний воздействуют мировые цены нефти: котировки акций ПАО «НК «Лукойл» во времена глобальных экономических кризисов снижаются на фоне уменьшения стоимости нефти на мировом энергетическом рынке [9]. При составлении прогнозов цен ак-

ций ПАО «НК «Лукойл» целесообразно опираться на конъюнктуру мирового рынка энергетических ресурсов. V.V. Metel'skaya доказала, что предвидение стоимости акций ПАО «НК «Лукойл» может осуществляться посредством корреляционно-регрессионного анализа структуры капитала компании и макроэкономических факторов в России, в частности инфляции и валового внутреннего продукта [10]. R.A.A. Elsayed утверждает, что раскрытие в отчетности информации об окружающей среде положительно воздействует на финансовые показатели ПАО «НК «Лукойл» [11]. Следовательно, котировки акций этой компании находятся в зависимости от информации о биоразнообразии. Т.Н. Кондратьева, Е.А. Гуртовая и Л.Г. Алексанян определили, что котировкам акций ПАО «НК «Лукойл» свойственны цикличность под влиянием риска и тенденция роста на фоне увеличения прибыльности, поэтому они могут быть предсказаны на рекуррентной нейронной сети (Recurrent Neural Network) посредством оценки величины дисперсии и математического ожидания [12]. В.Л. Окулов изучил реакцию цен акций ПАО «НК «Лукойл» на публичную информацию аналитиков посредством методов анализа событий и имитационного моделирования: российский фондовый рынок эффективен относительно изменений котировок акций исследуемой компании [13]. Н.И. Ломакин и другие ученые уделяют большое внимание использованию искусственного интеллекта при прогнозировании эффективности деятельности российских нефтяных компаний [14]. Результаты их научной работы связаны с котировками акций ПАО «НК «Лукойл». А.Ю. Жабунин и другие экономисты выявили недостатки в процессе прогнозирования котировок акций ПАО «НК «Лукойл»: непригодность метода дисконтирования потоков денежных средств для оценки будущей стоимости компании; сложности в получении необходимых данных; отсутствие возможности прогнозирования на краткосрочный период времени; колебания капитальных вложений; трудности в расчетах остаточной стоимости основных средств и средневзвешенной стоимости капитала [15]. Е.Н. Барышева, В.Н. Никишов и Е.В. Круглов считают, что российский фондовый рынок характеризуется нестационарным поведением индикаторов во времени и их соответствием нелинейным моделям: наблюдаются аномальные значения доходности, сегментация волатильности, асимметричность информации и другие проблемы [16]. Итак, в прогнозировании котировок акций ПАО «НК «Лукойл» задействуются сложный математический аппарат и большой массив статистических данных, что придает хорошее качество этому процессу и высокую точность его результатам.

Необходимо отметить, что автор представленной научной статьи тоже опубликовала несколько исследовательских работ по прогнозированию котировок акций ПАО «НК «Лукойл». Л.И. Теньковская отмечает, что динамика запасов нефти, нефтепродуктов и числа активных нефтяных буровых установок в Соединенных Штатах, мировых цен нефти, валового внутреннего продукта Китая, цен на американский природный газ и долгосрочная тенденция роста котировок акций ПАО «НК «Лукойл» взаимосвязаны. Поэтому предвидение стоимости акций анализируемой компании может опираться на перечисленные выше индикаторы [17]. Предсказание значений котировок акций ПАО «НК «Лукойл» в периоды экономических кризисов целесообразно осуществлять посредством определения их волатильности с помощью логарифмирования доходности и среднеквадратического отклонения [18]. Прогнозирование котировок акций ПАО «НК «Лукойл» строится на их корреляционно-регрессионной связи с мировыми ценами нефти, курсом доллара США по отношению к российскому рублю, денежной массой в России [19]. При расчетах будущих значений стоимости акций исследуемой компании необходимо учитывать сезонные факторы: в течение экономических кризисов индикатор снижается с января по октябрь и пытается подрасти в ноябре–декабре, а во времена экономического роста возрастает с января по декабрь [20]. Итак, автор внес значительный вклад в изучение стоимости ценных бумаг ПАО «НК «Лукойл». Однако до сих пор не решены вопросы, касающиеся цикличности цен данных объектов инвестирования.

В последнее время в ходе анализа цен инвестиционных активов ученые прибегают к нелинейному моделированию, основанному на построении полиномиальных моделей. Экономико-математическое моделирование доходности и волатильности фондовых рынков Бахрейна, Омана, Кувейта, Катара, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов (Совета сотрудничества стран Персидского залива) базировалось на полиномиальных уравнениях, потому что приведенные индикаторы находятся в зависимости от экономических циклов [21]. Доходность фондового рынка Турции в периоды мировых экономических кризисов познавалась с использованием полиномов второй, третьей и более высоких степеней, так как такие времена характеризуются нелинейной динамикой волатильности [22]. Известно, что построение полиномиальных моделей повышает качество прогнозирования высокочастотных данных по акциям, составляющим индекс Dow Jones 30 [23]. Для прогноза ежедневных цен на золото, серебро и платину построены полиномиальные модели второй и третьей степени [24]. Установлено, что цены криптовалют проходят стадии кризиса и роста в экономике и возвращаются в равновесное состояние, поэтому для их предсказания рассчитаны модели полиномов третьего порядка [25]. Таким образом, котировки акций ПАО «НК «Лукойл» тоже подвержены цикличности экономического развития и могут быть смоделированы посредством уравнений полиномиальной тенденции.

Методология прогнозирования котировок акций ПАО «НК «Лукойл» в пределах экономических циклов

В ходе составления прогноза котировок акций ПАО «НК «Лукойл» предметом исследования являются процессы формирования тенденций стоимости изучаемых инвестиционных активов в рамках экономических циклов. Объект изучения – ежемесячные значения котировок акций ПАО «НК «Лукойл», полученные за длинный интервал времени, охватывающий февраль 1998 г. – июнь 2024 г. [26] Выбор статистических данных за продолжительный отрезок времени обусловлен их доступностью.

Временной ряд со статистическими данными об изучаемом показателе оценен визуально: зрительный анализ показал, что котировки акций ПАО «НК «Лукойл» подвержены цикличности экономического развития, в периоды экономических кризисов они снижаются, а в условиях экономического роста повышаются. В связи с этим выдвинута гипотеза о том, что котировки акций ПАО «НК «Лукойл» в пределах экономических циклов движутся по траектории параболы, описываемой уравнением полиномиальной тенденции второй степени (1). Прогнозирование цен акций исследуемой компании в условиях цикличности экономики целесообразно осуществлять с помощью следующего уравнения полиномиальной тенденции второго порядка:

$$y = \beta_0 + \beta_1 \cdot x + \beta_2 \cdot x^2, \quad (1)$$

где y – котировки акций компании в пределах экономического цикла; x – порядковый номер момента времени в исследуемом временном интервале – экономическом цикле; $\beta_0, \beta_1, \beta_2$ – параметры уравнения.

С целью улучшения качества экономико-математического моделирования временной ряд с фактическими данными о котировках акций ПАО «НК «Лукойл» сглажен с помощью метода центрированного скользящего среднего. Фактический и сглаженный временные ряды проверены на стационарность с помощью расширенного теста Дики–Фуллера и KPSS-теста. Принято решение использовать для экономико-математического моделирования сглаженный временной ряд.

Сглаженный временной ряд котировок акций ПАО «НК «Лукойл» за февраль 1998 г. – июнь 2024 г. поделен на более короткие периоды, соответствующие экономическим циклам, последовательно охватывающим стадии предшествующего подъема, кризиса, нового подъ-

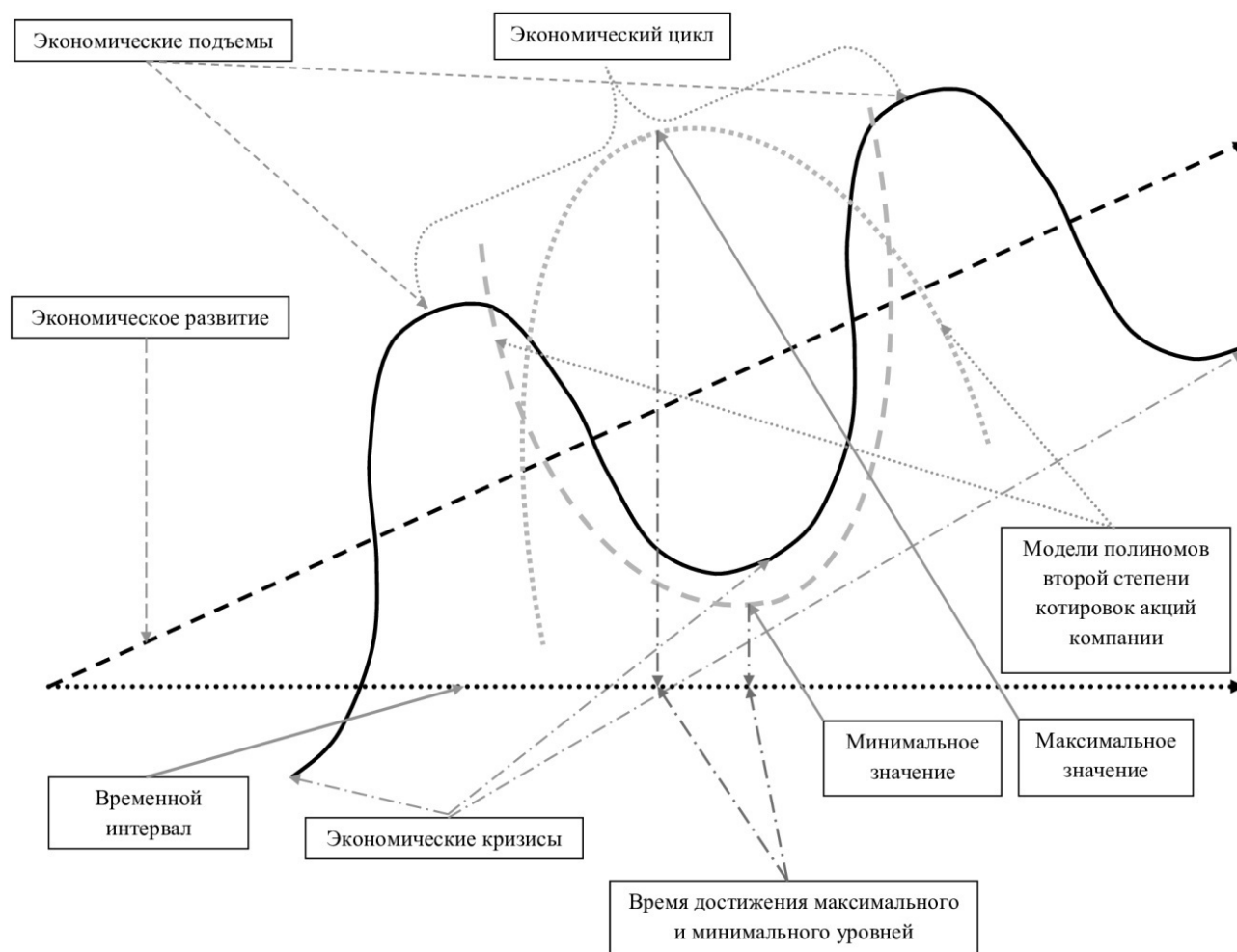
ема в хозяйстве России, международной хозяйственной системе, мировой экономике. На основе сглаженных данных в пределах выделенных экономических циклов построены модели полиномиальных тенденций второй степени котировок акций ПАО «НК «Лукойл». Экономико-математические модели полиномов второго порядка оценены на предмет статистической значимости и надежности посредством t -статистики, коэффициентов детерминации R^2 , F -статистики. С использованием полученных уравнений полиномиальной тенденции второй степени в пределах экономических циклов рассчитаны значения котировок акций ПАО «НК «Лукойл». По данным последнего экономического цикла, последовательно включающего в себя фазы роста, кризиса, восстановления российской экономики, сделан прогноз котировок акций ПАО «НК «Лукойл» на среднесрочную перспективу.

На рис. 1 представлена схематическая основа построения полиномиальных моделей тенденции второй степени котировок акций компании в рамках экономических циклов, начинающихся и завершающихся экономическими подъемами, охватывающих экономические кризисы. Данная схема может быть применена и к котировкам акций ПАО «НК «Лукойл».

Во-первых, котировки акций ПАО «НК «Лукойл» имеют долгосрочную тенденцию повышения, что согласуется с эволюцией экономики во времени по восходящей линии в связи с развитием научно-технического прогресса. Например, Соединенным Штатам удалось совершить сланцевую революцию, в результате которой эта страна благодаря новым разработанным технологиям стала добывать больше нефти и превратилась в экспортера энергетических ресурсов, что еще сильнее укрепило курс доллара США по отношению к российскому рублю. Слабый российский рубль повысил экономическую эффективность ПАО «НК «Лукойл», так как эта компания получает доходы в долларах США, а также в другой иностранной валюте.

Во-вторых, котировки акций ПАО «НК «Лукойл» формируют динамику, соответствующую цикличности экономики: в течение экономических спадов они снижаются, а во времена подъемов в хозяйственной системе они увеличиваются. В основном такая закономерность проявляется потому, что в условиях экономического кризиса спрос и цены на нефть падают, а в периоды подъемов в экономике физические и стоимостные затраты на энергию существенно повышаются.

В-третьих, котировки акций ПАО «НК «Лукойл» в рамках одного экономического цикла формируют динамику, соответствующую параболе. Дело в том, что в целях прогнозирования стоимость представленных инвестиционных активов изучается в пределах последнего экономического цикла, который включает фазу предшествующего роста, кризиса и восстановления роста. Прежде всего, в течение экономического цикла, начинающегося и завершающегося экономическим ростом, котировки акций ПАО «НК «Лукойл» могут сформировать последовательную динамику снижения и повышения, соответствующую параболе, не имеющей максимальных уровней. Это происходит тогда, когда котировки акций компании корректируются в пределах экономического цикла во время кризиса, но их долгосрочная тенденция повышения сохраняется. В таком случае по модели полинома второй степени, соответствующей параболе, не имеющей максимальных уровней, трудно предсказать завершение роста котировок акций компании в пределах последнего экономического цикла. Такая модель позволит определить дату минимального значения котировок акций компании. Однако ситуация способна измениться: долгосрочная тенденция увеличения котировок акций компании может исчерпать себя; котировки акций компании в рамках экономического цикла, начинающегося и заканчивающегося экономическим ростом, могут сформировать динамику, соответствующую параболе, не имеющей минимальных уровней. Такая модель поведения стоимости объектов инвестиций будет сигнализировать о приближении времени наступления нового экономического спада и достижении максимальных значений котировками акций компании. Вычисления будущих максимальных уровней котировок акций ПАО «НК «Лукойл» и даты их достижения позволят инвесторам своевременно продать указанные инвестиционные активы.

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рис. 1. Схематическая основа построения полиномиальных моделей тенденции котировок акций компании в пределах экономического цикла

Fig. 1. Schematic basis for constructing polynomial models of the trend of company stock quotes within the economic cycle

Динамика котировок акций ПАО «НК «Лукойл» в настоящее время как раз сигнализирует о завершении их долгосрочного восходящего тренда. Дело в том, что в Российской Федерации с помощью государственного регулирования постепенно ограничиваются сделки с долларом США, что негативно сказывается на его курсе по отношению к российскому рублю. Возможно, укрепление на этом фоне курса российского рубля в паре с долларом США отрицательно отразится на выручке экспортеров, рассчитанной в национальной валюте России. Поэтому модель полинома второй степени, вычисленная в рамках последнего экономического цикла, начинающегося и завершающегося экономическим ростом, соответствующая параболе, не имеющей минимальных значений, способна предсказать максимальные уровни цены акций приведенной компании и дату их достижения.

Далее возникает вопрос о том, что делать после продажи акций ПАО «НК «Лукойл», о необходимости которой сигнализирует экономико-математическое моделирование. Во-первых, необходимо в пределах текущего экономического цикла продолжать строить модели полиномиальной тенденции, задействуя в расчетах все новые и новые значения исследуемого индикатора: можно определить модели полиномиальной тенденции третьей и чет-

вертой степеней, которые способны будут сделать прогноз котировок акций ПАО «НК «Лукойл» в пределах не только текущего, но и будущего экономических циклов. Во-вторых, можно дождаться завершения текущего экономического цикла и наступления очередного кризиса в экономике, чтобы моделировать динамику котировок акций ПАО «НК «Лукойл» в рамках нового экономического цикла, начинающегося и заканчивающегося экономическими кризисами. Целесообразно вычислять и анализировать модели полиномиальной тенденции до тех пор, пока они не будут способны сделать адекватный прогноз стоимости ценных бумаг представленной нефтяной компании.

Результаты прогнозирования котировок акций ПАО «НК «Лукойл» на основе полиномиальных моделей

С целью предсказания стоимости акций ПАО «НК «Лукойл» проанализирован ее временной ряд за продолжительный отрезок времени, охватывающий февраль 1998 г. – июнь 2024 г.: динамика изучаемого индикатора сформировала долгосрочную восходящую тенденцию, прежде всего, связанную с ослаблением курса российского рубля по отношению к доллару США, увеличивающего выручку отечественных экспортеров в национальной валюте России; однако динамика стоимости акций колеблется в соответствии с цикличностью экономического развития. Для создания полиномиальных моделей тенденции котировок акций ПАО «НК «Лукойл» в пределах экономических циклов временной ряд с фактическими данными о показателе сглажен с помощью метода центрированного скользящего среднего, чтобы привести его к стационарному виду и построить на основе стационарных данных более качественные экономико-математические модели (рис. 2).

Источник: составлено автором по данным [26].
Source: compiled by the author based on data from [26].

Рис. 2. Котировки акций ПАО «НК «Лукойл», российские рубли за акцию
Fig. 2. Quotations of shares of PJSC NK Lukoil, Russian rubles per share

Чтобы установить качество фактического и сглаженного временных рядов котировок акций ПАО «НК «Лукойл», проведены расширенный тест Дики–Фуллера и KPSS-тест: приведенные временные ряды являются стационарными и могут быть использованы для экономико-математического моделирования. Так как сглаженный временной ряд котировок акций ПАО «НК «Лукойл» дает более качественные результаты моделирования, он использован для расчета экономико-математических моделей-полиномов второй степени в пределах экономических циклов с функцией прогнозирования стоимости анализируемых объектов инвестирования (табл. 1).

Таблица 1. Результаты ADF-теста, KPSS-теста

Table 1. Results of ADF test, KPSS test

Котировки акций ПАО «НК «Лукойл», российские рубли за акцию Quotations of shares of PJSC NK Lukoil, Russian rubles per share	Расширенный тест Дики–Фуллера Augmented Dickey–Fuller Test				KPSS-тест KPSS test	
	Тест с константой Test with constant		Тест с константой и трендом Test with constant and trend		Тестовая статистика Test statistics	p-уровень p-level
	Тестовая статистика Test statistics	p-уровень p-level	Тестовая статистика Test statistics	p-уровень p-level		
фактические данные factual data	0,522	0,988	–1,578	0,802	4,518	<0,01
сглаженные данные smoothed data	0,758	0,993	–1,305	0,886	4,524	<0,01

Составлено автором.

Compiled by the author.

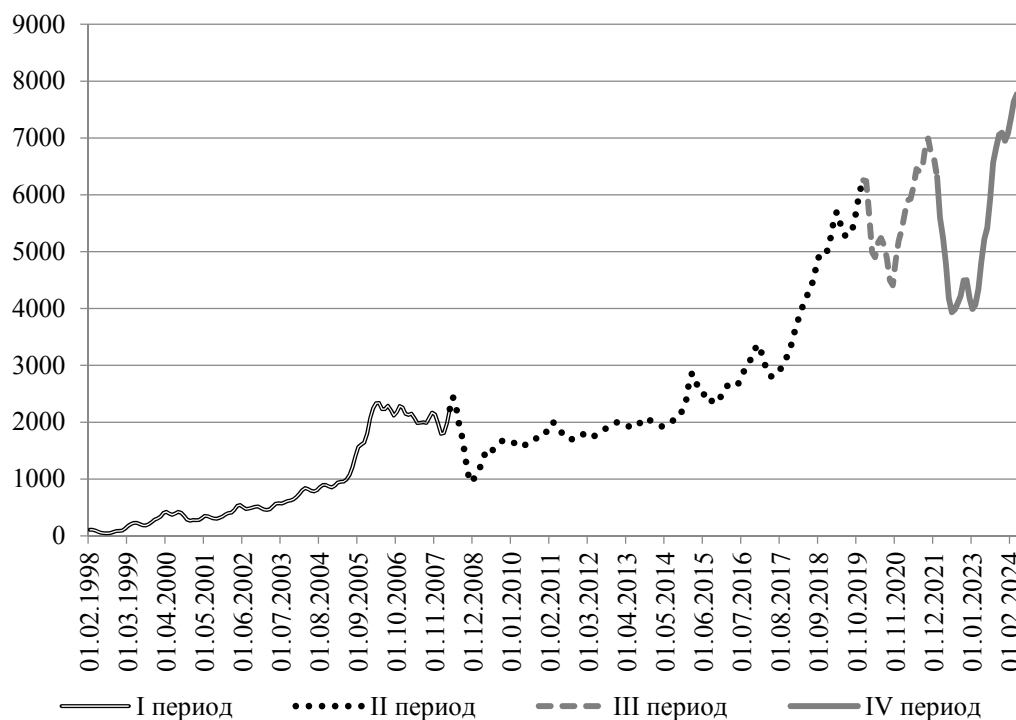
Длительный период исследования поделен на более короткие временные отрезки, соответствующие экономическим циклам, начинающимся и заканчивающимся фазами экономического роста. Такое деление обусловлено тем, что котировки акций ПАО «НК «Лукойл» находятся на максимальных уровнях, восстановившись после начала военной операции России в Украине. Следовательно, последний экономический цикл охватывает настоящий и предыдущий этапы экономических подъемов. Соответственно предшествующие экономические циклы тоже начинаются и заканчиваются экономическим ростом.

I период включает февраль 1998 г. – апрель 2008 г. – экономический цикл, начинающийся и заканчивающийся подъемом в хозяйственной системе России, включающий экономический кризис августа 1998 г., связанный с дефолтом в нашей стране.

II период охватывает апрель 2008 г. – декабрь 2019 г. – временной отрезок, соответствующий экономическому циклу, который последовательно включает подъем в международной экономике, глобальный финансовый кризис 2008 г., этап экономического роста в мире.

III период начинается с декабря 2019 г. и заканчивается январем 2022 г., он совпадает с такими фазами экономического цикла, как глобальный подъем, мировой кризис, вызванный пандемией коронавируса Covid-19, рост в международной экономике.

IV период равен временному отрезку январю 2022 г. – июню 2024 г., который соотносится с этапами развития экономики: ростом в российской хозяйственной системе, экономическим кризисом в нашей стране на фоне специальной военной операции России в Украине, восстановлением экономического развития отечественного хозяйства (рис. 3).

Источник: рассчитано и составлено автором.

Source: calculated and compiled by the author.

Рис. 3. Сглаженные временные ряды котировок акций ПАО «НК «Лукойл» в пределах экономических циклов, российские рубли за акцию

Fig. 3. Smoothed time series of quotations of PJSC NK Lukoil shares within economic cycles, Russian rubles per share

На основе сглаженных временных рядов котировок акций ПАО «НК «Лукойл», находящихся в пределах выделенных экономических циклов, построены полиномиальные модели второй степени:

- I периода

$$y=411,2701-11,5615 \cdot x+0,2377 \cdot x^2, \quad (2)$$

- II периода

$$y=584,8868+14,0383 \cdot x+0,1298 \cdot x^2, \quad (3)$$

- III периода

$$y=907,4711+601,7577 \cdot x-15,7791 \cdot x^2, \quad (4)$$

- IV периода

$$y=901,7907+407,9131 \cdot x-6,4490 \cdot x^2, \quad (5)$$

где y – котировки акций ПАО «НК «Лукойл» в пределах экономического цикла, российские рубли за акцию.

В табл. 2 приведена оценка полиномиальных моделей тенденции второй степени котировок акций ПАО «НК «Лукойл»: t -статистика, коэффициенты детерминации R^2 , F -статистика свидетельствуют о хорошем качестве, статистической значимости и надежности построенных моделей. Представленные экономико-математические модели в форме полиномиальных уравнений тенденции второй степени могут быть использованы для прогноза котировок акций ПАО «НК «Лукойл» в пределах выделенных экономических циклов.

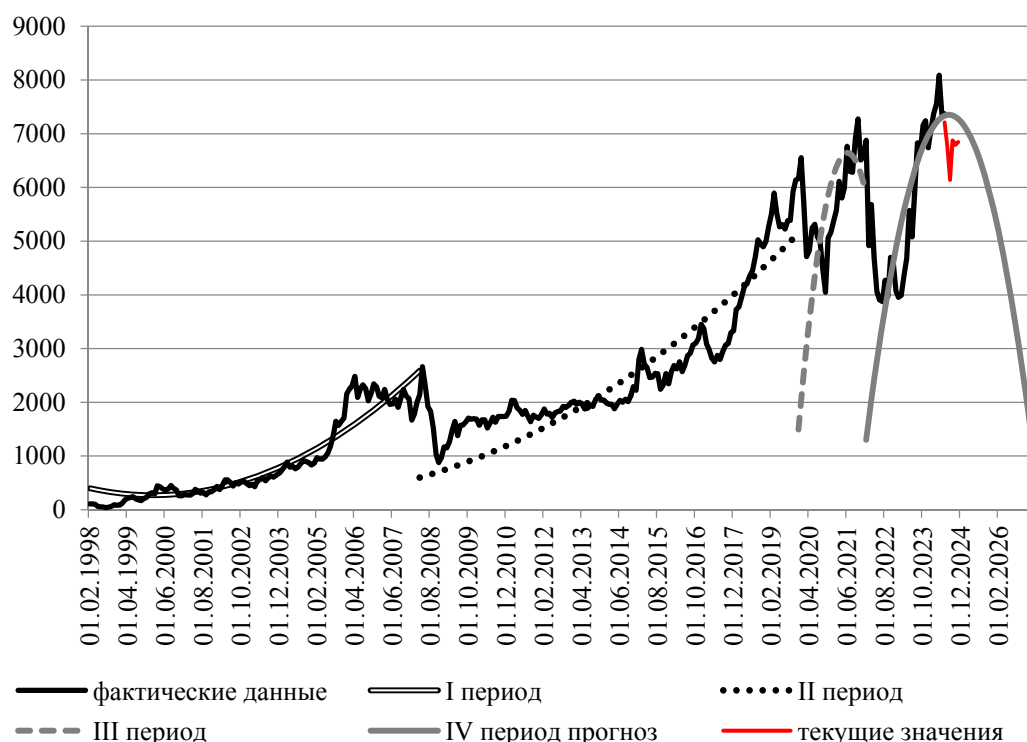
Таблица 2. Оценка моделей полиномиальных тенденций котировок акций ПАО «НК «Лукойл»
Table 2. Evaluation of models of polynomial trends in stock quotes of PJSC NK Lukoil

Индикаторы Indicators	Уравнение полиномиальной тенденции Polynomial tendency equation							
	(2)		(3)		(4)		(5)	
Параметры уравнений Parameters of equations	t-статистика t-statistics	p-уровень p-level	t-статистика t-statistics	p-уровень p-level	t-статистика t-statistics	p-уровень p-level	t-статистика t-statistics	p-уровень p-level
β_0	17,418	0,000	15,622	0,000	3,952	0,000	4,516	0,000
β_1	-7,283	0,000	6,387	0,000	8,444	0,000	7,564	0,000
β_2	15,406	0,000	6,961	0,000	-4,893	0,000	-3,041	0,004
Коэффициент детерминации R^2 Coefficient of determination R^2	0,800		0,891		0,808		0,835	
Критерии Фишера Fisher's criteria	F-статистика F-statistics	p-уровень p-level	F-статистика F-statistics	p-уровень p-level	F-статистика F-statistics	p-уровень p-level	F-статистика F-statistics	p-уровень p-level
	485,879	0,000	1134,681	0,000	102,837	0,000	144,396	0,000

Рассчитано и составлено автором.

Calculated and compiled by the author.

На рис. 4 представлены графики полиномиальных моделей тенденции второй степени с функцией прогноза котировок акций ПАО «НК «Лукойл» в пределах выделенных экономических циклов, начинающихся и заканчивающихся экономическим ростом: в I периоде, охватывающем временной интервал февраль 1998 г. – апрель 2008 г., модель полинома второй степени соответствует параболе, не имеющей максимальных уровней, она последовательно повторяет понижательную и повышательную стадии экономического цикла, ее динамика говорит о том, что в будущем котировки акций анализируемой компании будут увеличиваться после коррекции; во II периоде, включающем апрель 2008 г. – декабрь 2019 г., полиномиальная модель второго порядка демонстрирует продолжительный рост анализируемого индикатора, графически совпадая с параболой, не имеющей максимальных уровней, она свидетельствует о том, что в долгосрочном периоде котировки акций изучаемой компании достигнут более высоких вершин; в III периоде, начинающемся с декабря 2019 г. и заканчиваемся январем 2022 г., модель полинома второй степени подобна параболе без минимальных уровней, она была способна предсказать максимальное значение котировок акций и время его достижения, указывая на то, что длительный рост котировок акций российской нефтяной компании подходит к концу; в IV периоде, представляющем собой интервал времени январь 2022 г. – июнь 2024 г., модель полинома второго порядка, прежде всего, способна сделать прогноз котировок акций на среднесрочную перспективу, сущность которого заключается в том, что увеличение интересующего индикатора практически исчерпало себя и данные инвестиционные активы целесообразно продать.

Источник: рассчитано и составлено автором.

Source: calculated and compiled by the author.

Рис. 4. Полиномиальные модели и прогнозы котировок акций ПАО «НК «Лукойл» в пределах экономических циклов, российские рубли за акцию

Fig. 4. Polynomial models and forecasts of stock quotes of PJSC NK Lukoil within economic cycles, Russian rubles per share

Итак, пятая полиномиальная модель второй степени с функцией прогноза цены объекта инвестиций, описывающая динамику котировок акций ПАО «НК «Лукойл» в течение последнего экономического цикла, начинающегося и завершающегося экономическим ростом, показала, что стоимость указанных инвестиционных активов достигла своей исторической вершины и в текущем экономическом цикле она не демонстрирует максимальных уровней. Это подтверждают и текущие фактические значения показателя за июнь–ноябрь 2024 г. Таким образом, акции ПАО «НК «Лукойл» целесообразно было продать в апреле 2024 г., в дальнейшем необходимо следить за динамикой их котировок, продолжая рассчитывать модели полиномиальной тенденции, используя все новые и новые значения изучаемого индикатора до тех пор, пока не будет сигнала к покупке акций данной компании.

Заключение

Итак, в ходе научного исследования предложена методология экономико-математического моделирования цен акций компаний и на ее основе получены результаты прогнозирования котировок акций ПАО «НК «Лукойл». Сущность представленной методологии заключается в том, что на базе уравнения полиномиальной тенденции второй степени, рассчитанного с использованием статистических данных за текущий экономический цикл, последовательно включающий рост, кризис, восстановление роста в российской, международной и мировой экономике, осуществляется прогноз котировок акций приведенной нефтяной компании. Дело в том, что эта методология и ее апробация на котировках акций ПАО «НК «Лукойл» предлагаются автором впервые. В научной литературе пока не встречается

информации об экономико-математическом моделировании и о прогнозировании котировок акций компаний посредством моделей полиномов второй степени в рамках экономических циклов.

По результатам проделанной работы сформулирован ряд выводов. Во-первых, теоретические основы прогнозирования котировок акций ПАО «НК «Лукойл» и стоимости других инвестиционных активов показали, что в ходе этого процесса задействован большой математический аппарат, применены довольно-таки сложные статистические методы, исследован широкий массив статистических данных. Это свидетельствует о том, что вопросы и проблемы прогнозирования стоимости инвестиционных активов к настоящему времени глубоко проработаны учеными-экономистами. Однако исследования о предвидении цены инвестиционных активов, в частности, котировок акций компаний, посредством полиномиальных моделей встречаются нечасто. Автор предложенного научного труда считает, что целесообразно обогатить имеющийся материал по экономико-математическому моделированию цен акций компаний методологией, основанной на построении моделей полиномиальных тенденций, и предоставить результаты ее апробации.

Во-вторых, разработанная автором методология экономико-математического моделирования и прогнозирования котировок акций компаний путем построения полиномиальных моделей тенденции второй степени в пределах экономических циклов является эффективной, поскольку учитывает циклический характер экономического развития, который повторяет динамика стоимости интересующих объектов инвестиций. Это важная особенность экономического инструментария, которая позволяет точно определить даты достижения котировками акций компаний максимальных либо минимальных уровней в пределах анализируемого экономического цикла, что соответственно поможет своевременно продать либо купить приведенные инвестиционные активы. Продажа акций компаний необходима перед наступлением нового экономического кризиса, покупка акций компаний целесообразна после экономического краха в самом начале восстановления экономики.

В-третьих, экономико-математические модели, построенные согласно разработанной методологии на основе статистических данных в пределах экономических циклов, охватывающих фазы роста, кризиса, восстановления в экономике, и предназначенные для прогнозирования котировок акций ПАО «НК «Лукойл», статистически значимы и надежны. Они хорошо отражают динамику стоимости интересующих инвестиционных активов. В первом и втором периодах представленные модели полиномиальной тенденции второго порядка соответствуют параболам, не имеющим максимальных уровней. В это время котировки акций ПАО «НК «Лукойл» имели долгосрочную тенденцию повышения, а в периоды экономических кризисов корректировались вниз. В третьем и четвертом периодах полиномиальные модели второй степени не имеют минимальных значений, сигнализируют о завершении долгого восходящего тренда в котировках акций ПАО «НК «Лукойл» и предупреждают об их снижении. Таким образом, построенные экономико-математические модели полиномиальных тенденций способны достаточно точно предсказать котировки акций ПАО «НК «Лукойл».

В-четвертых, прогнозирование котировок акций ПАО «НК «Лукойл» в рамках текущего экономического цикла, последовательно охватывающего предшествующий максимальный уровень экономического развития, крах экономики, выход из депрессии в хозяйственной системе России, показало: в течение пройденного этапа стоимость инвестиционных объектов восстановилась, существенно увеличившись после значительного падения на фоне специальной военной операции России в Украине. В настоящее время предвидение котировок акций ПАО «НК «Лукойл» позволяет сделать вывод об их будущем ощутимом снижении, признаки которого проявляются уже сейчас. Итак, котировки акций ПАО «НК «Лукойл» достигали максимальных уровней, характеризуются высокой волатильностью, заметно снизились от исторических максимумов.

Представленное научное исследование может быть использовано в следующих областях деятельности: для построения стратегий торговли на фондовых рынках; с целью повышения эффективности корпоративного управления публичными акционерными обществами; в государственном регулировании функционирования корпораций, активно пополняющих федеральный бюджет доходами.

Практика создания в рамках экономических циклов, включающих предшествующий рост, кризис, новый рост в экономике, и применения экономико-математических моделей показывает, что это направление имеет следующее ограничение: в процессе экономико-математического моделирования может быть обнаружено, что динамика котировок акций компаний соответствует параболе, не имеющей максимальных уровней; в такой ситуации трудно предсказать завершение роста цен акций компаний и время наступления нового экономического кризиса; для необходимого результата понадобится дополнительное исследование, направленное на построение моделей более высокого порядка, чтобы сделать прогноз в пределах будущих фаз экономических циклов.

Направление будущих исследований – создание моделей полиномиальной тенденции второго порядка с функцией предсказания котировок акций компаний в пределах экономических циклов, начинающихся и завершающихся экономическими кризисами. Оно предполагает расчет минимальных значений котировок акций компаний и времени их достижения, поскольку завершается экономическим кризисом. Это поможет купить акции компаний по низким ценам перед их будущим ростом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Влияние нефтегазовой отрасли на экономику добывающих стран / И. Филимонова, Л. Эдер, И. Проворная, Д. Черепанова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2021. – № 36 (4). – С. 693–718. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.407>
2. Salgueiro Barrio R., O'Shea C. Testing planetary urbanisation: Siberia's trans-scalar spatial regime of oil production // City, Territory and Architecture. – 2022. – Vol. 9 (23). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40410-022-00168-z>
3. Ataniyazova Z., Friedman B.A., Kiran P. New corporate social responsibility brand evaluation in a developing country: Uzbekistan // International Journal of Corporate Social Responsibility. – 2022. – Vol. 7 (3). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40991-022-00071-3>
4. Гулакова О.И. Моделирование потребления нефти в Китае: перспективы для России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2014. – № 3. – С. 052–066. URL: <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/1824> (дата обращения: 18.08.2024).
5. Kamasak R., Yavuz M., Altuntas G. Is the relationship between innovation performance and knowledge management contingent on environmental dynamism and learning capability? Evidence from a turbulent market // Business Research. – 2016. – Vol. 9. – P. 229–253. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40685-016-0032-9>
6. Bulatov A.S. MNEs and capital flight: the case of Russia // Russian Journal of Economics. – 2022. – Vol. 8 (2). – P. 174–188. DOI: <https://doi.org/10.32609/j.ruje.8.80358>
7. Andreff W., Andreff M. Multinational companies from transition economies and their outward foreign direct investment // Russian Journal of Economics. – 2017. – Vol. 3 (4). – P. 445–474. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.12.008>
8. Avdasheva S.B., Golovanova S.V. Concerted practice enforcement in Russia: How judicial review shapes the standards of evidence and number of enforcement targets // Russian Journal of Economics. – 2020. – Vol. 6 (3). – P. 239–257. DOI: <https://doi.org/10.32609/j.ruje.63.51277>
9. The empirical linkage between oil prices and the stock returns of oil companies / J. Pavlata, P. Strejček, P. Albrecht, M. Širůček // European Journal of Business Science and Technology. – 2021. – Vol. 7 (2). – P. 186–197. DOI: <https://doi.org/10.11118/ejobsat.2021.016>
10. Metel'skaya V.V. Correlation-and-regression analysis of the influence of macroeconomic factors on capital structure of Russian corporations under crisis conditions // Journal of Innovation and Entrepreneurship. – 2021. – Vol. 10 (20). DOI: <https://doi.org/10.1186/s13731-021-00160-w>
11. Elsayed R.A.A. Exploring the financial consequences of biodiversity disclosure: how does biodiversity disclosure affect firms' financial performance? // Future Business Journal. – 2023. – Vol. 9 (22). DOI: <https://doi.org/10.1186/s43093-023-00202-7>

12. Кондратьева Т.Н., Гуртовая Е.А., Алексанян Л.Г. Анализ основных характеристик статистической выборки на примере акций ПАО «Лукойл» // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». – 2017. – Т. 9. – № 5. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/90TVN517.pdf> (дата обращения: 18.08.2024).
13. Окулов В.Л. Исследование эффективности российского рынка акций: реакция рынка на публикацию прогнозов аналитиков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2010. – Вып. 3. – С. 3–22.
14. Прогнозирование прибыли ПАО «НК «Роснефть» с помощью системы искусственного интеллекта в условиях цифровой экономики/ Н.И. Ломакин, О.Ч. Дженнифер, И.А. Езангина, С.А. Шевченко, Н.Н. Бескоровайная // Фундаментальные исследования. – 2020. – № 5. – С. 117–124. DOI: <https://doi.org/10.17513/fr.42757>
15. Исследование применения метода DCF для определения целевых цен акций российских публичных корпораций /А.Ю. Жабунин, Н.В. Иевлева, И.А. Чередниченко, А.В. Соколова // Российское предпринимательство. – 2016. – Т. 17. – № 24. – С. 3643–3656. DOI: <http://dx.doi.org/10.18334/rp.17.24.37205>
16. Барышева Е.Н., Никишов В.Н., Круглов Е.В. Выбор основных показателей финансового рынка для прогнозирования ценовой динамики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 1 (3). – С. 154–160.
17. Теньковская Л.И. Методика прогнозирования котировок акций ПАО «Лукойл» в долгосрочном периоде // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2022. – № 3 (46). – С. 95–117. DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/3/1168>
18. Теньковская Л.И. Волатильность доходности акций ПАО «НК «Лукойл» в течение экономических кризисов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2023. – Т. 17. – № 3. – С. 132–140. DOI: <https://doi.org/10.14529/em230312>
19. Теньковская Л.И. Прогнозирование котировок акций ПАО «НК «Лукойл» на основе корреляционно-регрессионного анализа // Региональный экономический журнал. – 2023. – № 1 (34). – С. 54–68.
20. Теньковская Л.И. Сезонность на рынках акций и энергетических ресурсов // Вестник ТОГУ. – 2023. – № 3 (70). – С. 141–152.
21. Boubaker H., Saidane B., Ben Saad Zorgati M. Modelling the dynamics of stock market in the gulf cooperation council countries: evidence on persistence to shocks // Financial Innovation. – 2022. – Vol. 8 (46). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40854-022-00348-3>
22. Erer D., Erer E., Güngör S. The aggregate and sectoral time-varying market efficiency during crisis periods in Turkey: a comparative analysis with COVID-19 outbreak and the global financial crisis // Financial Innovation. – 2023. – Vol. 9 (80). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40854-023-00484-4>
23. Novel modelling strategies for high-frequency stock trading data / X. Zhang, Y. Huang, K. Xu et al. // Financial Innovation. – 2023. – Vol. 9 (39). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40854-022-00431-9>
24. Oral E., Unal G. Modeling and forecasting time series of precious metals: a new approach to multifractal data // Financial Innovation. – 2019. – Vol. 5 (22). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40854-019-0135-3>
25. Kukacka J., Kristoufek L. Fundamental and speculative components of the cryptocurrency pricing dynamics // Financial Innovation. – 2023. – Vol. 9 (61). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40854-023-00465-7>
26. Котировки акций ПАО «НК «Лукойл». URL: https://ru.investing.com/equities/lukoil_rts-historical-data (дата обращения: 18.08.2024).

Информация об авторе

Людмила Игоревна Теньковская, кандидат экономических наук, доцент, аналитик фондового рынка, ПАО «Московская биржа ММВБ–РТС», Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., 13; tenkovskaya.lyudmila@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-2055-1497>

Поступила в редакцию: 03.09.2024

Поступила после рецензирования: 20.11.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. Filimonova I.V., Eder L.V., Provornaya I.V., Cherepanova D.M. Impact of the oil and gas industry on the economy of producing countries. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2020, no. 36 (4), pp. 693–718. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.407>
2. Salgueiro Barrio R., O'Shea C. Testing planetary urbanisation: Siberia's trans-scalar spatial regime of oil production. *City, Territory and Architecture*, 2022, no. 9 (23). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40410-022-00168-z>

3. Ataniyazova Z., Friedman B.A., Kiran P. New corporate social responsibility brand evaluation in a developing country: Uzbekistan. *International Journal of Corporate Social Responsibility*, 2022, no. 7 (3). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40991-022-00071-3>
4. Gulakova O.I. Modeling of oil consumption in China: prospects for Russia. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2014, no. 3, pp. 052–066. (In Russ.) Available at: <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/1824> (accessed: 18.08.2024).
5. Kamasak R., Yavuz M., Altuntas G. Is the relationship between innovation performance and knowledge management contingent on environmental dynamism and learning capability? Evidence from a turbulent market. *Business Research*, 2016, no. 9, pp. 229–253. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40685-016-0032-9>
6. Bulatov A.S. MNEs and capital flight: the case of Russia. *Russian Journal of Economics*, 2022, no.8 (2), pp. 174–188. DOI: <https://doi.org/10.32609/j.ruje.8.80358>
7. Andreff W., Andreff M. Multinational companies from transition economies and their outward foreign direct investment. *Russian Journal of Economics*, 2017, no. 3 (4), pp. 445–474. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.12.008>
8. Avdasheva S.B., Golovanova S.V. Concerted practice enforcement in Russia: How judicial review shapes the standards of evidence and number of enforcement targets. *Russian Journal of Economics*, 2020, no. 6 (3), pp. 239–257. DOI: <https://doi.org/10.32609/j.ruje.63.51277>
9. Pavlata J., Strejček P., Albrecht P., Širůček M. The empirical linkage between oil prices and the stock returns of oil companies. *European Journal of Business Science and Technology*, 2021, no. 7 (2), pp. 186–197. DOI: <https://doi.org/10.11118/ejobsat.2021.016>
10. Metel'skaya V.V. Correlation-and-regression analysis of the influence of macroeconomic factors on capital structure of Russian corporations under crisis conditions. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 2021, no. 10 (20). DOI: <https://doi.org/10.1186/s13731-021-00160-w>
11. Elsayed R.A.A. Exploring the financial consequences of biodiversity disclosure: how does biodiversity disclosure affect firms' financial performance? *Future Business Journal*, 2023, no. 9 (22). DOI: <https://doi.org/10.1186/s43093-023-00202-7>
12. Kondrateva T.N., Gurtovaja E.A., Alexanyan L.G. Analysis of the main characteristics of the statistical sample on the example of shares of PJSC Lukoil. *Internet-zhurnal «NAUKOVEDENIE»*, 2017, vol. 9, no. 5. (In Russ.) Available at: <https://naukovedenie.ru/PDF/90TVN517.pdf> (accessed: 18 August 2024).
13. Okulov V.L. Research on the effectiveness of the Russian stock market: market reaction to the publication of analysts' forecasts. *Bulletin of St. Petersburg University. Management*, 2010, Iss. 3, pp. 3–22. (In Russ.)
14. Lomakin N.I., Dzhennifer O.Ch., Ezangina I.A., Shevchenko S.A., Beskorovaynaya N.N. Forecasting profits of PJSC NK Rosneft using an artificial intelligence system in the conditions of digital economy. *Fundamental research*, 2020, no. 5, pp. 117–124. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17513/fr.42757>
15. Zhabunin A.Yu., Ievleva N.V., Cherednichenko I.A., Sokolova A.V. The research of the use of DCF method for determining target share prices of Russian public corporations. *Russian entrepreneurship*, 2016, vol. 17, no. 24, pp. 3643–3656. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.18334/rp.17.24.37205>
16. Barysheva E.N., Nikishov V.N., Kruglov E.V. Selection of the main indicators of the financial market for forecasting price dynamics. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, 2013, no. 1 (3), pp. 154–160. (In Russ.)
17. Tenkovskaya L.I. Methodology for forecasting PJSC Lukoil stock quotations in the long term. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2022, no. 3 (46), pp. 95–117. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/3/1168>
18. Tenkovskaya L.I. Volatility of the yield of shares of PJSC “NK “Lukoil” during economic crises. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*, 2023, vol. 17, no. 3, pp. 132–140. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14529/em230312>
19. Tenkovskaya L.I. Forecasting of stock quotations of PJSCNK Lukoil based on correlation and regression analysis. *Regional Economic Journal*, 2023, no. 1 (34), pp. 54–68. (In Russ.)
20. Tenkovskaya L.I. Seasonality in the equity and energy markets. *Bulletin of the Pacific National University*, 2023, no. 3 (70), pp. 141–152. (In Russ.)
21. Boubaker H., Saidane B., Ben Saad Zorgati M. Modelling the dynamics of stock market in the gulf cooperation council countries: evidence on persistence to shocks. *Financial Innovation*, 2022, vol. 8 (46). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40854-022-00348-3>
22. Erer D., Erer E., Güngör S. The aggregate and sectoral time-varying market efficiency during crisis periods in Turkey: a comparative analysis with COVID-19 outbreak and the global financial crisis. *Financial Innovation*, 2023, vol. 9 (80). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40854-023-00484-4>
23. Zhang X., Huang Y., Xu K. Novel modelling strategies for high-frequency stock trading data. *Financial Innovation*, 2023, vol. 9 (39). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40854-022-00431-9>
24. Oral E., Unal G. Modeling and forecasting time series of precious metals: a new approach to multifractal data. *Financial Innovation*, 2019, vol. 5 (22). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40854-019-0135-3>

25. Kukacka J., Kristoufek L. Fundamental and speculative components of the cryptocurrency pricing dynamics. *Financial Innovation*, 2023, vol. 9 (61). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40854-023-00465-7>
26. Share quotations of PJSC NK Lukoil. Available at: https://ru.investing.com/equities/lukoil_rts-historical-data (accessed: 18 August 2024).

Information about the author

Lyudmila I. Tenkovskaya, Cand. Sc., Associate Professor, Stock Market Analyst, PJSC Moscow Exchange MICEX-RTS, 13, Bolshoy Kislovsky lane, Moscow, 125009, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-2055-1497>

Received: 03.09.2024

Revised: 20.11.2024

Accepted: 30.12.2024

УДК 330.16:336.767-051

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1929

Шифр специальности ВАК: 5.2.1

Поведение непрофессиональных розничных инвесторов на финансовом рынке: фокус-групповая дискуссия

Э.Р. Кашапова^{1,2}✉

¹ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, г. Томск*

✉ elmira@tpu.ru

В фокусе исследования находится поведение непрофессионального инвестора, который не обладает должными знаниями, навыками, опытом принятия финансовых решений. Но между тем благодаря развитию цифровых технологий доступ к финансовому рынку получил широкий круг непрофессиональных инвесторов. Актуальность исследования обусловлена тем, что на данную категорию участников финансового рынка нацелены организаторы сомнительных финансовых схем, в том числе с признаками финансовых пирамид. **Цель:** определить личностные качества непрофессиональных инвесторов и выделить типовые мотивы участников. **Метод:** поисковая фокус-групповая дискуссия. **Результаты и выводы.** В ходе поисковой фокус-группы обсуждались степень вовлеченности респондентов в схемы прямого инвестирования и осведомленность о финансовых инструментах, практики и стратегии инвестирования, рискованные схемы инвестирования и стратегии работы с высокорискованными инструментами. Были выделены основные цели инвестирования: получение пассивного дохода, накопление и сохранение денег, накопление денег на старость. Респонденты отмечают, что инвестирование для них в большей степени является хобби, а не источником основного дохода. Они придерживаются консервативной стратегии инвестирования, отрицают участие в рискованных схемах инвестирования (например, по типу финансовых пирамид). При принятии решений ориентируются на информацию из открытых источников и собственную экспертизу. По результатам фокус-группы были выделены мотивы непрофессиональных инвесторов, среди которых: достижение успеха, мотив сбережения, познания, азарт и др. Оценить уровень осознанности финансовых решений по результатам фокус-групповой дискуссии затруднительно, так как респонденты предоставляют общую информацию, не раскрывая деталей своих стратегий.

Ключевые слова: непрофессиональный инвестор, поведение, инвестирование, фокус-группа

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00806, <https://rscf.ru/project/22-28-00806/>. Автор выражает благодарность доктору экономических наук, профессору Томского государственного университета и Томского политехнического университета Марине Вячеславовне Рыжковой за организацию исследования и помощь в обработке его результатов, старшему преподавателю Томского государственного университета Артему Михайловичу Диброву за сопровождение исследования и экспертизу на всех его этапах.

Для цитирования: Кашапова Э.Р. Поведение непрофессиональных розничных инвесторов на финансовом рынке: фокус-групповая дискуссия // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 186–198. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1929

UDC 330.16:336.767-051

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1929

Behavior of non-professional retail investors in the financial market: a focus group discussion

E.R. Kashapova^{1,2}✉¹ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation✉ elmira@tpu.ru

Abstract. The study focuses on the behavior of non-professional investors who do not have the necessary knowledge, skills, and experience in making financial decisions. However, thanks to the development of digital technologies, a wide range of non-professional investors have gained access to the financial market. **Relevance.** This category of financial market participants is targeted by organizers of dubious financial schemes, including those with signs of financial pyramids. **Aim.** To determine the personal qualities of non-professional investors and to identify typical motives of participants. **Method.** Exploratory focus group discussion. **Results and conclusions.** During the exploratory focus group, the degree of respondents' involvement in direct investment schemes and awareness of financial instruments, investment practices and strategies, risky investment schemes, and strategies for working with high-risk instruments were discussed. The main investment goals: receiving passive income, accumulating and preserving money, accumulating money for old age, were identified. Respondents note that investing for them is more of a hobby than a source of primary income. They adhere to a conservative investment strategy and deny participation in risky investment schemes (for example, like financial pyramids). When making decisions, they rely on information from open sources and their own expertise. Based on the results of the focus group, the motives of non-professional investors, including: achieving success, the motive of saving, learning, excitement, etc., were identified. It is difficult to assess the level of awareness of financial decisions based on the results of the focus group discussion, since respondents provide general information without disclosing the details of their strategies.

Keywords: non-professional investor, behavior, investing, focus group

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 22-28-00806, <https://rscf.ru/project/22-28-00806/>

For citation: Kashapova E.R. Behavior of non-professional retail investors in the financial market: a focus group discussion. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 186–198. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1929

Введение

Современный бум непрофессиональной торговли на финансовом рынке обусловлен прежде всего прогрессом цифровых технологий. В период пандемии наметился тренд на увеличение накоплений, что также способствовало росту участия непрофессиональных инвесторов¹ на финансовом рынке благодаря применению мобильных приложений [1]. К предпосылкам роста цифровизации финансового рынка относят следующее: изменение потребительского

¹ Непрофессиональный инвестор – инвестор, не обладающий должными знаниями, навыками обработки информации и принятия финансовых решений, опытом. Также стоит отметить, что данная категория не инвестирует большие суммы, и любые потери для них являются существенными, что определяет важность защиты данной категории участников финансового рынка.

поведения на финансовом рынке, в частности, повышение заинтересованности к удаленному способу получения финансовых услуг, повышение уровня осведомленности; изменение инфраструктуры финансового рынка; рост уровня доступности финансовых услуг; размывание границ финансовой отрасли и рост конкуренции на финансовом рынке [2].

Интернет-трейдинг в России развивается с 1999 г., с момента открытия Московской межбанковской валютной биржи (ММВБ) [3]. С тех пор произошел прорыв в доступе физических лиц к биржевым сделкам. При сравнении поведения инвесторов при переходе от телефонной к интернет-торговле в начале 2000-х гг. оказалось, что торговля пошла более активно, более рискованно и менее прибыльно [4], что объясняется рядом поведенческих эффектов [5, 6]. Об этом свидетельствуют и исследования отечественных авторов [7]: при онлайн-трейдинге происходит увеличение количества частных инвесторов, изменяется характер торговли в сторону преобладания краткосрочных спекулятивных операций. Дополнительно добавляется влияние социальных сетей [8], где псевдо-финансовые консультанты сообщают своей аудитории некоторые азы финансовой грамотности и одновременно навязывают ей обучающие курсы сомнительной практической ценности, а также инвестиционные и страховые продукты.

Операции с финансовыми инструментами – это работа, требующая специальных знаний и опыта, которые тем не менее не сводят к нулю риск убытка. На помощь частным инвесторам может прийти фундаментальный и технический анализ в форме простых рекомендаций [9], что позволит определить типовую структуру трендов и коррекций, динамические стратегии и время входа и выхода. Однако не все инвесторы в силу своих когнитивных способностей могут освоить эти техники и вообще понять, что происходит [10, 11]. Даже студенты, которые обучались техническому анализу в магистратуре, не смогли применить свои знания и сформировать портфель активов близким к оптимальному способом [12]. К тому же непрофессиональные инвесторы используют слишком мало важной информации для принятия решения, а во многих случаях просто не умеют читать финансовую отчетность [13]. Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что чем малограмотнее инвестор-новичок, тем выше его вера в финансовый рынок [14, 15]. На финансовых рынках появилось консультационное сопровождение и курсы повышения грамотности для новичков, но по свидетельству Ассоциации российских банков часто такие курсы обучают стратегиям, против которых торгуют профессиональные участники рынка [16]. Тем не менее на основе наблюдения поведения инвестора-новичка можно выработать набор рекомендаций, которые позволят создать группу рутин по снижению риска непрофессионального инвестора в отношении высоко волатильных активов, а также избежать соблазна попадания в сомнительные схемы и финансовые пирамиды.

Целью исследования является описание личностных качеств непрофессиональных инвесторов и выделение типовых мотивов участников.

Методы исследования

В качестве метода исследования выбрана фокус-группа, что позволяет в ходе свободной беседы, применяя эффект групповой динамики, получить широкий спектр мнений о мотивах поведения респондентов, их предпочтения, выявить поведенческие стереотипы и ассоциации, так как собрать информацию о поведении непрофессиональных инвесторов на финансовом рынке, используя другие методы исследования, затруднительно. Для данной фокус-группы были разработаны авторский опросник и сценарий проведения дискуссии. Фокус-группа была проведена 07.06.2022 г. Этапы работы включали:

- 1) разработку сценария проведения поисковой фокус-группы и инструкцию для рекрута непрофессиональных инвесторов;

2) определение выборки и отбор респондентов в поисковую фокус-группу в соответствии с требуемой характеристикой: жители г. Томска в возрасте 20–50 лет, не являющиеся профессиональными инвесторами, но имеющие опыт осуществления прямых (не под управлением) инвестиций, равномерно распределенные по возрастному диапазону 20–50 лет.

Параметры фокус-группы: 6 участников в возрасте от 30 до 48 лет (4 мужчины и 2 женщины), из них 2 не имеют высшего образования. Для метода фокус-групп оптимальным количеством участников за 1 сессию является 8–12 человек. Однако количество вопросов и необходимость получения подробных ответов на них привели к необходимости снижения числа участников 1 этапа до 6 человек (социологи-специалисты по организации фокус-групп допускают такие действия без снижения качества полученных высказываний [17]).

Результаты и дискуссия

В ходе проведения поисковой фокус-группы «Поведение непрофессиональных розничных инвесторов на финансовом рынке» проверялось: опыт инвестирования и осведомленность респондентов о финансовых инструментах, практики и стратегии инвестирования, рискованные схемы инвестирования и стратегии работы с высокорискованными инструментами.

Опыт инвестирования и осведомленность о финансовых инструментах

Опыт инвестирования участников фокус-группы небольшой – в диапазоне от полугода до 3 лет, что, вероятно, связано с кампанией по активному продвижению идеи инвестирования на фондовом рынке в традиционных и электронных СМИ. У одного из участников опыт работы с брокерским счетом боле 10 лет, есть опыт трейдинга.

Декларируемые цели инвестирования:

- Получение пассивного дохода.
«Я был наслышан про трейдинг, интернет-трейдинг и хотел получить пассивный доход...»
«Вкладывать, чтобы не только какие-то краткосрочные дивиденды получить, но и вообще в принципе какой-то доход по жизни, это мечта»
«Жена больше читала, всяких блогеров слушала, она все пыталась найти источник пассивного дохода: то ли недвижимость сдавать, то ли еще что-нибудь»
- Накопление и сохранение денег.
«...Для меня было главным, во-первых, торговать, а во-вторых, научиться копить, чтобы была какая-то сумма. Потому что, чем больше сумма, тем больше тебе хочется откладывать... Копить – да, потому что мы не знаем, что произойдет завтра»
«...Завели ИИС. Цель – сберечь средства от инфляции. Поднакопить миллиончик»
- Накопление денег «на старость».
«...У меня есть цель, конечно. То есть не за горами пенсия, и хотелось бы попытаться сформировать ее. Я понимаю, что это надо было раньше. Но раньше не было информации»
«Задумались о том, сколько было пенсионных реформ, и вот этот индивидуальный пенсионный счет был вроде самым перспективным, и тут и его заморозили, то есть из него ничего толком не вышло... Ну мы тогда задумались – если с пенсией все так ненадежно, то надо как-то копить деньги, чтобы было, на что жить в старости»

При составлении инвестиционного портфеля участники ориентируются на свое понимание рынка, личный опыт инвестирования, динамику того или иного актива, а также на новости финансовых рынков/экономические новости.

Услугами персональных финансовых консультантов не пользуются, исключение – когда в качестве консультанта выступает более опытный друг/знакомый. Вовлеченность в потребление информационного контента, связанного с инвестициями, низкая. Названные СМИ: Коммерсант, Ведомости, канал РБК, новости из приложений, ютуб-каналы.

«Попал на видео одного блогера, я этого человека не знал. Он рассказывал, как преумножать деньги, как вести бизнес. Я сижу, думаю: ты вообще кто такой, дяденька? Ты тут так красиво все рассказываешь. Загуглил, это оказался Игорь Рыбаков, создатель компании Технониколь – он в списке Форбс. В мировом списке Форбс. Сидишь, думаешь: ну, наверное, стоит хотя бы послушать, что ты говоришь... Когда человек заработал 5 миллиардов долларов, наверное, его послушать хотя бы точно стоит»

Уровень личной информационной грамотности оценивается как недостаточный (доминирующее мнение). Основная проблема – отсутствие культуры инвестирования в России. По мнению участников, есть необходимость просветительской деятельности в сфере финансов, начинать необходимо с детского возраста, формировать привычку управления личными финансами.

«Изначально у нас в России, действительно, финансовая грамотность, наверное, низкая. Нужно прививать с детского сада... Касательно правильного финансового поведения – у нас нет привычки [управлять финансами]. Я точно не знаю, как это делать правильно»
«Много кто сказал, что этому надо учить с детства. Нас экономике никто не учил, спросите у любого взрослого гражданина, как формируется курс доллара по отношению к рублю, ну, наверное, скажут, ЦБ что установит, а как он физически получается, почему такая цифра, а не на рубль больше и не на рубль меньше – никто не знает»

Объёмы инвестиций разные, чаще называли 10–15 % от ежемесячного дохода. В рублях сумма разовой инвестиции не превышает 20000 р. Один из участников отметил, что весь дополнительный доход семьи также предназначен для инвестирования.

«Договорились сначала с женой, что тратим 2000–3000 каждый месяц с зарплаты, и те деньги, которые получились от продажи какого-нибудь барахла. Ну там книжки, цветы в горшочках она продает. На какую сумму продали – это тоже вложили»

Ключевая идея при составлении инвестиционного портфеля – долгосрочность и диверсификация, стремление избежать значительных финансовых потерь. Тем не менее респонденты готовы к возможным убыткам.

«После января валюту начала докупать. Я диверсифицирую на разных направлениях, чтобы у меня равномерно шло. Если где-то провал будет, я не пострадаю настолько, чтобы совсем все потерять»

«Я вложил сумму, которую я готов был спустить, которую было не жалко»

Подобное отношение к инвестициям, вероятно, объясняется тем, что это не является основным доходом, а определяется участниками как хобби.

«Я работаю в бюджетной организации... Инвестированием занимаюсь в качестве небольшого хобби»

«На работе я работаю, это основная моя деятельность, а инвестирование – это не то чтобы хобби, но попытка окунуться в эту сферу деятельности»

Преимущественно покупки совершаются 1 раз в месяц, после получения заработной платы. Сделка занимает около 15 минут. Стратегия – дозакупка уже привычных активов, не требующая много времени для принятия решения.

«1 раз в месяц зашел, купил и забыл. И стараешься не смотреть, что там потом происходит»

«Для этого не нужно каждый день там зависать. Достаточно: вложил, купил и все, спокойно дальше занимаешься своими делами»

Однако инвестиционное поведение во многом зависит от характера и темперамента инвестора. Более азартные чаще заходят в свой личный кабинет, оценивают динамику своего портфеля, читают новости финансовых рынков. Такие инвесторы делают покупки чаще.

«Хорошая стратегия. Нравится мне раз в месяц. Но у меня ручки чешутся, я раз в неделю захожу. Я даже просто полистать, посмотреть, че там, какие изменения»

«Раз в месяц, иногда 2 раза в месяц. Но захожу практически каждый день. Ну так или иначе динамика цены отражает новости в мире»

«Раньше, когда активно этим занимался, мне нравилось каждый день и много времени этому уделять. Именно изучать и понимать, почему здесь цена пошла вниз, по какой причине, что способствовало этому фактору. Если она развернулась, то почему она именно развернулась... Я оперировал небольшими суммами. Но тем не менее мог несколько раз в день совершать сделки»

Используемые финансовые инструменты:

- Акции российских компаний, преимущественно «голубые фишки» (все участники). Мотивация покупки – инвестирование на долгий срок, возможность получения дивидендов, инвестиции в отечественный бизнес.

«Были на слуху компании, легко найти про них информацию. Ну и приятно было вкладываться в те же Газпром-акции... Как-то греет душу, не непонятная какая-то американская компания, а своя... Ну и тоже дивидендный доход, если говорить сейчас, новая цель, на долгий срок. Главное – купить, и потом он раскачивает капитал, потому что ну, действительно, эффективные инвестиции и пассивный доход начнется, только когда минимум от 500 тысяч будет или когда миллион будет лежать»

- Валюта (4 участника из 6). Привлекает надежностью.

«На данный момент у меня доллары, евро, швейцарские франки, юани, йены и фунты стерлингов. Диверсифицирую.... Валюта всегда есть, всегда будет и всегда растет»

- Индивидуальный инвестиционный счет (ИИС) (3 участника из 6). Возможность получить налоговый вычет.

«С ИИСа можно получить 13 %, но не больше 50 тысяч в год. И при условии, что вы эти 52 тысячи внесли, ну то есть заработали»

- Биржевой инвестиционный фонд (ETF фонды) (3 участника из 6). Обеспечивают возможность купить акции компаний-лидеров рынка, в том числе американские.

«Итиэфы на разные акции. До декабря были и американские, и китайский рынок. То есть был прям набор»

«Это почти безрисково. В одном фонде 100 компаний, и оно там потихонечку растет. И ты не заморачиваешься, тебе не нужно тратить много времени на отбор каких-то акций, тем более если ты не особо понимаешь там все»

- Облигации федерального займа (ОФЗ) и корпоративные бумаги (1 участник из 6). Обеспечивают пассивный доход и регулярные выплаты.

«Там тоже доход капает. Выплата везде по-разному: 1–2 раза в год, 4 раза в год. То же если ты ниже цены покупаешь, то еще плюсом идет. И ты четко знаешь, когда у тебя выплата, ты уже можешь спланировать и распределить эти средства»

Привлекательными финансовыми инструментами, которые инвесторам хотелось бы иметь в портфеле, являются также:

- Акции российских сырьевых компаний.

«Потому что скорее всего здесь будет рост – тот же Русал, Норникель. Все равно спрос на металл, он будет однозначно и за рубежом, и в России. Потому что даже солнечные батареи за рубежом делают с помощью наших металлов, и, так скажем, электромобили европейские собираются с помощью нашего металла»

- Валюта и золото (как символ стабильности).

«Ну есть мировая валюта. Это доллар. Есть та валюта, к которой, так скажем, привязаны все остальные валюты. Это золото»

- Инвестиционные фонды.

«Я бы хотел фондов побольше. Чтобы они были разнообразны»

Таким образом, к основным целям инвестирования относятся: получение пассивного дохода, накопление и сохранение денег, накопление денег на старость.

Практики инвестирования

Все участники пользуются смартфоном при входе в личный инвестиционный кабинет («это проще, телефон всегда под рукой»).

Из приложений для инвестирования чаще называли:

- «Тинькофф-инвестиции» («наиболее удобное»);
- «БКС – мир инвестиций» («известное, на слуху»);
- Сбер и «ВТБ-инвестиции» («госбанки»);
- «Кит-финанс» («нас туда перевели»).

Как правило, пользуются одним приложением, редко – двумя. Мотивация открытия двух брокерских счетов – стремление «разделить счета» (диверсификация рисков).

Свой инвестиционный портфель респонденты чаще определяли как консервативный – минимально подвержен рискам, высокая надежность, но меньшая доходность. Желательная доходность на таком портфеле – 20 % годовых. Параметры выбора бумаг в рамках консервативного портфеля: надежность, стабильность компании, ее история, размер дивидендов, ликвидность бумаги. Доходность бумаги не является приоритетным показателем, т. к. такие портфели формируются на долгосрочную перспективу.

«Все покупалось с расчетом на долгосрок, на то, что это в долгосрочной перспективе будет расти, немножечко опережая инфляцию»

Подобная стратегия отражает ценности и ранее обозначенные цели инвестирования – накопление и сохранение денег.

Краткосрочное инвестирование (трейдинг), по мнению участников, требует большей вовлеченности, времени, сопряжено со значительными финансовыми рисками и стрессом.

Никто из участников не занимается криптовалютой – актив слишком рискованный и непонятный. На фоне происходящих негативных изменений цели респондентов глобально не изменились, желания уйти с фондового рынка нет. В коротком моменте, сразу после падения рынков, участники выбрали стратегию «замереть», ограничили активность и наблюдали за ситуацией.

«А как оно может повлиять, когда ты открываешь приложение, а там все красное и минус 20 %. И что делать? Продавать уже нет смысла. Остается сидеть и ждать»

Отмечалось, что скорректировался вектор инвестиционных интересов, портфели структурно поменялись в сторону более рискованных и новых активов, ранее не попадавших в сферу внимания.

«Я взял Сбер. Я все-таки жду, сейчас он вырастет. Нужно только продать успеть»

«Допустим, ... какие сферы могут сейчас развиваться? IT, товары необходимые, то есть обычные Лента, Окей, на это обратила внимание, хотя раньше об этом не думала совсем»

Кризисный вариант диверсификации портфеля – открытие брокерского счета за границей РФ.

«Я вывел немного денег, чтобы в Казахстане открыть счет»

Распространенный «страх» инвестора – ожидание обрушения российского фондового рынка в июле 2022 г. в связи с возвращением на рынок нерезидентов.

«Вообще все обещают, что в начале июля все рухнет. Должны прийти нерезиденты. И скорее всего они начнут продавать»

В то же время рефлексится, что кризис – окно возможностей для инвестора.

«Говорят же, что кризис – это праздник для инвесторов. Когда все упало – можно купить»

Стратегии инвестирования

Опыт трейдинга есть у одного из участников – практиковал на начальном этапе инвестиционной деятельности, но впоследствии отошел от нее, переключившись на долгосрочные инвестиции.

«Сейчас не занимаюсь. А когда была более активная фаза, когда был трейдинг, то, наверное, пошагово. Я сам на основе полученных знаний делал стратегию. И ее придерживался. Каждое решение принимал на основании каких-то событий, какого-то положения графика. Или вида графика или событий в целом экономики. И строго придерживался правил»

Лишь один из участников торгует по пошаговому плану, ставит ордера на фиксацию убытка и прибыли, закрывает сделку вручную до достижения профита. Отметил, что редко пользуется указанными инструментами, т. к. они относятся к спекулятивной стратегии, требующей большего объема инвестиционных средств и энергозатрат. Остальные участники с подобной практикой не знакомы.

«Купил и забыл. Цена выросла – продал и не заморачиваешься»

«Когда я понимаю, что если сейчас не пробьет в определенном горизонте, то оно либо уйдет сильно вниз, если я предположительно знаю, что оно может сильно упасть вниз, я просто поставлю [стоп-лоссы]»

Пауз в торговле участники не делают, действуют осторожно. Отдых от сделок также не практикуется.

«Нет у меня пауз. Регулярно и потихоньку покупаюсь»

Рискованные схемы инвестирования

Мотивацией для покупки рискованных активов у респондентов является высокая доходность. К рискованным активам респонденты относят:

- акции («высокая волатильность»);
- акции иностранных компаний («на текущем этапе по политическим причинам – риск заморозки»);
- акции молодых компаний (стартапы – «непонятно, чего от них ждать»);
- криптовалюта («фиатные деньги»);
- структурные ноты («непредсказуемость результата»);
- NFT («виртуальное искусство») [18].

К индикаторам риска относят:

- Высокая доходность (повышает привлекательность актива).
«Чем более рискованный актив, тем более вероятнее его рост. Там может быть и плюс 130 %»
- Быстрый доход.
«Он может быть 300 %, но, во-первых, только в первый год, во-вторых, от низкого капитала. Подкатил капитал, вложился, а доходность упала до 20–30 %»
- Активная реклама.
«Когда прям заманивают»
- Плотный новостной поток о каком-то событии/явлении (например, о перспективе падения курса доллара).
«Обычно когда в ленте телефона открываешь, и новости обычно там, что доллар надо там продавать, то это на 90 % должно вырасти. Я уже несколько раз замечал, что Греф сказал, что все, рубль будет у нас расти. Это стабильная валюта. Все. 2 недели проходит, доллар раз и вверх»
- Необеспеченность актива.
- Облегченная схема входа.
«Каждый из нас может прямо сейчас стать трейдером. Это доступно. Вход очень простой. Он в игровые автоматы ходил [а сейчас пришел в трейдинг]»
- Высокая закредитованность компании.
- Нарастание стресса у инвестора при работе с активом.

Описывая портрет инвестора, пользующегося высокорискованными активами, респонденты указывают следующие характеристики: активный, рискованный, удачливый, стремящийся к сверхприбыли, обладающий солидным капиталом и инсайдерской информацией.

*«Илон Маск, который сначала объявил о покупке акций Твиттер, а потом притормозил сделку»
«Горячее сердце, холодный ум и много денег, которых не боишься потерять»*

Стратегии работы с высокорискованными инструментами

С высокорискованными активами респонденты работают крайне редко, что обусловлено характерологическими особенностями, целями инвестирования и отсутствием свободного капитала. Инвестирование «наугад» также не является распространенной практикой. Преимущественно ориентируются на информацию из открытых источников и собственную экспертизу.

«Единственный раз, когда в декабре, по-моему, упал Сбер, я продал все, и, как оказалось, это было самой лучшей идеей. Я года 3 последние в фонды вкладывал, мне даже было неинтересно покупать, скучно»

«Я все равно немножко ориентируюсь на какие-то тоже источники, то есть тоже пытаюсь сама анализировать»

Агрессивные стратегии торговли не применяются. Типичный пример агрессивного трейдера – «Волк с Уолл-стрит» (круглосуточно перед мониторами компьютеров, следит за сделками, нервный). Одной из ключевых характеристик агрессивного трейдинга, по мнению участников, является свобода мысли и широта действий, которой нет у российских инвесторов.

«Это в глобальном масштабе свободный человек, он не боится купить акции «Эппл», через месяц продать, а завтра купить акции «Алибаба» и тоже посмотреть, а через месяц продать, через год... У нас большинство инвесторов боятся покупать акции иностранных компаний. А сидит какой-нибудь Уоррен Баффет, да ему без разницы, «Алибабу» покупать, «Гугл» или «Газпром»

Кредитным плечом респонденты не пользуются – ориентируются на свои финансовые возможности.

«Потому что это большие риски. Если мы угадали движение цены вверх, и она имеет небольшую просадку из-за того, что у нас оборотные средства в 2 раза больше, 10 тысяч просто уничтожатся. Сделка автоматически закроется»

«Я инвестирую свои деньги в свои вклады. Если что-то случится, как случилось сейчас, люди взяли плечи закрыть сделки. По американским акциям они не могут, ежедневно это капает, капает, капает, капает. И, вообще, зачем играть на что-то чужое? Если у тебя деньги свои есть, если ты 10 тысяч ставишь и не выигрываешь, то с чего ты взял, что с чужого миллиона что-то заработаешь?»

«Кредитное плечо для меня слово ругательное. Не рискну занимать. Только на свои»

По мнению участников, использование кредитного плеча существенно повышает риски, т. к. инвестор попадает в зависимость от внешнеэкономических и геополитических обстоятельств.

Период волатильности не является поводом для изменения инвестиционной стратегии.

«Нет, я следую своей стратегии, и никаких лишних телодвижений не делаю, все по плану»

При этом стоит отметить, что респонденты отрицают личное участие в сомнительных финансовых схемах, однако у всех есть подобные кейсы от друзей и знакомых.

К индикаторам мошенничества относят:

- Сверхвысокую доходность (на уровне 100–150 %).

«Один из индикаторов, это если компания обещает какие-то сверхвысокие проценты – 100–150 % годовых, то высока вероятность, что все-таки это будут мошенники»

- Агрессивную рекламу.
«Яркая агрессивная реклама, которая идет не только по специализированным каналам информации, например, на улице»
- Использование инструментов сетевого маркетинга («пришел сам – приведи друга»).
«Знакомые начинают предлагать»
«Стоят на улице промоутеры, знакомые предлагают, или в самом проспекте: приведи друга и получи процент еще больше, это уже схема пирамиды»
- Торговлю на зеркале биржи.
«Телетрейд», я не попался, потому что изначально шел за другим и скептически ко всему относился, к компании именно. У «Телетрейда» было, получается, приводишь клиента, получаешь обучение под ключ и открываешь у них счет, а у них не финансовая биржа, а тоже зеркало биржи»

В качестве примера сомнительной финансовой схемы называли «Форекс» и «Телетрейд». Схема работы подобных компаний похожа на работу финансовой пирамиды «МММ». На сегодняшний день история «МММ» все еще остается наиболее яркой, имеющей продолжение в виде «МММ-2012» и т. п.

«Подобие "МММ"»

«У меня знакомая есть, которая пошла очень давно на «Форекс» обучение, в итоге все деньги непонятно куда ушли, и все, кредит остался. А было так, что якобы они сделали свой портал или канал, чтобы можно было деньги туда вкладывать, но они как бы такую обучающую демо-версию сделали, но, скорей всего, ее преподносили как уже реальную»

Из современных компаний с сомнительной деятельностью называли «Финико».

«"Финико" обещали, если вы принесете миллион рублей, то через год купите «Мерседес» в салоне за 5 миллионов рублей. Люди брали кредиты на миллионы рублей, несли, и потом в Турции создателя «Финико» арестовали, вменили ему кражу в районе 400 миллионов долларов»

Рефлексируется, что любой инвестор невольно может стать участником подобной схемы.

«До сих пор бог миловал... Я не знаю, ну, скорее всего, интуитивно обхожу их... Если честно, когда смотришь, что каких-то людей где-то обманули, и на этом месте, мне кажется, может каждый человек быть вообще»

Способом избежать этой участи является детальная проверка компании, которая предлагает заманчивое коммерческое предложение.

«Можно зайти на сайт Центрального банка и как минимум посмотреть, есть ли компания, которая делает такое предложение, в списке, чтобы как минимум уверенным быть»

К маркерам финансовой пирамиды участники отнесли следующие признаки:

- Сверхдоходность (более 100 % годовых).
- Постоянный рекрут новых участников («друзей»).
«Классическая пирамида – когда привел друга, и они вкладывают, получается, новый клиент – он откладывает деньги, он оплачивает, грубо говоря, доходы предыдущего»
- Сложность в определении момента выхода из схемы.
«Не угадаешь тот момент, когда нужно было соскочить»
- Зарабатывают только организаторы пирамиды («те, кто наверху»).
«Заработать могут, наверно, организаторы и первые, кто там начал, а потом уже те, кто ближе к верхушке»
«Больше всех потеряли те, кто на последнем круге зашел»
- Отсутствие финансовой грамотности населения.
«Финансовые пирамиды сейчас в большинстве своем в Африке базируются, потому что там население финансово безграмотное. И там наибольшая часть микрофинансирования и финансовых пирамид»

- Непрозрачность структуры и финансовой обеспеченности.

«Нужно сначала понимать, откуда фирма деньги берет, чтоб расплачиваться»

Респонденты неоднократно в ходе дискуссии отмечали важность повышения финансовой грамотности. Однако в исследовании [19] отмечается, что программы повышения финансовой грамотности не являются панацеей от принятия необдуманных финансовых решений. Кроме того, жертвами финансовых пирамид становятся также люди с высшим экономическим (финансовым) образованием [20].

Выводы

На основании полученных результатов фокус-группы были выделены общие направления, отражающие мотивацию непрофессиональных инвесторов. Среди выявленных направлений следующие мотивы:

- достижение успеха: высокая активность и уверенность в себе;
- принадлежность к группе единомышленников: в ходе фокус-группы некоторые участники отметили, что стали инвестировать, так как на работе очень часто велась «светская беседа» по данным вопросам, и чтобы ее поддерживать, стали интересоваться инвестициями;
- мотив сбережения: отмечают практически все респонденты «накопить на что-то, например, купить дорогой компьютер, поездка в отпуск, сделать ремонт»;
- стремление быстро разбогатеть: стремление искать самые легкие и быстрые пути для решения своих финансовых проблем;
- мотив познания: участники фокус-группы отметили «подход был больше такой научный – изучить на тот момент новую сферу возможно потенциального какого-то пассивного дохода»;
- азарт: «Не хватает адреналина..., игровые автоматы раньше и инвестиции сейчас»;
- «влипание» в процесс инвестирования: «Потому что чем больше сумма, тем больше тебе хочется откладывать».

Между тем оценить уровень осознанности при принятии финансовых решений по результатам фокус-групповой дискуссии было затруднительно, так как респонденты не раскрывали подробности своих стратегий инвестирования, а предоставляли общую информацию. Что также может отражать отсутствие детального плана действий и инвестирование «по наитию», без прогнозирования финансовых показателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коровашкин С.А. Новые возможности и риски для частного инвестирования на фондовом рынке в пандемию covid-19 // Проблемы управления социально-экономическими системами: теория и практика: Материалы Международной научно-практической конференции. – Тверь: Тверской государственный университет, 2021. – С. 55–61. EDN: BFXNHU
2. Блажевич О.Г., Сафонова Н.С. Особенности развития финансового рынка в условиях цифровизации // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2021. – № 1 (54). – С. 106–124. DOI: 10.37279/2312-5330-2021-1-106-124
3. Найдич А.Ю., Смирнова Е.М. Развитие интернет-трейдинга в России // Современные тенденции и инновации в науке и производстве: Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции. – Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 2019. – С. 278.1–278.6.
4. Barber B. M., Odean T. Online investors: do the slow die first? // The Review of Financial Studies. – 2002. – Vol. 15. – № 2. – P. 455–488.
5. Когнитивные искажения в поведении непрофессионального инвестора / М.В. Рыжкова, Э.Р. Кашапова, А.М. Дибров, А.Р. Костромина // Общественные науки и современность. – 2023. – № 6. – С. 134–148. DOI: 10.31857/S0869049923060102.
6. Shefrin H.M., Thaler R.H. Mental accounting, saving, and self-control. URL: https://www.researchgate.net/publication/246806119_Mental_Accounting_Saving_and_Self-Control (дата обращения: 08.09.2024).

7. Соколовский М.В., Целихина И.В. Управление рисками частных инвесторов на рынке ценных бумаг при использовании систем интернет-трейдинга // Российское предпринимательство. – 2018. – Т. 19. – № 12. – С. 4133–4142.
8. Александрова О.А., Ярашева А.В., Аликперова Н.В. Секция «Человек потребляющий. Мир финансов и цифры как новая повседневность: что перевешивает - риски или возможности?» На X Грушинской конференции // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. – № 1. – С. 151–157. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.14>
9. Майнер Р. Торговые стратегии с высокой вероятностью успеха. Тактики входа и выхода на рынках акций, фьючерсов и валют. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 330 с.
10. 20-Year-Old Robinhood Customer Dies By Suicide After Seeing A \$730,000 Negative Balance // Forbes. 2020. Jun 17. URL: <https://www.forbes.com/sites/sergeiklebnikov/2020/06/17/20-year-old-robinhood-customer-dies-by-suicide-after-seeing-a-730000-negative-balance/?sh=45aaafac1638> (дата обращения: 08.09.2024).
11. Kelton A.S., Murthy U.S. The effects of information disaggregation and financial statement interactivity on judgments and decisions of nonprofessional investors // Journal of Information Systems. – 2016. – Vol. 30. – № 3. – P. 99–118.
12. Soares A.L. Delineating efficient portfolios: can nonprofessional investors be efficient? Cand. Diss. – Lisboa, 2018. – 150 p.
13. Pennington R.R., Kelton A.S. How much is enough? An investigation of nonprofessional investors information search and stopping rule use // International Journal of Accounting Information Systems. – 2016. – Vol. 21. – P. 47–62.
14. Kersting L.M., Marley R.N., Mellon M.J. The association between financial literacy and trust in financial markets among novice nonprofessional investors // Academy of Accounting and Financial Studies Journal. – 2015. – Vol. 19. – № 3. – P. 201–216.
15. Aprayuda R., Misra F., Kartika R. Does the order of information affect investors' investment decisions? Experimental investigation // Journal of Accounting and Investment. – 2021. – Vol. 22. – № 1. – P. 150–172.
16. Открытая дискуссия «Как частному инвестору не стать жертвой ловких манипуляторов: роль государства, участников рынка и общества» // Ассоциации российских банков. 01.02.2021. URL: https://arb.ru/b2b/calendar/otkrytaya_diskussiya_kak_chastnomu_investoru_ne_stat_zhertvoy_lovkikh_manipulyat-10447830/ (дата обращения: 08.09.2024).
17. Белановский С.А. Метод фокус-групп – М.: Никколо-Медиа, 2001. – 272 с.
18. Финансовые пирамиды с использованием NFT технологии / Э.Р. Кашапова, М.В. Рыжкова, Ж.А. Ермушко, Н.А. Латышев // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2022. – Т. 47. – № 4. – С. 12–22. DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/4/1350>
19. Кислицын Д.В. Программы повышения финансовой грамотности и финансовое поведение: почему люди не становятся «финансово грамотными»? // Вопросы экономики. – 2020. – № 9. – С. 80–93. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-9-80-9320>
20. Рыжкова М.В., Кашапова Э.Р. Устойчивость феномена финансовой пирамиды // Terra Economicus. – 2022. – Т. 20. – № 3. – С. 22–38. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-3-22-38.

Информация об авторе

Эльмира Рамисовна Кашапова, старший преподаватель отделения экономики и организации производства Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; младший научный сотрудник Лаборатории психологической и финансовой безопасности человека в цифровом мире Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. elmira@tpu.ru

Конфликт интересов отсутствует

Поступила в редакцию: 11.09.2024

Поступила после рецензирования: 20.11.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. Korovashkin S.A. New opportunities and risks for private investment on stock market during the COVID-19 pandemic. *Problems of Management of Socio-Economic Systems: Theory and Practice. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Tver, Tver State University Publ., 2021. pp. 55–61. (In Russ.) EDN: BFXNHU.
2. Blazhevich O.G., Safonova N.S. Features of the financial market development in the conditions of digitalization. *Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments*, 2021, no. 1 (54), pp. 106–124. (In Russ.) DOI 10.37279/2312-5330-2021-1-106-124

3. Naydich A.Yu., Smirnova E.M. The development of internet trading in Russia. *Modern trends and innovations in science and production: Collection of materials of the VIII international scientific and practical conference*. Kemerovo, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev Publ., 2019. pp. 278.1–278.6. (In Russ.)
4. Barber B.M., Odean T. Online investors: do the slow die first? *The Review of Financial Studies*, 2002, vol. 15, no. 2, pp. 455–488.
5. Ryzhkova M., Kashapova E., Dibrov A., Kostromina A. Cognitive biases in the behavior of non-professional investor. *Social Sciences and Contemporary World*, 2023, no. 6, pp. 134–148. (In Russ.) DOI: 10.31857/S0869049923060102
6. Shefrin H.M., Thaler R.H. *Mental accounting, saving, and self-control*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/246806119_Mental_Accounting_Saving_and_Self-Control (accessed: 8 September 2024).
7. Sokolovskiy M.V., Tselikhina I.V. Risk management of private investors in the securities market using online trading systems. *Russian Journal of Entrepreneurship*, 2018, vol. 19, no. 12, pp. 4133–4142. (In Russ.) DOI: 10.18334/rp.19.12.39626
8. Aleksandrova O.A., Yarasheva A.V., Alikperova N.V. Section «Human consumer. The world of finance and figure as a new everyday life: which outweighs – risks or opportunities?» At the X Grushin conference. *Population*, 2021, vol. 24, no. 1, pp. 151–157. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.14>
9. Miner R. *Trading strategies with a high probability of success. Entry and exit tactics in the stock, futures and currency markets*. Moscow, Alpina Publ., 2019. 330 p. (In Russ.)
10. *20-Year-Old Robinhood Customer Dies By Suicide After Seeing A \$730,000 Negative Balance*. *Forbes*. 2020. Jun 17. Available at: <https://www.forbes.com/sites/sergeiklebnikov/2020/06/17/20-year-old-robinhood-customer-dies-by-suicide-after-seeing-a-730000-negative-balance/?sh=45aaafac1638> (accessed: 8 September 2024).
11. Kelton A.S., Murthy U.S. The effects of information disaggregation and financial statement interactivity on judgments and decisions of nonprofessional investors. *Journal of Information Systems*, 2016, vol. 30, no. 3, pp. 99–118.
12. Soares A.L. *Delineating efficient portfolios: can nonprofessional investors be efficient?* Cand. Diss. Lisboa, 2018. 150 p.
13. Pennington R.R., Kelton A.S. How much is enough? An investigation of nonprofessional investors information search and stopping rule use. *International Journal of Accounting Information Systems*, 2016, vol. 21, pp. 47–62.
14. Kersting L.M., Marley R.N., Mellon M.J. The association between financial literacy and trust in financial markets among novice nonprofessional investors. *Academy of Accounting and Financial Studies Journal*, 2015, vol. 19, no. 3, pp. 201–216.
15. Aprayuda R., Misra F., Kartika R. Does the order of information affect investors' investment decisions? Experimental investigation. *Journal of Accounting and Investment*, 2021, vol. 22, no. 1, pp. 150–172.
16. Open discussion "How a private investor can avoid becoming a victim of clever manipulators: the role of the state, market participants and society". *Association of Russian Banks*. 01.02.2021. (In Russ.) Available at: https://arb.ru/b2b/calendar/otkrytaya_diskussiya_kak_chastnomu_investoru_ne_stat_zhertvoy_lovkikh_manipulyat-10447830/ (accessed: 8 September 2024).
17. Belanovsky S.A. *Focus group method*. Moscow, Nikkolo-Media Publ., 2001. 272 p. (In Russ.)
18. Kashapova E.R., Ryzhkova M.V., Ermushko Zh.A., Latyshev N.A. NFT technology in financial pyramids. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2022, vol. 47, no. 4, pp. 12–22. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/4/1350>
19. Kislitsyn D.V. Financial literacy training programs and financial behaviour: Why people do not become “financially literate”? *Voprosy Ekonomiki*, 2020, no. 9, pp. 80–93. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-9-80-9320>
20. Ryzhkova M.V., Kashapova E.R. Stability of the Ponzi scheme phenomenon. *Terra Economicus*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 22–38. (In Russ.) DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-3-22-38.

Information about the author

Elmira R. Kashapova, Senior Lecturer, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; Junior Research, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation. elmira@tpu.ru

There is no conflict of interest.

Received: 11.09.2024

Revised: 20.11.2024

Accepted: 30.12.2024

УДК 332.156

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1891

Шифр специальности ВАК: 5.2.3

Актуальная проблематика качества жизни периферийных муниципалитетов крупных агломераций (на примере Московской области)

Н.А. Пономарев[✉]

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, г. Москва

[✉]sharukin87@yandex.ru

Аннотация. Представленное исследование посвящено изучению вопроса о наиболее значимых элементах качества жизни на территории периферийных муниципальных образований крупных городских агломераций. В качестве кейсов исследования выделены муниципальные образования Московской области, формирующие периферию столичной агломерации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнения вопроса о структуре проблематики социально-экономического развития поселений, находящихся на периферии крупных агломераций, относительно периода 2000-х – 2010-х гг. Методология работы выстроена за счет комбинирования экспертного опроса с элементами сравнительного и структурного анализа. Сделан вывод о том, что ядро актуальной проблематики качества жизни периферийных муниципальных образований крупных агломераций формируют нехватка объектов социальной инфраструктуры, высокая степень износа основных фондов ЖКХ, дефицит узких медицинских специалистов и низкая доступность отдельных медицинских услуг, а также сравнительно низкая численность достаточно хорошо оплачиваемых рабочих мест, порождающая массовую маятниковую миграцию. Указанные проблемы отмечались еще в 2000-х гг. Это косвенно указывает на ограниченную эффективность ранее принятых мер, направленных на устранение перечисленных проблем и, возможно, изменение модели распределения между разными уровнями системы публичной власти как полномочий, так и бюджетных ресурсов.

Ключевые слова: качество жизни, периферия, муниципалитеты, агломерации, Московская область

Благодарности: Исследование подготовлено по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Для цитирования: Пономарев Н.А. Актуальная проблематика качества жизни периферийных муниципалитетов крупных агломераций (на примере Московской области) // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 199–212. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1891

UDC 332.156

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1891

Current issues of quality of life in peripheral municipalities of large urban agglomerations (using the Moscow region as an example)

N.A. Ponomarev[✉]

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

[✉]sharukin87@yandex.ru

Abstract. The research is devoted to the study of the issue of the most significant elements of the quality of life in the territory of peripheral municipalities of large urban agglomerations. Municipalities of the Moscow region, forming the periphery of the capital agglomeration, are singled out as research cases. The relevance of the study is due to the need to clarify the issue of the structure of the problems of socio-economic development of settlements located on the periphery of large agglomerations, relative to the period of the 2000s – 2010s. The methodology of the work is built by combining an expert survey with elements of comparative and structural analysis. It is concluded that the core of the current problems of the quality of life of peripheral municipalities of large agglomerations is formed by the shortage of social infrastructure facilities, a high degree of depreciation of fixed assets of housing and communal services, a shortage of narrow medical specialists and low availability of certain medical services, as well as a relatively low number of fairly well-paid jobs, giving rise to mass pendulum migration. These problems were noted back in the 2000s. This indirectly indicates the limited effectiveness of previously adopted measures aimed at eliminating the listed problems and, possibly, changing the model of distribution between different levels of the public authority system of both powers and budgetary resources.

Keywords: quality of life, periphery, municipalities, agglomerations, Moscow region

Acknowledgments: The study was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under a state assignment to the Financial University.

For citation: Ponomarev N.A. Current issues of quality of life in peripheral municipalities of large urban agglomerations (using the Moscow region as an example). *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 199–212. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1891

Введение

Одной из главных тенденций развития процесса урбанизации в России в последние десятилетия является рост мегаполисов с сопутствующим вовлечением в этот процесс соседних поселений. Города и поселки, прежде существовавшие относительно обособлено, превращаются в периферию постепенно увеличивающихся агломераций. При этом их интеграция сопровождается возникновением существенных проблем, связанных с падением качества жизни. Рост темпов жилищного строительства, в первую очередь – многоэтажного и точечного, закрытие предприятий, прежде обеспечивавших абсорбирование предложения рабочей силы, необходимость переориентации на внешний рынок рабочей силы, рост спроса на недвижимость со стороны выходцев из других стран и регионов, сокращение доступности социальной и медицинской инфраструктуры, увеличение нагрузки на систему ЖКХ и рост изношенности ее основных фондов – все это обуславливает ухудшение разных аспектов благосостоя-

ния местного населения. Обозначенные проблемы были достаточно давно артикулированы на экспертном и общественном уровнях, и система публичной власти не только декларировала намерения по устранению факторов, негативно отображающихся на качестве жизни населения, но и начала реализацию соответствующих программ. Последнее закономерно ставит перед научным сообществом вопрос о том, насколько актуальны на сегодняшний день для периферийных поселений базовые проблемы, выявленные в ходе роста городских агломераций еще в 2000-х гг.

Целью данного исследования является выявление наиболее актуальных на данный момент проблем, нивелирующих качество жизни на территории периферийных поселений крупных агломераций.

В качестве кейса исследования нами выбраны муниципальные образования Московской области – Дмитровский, Королевский, Сергиево-Посадский и Ленинский городские округа, относящиеся к крупнейшей и наиболее быстрорастущей городской агломерации в РФ.

Научный обзор

Заявленная тема исследовалась чаще всего косвенным образом, в контексте изучения смежных вопросов (например, трансформации моделей пространственного развития конкретных регионов [1–6]), либо более широких по объему вопросов, таких как переформатирование городских агломераций в постсоветский период [7–10]. При этом в рамках изучения вопроса о динамике состояния периферии агломераций имел место ощутимый структурный дисбаланс, связанный с фокусированием внимания исследователей как на развитии санкт-петербургской агломерации [11–16], так и на перспективах малых городов, сельских поселений и депрессивных территорий [17–22]. Развитие муниципальных образований Московской области ни до начала, ни в ходе муниципальной реформы остается почти не изученным на научном уровне (несмотря на наличие экспертных докладов и иных аналитических материалов)¹ [23].

Методология исследования

В рамках исследования применение сравнительного и структурного анализа комбинировалось с использованием экспертного опроса. Пулл экспертов, включавший 20 специалистов, формировался посредством метода «снежного кома». Суть метода «снежного кома» заключается в расширении пулла экспертов за счет получения у уже опрошенных информантов контактов подходящих для участия в исследовании респондентов. В случае данного исследования первой когорте участников (муниципальные служащие) были заданы вопросы относительно управленцев, представителей СМИ, общественных организаций, лидеров общественного мнения, занимающихся освещением и решением проблем качества жизни на исследуемых территориях. В число экспертов вошли представители сферы государственного и муниципального управления (8 человек, представляющих корпорацию сотрудников органов местного самоуправления на каждой из исследуемых территорий), журналисты (6 человек, работающих в муниципальных СМИ традиционного и сетевого форматов) и гражданские активисты, занимающиеся решением проблем социально-экономического, урбанистического и экологического характера (6 человек). Все опрошенные эксперты являются жителями исследуемых территорий. Экспертам были заданы вопросы относительно социально-экономического развития муниципалитетов, состояния актуальной проблематики с точки зрения уровня жизни в частности и качества жизни в целом, динамики их развития. Опрос

¹ Муниципальная реформа в Московской области: противостояние губернатора и местных элит. URL: https://www.academia.edu/35241740/Муниципальная_реформа_в_Московской_области_противостояние_губернатора_и_местных_элит (дата обращения 24.08.2024).

проводился анонимно, поскольку в противном случае эксперты не могли бы отказаться от самоцензуры, в том числе – по причине наличия среди них действующих сотрудников муниципальных органов власти и местных СМИ.

Результаты

Дмитровский округ

Проблемное поле муниципального образования формируют:

- состояние очистных сооружений и отсутствие необходимого количества работающих станций обезжелезивания;
«На этой же встрече глава сказал и по поводу воды. Что запущено несколько станций уже. Не все, там их 10 вроде, но несколько. Обезжелезивания. А наша основная станция, на Инженерной улице, будет введена в ближайшее время. Недели две назад приезжала комиссия. Она определила, что в том состоянии и оборудовании, в котором она есть сейчас – непригодна. Ну её будут переоборудовать».
«... есть у нас проблемы с водой. Большое железо в ней. И станцию обезжелезивания жители ждут вот прям – ждут, ждут! Очень большая проблема у нас с очистными сооружениями. Которые тоже выработали свой срок. ...Всё остальное? Ну, не взрывоопасно, скажем так».
- высокий уровень износа инфраструктуры ЖКХ;
«Всё изношено [в ЖКХ]. Всё. Там такие вложения нужны уже сейчас. Я не знаю, почему федералы не думают об этом. Мы же столько теряем на дырявых трубах».
- низкое качество работы регионального оператора по вывозу мусора и обращению с ТКО, рост соответствующих тарифов и нехватка полигонов;
«Хотя вопрос был не совсем в свалке, а в раздельном сборе мусора. Но этот вопрос... никак. Синие контейнеры поставили, но надо на колени встать, просить, чтобы их вывезли. Потому что он, пластик в этих контейнерах, никому не нужен. ...частники, когда были, всё вывозили. А сейчас по мусору сделали одну компанию. И вот эти «руки» как крюки прямо! Приезжают машины и прямо на глазах у людей кидают оба контейнера, и чёрный, и синий в одну машину. Ну и как после этого людям говорить про раздельный сбор мусора?»;
«С регоператором не так всё просто. Тарифы растут. ...Думали, что, если выйти напрямую на регоператора, то будет проще и дешевле. А вышло – наоборот, дороже и куча головной боли. И много лишних формальностей, которые... Поэтому сами вывозящие говорят нам, лучше уж с нами работайте. Как и было раньше. Есть дефицит полигонов. Неудобно работать».
- отключения горячей воды, связанные с задолженностью теплоснабжающих предприятий перед поставщиками газа;
«Сейчас вот опять будет... задолженность нашего теплоснабжающего предприятия перед газовиками. Как лето – у нас у всех отключают тёплую воду. По городу. В каких-то районах вообще горячей воды всегда нет. Выключена».
«Вот это тоже зона риска: проблема с горячей водой. ...Долги по газу были и в поселении Веденеево. А в Яхrome дошло до того, что котельные просто опечатывались. И люди несколько недель сидели без горячей воды. И в посёлок Веденеево подобное происходило не один год, отключения бывали по несколько раз в год. Поэтому у людей там это было накопившееся».
- пробки на автотранспортных магистралях;
«...по Восточной дороге – там были планы её расширения, подъём полос в каждую сторону. Она должна была быть активной такой артерией. То сейчас её вообще нет.

Там одни пробки, всё забито. Есть у нас проблема и с железнодорожным переездом, который через канал, Рогачёвская дорога. Там тоже постоянно пробки. Ещё при Трошенковой я слышал, что этот мост входит в программу губернатора по новым эстакадам».

- нехватка школ и сохранение второй смены как результат жилищной застройки без создания объектов социальной инфраструктуры;
«Вторая смена есть. Но это в связи с застройками. ...Взяли застройку ещё во времена Гаврилова с просьбой... даже это было твёрдое намерение у инвесторов закрыть вопросы социального характера. Построить рядом садик и школу. Конечно, это не было сделано! ... Над этим работают. Но это трудно сделать. Много уже построено домов многоквартирных».

«Нам остро необходимы сейчас четыре школы. Но это дорогое удовольствие – поставить школу. Ведь активно строятся новые микрорайоны. В один заехало тысячу человек сразу. В третью школу. А мы три года добивались пристройки. Добились, выделили деньги в области, построили. На 150 человек. А к этому времени нам уже нужна большая школа. На 1000 мест. Пристройка уже не решила вопрос. Как был там острый вопрос, так и остался. У нас есть целый микрорайон, а школы в нём нет».

- дефицит педагогических кадров в школах;
«40 % нехватка учителей. Люди увольняются. Сложно, тяжело, квартиры не дают, зарплата маленькая. Но мы ничем помочь не можем, это же от федералов зависит. Они даже не областные».

- нехватка узких специалистов в государственных медицинских учреждениях, проблемы с доступом к медицинским процедурам, в отдельных случаях – нехватка материалов и медикаментов;

«Ну мы стараемся брать [медиков] пока дешёвой ипотекой. У всех по 11 %, а придёте к нам работать – по 9 %. По 8,7 %. Слушайте, но это всё равно ДОЛГ. Это всё равно не привлекает. ...Специалисты не хотят приходить. Знаете, сколько у нас за год ушло спецов из больницы? Три. Они ушли. Куда? А в платную, которая открылась. Там платят. А они ждали квартиры. А им не дали».

«У нас [в медицине] появилось огромное количество супертехники. ...Но нет специалистов, чтобы на этой технике работать. Ну главврач пытается, конечно, борется, заманивает... По друзьям звонит. По академиям ездит, мол, у нас хороший район. Ну и что, что у нас хороший район? А как с зарплатой? А мы даём 18000 на съёмную квартиру. Но это мало. Есть квартиры, которые стоят 28000. Меньше уже неприлично. Нет, можно найти и за 15000. Но это будет не совсем квартира, а рухлядь».

«Но проблема нехватки врачей есть ... С чем это связано? Думаю, это связано с прекращением выделения жилья учителям и врачам. Если мы раньше ежегодно давали около 50 квартир, ну пополам между учителями и врачами, по 25 каждой группе, это и позволило в своё время привлечь большое количество специалистов. Но тогда была другая проблема: было старое оборудование. Теперь оно у нас новое. Очень крутое. Но теперь не хватает специалистов».

«Здравоохранение является очагом социального напряжения. Никто никуда не может попасть. К врачам. ...Вот когда тебе прописывают сдать кровь, то готовься к войне. На целый день. Просто чтобы сдать кровь. ... Диспансеризацию саму даже сокращают. ...Сокращают нужные анализы. ...Проблема с материалами и лекарствами, их нет. Записи нет, надо в живой очереди стоять. Три часа люди сидят. ... один травматолог, а у него очередь на месяц вперёд».

- необходимость для инвалидов получать часть лекарственных препаратов в соседних муниципальных образованиях;

«...не всегда инвалиды получают лекарства на местах. Но тут нельзя сказать, что это совсем плохо, потому что альтернативно всегда предлагается получить лекарства в другом учреждении. Ну, в Талдом съездить. Но не все могут. ...у нас в Общественной палате есть девушка, она воспитывает ребёнка-инвалида. Вот от неё я и знаю эту проблему. ...Выезжали и в Общественную палату МО, и каждый раз: лекарства есть, но нужно съездить в Каширу. Но ведь не наездишься же».

- маятниковая миграция квалифицированных технических специалистов, частичная утрата ими ряда профессиональных навыков;
«...у нас нет предприятий, связанных с выполнением госзаказов. Оборонных. Поэтому многие люди поменяли сферу своей деятельности. Будучи специалистами инженерами, сейчас ездят, работают техниками в Шереметьево там...».
- неудовлетворительное состояние городских зон отдыха;
«Зоны отдыха у нас плохие. Парк культуры – без слёз не взглянешь!».
- нехватка культурных и досуговых учреждений.
«... запрос на культуру есть. А кинотеатр один. Среднего, по нынешним меркам, уровня. На «тройчок» с натяжкой. В кино ездят все в Сергиев Посад. Драмтеатр обещал ещё Гаврилов».

Королевский городской округ

Проблемное поле муниципального образования формируют:

- нехватка объектов социальной инфраструктуры (в частности, школ) в новых микрорайонах;
«...На въезде домов настроили, а школ пока не слышно, не видно. Ну где-то она там планируется, возможно, строится, ну пока о сроках сдачи школы ничего не понятно. Школы, естественно, будут переполняться».
- точечная застройка. Особенно остро проблема точечной застройки ощущается в микрорайоне Фрунзе. Недовольство жителей вызывает как возможное сокращение территории дворов, так и угроза сноса исторических зданий, обладающих культурной ценностью:
«Среди больных точек...микрорайон Фрунзе, по которому идут баталии там до сих пор. Первоначально, если вы в курсе, у нас пытались этот микрорайон внести в генплан, как застройка там многоэтажными домами, а это вот здесь небольшие собственно домики. Очень такой микрорайончик-то хороший, ...он планировался в советское время, там в каждой группе домов есть дворик шикарный, где это возможно. И сейчас вот это все нарубить, как вот и натывать этих многоэтажек...»
«...вот в микрорайоне Фрунзе, это все-таки локальная достаточно проблема, хотя в нее вовлечены не только жители микрорайона, как бы вовлечены и другие жители, понимают, что это вот какая-то историческая ценность, может быть, в городе у нас не так много все-таки исторических каких-то мест».
- транспортные проблемы – масштабные пробки на въезде в город;
«Основная проблема – пробки. По-моему, это уже многолетняя проблема. Въезд в город стал лучше, намного лучше, но все равно, проблема осталась. ...Пробки, точечная застройка».
«Есть у них старая такая тема, никак не решаемая. Ж/д пути, станция Подлипки. Там пешеходный переход – люди прям через пути переходят. Есть у них переход, наземный, по-моему, который оборудован не по правилам, и он закрыт. Постоянно заваривают переход через пути, а люди сносят эти заборы и также переходят. Это уже из года в год и никак не решается. Вопрос упирается в РЖД...».

- нехватка земли, необходимой для постройки нового жилья и расселения ветхих и аварийных домов;
«В городе с землей плохо, а муниципалитету это как раз возможность, квартиры ветеранам войны надо было давать. Как? Только за счет строительства новых зданий. Надо проводить расселение ветхого фонда. Как? Только построив что-то. Строители просто так не отдадут, им, соответственно, чтоб отдать там две квартиры, нужно строить целый дом, да, свою прибыль получить».
- дефицит лекарств, выписываемых по рецептам.
«По здравоохранению проблемы есть, ...с обеспечением лекарствами..., то есть вроде бы лекарства выписывают, а лекарств в аптеках нет».

Сергиево-Посадский городской округ

Проблемное поле муниципального образования включает в себя, помимо затруднений с расселением ветхого жилья:

- высокую степень износа инфраструктуры ЖКХ, в первую очередь – теплосетей, водопроводных труб и очистных сооружений;
«...теплосеть и водоканал. У нас изношенность сетей водоканала 90 %, может даже 100 % где-то, может, и больше, чем 100 %. Эта проблема не решалась же планово в 1990-х и 2000-х. Естественно, это проблема сетей. ...Износ всех коммуникаций. Если где-нибудь сейчас бабахнет, то мы столкнемся с проблемой, что ремонтируем-ремонтируем, а толку никакого».
«У нас какой район не возьми, там проблемы всегда одни: и ЖКХ, и котельная, и дороги, и отсутствие, вообще, нормального пространства».
«...у нас, как и у всей России, уже под 80 %, а то и больше, износа теплосетей».
«Нам надо срочно делать новые очистные станции, потому что это просто проблема, о которой нужно уже кричать».
- большое количество неоформленных объектов дорожной инфраструктуры и ЖКХ;
«Потом большая проблема ...с неоформленными сетями, водоканальными, электрическими, с оформлением бесхозных зданий. Это всё за столько лет накопилось в такой ком, что администрации это сделать сейчас быстро не под силу. Очень много дорог оформляется, знаю прекрасно».
- наличие задолженности предприятий ЖКХ перед ресурсоснабжающими организациями;
«Были там отключения горячей воды, у них долги, проблемы долгов присутствуют. Многие компаши там долги имеют перед ресурсниками, поэтому котельные отключают периодически в летний период».
- низкую доступность медицинских услуг, нехватку узких специалистов и медикаментов;
«Медицина. Это возможность в любое время попасть к специалисту. ...у людей нет возможности, если он хочет и необходимо сегодня, он ждет неделю, иногда, отдельно узко-профильных специалистов. ...И надо новые ФАП строить, новые фельдшерские пункты в наших микрорайонах, потому что наш город по протяженности самый большой, наверное, в Московской области. ... Это и медикаменты, которые, к сожалению, пока еще нет сто процентной возможности всегда и вовремя их взять там, где они есть здесь».
- дефицит рабочих мест с удовлетворительным уровнем оплаты труда и порождаемая им маятниковая миграция;
«Ну вопрос-то один – создание новых рабочих мест. Вот и всё. Для Сергиева Посада это болезненно. ...Появляются новые рабочие места, но хотелось бы, чтобы их было больше. ...Большая [маятниковая миграция]. ...Я боюсь сейчас ошибиться, но, думаю, процентов 40 точно есть».

- концентрацию работ по благоустройству преимущественно в центральной части Сергиева Посада;
«Особенно [благоустройство необходимо] не в центральной части, а то люди немножко завидуют. Нам говорят, что все деньги в центр города, а нам ничего нет»;
- состояние бывших военных городков и иных поселений, прежде содержавшихся Министерством обороны;
«...жители посёлка Вакцина. Это закрытый посёлок, относится к Министерству обороны. ...в жилом фонде Минобороны и управляющая компания не делает абсолютно ничего уже несколько лет. ... У нас большие долги за коммуналку были у наших теплосети, водоканала и т.д.»
«Проблема, которую ...муссируют жители бывшего военного городка Ферма. Эта ситуация с бывшим имущественным комплексом, принадлежащим Министерству Обороны, это стадион, это бассейн, это спортивный центр. Потому что они из-за аварийного состояния закрыты, не обслуживаются. Военные не прикладывают никаких усилий, тем не менее у людей, естественно, есть запрос на социальную инфраструктуру в шаговой доступности».
- сбои в работе регионального оператора по обращению с ТКО;
«По мусору. Это крупногабаритный мусор именно и мусор строительный. Потому что региональный оператор считает, что мусор строительный он не вывозит. Хотя мусор же не с больших строек...».
- низкую бюджетную обеспеченность муниципалитета, в том числе препятствующую полноценному устранению недостатков, выявляемых посредством портала «Добродел».
«Экономические ресурсы? Они довольно ограничены. Бюджет городского округа, который сегодня существует, честно говоря, там, конечно, о развитии без участия в нацпроектах и областных программах мы не можем говорить».
«...было бы очень здорово, если бы Губернатор рассмотрел вопрос о минимальном финансировании портала «Добродел». ...латая какие-то дырки, какие-то проблемы жителей вновь возникшие, ...мы, получается, деньги уводим, чтобы закрыть обязательно «Добродел».... если бы, например, сумма там примерно в 2–4 миллиона была на устранение просьб ...и жалоб...».

Ленинский городской округ

Проблемное поле муниципального образования включает в себя следующие элементы:

- сокращение налоговой базы в результате включения части территории в состав Новой Москвы;
«...огромная часть нашего тогда еще района ушла в Новую Москву, конечно, мы многого лишились, и налоговые поступления и бюджет наш гораздо меньше».
- отставание темпов развития социальной и транспортной инфраструктуры от скорости ввода в эксплуатацию нового жилья;
«Градостроительная сфера крайне положительно развивается, но дорожное хозяйство за ней не поспевает».
«...вот детских садов не хватает, да не везде успевает, потому что инвестиционно привлекательно всем покупать ...но тем не менее не успевают инфраструктуру всю, запрос слишком большой».
«...проблемы у населения есть – скученность, нехватка парковочных мест, приходится со всем этим разбираться».
«...проблемы новых микрорайонов, плотная застройка, очистные сооружения, канализация».

«Канализация деревень – это ужас! Вот это будет проблема. Развилка, сельские поселения, что сейчас твориться в деревнях – это ужас! В связи с огромным количеством снега. Они же выстраивают дома, конечно канализация очень нужна, но, если ты купил землю, строишь дом огромный, пожалуйста, реши вопрос с канализацией».

«...это затруднения федерального значения, когда строят много, а расширять дороги не получается в сроки».

«Пробки, например, от Каширского шоссе до Володарского, там, конечно, ужас».

- рост стоимости услуг ЖКХ на фоне падения их качества;
«Бешеные тарифы на коммунальные платежи!».
«Что касается ЖКХ – компании заходят управляющие на рынок, здесь иногда вызывают вопросы у жителей. Появляется много частных компаний, особенно в новостройках».
«У нас до сих пор не отыграли конкурсы по уборке территории, подъездов по капитальному ремонту, по текущему ремонту. Срочники приходят на полтора–два месяца, намажут не пойми чем, в подъезд страшно войти».
- падение качества благоустройства;
«...минимальное внимание уделяют вопросам чистоты, порядка и благоустройства. Население обижалось на этот момент. Развитие социальных объектов – это хорошо, но люди-то любят чистоту и порядок, вот этого не хватало».
- нерешенный вопрос сноса незаконных построек;
«Почему так плохо выполняется решение суда о сносе незаконных застроек ...Ничего не сносят, есть решение суда, апелляции, все кассации проиграны, но все стоит».
- нехватку рабочих мест и связанный с ней высокий уровень маятниковой миграции;
«Сейчас наличие рабочего места – такой неприятный вопрос. Вроде бы вся инженерка развивается, создаются условия для детей, но в то же время хочется, чтобы все были трудоустроены. Люди ездят в Москву».
«...большинство людей работает в Москве, а живет в Ленинском районе».
- сокращение доступности отдельных медицинских услуг в результате оптимизации, затруднения со снабжением лекарствами онкобольных и диабетиков;
«У нас были свои отделения, а сейчас они переместились в Домодедово. Тяжело, потому что даже непросто съездить людей навестить, в Домодедово-то ехать».
«...у нас живет 30 тыс. человек, а у нас амбулатории нет, у нас нет скорой помощи, у нас по четыре часа едут к людям с инсультом. И то хорошо, что приедут, у нас десять машин на весь район. А потом людей увозят с ишемическими инсультами».
«...очень плохо с лекарствами, конечно обеспечение диабетиков и онкобольных».
- широкие масштабы незаконного предпринимательства, сочетающиеся с давлением на бизнес представителей неких общественных структур.
«...незаконная предпринимательская деятельность. Стационарки ставят, машины ставят, у нас люди кавказкой национальности разрешения не оформляют. Замучили предприниматели Развилки, звонят и сообщают: «приезжают какие-то общественники по три – по четыре человека и просто раздевают предпринимателей какими-то проверками». Я пишу, срочно вызывайте полицию, полиция не выезжает».

Оценки экспертов подтверждаются официальными статистическими данными. Согласно информации Росстата, за 2000–2022 гг. степень износа основных фондов жилищно-коммунального хозяйства в Московской области менялась в пределах от 28,3 до 46,4 %. При этом в случае отдельных категорий объектов ЖКХ показатель износа стабильно превышает уровень 70 %. Так, по данным на январь 2024 г. (данная информация была озвучена в ходе планового совещания губернатора Московской области с главами муниципалитетов), сте-

пень износа теплосетей в 12 муниципальных образованиях превышала 70 %, еще в 14 – 80 %. В Сергиевом Посаде уровень износа теплосетей на тот же период превышала 70 %².

Степень износа системы водоснабжения Московской области на начало 2024 г. достигала 70 %. В Королеве на тот же период, по данным МЧС РФ, степень износа инфраструктуры водоснабжения достигала 75 %, теплоснабжения – 65 %, канализационных насосных станций – 70 %³.

В муниципальной программе «Содержание и развитие инженерной инфраструктуры и энергоэффективности Дмитровского муниципального района Московской области» на 2018–2022 гг. указано, что степень износа основных фондов водоснабжения и водоотведения превышает 58 %. Также отмечается, что «суммарные потери в тепловых сетях через изоляцию и с утечками теплоносителя из-за коррозии труб достигают 23,5 % произведенной тепловой энергии»⁴.

В марте 2023 г. пресс-служба губернатора и правительства Московской области сообщила о том, что дефицит медицинских кадров в регионе составляет приблизительно 1700 врачей общей практики и узких специалистов⁵. В некоторых медицинских учреждениях региона масштабы дефицита кадров достигали 60 %⁶. В Королеве по состоянию на июль 2024 г. работал только один травматолог⁷.

Как показали результаты совместного исследования сотрудников МГУ и РЭУ имени Плеханова, масштабы маятниковой миграции из Подмоскovie в столицу составляют 1,4 млн человек. Наиболее выражен этот феномен в муниципалитетах, примыкающих к МКАД (на их долю приходится около 60 % участников маятниковой миграции). Еще 20 % от мигрантов проживают в муниципальных образованиях, находящихся на расстоянии 50 км от Москвы⁸.

Заключение

В целом необходимо признать, что социально-экономическая проблематика в указанных муниципальных образованиях однородна по структуре. Речь идет в первую очередь о нехватке объектов социальной инфраструктуры, высокой степени износа основных фондов ЖКХ, дефиците узких медицинских специалистов и низкой доступности отдельных медицинских услуг, а также сравнительно низкой численности достаточно хорошо оплачиваемых рабочих мест, порождающей массовую маятниковую миграцию.

² Царьград нашел округа Подмоскovie, где износ теплосетей стал критическим. URL: https://mo.tsargrad.tv/articles/cargrad-nashel-okruga-podmoskovja-gde-iznos-teplosetej-stal-kriticheskim_943528?ysclid=m3x37bu3fb551506085 (дата обращения 24.08.2024).

³ Прогноз ЧС на 23.01.2024. URL: <https://50.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/operativnaya-informaciya/5196707> (дата обращения 24.08.2024).

⁴ Муниципальная программа «Содержание и развитие инженерной инфраструктуры и энергоэффективности Дмитровского муниципального района Московской области» на 2018-2022 годы. URL: https://dmitrov-reg.ru/box/5a572f0630542281217_8794p.pdf?ysclid=m3x3wm5uro926456474 (дата обращения 24.08.2024).

⁵ Власти Подмоскovie заявили о дефиците врачей. <https://ria.ru/20230313/vrachi-URL:1857621630.html?ysclid=m3x41b4qmk918058406> (дата обращения 24.08.2024).

⁶ Почему в Подмоскovie не хватает врачей: разные эксперты указывают на разные проблемы. URL: https://mo.tsargrad.tv/news/pochemu-v-podmoskove-ne-hvataet-vrachej-raznye-jeksperty-ukazyvajut-na-raznye-problemy_978899?ysclid=m3x42l0zgs194314108 (дата обращения 24.08.2024).

⁷ «Не могу попасть уже месяц!» На весь город в Подмоскovie остался только один травматолог – репортаж из очереди. URL: <https://mskl.ru/text/health/2024/07/23/73860611/?ysclid=m3x4292m96624709915> (дата обращения 24.08.2024).

⁸ Маятник миграции сократил ход. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6890908?ysclid=m3x4dnn0gg671092302> (дата обращения 24.08.2024).

При этом выявленные проблемы, с одной стороны, носят долгосрочный характер, т. е. фиксировались еще в 2000-х гг.⁹ [23]. Что, помимо прочего, свидетельствует о недостаточном характере ранее принятых мер, направленных на устранение обозначенных проблем. С другой стороны, инструменты ликвидации источников их возникновения по большей части лежат вне сферы компетенции муниципальных властей либо предполагают наличие большей бюджетной обеспеченности. Все это позволяет предположить, что устранение обозначенных проблем предполагает необходимость перераспределения между разными уровнями системы публичной власти как полномочий, так и бюджетных ресурсов. Однако вероятность принятия соответствующих решений представляется достаточно низкой, поскольку она противоречит логике выстраивания т. н. «вертикали власти». Изъятие у муниципалитетов полномочий и бюджетных ресурсов (равно как и масштабирование отказа от прямых выборов мэров) было призвано обеспечить в первую очередь повышение уровня управляемости территориями и предотвращения конфликтов между их главами. С учетом этих обстоятельств представляется возможным рассмотреть следующие варианты решения либо смягчения обозначенных проблем:

- сформировать на региональном уровне целевые бюджетные резервы для решения вопросов, связанных с обновлением фондов ЖКХ, предоставив право на пользование ими Центру управления регионом на уровне конкретного субъекта федерации. Ресурсная база соответствующих программ может быть расширена за счет целевых субсидий из федерального бюджета и помощи со стороны Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства;
- ввести в законодательство норму, обязывающую управляющие компании резервировать определенную долю от чистой прибыли на обновление фондов ЖКХ либо предоставляющую доступ к различным льготам и преференциям для УК, располагающих существенным запасом финансовых средств для реализации программ по модернизации основных фондов;
- формировать за счет средств региональных и муниципальных бюджетов стипендиальные фонды для оплаты обучения специалистов по востребованным медицинским специальностям. Участие в данных стипендиальных программах должно предполагать обязательства участников относительно работы в муниципальных и региональных медицинских учреждениях в течение определенного срока;
- разработать систему налоговых и иных льгот для компаний, готовых разместить производства, торговые точки и иные пункты обслуживания клиентов в периферийных муниципалитетах либо создать преференциальные условия для участников уже действующих программ поддержки бизнеса, готовых работать за пределами ядра агломерации. В том числе можно вывести юридические лица, желающие работать на соответствующих территориях, в отдельную категорию приоритетных получателей мер государственной поддержки (наряду с IT-компаниями, социальными предпринимателями и т. д.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайнанов Д.А., Гатауллин Р.Ф., Атаева А.Г. Методологический подход и инструментарий обеспечения сбалансированного пространственного развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 75–91. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.5
2. Курушина Е.В., Дружинина И.В. Демографические трансформации регионального пространства России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 3 (39). – С. 126–140. DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.10

⁹ Муниципальная реформа в Московской области: противостояние губернатора и местных элит. URL: https://www.academia.edu/35241740/Муниципальная_реформа_в_Московской_области_противостояние_губернатора_и_местных_элит (дата обращения 24.08.2024).

3. Лаврова Т.Г. Краснодарская городская агломерация как центр развития региона // Управленческие науки в современном мире. – 2015. – Т. 2. – № 1. – С. 548–552.
4. Благовестова Т.Е. Повышение качества жизни населения Смоленской области: основные приоритеты региональной политики // Проблемы безопасности российского общества. – 2014. – № 2. – С. 83–101. EDN: SJVJLB
5. Кузнецова Т.Ю., Сибирева Н.И. Экономико-демографические различия муниципальных образований Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – № 1. – С. 43–55. EDN: EKZTFG
6. Патракеева О.Ю. Современные тенденции расселения Крымского полуострова // Экология. Экономика. Информатика. Серия: Системный анализ и моделирование экономических и экологических систем. – 2022. – Вып. 7. – С. 167–171. DOI: <https://www.doi.org/10.23885/2500-395X-2022-1-7-167-171>
7. Шаров С.Ю., Шнейдерман И.М. Особенности постиндустриального развития агломераций как ядра экономики // Народонаселение. – 2020. – Т. 23. – № 1. – С. 76–87. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.7>
8. Мартыянов В.С., Руденко В.Н. Российские мегаполисы: от индустриальных городов к стратегии многофункциональных агломераций // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2012. – № 12. – С. 316–330.
9. Попадюк Н.К. Городские агломерации в переформатировании экономического пространства // Управленческие науки в современном мире. Сборник докладов Восьмой Международной научно-практической конференции. – СПб, 2021. – С. 385–387.
10. Антонов Е.В. Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13. – № 1. – С. 180–202. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-10
11. Межевич Н.М., Лачининский С.С., Береснев А.Е. Эффекты местоположения и экономическое развитие Санкт-петербургского крупногородского ареала // Псковский регионологический журнал. – 2016. – № 2 (26). – С. 9–20.
12. Олифир Д.И. Определение уровня развития экономического пространства периферии Санкт-петербургской агломерации // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2023. – Т. 240. – № 2. – С. 327–347. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-240-2-327-347
13. Олифир Д.И. Пространственная трансформация системы расселения периферии Санкт-Петербургской агломерации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 2 (128). – С. 63–70.
14. Сидоркина З.И. Анализ демографической структуры сельской периферии владивостокской агломерации для территории опережающего развития (ТОР) // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Естественные науки. – 2016. – № 4 (43). – С. 116–121.
15. Зима А.Г., Виленский М.Ю. Развитие периферии ядра Санкт-петербургской агломерации // Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. – 2023. – Т. 1. – С. 142–147. EDN: YNBKGC
16. Провоцирующие ландшафты: исследования повседневных культурных ландшафтов периферии агломераций / Ф.С. Корандей, И.В. Абрамов, В.М. Костомаров, М.С. Черепанов, А.В. Шелудков // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 3 (54). – С. 247–257. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-21>
17. Дмитриева Л.В. Политика развития малых городов: уроки зарубежного опыта для России // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2024. – № 3. – С. 92–104. DOI: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2024-3-92-104>
18. Механизмы решения демографических проблем устойчивого развития сельских территорий / Е.Г. Коваленко, О.Ю. Якимова, Б.Г. Зиганшин, Ш.М. Газетдинов // Вестник Казанского государственного аграрного университета. – 2023. – Т. 18. – № 2 (70). – С. 168–177.
19. Федоров Г.М., Кузнецова Т.Ю. О динамике численности и размещения сельского населения Калининградской области в 1991–2021 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. – 2022. – Т. 67. – № 4. – С. 733–748. DOI: 10.21638/spbu07.2022.410.
20. Авдеева Т.Т., Лаврова Т.Г. Влияние агломерационных процессов на развитие сельской периферии в составе краснодарской городской агломерации // Финансовая экономика. – 2022. – № 6. – С. 3–8.
21. Пивовар Г.А., Алексеев А.И. Сельско-городские взаимосвязи на границе с московской агломерацией // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2018. – № 6. – С. 100–103.
22. Ганин О.Б. Российский и зарубежный опыт преодоления депрессивности территорий // Регионы в политике, политика в регионах. Политическая наука. Ежегодник-2023 / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Р.В. Евстифеева, Л.А. Фадеевой. – М.; Пермь: ИЦ «Титул», ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2023. – С. 175–200.

23. Бабейкин Р.В. Вызовы и перспективы укрупнения муниципальных образований на примере Московской области // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2023. – № 1. – С. 39–65. DOI: 10.17323/19995431-2023-0-1-39-65.

Информация об авторах

Николай Андреевич Пономарев, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института глобальных исследований факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский пр., 49, sharukin87@yandex.ru

Поступила в редакцию: 20.09.2024

Поступила после рецензирования: 17.12.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. Gainanov D.A., Gataullin R.F., Ataeva A.G. Methodological approach and tools for ensuring region's balanced spatial development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 75–91. (In Russ.) DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.5
2. Kurushina E.V., Druzhinina I.V. Demographic transformations of the Russian regional space. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2015, no. 3 (39), pp. 126–140. (In Russ.) DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.10
3. Lavrova T.G. Krasnodar agglomeration as the center of regional development. *Management sciences in the modern world*, 2015, vol. 2, no. 1, pp. 548–552. (In Russ.)
4. Blagovestova T.E. Improvement of population's quality of life in the Smolensk region: basic priorities of regional policy. *Problems of Security of Russian Society*, 2014, no. 2, pp. 83–101. (In Russ.) EDN: SJVJLB
5. Kuznetsova T.Yu., Sibireva N.I. Economic and demographic distinctions between municipal districts of the Kaliningrad region. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2020, no. 1, pp. 43–55. (In Russ.) EDN: EKZTFG
6. Patrakeeva O.Yu. Current trends in settlement of the Crimean peninsula. *Ecology. Economics. Informatics. Series: Systems Analysis and Modeling of Economic and Ecological Systems*, 2022, vol. 1, no. 7, pp. 167–171. (In Russ.)
7. Sharov S.Y., Schneiderman I.M. Features of the post-industrial development of agglomerations as the core of economy. *Population*, 2020, vol. 23, no. 1, pp. 76–87. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.7>
8. Martyanov V.S., Rudenko V.N. Russian megapolises: from industrial centers towards strategy of multifunctional agglomeration. *Scientific yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2012, no. 12, pp. 316–330. (In Russ.)
9. Popadyuk N.K. Urban agglomerations in the reformatting of economic space. *Management Sciences in the Modern World. Collection of reports of the Eighth International Scientific and Practical Conference*. St. Petersburg, 2021. pp. 385–387. (In Russ.)
10. Antonov E.V. Urban agglomerations: approaches to the allocation and delimitation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 180–202. (In Russ.) DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-10
11. Mezhevich N.M., Latchininskii S.S., Beresnev A.E. The effects of location and economic development of St. Petersburg urban area. *Pskov regionalological journal*, 2016, no. 2 (26), pp. 9–20. (In Russ.)
12. Olifir D.I. Determining the level of development of the economic space of the periphery of the St. Petersburg agglomeration. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*, 2023, vol. 240, no. 2, pp. 327–347. (In Russ.) DOI: 10.38197/2072-2060-2023-240-2-327-347
13. Olifir D.I. Spatial transformation of the settlement system of the periphery of the St. Petersburg agglomeration. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*, 2021, no. 2 (128), pp. 63–70. (In Russ.)
14. Sidorkina Z.I. Analysis of the demographic structure of the rural periphery of Vladivostok agglomeration for the priority development area (PDA). *Bulletin of Kurgan State University. Series: Natural Sciences*, 2016, no. 4 (43), pp. 116–121. (In Russ.)
15. Zima A.G., Vilensky M.Yu. Periphery development of the core of Saint Petersburg agglomeration. *New ideas of the new century: materials of the international scientific conference of the FAD TNU*, 2023, vol. 1, pp. 142–147. (In Russ.) EDN: YNBKGC
16. Korandey F.S., Abramov I.V., Kostomarov V.M., Cherepanov M.S., Sheludkov A.V. Provocative landscapes: a study of everyday cultural landscapes at the outskirts of agglomerations. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 2021, no. 3 (54), pp. 247–257. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-21>

17. Dmitrieva L.V. Policy of small town development: lessons of overseas experience for Russia. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2024, no. 3, pp. 92–104. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2024-3-92-104>
18. Kovalenko E.G., Yakimova O.Yu., Ziganshin B.G., Gazetdinov Sh.M. Mechanisms for solving demographic problems of sustainable development of rural territories. *Vestnik of Kazan state agrarian university*, 2023, vol. 18, no. 2 (70), pp. 168–177. (In Russ.)
19. Fedorov G.M., Kuznetsova T.Y. Rural population change and settlement patterns in the Kaliningrad region in 1991–2021. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 2022, vol. 67, no. 4, pp. 733–748. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu07.2022.410
20. Avdeeva T.T., Lavrova T.G. The influence of agglomeration processes on the development of the rural periphery as part of the Krasnodar urban agglomeration. *Financial Economics*, 2022, no. 6, pp. 3–8. (In Russ.)
21. Pivovarov G.A., Alekseev A.I. Rural-urban relationships at the border of the Moscow agglomeration. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, 2018, no. 6, pp. 100–103. (In Russ.)
22. Ganin O.B. Russian and foreign experience of overcoming territorial depression. *Regions in Politics, Politics in the Regions. Political Science. Yearbook 2023*. Eds. O.V. Gaman-Golutvina, R.V. Evstifeev, L.A. Fadeeva. Moscow, Perm, Title Publ., FSBEI HE "PSNIU", 2023. pp. 175–200. (In Russ.)
23. Babeykin R.V. Problems and prospects of consolidation of municipalities on the example of the Moscow Region. *Public Administration Issues*, 2023, no. 1, pp. 39–65. (In Russ.) DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-1-39-65

Information about the authors

Nikolay A. Ponomarev, Cand. Sc., Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky avenue, Moscow, 125993, Russian Federation, sharukin87@yandex.ru

Received: 20.09.2024

Revised: 17.12.2024

Accepted: 30.12.2024

УДК 17.022-057.87:343.352:378

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1920

Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Этическая роль студентов в профилактике коррупции в высшем образовании

М.А. Суванди, И.В. Брылина[✉]

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*

[✉]ibrylina@tpu.ru

Аннотация. Университеты являются местом формирования, обучения и подготовки нового поколения наций, будущих лидеров стран. Социокультурные изменения, связанные с глобализацией, рыночной конкуренцией, коммерциализацией знаний и маркетизацией университета, проникли в академическую среду, негативно повлияв на возникновение девиантных практик в сфере образования. Поэтому в последние годы пристальное внимание различных групп исследователей из разных стран обращено на изучение трансформаций университетской культуры в целом, в частности – на анализ причин вовлеченности университетов в коррупционные практики и выявление потенциала их преодоления. Используются теоретическая методология исследования, сбор библиотечной информации, анализ, обобщение и рефлексия. Утверждается, что студенты, наряду с другими агентами университета (преподавательским составом и администрацией университета), могут взять на себя значительную роль в предупреждении и искоренении коррупции в университетской среде, благодаря чему может быть создана чистая университетская среда, свободная от коррупционных проявлений. Сделан вывод о важности этической роли студентов в профилактике коррупции в вузах, поскольку студенты являются значимым агентом изменений и контроля, который в силу своих особенностей может выступать в качестве ролевых моделей этических антикоррупционных действий, осуществлять мониторинг и сообщать о коррупционных действиях, участвовать в студенческих организациях, в государственной политике и использовать новые информационно-коммуникационные технологии для антикоррупционных кампаний. Таким образом, студенты могут играть общественно значимую роль в создании университетской среды, свободной от коррупции.

Ключевые слова: студенты, университеты, коррупция, борьба с коррупцией, университетская культура, этическая роль

Для цитирования: Суванди М.А., Брылина И.В. Этическая роль студентов в профилактике коррупции в высшем образовании // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 213–223. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1920

UDC 17.022-057.87:343.352:378

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1920

Ethical role of students in corruption prevention in higher education

M.A. Suwandi, I.V. Brylina[✉]

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

[✉]ibrylina@tpu.ru

Abstract. Universities are the place where the new generation of nations, future leaders of countries, is formed, educated and trained. Sociocultural changes associated with globalization, market competition, commodification of knowledge, and marketization of the university have penetrated into the academic environment, having a negative impact on the emergence of deviant practices in the field of education. Therefore, in recent years, close attention of various groups of researchers from different countries has been drawn to the study of transformations of university culture in general, in particular, the analysis of the reasons for the involvement of universities in corrupt practices and the identification of the potential for overcoming them. The theoretical methodology of the study, collection of library information, analysis, generalization, and reflection are used. It is argued that students, along with other agents of the university (teaching staff and university administration), can take on a significant role in preventing and eradicating corruption in the university environment, thanks to which a clean university environment free from acts of corruption can be created. The conclusion is made about the importance of the ethical role of students in corruption prevention in universities, since students are a significant agent of change and control, who, due to their characteristics, can act as role models of ethical anti-corruption actions, monitor and report on corrupt actions, participate in student organizations, in public policy and use new information and communication technologies for anti-corruption campaigns. Thus, students can play a socially significant role in creating a university environment free from corruption.

Keywords: students, universities, corruption, anti-corruption, university culture, ethical role

For citation: Suwandi M.A., Brylina I.V. Ethical role of students in corruption prevention in higher education. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 213–223. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1920

Введение

Коррупция может быть совершена кем угодно. Коррупция является видом чрезвычайного преступления, поскольку ее воздействие на общество является чрезвычайным и требует чрезвычайного обращения [1]. Недавние акты коррупции, произошедшие в университетах, показывают, что она затрагивает разные социальные группы и может коснуться каждого, а также противоречит самой «идее университета». Основатель теории либерального образования Дж. Ньюман видел его суть в том, что «процесс подготовки, при котором интеллект вместо того, чтобы оказаться принесенным в жертву какой-либо частной или случайной цели, какому-нибудь специальному ремеслу или профессии, или исследованию, или науке, тренируется ради себя самого, ради самовосприятия и ради собственной высшей культуры, называется либеральным образованием... интеллект беспомощен, потому что он неуправляем и саморазрушителен, если не руководствуется моральным правом и богооткровенной истиной» [2, с. 167]. По его мнению, интеллект беспомощен, когда отказывается от руководства моральным правом и истиной. В этом смысле коррупция, безусловно, является препятствием для достижения ожидаемых целей самого образования, подрывает самые основы его существования.

Вместе с процессом глобализации, вхождением образования в рыночную среду, прагматизацию социальной жизни в целом университет коммерциализируется, знание коммодифицируется (приобретает рыночную стоимость). Маркетизация университета трансформирует его из «башни из слоновой кости» в рынок научных разработок, образовательных услуг и технологий. Многие исследователи пишут о том, что университет, попадая в ситуацию рыночной реструктуризации, в сферу товарно-денежных отношений, формирует среду, в которой проявляются девиантные практики. Достижение цели движения к рынку тождественно утрате главных целей, фальсифицирует их [3]. На это указывают названия работ многих ведущих исследователей университета, например: «Колледж на продажу» [4], «Университет: инструкция для владельцев» [5], «Университеты в условиях рынка» [6] и др. С. Коллини в монографии «Зачем нужны университеты?» резко выступает «против логики экономической эффективности, в терминах которой правительственные чиновники измеряют сегодня пользу от высшего образования» [2, с. 6] и с апологией его гуманистического смысла: продолжать служить общественному благу, а не интересам бизнеса или иному частному «заказчику».

Сможет ли университет сохранить свою гуманистическую идею в прагматичную эпоху? Не превратится ли храм в супермаркет в условиях рыночной конкуренции? Какие силы (агенты, центры противодействия) способны противостоять этим негативным тенденциям? Данными вопросами задаются многие российские и зарубежные ученые.

Если в университете классического типа доминировала «профессорская культура», которая была призвана «служению образованию, науке, культуре», то в неклассическом университете третьего поколения (третьей миссии) исследователи университетской культуры говорят об изменении культуры университета [7, с. 182]. Культурная база современного университета характеризуется как «двуединство», где «профессорская культура, традиционно служившая его основанием, дополняется корпоративной «культурой менеджмента» и трансформируется ею. Корпоративная культура служит рынку и повышению конкурентоспособности университета в условиях его выхода в мировое образовательное пространство. Она несет в университет принципы коммерциализации, прагматизации и тенденции превращения образования в образовательную услугу» [3, с. 53]. Пути разрешения противоречивости культуры современного университета авторами предлагается искать в разработке прикладной этики [2], университетской этики [8]. Однако, на наш взгляд, помимо профессоров и менеджеров университета мало учтенным и изученным оказался потенциал ролевого участия самого многочисленного субъекта университетского мира и агента образовательной сети – самих современных студентов. Потому речь идет уже не о «двуединстве», а о «триединстве» культур, точнее – о множестве агентов образовательной сети и центров силы.

Жертвами коррупции в университетской среде является все сообщество, однако самое негативное воздействие в мире образования она оказывает именно на самую уязвимую группу – студентов [9, с. 16], снижая качество высшего образования, увеличивая неравенство в доступе к образованию, увеличивая показатели отсева и вызывая несправедливость и бедность [10, с. 8; 11, с. 345]. Управление ООН по наркотикам и преступности заявило, что субъектами, вовлеченными в коррупцию в сфере образования, могут быть администраторы, частные компании, поставляющие товары школам или университетам, студенты, преподаватели или семьи студентов [10, с. 10].

В «Докладе о глобальной коррупции: образование» зафиксировано несколько примеров коррупционных действий, которые часто происходят в сфере высшего образования еще до поступления в образовательные учреждения, вплоть до получения докторской степени и академических исследований, в том числе: дача взяток для поступления в определенные высшие учебные заведения или получение хороших оценок, растрата средств общества, направленная на приобретение учебных материалов и строительство учебных зданий, коррупция в образовательной инфраструктуре или в процедурах найма и приема на постоянные должности, а также, выдача фальшивых дипломов, приводящая к неквалифицированному преподаванию и многие другие примеры [12].

М. Кирья в своем исследовании выявила несколько примеров случаев коррупции, произошедших в среде высшего образования, включая коррупцию при лицензировании и аккредитации, коррупцию при отборе и приеме студентов, коррупцию при найме и продвижении по службе, бесхозяйственность в финансовом управлении и мошенничество при закупках, сексуальный шантаж и академическую нечестность [13]. При этом, по мнению Ю.А. Шапошниковой, формами коррупции, наиболее часто встречающимися в сфере образования, являются использование бюджетных средств на другие нужды, злоупотребление должностными полномочиями, использование служебного положения в корыстных целях, дача взятки, получение взяток, изготовление и распространение поддельных документов об образовании, использование поддельных дипломов об образовании, совмещение государственной службы с замещением должностей в коммерческих организациях [14].

Студенты как интеллектуалы и будущее поколение нации, безусловно, могут сыграть важную этическую роль в предотвращении и искоренении коррупции в среде университета. Студентов в университете можно сравнить с небольшой страной, где студенты являются сообществом, а университет – страной. Влияние коррупции в университете на неформальное пространство вуза – важный вопрос, на который следует обратить исследовательское внимание. В этом случае этическая роль студентов, как самого массового агента перемен, очень важна для создания культуры честности в среде университета, свободной от коррупции.

На основании вышеприведенного цель данной статьи – проанализировать роль, которую студенты могут сыграть в предотвращении и искоренении коррупционных действий в университетах. Затем определяются проблемы, которые могут возникнуть. Мы надеемся, что эта статья поможет учащимся в частности и обществу в целом узнать, какую роль они могут сыграть в предотвращении и искоренении коррупции в университетской среде.

Методология исследования

Это исследование является теоретическим, основано на сборе и анализе библиотечных источников печатной и электронной литературы (русскоязычных и иностранных) [15, с. 52], которые, в свою очередь, основаны на материалах эмпирических и социологических исследований [16–19], а также обобщении сведений и философской рефлексии.

Результаты и обсуждение

Студенты как часть университетского сообщества играют важную роль в предотвращении и искоренении коррупции в университетской среде. Важная роль студентов не может быть отделена от характеристик, которыми они обладают, а именно интеллектуальности, юношеского духа и высокого идеализма [20, с. 301]. Студенты, как правило, молодые люди, более открыты для социальных изменений и политических преобразований, поскольку они менее заинтересованы в сохранении статус-кво [21, с. 372]. Некоторые этические роли студентов в искоренении и предотвращении актов коррупции в среде университета можно описать следующим образом.

Пример этических антикоррупционных действий

Людей, совершающих коррупцию, можно назвать людьми, у которых нет морали и этики [22, с. 59]. Коррупция – это неэтичный и безнравственный поступок, поэтому отдельные лица или группы, которые хотят искоренить коррупцию, должны начать с людей, которые чисты от коррупционного поведения, чтобы они могли подать пример другим или своему окружению. Ценности и знания, полученные студентами в отношении борьбы с коррупцией, должны быть реализованы в повседневной жизни: студент должен быть в состоянии доказать, что он чист и свободен от коррупции [23, с. 26]. Исследования А. Судирмана [24] показали, что этические действия студентов способствуют формированию более чистой академической среды. Коррупция – это неэтичный поступок, и от студентов ожидают, что они будут примерами хорошего поведения. По мнению А.А. Бурханудина [22, с. 71] и Л.П.С. Антари [25, с. 74–75], усилия по борьбе с коррупцией или профилактические усилия по предотвращению преступных коррупционных деяний через образовательные учреждения или кампусы могут начинаться с ознакомления с антикоррупционными ценностями, включая честность, заботу, независимость, дисциплину, ответственность, трудолюбие, простоту, смелость и справедливость. Студенты должны демонстрировать этическое антикоррупционное поведение, начиная с себя, а затем в окружающей среде или сообществе, чтобы они могли влиять на своих сверстников и создавать университетскую среду, свободную от коррупции [25, с. 79–80].

Мониторинг и сообщение о коррупции

Студенты как агенты изменений обязаны предотвращать и искоренять коррупцию [26, с. 50]. Они могут сообщать об актах коррупции, свидетелями которых они стали, например, о злоупотреблении властью. По словам Б. Нугрохо [27], студенты, которые участвуют в мониторинге и сообщении о коррупции, проявляют более высокий уровень обеспокоенности по поводу целостности университета или высшего образования. Между тем И. Ираван [28] заявил, что студенты как социальный контроль играют превентивную роль в борьбе с коррупцией, помогая сообществу или окружающей среде в достижении единства, которое является справедливым и выгодным для людей, включая критику правил, которые несправедливы и не выгодны для людей, включая политику университетов.

Участие в образовании и студенческих организациях

Университет или кампус – это место, где образованные люди собираются, чтобы расширить свои знания и стать лучше [20, с. 302]. Образование – самое мощное оружие для изменения мира [29]. Через антикоррупционное образование оно косвенно формирует антикоррупционные социальные, экономические и политические структуры и ценности, а также влияет на поведение, продвигает международные ценности и стандарты и борется с коррупцией, прежде чем она укоренится и сформирует будущих лидеров [29]. По словам С. Сукидина и др. [30, с. 145], высокий или низкий уровень коррупции может быть связан с культурой, менталитетом и обычаями общества, поэтому профилактику можно осуществить, изменив антикоррупционные установки и поведение с помощью образования. В соответствии с этим, как полагают С. Анвар и др. [31], антикоррупционное и этическое образование в университетах может повысить осведомленность студентов об опасностях воздействия коррупции и вести к повышению их морально-этических компетенций.

«Студенческие организации являются подходящим местом для развития талантов, обучения поколений критическому мышлению и укрепления солидарности с более широким обществом, чтобы вместе внести изменения в жизнь.» (*Перевод С.М.А.*) [32, с. 26]. Студенческие организации могут быть платформой для дискуссий и укрепления солидарности с более широким сообществом в борьбе с коррупцией. Такие мероприятия, как форумы, конгрессы, семинары и практикумы, могут повысить осведомленность об опасностях коррупции. По словам А.Р. Зайнала и др. [33], активное участие студентов в организациях может усилить антикоррупционное движение в университетской среде. По мнению исследователей Мубарока и Вуландари [34], студенческие организации можно использовать для интернационализации антикоррупционных установок и поведения.

Участие в государственной политике

Формы студенческого участия и студенческой активности в отношении определенных политик, таких как антикоррупционная, могут выражаться в демонстрациях, кампаниях, проведении семинаров или в публикациях, посвященных поднятию таких проблем, как, например, поощрение прозрачности в использовании бюджетов в университетах, которые часто являются местами, где происходят коррупционные акты. Давление, создаваемое студенческими активистами, часто побуждает к более широкому общественному диалогу и дебатам по поводу конкретной политики [32] в целях её улучшения или изменения.

Участие студентов очень важно для создания академической среды, свободной от коррупции. Студенты должны участвовать в политике, которая касается их жизни. Безразличие студентов к политике является серьезной проблемой и может привести к коррупционным действиям в окружающей среде, таким как нецелевое использование образовательных и исследовательских бюджетов, назначение и увольнение сотрудников, находящихся под влиянием

политических взглядов, политизация выборов ректоров, несправедливость в отношении определенных слоев общества и т. д. Согласно исследованию Е. Юлианто [35], вовлеченность органов студенческого самоуправления в молодежный парламентаризм и государственную молодежную политику может способствовать защите прав, свобод и законных интересов молодежи, поощрению прозрачности и справедливости в среде высшего образования.

Использование информационных технологий для антикоррупционных кампаний

Современные технологические разработки могут стать средством для студентов проводить антикоррупционные кампании, повышать уровень осведомленности об антикоррупции и создавать антикоррупционную информационную среду друг для друга или для широкой общественности. Как утверждает Н.Ю. Волосова [21, с. 336], создание антикоррупционной информационной среды является фактором, способным уничтожить коррупцию как социальное и правовое явление. Рассматриваемая антикоррупционная информационная среда представляет собой ряд условий, которые позволяют обмениваться информацией по вопросам антикоррупционного образования, просвещения, пропаганды и осведомленности между различными уровнями общества, различными социальными группами, молодежью или сокурсниками [21, с. 337]. В нынешнюю эпоху цифрового развития 5.0 студенты могут более успешно противостоять административным злоупотреблениям используя цифровую тактику, включая онлайн-кампании по борьбе с коррупцией, онлайн-движение «байкот» и т. д., в дополнение к проведению физических демонстраций в общественных местах [32, с. 34].

Проблемы для студентов

Студенты в предотвращении и искоренении актов коррупции в университетах часто сталкиваются с рядом проблем или препятствий, в том числе:

- недостаток осведомленности и знаний;
- безразличие к этике и морали;
- отсутствие активного участия и ограниченный доступ к информации;
- слабая организационная культура;
- неясные санкции и правоприменение.

Недостаток осведомленности и знаний

Многие студенты не понимают важности быть честным и последствий коррупционных действий. По мнению Р. Хасолоана, отсутствие понимания последствий коррупции может стать фактором возникновения коррупции. Недостаток осведомленности и знаний о влиянии коррупции на университетскую среду ведет к безразличию к коррупционной практике [20, с. 229]. Между тем, по словам С. Нурхасаны, одна из главных проблем искоренения коррупции в университетской среде заключается в том, что студенты не до конца понимают, что такое коррупция, как она влияет на общество и важности добросовестности в повседневной жизни [36]. В этом случае важно повышать осведомленность студентов о важности предотвращения и искоренения коррупции в университетской среде, как посредством программ, специально подготовленных для антикоррупционного образования, так и посредством интеграции антикоррупционной тематики в лекции.

Безразличие к этике и морали

Некоторые учащиеся по-прежнему могут считать коррупционное поведение частью безобидного и даже нормального поведения, что приводит к формированию толерантного отношения к коррупционным действиям вокруг них. Студентам как интеллектуалам, агентам

контроля, агентам перемен важно подавать пример окружающим людям, чтобы они (люди) были свободны от коррупционных действий. Коррупция непосредственно связана с этикой и моралью человека. Как заявил Р. Хасолоан [20, с. 297], одним из факторов, побуждающих человека совершать коррупционные действия, является его слабая мораль. Другими словами, тот, кто не силен в своих моральных принципах, тот склонен к совершению коррупционных действий либо из-за собственных желаний и возможностей, либо из-за приглашения друзей, коллег, семьи или других сторон. В этом случае студенты как агенты перемен и социального контроля должны быть заинтересованы в улучшении и поддержании принципов этики и морали как в университете, так и в обществе.

Отсутствие активного участия и ограниченный доступ к информации

Студенты часто не участвуют в мероприятиях, способствующих предотвращению коррупции, таких как семинары и дискуссии. Отсутствие активного участия студентов в предотвращении коррупции в университетской среде может быть связано с ограничениями и отсутствием доступа к адекватной информации о политике и правилах университета, связанных с антикоррупционными действиями в университете. Как заявила С. Нурхасана, студенты часто чувствуют себя изолированными от более широких социальных проблем за пределами своего кампуса. Если местное сообщество не проявит приверженности честности и порядочности, учащимся будет трудно применять эти ценности в более широком контексте [36].

Сюда входит отсутствие просветительской работы со студентами со стороны университетов по вопросам предотвращения коррупции в студенческой среде, что само по себе является проблемой. Это влияет на незнание студентами политики университета в отношении борьбы с коррупцией. Таким образом, руководители и преподаватели университетов играют важную роль в обеспечении информационно-просветительской деятельности, обмене идеями и служат примером для студентов в отношении антикоррупционных действий в университетской среде [13, с. 22–23].

Слабая организационная культура

Культура университета, которая не поддерживает честность, может препятствовать усилиям по предотвращению коррупции в университетской среде. По словам С. Нурхасаны, отсутствие поддержки в университете или университетской культуре может стать для студентов серьезным препятствием в предотвращении и искоренении актов коррупции в университетской среде. Поэтому для организации или учреждения, которое поддерживает антикоррупционные ценности, например для университета, важно иметь последовательную приверженность реализации антикоррупционной политики в университетской среде [36]. Студентам также необходимо сотрудничать с другими учреждениями или организациями, преследующими те же цели, как правительственными, так и общественными.

Неясные санкции и правоприменение

Одна из проблем, с которой могут столкнуться студенты при предотвращении и искоренении коррупции в университетской среде, заключается в том, что санкции за нарушение этики часто неясны или применяются непоследовательно. Важно, чтобы студенты понимали и знали антикоррупционное законодательство, существующее в университете. По мнению М.Р. Сетиади и др. [37, с. 193–194], один из показателей неподготовленности студентов как агентов перемен в сфере предотвращения коррупции в университетской среде связан с неосведомленностью и непониманием действующего законодательства. Это основано на том, что правосознание тесно связано с соблюдением законов и норм, действующих в обществе [37, с. 194]. Поэтому для студентов важно обладать знаниями применяемого законода-

тельства для того, чтобы реагировать и принимать меры против действий, противоречащих закону, таких как акты коррупции в университетской среде.

Заключение

Этическая роль студентов в предотвращении и искоренении коррупции в колледжах и университетах очень важна. Студенты как агенты перемен, агенты контроля, обладающие интеллектуальными, критическими и идеалистическими взглядами, могут служить образцовыми примерами этических действий по борьбе с коррупцией, агентами мониторинга и отчетности о коррупционных действиях, участия в образовательных, учебных и студенческих организациях, участия в государственной политике и использования технологий для антикоррупционной кампании. Таким образом, студенты могут создать в университете среду, свободную от коррупционных действий. Несмотря на то, что существует несколько факторов, которые препятствуют созданию университета, свободного от коррупции, важно, чтобы студенты придерживались идеалов, были критичными, целеустремленными и последовательными в качестве агентов перемен, социального контроля и интеллектуалов, чтобы внести свой вклад в формирование и поддержание добропорядочности в высшем учебном заведении и формировать характер будущих поколений, способных противостоять коррупции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Yunus N.R. Corruption as an extra ordinary crime: elements and eradication efforts in Indonesia // *Journal of Creativity Student*. – 2021. – Vol. 6. – № 2. – P. 131–150. DOI: <https://doi.org/10.15294/jcs.v6i1.36057>
2. Коллини С. Зачем нужны университеты? – М.: ИД Высшей школы экономики, 2016. – 264 с.
3. Исследование трансформации корпоративной культуры университета (опыт Национального исследовательского Томского государственного университета) / Д.О. Афанасьева, Н.С. Гулиус, В.В. Кашпур, А.Г. Кузнецов, Г.И. Петрова, Е.А. Юрина // *Университетское управление: практика и анализ*. – 2016. – № 1. – С. 53–64.
4. Shumar W. *College for sale: a critique of the commodification of higher education*. – London: Routledge, 1997. – 220 p.
5. Розовски Г. *Университет. Руководство для владельца*. – М.: ИД ВШЭ, 2015. – 328 с.
6. Бок Д. *Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования*. – М.: ИД Высшей школы экономики, 2012. – 224 с.
7. Брылина И.В. Социокультурные условия формирования новой модели современного университета: дисс... д-ра философ. наук. – Кызыл, 2019. – 218 с.
8. Петрова Г.И. Современный университет: сохранение классического наследия и возможность трансформации // *Вестник Томского государственного университета*. – 2015. – № 2 (18). – С. 30–36.
9. Шевчук В. *Коррупция: опасная болезнь государства*. – Ярославль: ИД ЯГТУ, 2018. – 68 с.
10. Инструменты управления знаниями для ученых и профессионалов. Серия модулей по противодействию коррупции. Модуль 9 Коррупция в сфере образования. URL: https://grace.unodc.org/grace/uploads/documents/academics/Anti-Corruption_Module_9_Corruption_in_Education_RU.pdf (дата обращения: 28.08.2024).
11. Osipian A.L. Corruption in higher education: does it differ across the nations and why? // *Research in Comparative and International Education*. – 2008. – Vol. 3. – № 4. – P. 317–412. DOI:10.2304/rcie.2008.3.4.345
12. *Global corruption report: education*. – London, New York: Routledge, 2013. – 418 p. URL: <https://web.edu.hku.hk/f/staff/376/Global%20Corruption%20Report%3A%20Education.pdf> (дата обращения: 28.08.2024).
13. Kirya M. Corruption in universities: paths to integrity in the higher education subsector. URL: https://data.opendevelopmentmekong.net/dataset/0d23d14c-5ec4-45ca-95b0-d4997e7dd713/resource/d0daa8be-8cd3-44f4-9d47-be2af130a324/download/u4_corruption-in-universities_paths-to-integrity-in-the-higher-education-subsector.pdf (дата обращения: 28.08.2024).
14. Шапошникова Ю.А. Коррупция в системе образования как одна из наиболее актуальных проблем юриспруденции // *Территория науки*. – 2018. – № 3. – С. 157–165. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsiya-v-sisteme-obrazovaniya-kak-odna-iz-naibolee-aktualnyh-problem-yurisprudentsii> (дата обращения: 28.08.2024).
15. Milya Sari, Asmendri Asmendri. Penelitian Kepustakaan (Library Research) dalam Penelitian Pendidikan IPA // *Natural Science*. – 2020. – Vol. 6. – № 1. – P. 41–53. DOI: 10.15548/nsc.v6i1.1555

16. Сатаров Г.А. Некоторые задачи и проблемы социологии коррупции // Россия и современный мир. – 2003. – № 4 (41). – С. 146–153.
17. Леонтьева Э.О. Повседневные коммуникации и укоренённость коррупции в неформальном пространстве вуза // Вестник Томского Государственного Университета. – 2009. – № 325. – С. 43–49.
18. Dewantara J.A., Hermawan Y., Yunus D. Anti-corruption education as an effort to form students with character humanist and law-compliant // Jurnal Civics: Media Kajian Kewarganegaraan. – 2012. – Vol. 18. – № 1. – P. 70–81. DOI: 10.21831/jc.v18i1.38432
19. Сизов В.А., Жерепа Ю.С. Противодействие коррупции в студенческой среде как компонент социального развития общества // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2022. – Т. 10. – № 2 (38). – С. 53–62. DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-2-6
20. Hasoloan R.J. The spirit of the anti-corruption movement in the campus environment through various community creativity social media movements // Journal of Creativity Student. – 2022. – Vol. 7. – № 2. – P. 283–310. DOI: <https://doi.org/10.15294/jcs.v7i2.38207>
21. Волосова Н.Ю. Молодежные программы противодействия коррупции и создание информационной антикоррупционной среды: некоторые размышления и опыт // Педагогический журнал. – 2016. – № 4. – С. 371–379.
22. Burhanudin A.A. Strategi Penanaman Nilai-Nilai Anti Korupsi Pada Mahasiswa // SALIMIYA: Jurnal Studi Ilmu Keagamaan Islam. – 2021. – Vol. 2. – № 2. – P. 54–72.
23. Suhandi M.F., Agustin S. Pendidikan Anti Korupsi Pada Jenjang Perguruan Tinggi // Sansara Pendidikan dan Pengajaran. – 2023. – Vol. 1. – № 1. – P. 19–27.
24. Sudirman A. Pengaruh Teladan Etis Mahasiswa Terhadap Lingkungan Akademik // Jurnal Pendidikan Karakter. – 2022. – Vol. 7. – № 1. – P. 23–37.
25. Antari L.P.S. Peran Mahasiswa Dalam Upaya Pencegahan Korupsi // JHS: Jurnal Hukum Saraswati. – 2022. – Vol. 4. – № 1. – P. 70–84.
26. Setiawan N. Strategi Mahasiswa dalam Penguatan Pendidikan Budaya Antikorupsi // Budaya Abtikorupsi Menurut Parspektif Mahasiswa. – Kediri: Srikandi Kreatif Nusantara, 2021. – 271 p.
27. Nugroho B. Peran Mahasiswa dalam Pengawasan Pembangunan Berbasis Integritas di Perguruan Tinggi // Jurnal Ilmiah Administrasi Publik. – 2021. – Vol. 6. – № 2. – P. 65–72.
28. Irawan I. Aksi Nyata Mahasiswa Cegah Korupsi // Binus. – 2021. URL: <https://binus.ac.id/character-building/2021/06/aksi-nyata-mahasiswa-untuk-mencegah-perbuatan-korupsi/> (дата обращения: 28.08.2024).
29. Palma V.D. The role of academia in anti-corruption Collective Action // Basel Institute on Governance. – 19 August, 2014. URL: <https://baselgovernance.org/blog/role-academia-anti-corruption-collective-action> (дата обращения: 28.08.2024).
30. Sukidin S. et al. The education of anti-corruption in secondary school: long-term alternative in preventing corruption // Jurnal Pendidikan Ekonomi: Jurnal Ilmiah Ilmu Pendidikan, Ilmu Ekonomi, dan Ilmu Sosial. – 2022. – Vol. 16. – № 1. – P. 144–154. DOI: <https://doi.org/10.19184/jpe.v16i1.30888>
31. Anwar S., Mardiyah N., Karim A. Pentingnya Pelatihan Etika bagi Mahasiswa dalam Mencegah Korupsi // Jurnal Pendidikan Etika. – 2021. – Vol. 3. – № 2. – P. 10–20.
32. Syahputri I.B., Katimin K. Pengaruh Aktivis Mahasiswa Dalam Perubahan Sosial Politik di Era Digital 5.0 // Ganaya: Jurnal Ilmu Sosial dan Humaniora. – 2024. – Vol. 7. – № 4. – P. 25–36. DOI: <https://doi.org/10.37329/ganaya.v7i4.3490>
33. Zainal A.R., Zainal H.A.M. Peran Organisasi Mahasiswa dalam Mendorong Gerakan Anti-Korupsi di Kampus // Jurnal Sosial dan Budaya. – 2019. – Vol. 4. – № 3. – P. 45–60.
34. Wulandari M.d.D. Phenomenon of internalization of anti-corruption attitude in students circles // Jurnal: Studi Komunikasi dan Media. – 2019. – Vol. 23. – № 2. – P. 155–166.
35. Yulianto E. Advokasi Mahasiswa dan Pengaruhnya terhadap Kebijakan Pendidikan Tinggi // Jurnal Ilmu Sosial. – 2019. – Vol. 5. – № 4. – P. 78–92.
36. Nurhasanah S. Peran Mahasiswa Sebagai Pilar Integritas Dalam Gerakan Anti Korupsi Di Lingkungan Kampus Dan Masyarakat // Causa: Jurnal Hukum Dan Kewarganegaraan. – 2024. – Vol. 6. – № 5. – С. 51–60. DOI: <https://doi.org/10.3783/causa.v6i5.6256>
37. Youth and creativity of the anti-corruption movement / M.R. Setiadi, R. Narulita, H. Walidatun Nikmah, T.Sh. Yunianta, R.R. Riswanda // Journal of Creativity Student. – 2022. – Vol. 7. – № 2. – P. 179–210. DOI: <https://doi.org/10.15294/jcs.v7i2.38199>

Информация об авторах

Мохамад Ардин Суванди, аспирант Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; mohamad.ardin.suwandi@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8311-8773>

Ирина Владимировна Брылина, доктор философских наук, профессор Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; ibrylina@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8947-9916>

Поступила в редакцию: 03.10.2024

Поступила после рецензирования: 20.12.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. Yunus N.R. Corruption as an extra ordinary crime: elements and eradication efforts in Indonesia. *Journal of Creativity Student*. 2021, vol. 6, no. 2, pp. 131–150. DOI: <https://doi.org/10.15294/jcs.v6i1.36057>
2. Collini S. *Why are universities needed?* Moscow, Higher School of Economics Publ. house, 2016. 264 p. (In Russ.)
3. Afanasieva D.O., Gulius N.S., Kashpur V.V., Kuznetsov A.G., Petrova G.I., Yurina E.A. Research of corporate culture transformation at the university (on experience of the National research Tomsk state university). *University Management: Practice and Analysis*, 2016, no. 1, pp. 53–64. (In Russ.)
4. Shumar W. *College for sale: a critique of the commodification of higher education*. London, Routledge, 1997. 220 p.
5. Rozovsky G. *University. Owner's guide*. Moscow, Higher School of Economics Publ. house, 2015. 328 p. (In Russ.)
6. Bok D. *Universities in market conditions. Commercialization of higher education*. Moscow, Higher School of Economics Publ. house, 2012. 224 p. (In Russ.)
7. Brylina I.V. *Sociocultural conditions for the formation of a new model of a modern university*. Dr. Diss. Kyzyl, 2019. 218 p. (In Russ.)
8. Petrova G.I. Modern university: preservation of the classical heritage and the possibility of transformation. *Bulletin of Tomsk State University*, 2015, no. 2 (18), pp. 30–36. (In Russ.)
9. Shevchuk V. *Corruption: a dangerous disease of the state*. Yaroslavl, YSTU Publ. house, 2018. 68 p. (In Russ.)
10. *Knowledge management tools for scientists and professionals. Anti-corruption module series. Module 9 Corruption in Education*. (In Russ.) Available at: https://grace.unodc.org/grace/uploads/documents/academics/Anti-Corruption_Module_9_Corruption_in_Education_RU.pdf (accessed 28 August 2024).
11. Osipian A.L. Corruption in higher education: does it differ across the nations and why? *Research in Comparative and International Education*, 2008, vol. 3, no. 4, pp. 317–412. DOI: 10.2304/rcie.2008.3.4.345
12. *Global corruption report: education*. London, New York, Routledge, 2013. 418 p. Available at: <https://web.edu.hku.hk/f/staff/376/Global%20Corruption%20Report%3A%20Education.pdf> (accessed: 28 August 2024).
13. Kirya M. *Corruption in universities: paths to integrity in the higher education subsector*. Available at: https://data.opendevelopmentmekong.net/dataset/0d23d14c-5ec4-45ca-95b0-d4997e7dd713/resource/d0daa8be-8cd3-44f4-9d47-be2af130a324/download/u4_corruption-in-universities_paths-to-integrity-in-the-higher-education-subsector.pdf (accessed: 28 August 2024).
14. Shaposhnikova Yu.A. Corruption in the education system as one of the most urgent problems of jurisprudence. *Territory of Science*, 2018, no. 3, pp. 157–165. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsiya-v-sisteme-obrazovaniya-kak-odna-iz-naibolee-aktualnyh-problem-yurisprudentsii> (accessed: 28 August 2024).
15. Milya Sari, Asmendri Asmendri. Library Research in Science Education Research. *Natural Science*, 2020, vol. 6, no. 1, pp. 41–53. (In Indonesian) DOI: 10.15548/nsc.v6i1.1555
16. Satarov G.A. Some tasks and problems of sociology of corruption. *Russia and the modern world*, 2003, no. 4 (41), pp. 146–153. (In Russ.)
17. Leontyeva E.O. Everyday communications and the rootedness of corruption in the informal space of the university. *Bulletin of Tomsk State University*, 2009, no. 325, pp. 43–49. (In Russ.)
18. Dewantara J.A., Hermawan Y., Yunus D. Anti-corruption education as an effort to form students with character humanist and law-compliant. *Jurnal Civics: Media Kajian Kewarganegaraan*, 2012, vol. 18, no. 1, pp. 70–81. DOI: 10.21831/jc.v18i1.38432
19. Sizov V.A., Zhrepa Yu.S. Anti-corruption in the student environment as a component of social development of society. *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*, 2022, vol. 10, no. 2 (38), pp. 53–62. DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-2-6 (In Russ.)
20. Hasoloan R.J. The spirit of the anti-corruption movement in the campus environment through various community creativity social media movements. *Journal of Creativity Student*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 283–310. DOI: <https://doi.org/10.15294/jcs.v7i2.38207>
21. Volosova N.Yu. Youth anti-corruption programs and the creation of an anti-corruption information environment: some thoughts and experience. *Pedagogical Journal*, 2016, no. 4, pp. 371–379. (In Russ.)

22. Burhanuddin A.A. Strategy for instilling anti-corruption values in students. *SALIMIYA: Journal of Islamic Religious Studies*, 2021, vol. 2, no. 2, pp. 54–72. (In Indonesian)
23. Suhandi M.F., Agustin S. Anti-corruption education at the higher education level. *Sanskara Education and Teaching*, 2023, vol. 1, no. 1, pp. 19–27. (In Indonesian)
24. Sudirman A. Influence of student ethical role models on the academic environment. *Jurnal Pendidikan Karakter*, 2022, vol. 7, no. 1, pp. 23–37. (In Indonesian)
25. Antari L.P.S. Role of students in corruption prevention efforts. *JHS: Jurnal Hukum Saraswati*, 2022, vol. 4, no. 1, pp. 70–84. (In Indonesian)
26. Setiawan N. Student strategies in strengthening anti-corruption culture education. *Abtic-Corruption Culture According to a Student Perspective*. Kediri, Srikandi Kreatif Nusantara, 2021. 271 p. (In Indonesian)
27. Nugroho B. Role of students in supervising integrity-based development in higher education. *Scientific Journal of Public Administration*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 65–72. (In Indonesian)
28. Irawan I. Real student action to prevent corruption. *Binus*, 2021. (In Indonesian) Available at: <https://binus.ac.id/character-building/2021/06/aksi-nyata-mahasiswa-untuk-mencegah-perbuatan-korupsi/> (accessed 28 August 2024).
29. Palma V.D. The role of academia in anti-corruption Collective Action. *Basel Institute on Governance*. 19 August, 2014. Available at: <https://baselgovernance.org/blog/role-academia-anti-corruption-collective-action>. (accessed 28 August 2024).
30. Sukidin S. The education of anti-corruption in secondary school: long-term alternative in preventing corruption. *Jurnal Pendidikan Ekonomi: Jurnal Ilmiah Ilmu Pendidikan, Ilmu Ekonomi, dan Ilmu Sosial*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 144–154. DOI: <https://doi.org/10.19184/jpe.v16i1.30888>
31. Anwar S., Mardiyah N., Karim A. Importance of ethics training for students in preventing corruption. *Jurnal Pendidikan Etika*, 2021, vol. 3, no. 2, pp. 10–20. (In Indonesian)
32. Syahputri I.B., Katimin K. Influence of student activists on socio-political change in the digital era 5.0. *Ganaya: Jurnal Ilmu Sosial dan Humaniora*, 2024, vol. 7, no. 4, pp. 25–36. DOI: <https://doi.org/10.37329/ganaya.v7i4.3490>. (In Indonesian)
33. Zainal A.R., Zainal H.A.M. Role of student organizations in encouraging the anti-corruption movement on campus. *Jurnal Sosial dan Budaya*, 2019, vol. 4, no. 3, pp. 45–60. (In Indonesian)
34. Wulandari M.d.D. Phenomenon of internalization of anti-corruption attitude in students circles. *Jurnal: Studi Komunikasi dan Media*, 2019, vol. 23, no. 2, pp. 155–166. (In Indonesian)
35. Yulianto E. Student advocacy and its influence on higher education policy. *Jurnal Ilmu Sosial*, 2019, vol. 5, no. 4, pp. 78–92. (In Indonesian)
36. Nurhasanah S. Role of students as pillars of integrity in the anti-corruption movement in campus and community environments. *Causa: Jurnal Hukum Dan Kewarganegaraan*. 2024, vol. 6, no. 5, pp. 51–60. (In Indonesia) DOI: <https://doi.org/10.3783/causa.v6i5.6256>.
37. Setiadi M.R., Narulita R., Walidatun Nikmah H., Yuniarta T.Sh., Riswanda R.R. Youth and creativity of the anti-corruption movement. *Journal of Creativity Student*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 179–210. DOI: <https://doi.org/10.15294/jcs.v7i2.38199>

Information about the authors

Mohamad Ardin Suwandi, Postgraduate Student, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; mohamad.ardin.suwandi@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8311-8773>

Irina V. Brylina, Dr. Sc., Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; ibrylina@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8947-9916>

Received: 03.10.2024

Revised: 20.12.2024

Accepted: 30.12.2024

УДК 101.1:316.3:004

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1921

Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Цифровизация общества: техника, наука и нравственность

Н.Н. Плужникова¹✉, С.В. Ковалева²

¹ *Московский политехнический университет, Россия, г. Москва*

² *Костромская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, г. Кострома*

✉ pluzhnikova@bk.ru

Аннотация. В последние годы современное общество столкнулось с рядом вызовов: глобальные междуна-родные проблемы, цифровое неравенство и экзистенциальные последствия использования техноло-гий. Для того чтобы справиться с этими вызовами, необходимо переосмыслить влияние и последствия цифровизации прежде всего в технике, науке и нравственности. Именно данные отрасли стали предме-том анализа, поскольку в них наиболее актуально и наглядно отражены тенденции цифровизации соци-альной жизни современного человека, а также позитивные и негативные стороны данного процесса. Техника составляет основу применения технологий в процессе цифровизации, наука задает тенденции развития данным технологиям, а нравственность становится результатом их воздействия на общество и человека. Однако данное исследование затрагивает и другую ключевую проблему – проблему пере-осмысления понятия технологий и их влияния на научное и нравственное развитие общества в контек-сте цифровых изменений. **Цель:** анализ развития техники, науки и нравственности в условиях использо-вания передовых цифровых технологий. **Методы:** сравнительно-сопоставительный метод, логический анализ и системный. **Результаты** исследования основаны на проведении кросс-опроса. Проанализиро-ваны основные направления использования цифровых технологий в науке и технике, а также нрав-ственные аспекты их применения. Авторы приходят к выводу, что процесс цифровизации носит неодно-значный характер, который, запуская изменения в науке и технике, существенно перестраивает нравственные отношения в современном обществе.

Ключевые слова: цифровизация, техника, наука, цифровые технологии, нравственность, человек, общество

Для цитирования: Плужникова Н.Н., Ковалева С.В. Цифровизация общества: техника, наука и нрав-ственность // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 224–233. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1921

UDC 101.1:316.3:004

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1921

Society digitalization: technology, science and morality

N.N. Pluzhnikova¹✉, S.V. Kovaleva²

¹ *Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation*

² *Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma, Russian Federation*

✉ pluzhnikova@bk.ru

Abstract. In recent years, modern society has faced a number of challenges: from global international problems to digital inequality, as well as the existential consequences of the use of technology. In order to cope with these

challenges, it is necessary to rethink the impact and consequences of digitalization, primarily in three areas: technology, science and morality. These industries became the subject of analysis, since they most relevantly and clearly reflect the trends in the digitalization of modern human social life. Technology is the basis of digitalization, science sets the development trends for these technologies, and morality becomes the result of their impact on society and humans. However, this study also touches on another key issue – the problem of rethinking the concept of technology and its impact on the scientific and moral development of society in the context of digital change. **Aim.** To analyze the development of technic, science and morality in the context of the use of advanced digital technologies. **Methods.** Comparative method, as well as logical and systemic analysis, which determined the general logic of the study. **Results.** Based on a cross-survey. The article examines the main areas of using digital technologies in science, as well as the moral aspects of their application. The study revealed both positive and negative trends in the digitalization of such areas as science, technology and moral development of society. The authors conclude that the digitalization is ambiguous, which, by triggering changes in science and technology, significantly reformats moral relations in modern society.

Keywords: digitalization, technology, science, digital technologies, morality, man, society

For citation: Pluzhnikova N.N., Kovaleva S.V. Society digitalization: technology, science and morality. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 224–233. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1921

Введение

Цифровизация современного общества вызывает трансформацию всех сфер человеческой деятельности. В первую очередь цифровизация представляет собой процесс преобразования социальных процессов в цифровой формат на основе применения информационных технологий. Аспектами процесса цифровизации является автоматизация бизнес-процессов, оптимизация и улучшение качества социальных услуг, внедрение цифрового проектирования IT-решений в различные междисциплинарные области, например в геоинформатику [1–4].

Переосмысление понятий науки и техники в контексте цифровизации позволяет рассматривать эти сферы в комплексной связи тех изменений, которые происходят в области использования передовых цифровых технологий, а также понять, какие позитивные и негативные стороны несет процесс цифровизации, в основе которого лежит развитие технологий как части более сложного концепта – техники в целом. Поэтому без теоретического осмысления понятия техники невозможно рассмотреть и деятельность человека в этой сфере, а также развитие общества.

Научный обзор

Основоположником философии техники принято считать немецкого философа и географа Э. Каппа. Его центральной работой является «Основы философии техники» [5]. Э. Каппом был предложен принцип органопроекции, согласно которому человек в процессе технического развития бессознательно воспроизводит самого себя, то есть свои органы в технике, познаёт их, исходя из собственных и созданных им в процессе эволюции искусственных технических устройств [6].

Э. Капп впервые предложил антропологический критерий изучения техники. Он считал, что в тезисе античного философа Протагора «Человек есть мера всех вещей» отражена суть человеческой деятельности. Человек всегда мыслит себя в природе и, исходя из природы, мышление человека является условием развития физиологической организации внешних условий. Человек создаёт искусственный мир, мир техники. Мир техники отличается от мира природы как естественного продукта, но именно природа предоставляет материал для технических устройств. Взаимодействие двух материалов – живого (природного) и неживого (искусственного) – образует содержание мира культуры. Мир культуры является продолжением человеческого организма, воплощением и способом объективации человека и его идей в материи.

Концепция органопроекции Э. Каппа стала первой попыткой философского осмысления техники, её антропологического характера. Антропологический характер техники неоднократно подчеркивают в своих исследованиях Н.В. Попкова [7–9], Д.В. Феськов [10], А.Г. Кузнецов [11], М.М. Хмельков [12].

В философии техники исторически сложилось два подхода к осмыслению сущности техники и отношения человека к ее развитию. На протяжении XIX в. в науке господствовала марксистская концепция техники, которая включала в себя понимание техники как формы отношения человека к труду. Эта концепция не учитывала сложного характера процессов, которые происходят в культуре, ценностного отношения человека к технике.

Другая позиция – ценностный подход. В зарубежной философии техники методологическая традиция мышления была связана с осмыслением аксиологического отношения к технике, что особенно ярко проявилось в первой половине XX в. в связи с научной революцией и становлением неклассической науки.

Данный подход был направлен не только на осмысление сущности техники, но и на осознание возможностей и рисков развития культуры в связи с включением человека в техническое развитие. В этом плане известными философами, исследующими сущность техники, стали Мартин Хайдеггер [13], Карл Ясперс [14], Макс Шелер [15].

Ряд исследований подтверждают положительные стороны влияния цифровизации на науку и нравственность [16, 18]. Они указывают на то, что страны, эффективно использующие цифровизацию, достигают более высоких показателей экономического роста. Оценка результатов влияния цифровизации на науку и нравственность позволила провести не только сравнительный анализ различных сфер влияния цифровизации на общество, но и определить логику настоящего исследования, а также составить и применить кросс-опрос.

Методология исследования

Как показал анализ источников, не только экономические показатели оказывают влияние на цифровизацию. Поэтому авторами статьи был кросс-опрос был применен по тем сферам, в которых наиболее видна динамика трансформационных цифровых процессов. Респондентам было предложено выбрать наиболее значимые сферы социальной жизни с растущей динамикой цифровизации.

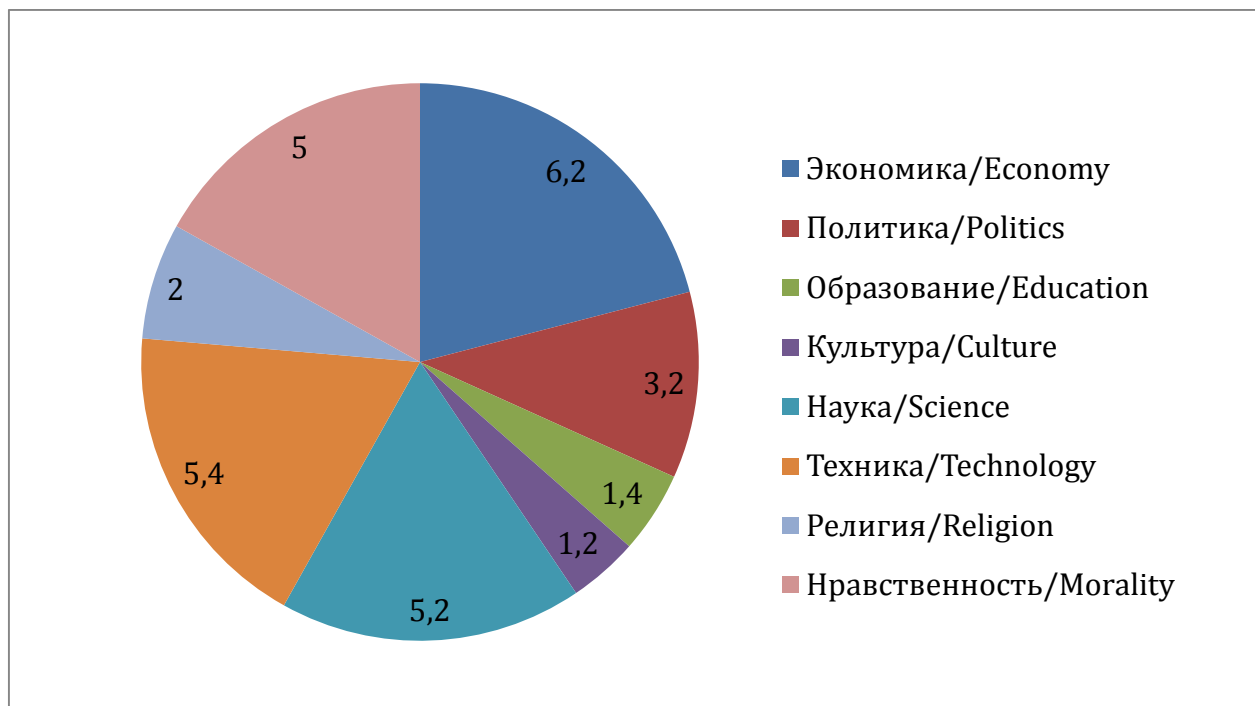
Цель данного исследования – получение информации о том, как респонденты оценивают влияние цифровизации на отдельные сферы социальной жизни. Мониторинг общественного мнения важен для молодых специалистов, так как позволяет им планировать работу с учётом интересов и потребностей развития общества.

В данном социологическом исследовании использовался метод кросс-опроса, то есть заполнение респондентами бланков, включающих вопрос «Какая из сфер общества в процессе цифровизации развивается, на ваш взгляд, наиболее динамично?». По формам контакта опрос является опосредованным, письменным и анонимным.

Объект исследования – студенты 1–2 курсов. Предмет – цифровизация общества в различных областях. Сроки проведения – II-й квартал 2024 г. (май–июнь). Число распространённых анкет – 140. Заключительный этап исследования включает обобщение данных в виде диаграммы.

Результаты

Данное исследование можно считать пилотным, то есть это первый опыт проведения опроса по данной проблематике. При проведении анкетирования авторы не задавали вопрос, касающийся разделения на мужскую и женскую аудитории, поскольку этого не требовалось в рамках представленного анализа. Распределение ответов респондентов показано на рисунке.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рисунок. Динамика цифровизации в различных областях общественной жизни
Figure. Dynamics of digitalization in various areas of public life

Анализ диаграммы показывает, что по результатам опроса доминирующей сферой является экономика – 62 %. Далее наибольший охват в динамике цифровизации представлен следующими сферами: наука, техника и нравственность, наименьший охват – религия и культура.

Обсуждение

Техника (от др. греч. *τέχνη* – ремесло, искусство) означает процесс практической деятельности человека, который связан с заложением смыслов и значений через материал, форму, функцию. Однако с развитием культуры человеком в технику закладывается всё больше смыслов и значений, которые зависят от уровня развития того или иного общества.

Осваивая технику, именно человек определяет уровень ее развития, новизны, применимости и обеспечивает возможность применения инновационных технических идей, их реализацию на практике. Без человека развитие техники невозможно. В этом и заключается ее антропологический аспект.

Однако сегодня техника – это не просто орудия и инструменты человеческой деятельности. Это определенная сфера, в которой особую роль играют цифровые технологии, заменяющие собой технику. Технику как таковую заменили технологии, которые активно применяются во всех сферах человеческой деятельности. Технологии – это, по сути, те способы, которые помогают человеку успешно вести свою деятельность, а также адаптировать эту деятельность под запросы современного производства.

Наука – это система теоретических представлений о мире, которая, используя искусственный язык математических формул, стремится объективно представить явления материально-природной реальности. Объективность научного знания характеризуется его независимостью от сознания человека как субъекта познавательного процесса. Это определение науки остается, по сути, единственным, хотя его интерпретации могут быть различными.

Если определение науки является общезначимым, то определение нравственности в истории философской мысли может иметь разные смысловые оттенки. В частности, нравственность часто отождествляют с моралью. Не вдаваясь в философский дискурс, жестко различающий эти понятия, под нравственностью в этой статье авторы понимают систему внутренних ценностей, которые определяют поведение человека с точки зрения добра и зла. В отличие от идеала научности, представленного в форме объективного знания, система нравственных норм носит сугубо личностный характер. Следовательно, между наукой и нравственностью возникают противоречие, несовместимость, обусловленные разнонаправленностью действий между познавательной и оценочной деятельностью человека.

Еще на заре цивилизации Гераклит Эфесский в VI в. до н. э. выразил мысль о том, что «многознание ума не прибавляет». В Ветхом Завете, в частности в книге Екклесиаста, сказано: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Другими словами, от того, что человек будет много знать, он не станет более добрым, нравственным, совестливым. И мало того, знание, которое не определено нравственностью, не обосновано совестью, вызывает скорбь, отчаяние и другие негативные состояния. Платон, живший в V в. до н. э., был убежден в том, что знание не само по себе, но знание добра, делает человека по-настоящему мудрым. Ученик Платона, Аристотель, сказал: «Тот, кто двигается вперед в знании, но отстаёт в нравственности, тот более идет назад, чем вперед».

Однако до XVIII в., считалось, что мудрость и знания – понятия тождественные. Многознающий человек – это мудрец, обладающий знаниями, которые позволяют ему стать свободным от природных процессов. Однако знания не всегда связаны с мудростью.

XX век – это век научно-технического прогресса. В этот период были сделаны уникальные открытия в разных научных сферах. В частности, новые технологические разработки позволили контролировать и вмешиваться в естественные проблемы жизни: ее зарождения, протекания и завершения. Как известно, в 1933 г. была совершена первая трансплантация органа от человека к человеку. Операция проходила в Херсоне, и выполнил ее Ю.Ю. Вороной. А уже в 1951 г. российский ученый В.П. Демихов предложил методику трансплантации сердца. В 1967 г. хирург из ЮАР К. Барнард, считавший себя учеником и последователем В.П. Демихова, провел первую успешную операцию по трансплантации сердца от человека к человеку.

Такая ситуация, при которой происходит замена поврежденных органов и тканей, называется пограничной, потому что ее последствия, как результат достижения научно-технического прогресса, невозможно предсказать и спрогнозировать. В частности, об этом средствами кинематографа рассказывает мексиканский режиссер Алехандро Гонсалес Иньяриту в своем фильме «21 грамм». С пересадкой сердца происходит не просто выздоровление человека – полностью перестраивается его мировоззрение, его внутренний мир, его духовность. Оказывается, что к таким изменениям не готов сам пациент, его близкие и родные люди, от этого радикально меняется жизнь.

Еще одна область современных исследований – геномная инженерия, которая за небольшое время стала популярной. Например, в рамках деятельности международной организации «Геном человека» с 1989 по 2001 г. были изучены технологии секвенирования последовательностей нуклеотидов в молекуле ДНК. Результативность этой технологии после данного исследования возросла в 100 раз. Кроме того, были усовершенствованы методы компьютерного анализа и соединения элементов ДНК, которые содержат миллионы пар оснований.

Безусловно, масштаб проекта и глубина исследований природы человеческого организма впечатляют. Их результаты дают возможность вмешательства в генетический код человека, трансформировать его – это может пригодиться в лечении сложных наследственных заболеваний. Однако здесь понимается проблема клонирования, в том числе и человека. В 1998 г. был получен первый гибридный клон человека, созданный компанией Американские кле-

точные технологии. Ядро клетки из ноги человека было пересажено в лишенную ядра яйцеклетку коровы. Через 12 дней существования уже делившаяся клетка была уничтожена. В 2008 г. поступило сообщение от американской компании Stemagen о создании пяти клонов человека. Это происходило по той же технологии: ядра соматических клеток человеческой кожи перенесли в яйцеклетки, из которых были удалены собственные ядра. Безусловно, что и эти клоны были уничтожены как по этическим принципам, так и юридическим.

Действительно, сами по себе результаты захватывающие. Но почему-то в памяти всплывает мифологический образ Минотавра, состоящий из тела человека, обладающего нечеловеческой, животной силой, и головой быка. Безжалостное, свирепое, кровожадное существо, которое требовало для удовлетворения своих желаний множество новых человеческих жертв. Где гарантия, что клонированный человек не предстанет перед своими создателями в таком облике? Кроме этой чисто гипотетической проблемы существуют вполне реальные, о которых пишет В. Савченко в статье «Геном человека: этические вызовы и риски».

Автор указывает, что «рассматриваемая технология неизбежно приводит к ликвидации генетического разнообразия среди клонированных копий генома, а это представляет собой эволюционный тупик из-за неспособности клонов в будущем адаптироваться к меняющейся среде обитания. Второе геномное препятствие связано с тем, что клон продолжает жизнь донорского ядра и быстро стареет. Это обусловлено укорачиванием концевых участков хромосом, так называемых теломер, которое вызывает дегенерацию организма и развитие разнообразных болезней» [19, с. 40].

Еще одна сфера исследований – евгеника – вызывает множество споров, связанных с нравственной оценкой результатов деятельности в этой области. Евгеника – это учение о селекции человека, которое применяется с целью улучшения его наследственных качеств. Создание этого учения считалось необходимым, потому что оно призвано бороться с различными явлениями вырождения человеческой природы. Евгеника впервые появилась в Англии, ее основателем считается Френсис Гальтон – двоюродный брат Чарльза Дарвина. Именно Ф. Гальтон обосновал понятие «евгеника» в 1883 г., в своем произведении «Исследование человеческих способностей и их развития».

Однако в исторической ретроспективе можно увидеть прообразы этого учения. В частности, в древнегреческой Спарте детей, которые считались неполноценными по тем или иным стандартам, сбрасывали живьем в пропасть. Решение о неполноценности ребенка выносил Совет Старейшин. Платон в своем произведении «Государство» писал, что обществу не следует растить детей, имеющих дефекты или рожденных от неполноценных родителей. Кроме того, неполноценные дети должны быть лишены медицинской помощи, а «моральные вырожденки» должны быть казнены. Есть свидетельства и о том, что у народов Крайнего Севера считалось вполне справедливым убийство физически неполноценных новорожденных. Объяснялось это тем, что такие дети не способны выжить в условиях сурового климата тундры [20].

Существует «положительная» и «отрицательная» евгеника, хотя это разделение носит формальный характер. Целью положительной евгеники является максимально возможное содействие в процессе воспроизводства людей с такими качествами, которые являются ценными для высокоразвитого общества (полноценное физическое развитие, отсутствие наследственных заболеваний). Целью отрицательной евгеники считается запрещение воспроизводства людей, которые имеют наследственные дефекты, а также тех, кто считается в каком-то конкретном обществе физически, умственно или расово неполноценными. В истории развития человечества наиболее популярной считается негативная евгеника, согласно которой возможна научно обоснованная стерилизация людей, неудобных по тем или иным причинам в данном обществе.

Именно такой негативный смысл вкладывал в свое учение Ф. Гальтон. Он считал, что право на мировое господство могут иметь представители только англосаксонской расы.

Кроме того, согласно его учению, ни воспитание, ни образование не оказывают особого влияния на процесс становления человека. Ведущая роль принадлежит наследственности, которая детерминирует социальное поведение человека.

В разных странах евгеника получила свое развитие и практическое применение. В частности, в Америке Индиана – это первый штат, который использовал это учение для принятия законов. Однако самое жесткое применение принципов евгеники наблюдалось в Северной Каролине. Там была официально узаконена стерилизация всех людей, у которых показатель IQ был ниже 70. Кроме того, материально поощрялась стерилизация бедняков, которым платили за эту операцию премию в 200 дол. В Швеции с 1934 по 1976 г. осуществлялась программа по принудительной стерилизации неполноценных людей. В Индии, Китае по настоящее время проводят диагностику пола плода и удаляют в результате аборта девочек.

Применение евгеники осуществлялось в качестве государственной политики и в фашистской Германии, в которой с 1933 по 1945 г. принудительной стерилизации подлежали все «неполноценные лица»: евреи, цыгане, люди с отклонениями в развитии, душевно больные, коммунисты и т. д.

Нацистские программы по евгенике осуществлялись в рамках государственной политики, направленной на «предотвращение вырождения немецкого народа как представителя арийской расы», а потом и на захваченных территориях других стран в рамках нацистской «расовой» политики:

- программа умерщвления Т-4 – уничтожение психических больных и вообще больных более 5 лет как нетрудоспособных;
- преследование гомосексуальных мужчин;
- Лебенсборн – зачатие и воспитание в детских домах детей от служащих СС, прошедших расовый отбор, то есть не содержащих «примесей» еврейской и вообще неарийской крови у их предков;
- окончательное решение еврейского вопроса (полное уничтожение евреев);
- план «Ост», который заключался в сокращении численности населения восточных территорий [14].

Даже небольшой экскурс в историю евгеники показывает, что смысл этого учения в том, что люди не рождаются одинаковыми и равными в своих качествах, но только самые достойные могут контролировать процесс развития человечества посредством вмешательства в репродуктивный процесс. Однако, как говорится в поговорке, благими намерениями дорога в ад вымощена. Как бы не казались убедительными цели и мотивы исследований, проводимых в сфере евгеники, невозможно средствами этой науки сделать человечество более интеллектуальным, одаренным, здоровым. Потому что эта наука не способна охватить всю сложную структурную систему социальной сферы.

Проблема евгеники заключается в том, что эта наука, особенно в условиях цифровизации, стремится контролировать онтологические характеристики людей, такие как одаренность, талант, интеллект, которые зависят от большого количества генов, соединение которых невозможно выявить и проанализировать. Даже если предположить, что когда-нибудь эти сложные схемы можно будет вычислить, нет стопроцентной уверенности в том, что родившийся человек будет гением. В формировании интеллекта и таланта ребенка играют не последнюю роль условия воспитания, отношение родителей, язык, культура и множество других факторов. Все это встраивается в мировоззрение ребенка не через гены, но с помощью общения с родителями, учителями, наставниками.

Негативная евгеника, которая оправдывает принудительную стерилизацию, генетическую дискриминацию, сегрегацию, неизбежно ведет к геноциду какого-либо народа. Поэтому, по мнению множества ученых, вмешательство в естественные процессы, происходящие в жизни человека и человечества в целом, недопустимо. Иначе в результате исследований возможно

появление «постчеловека», который может отличаться от современного непредсказуемым набором качеств» [20].

Насколько нравственно оправданы современные научные теории? Согласно Канту, любой познавательный процесс осуществляется *разумной и рассудочной* формой мышления, основанной на функции синтеза чувственных восприятий. А сама познавательная деятельность человека определена *потребительским* отношением к природе и миру. Стремление выявить объективные законы, по которым существует и развивается природа, как доказал Д. Юм, – это утопия, потому что индукция как метод познания, основанный на обобщении опытных данных, не обладает полнотой описания изучаемых явлений. Обобщение осуществляется по субъективным ассоциативным принципам, результат которых проецируется на мир. Поэтому ссылка на объективность выявляемых в ходе научных исследований законов не является истинной. Таким образом, в области нравственности действуют такие же законы, как и в других областях человеческой деятельности, а ответственность за научную деятельность в первую очередь отсылает нас к человеку как главному субъекту познания, по И. Канту.

Заключение

Таким образом, цифровизация оказывает наибольшее негативное влияние в области нравственности. Оно очевидно, поскольку само мышление человека должно быть определено его нравственной позицией, независимо от того, ученый ли это с мировым именем или простой студент. Нравственная позиция характеризует заботу о другом человеке, которого необходимо научиться понимать, особенно в условиях формализации и автоматизации общественной жизни. Это дает возможность принимать человека таким, какой он есть, и нести за него ответственность. В современной философии понимание – это феномен, который является результатом *разумной* формы мышления человека, основанной на *нравственном* чувстве сопереживания другому. Об этом, в частности, писал М.М. Бахтин, называя разум «соучастной» формой мышления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bourennane S., Kubicek P. Geoinformatics and data analysis: selected proceedings of ICGDA. – Cham, Switzerland: Springer, 2022. – 286 p.
2. Gore Al. The digital Earth: understanding our planet in the 21st century. – Los Angeles: Al Gore speech at California Science Center, 1998. – 235 p.
3. Jung H-S., Lee S., Zhang L. Sensor technologies and methods for geoinformatics and remote sensing // Journal of Sensors. – 2018. – Vol. 2018. – Iss. 1. – Article ID 3816727. DOI: <https://doi.org/10.1155/2018/3816727>.
4. Körting Th S., Ferreira K.R. Trends in Geoinformatics // Brazilian Journal of Cartography. – 2016. – № 68/6. – P. 1079–1086.
5. Kapp E. Grundlinien einer Philosophie der Technik. – New York: Braunscheig, G. Westermann, 1977. – 356 p.
6. Kapp E. Philosophische oder vergleichende allgemeine Erdkunde als wissenschaftliche Darstellung der Erdverhältnisse und des Menschelebens nach ihrem inneren Zusammenhang. – Toronto: Braunscheig, G. Westermann, 2005. – 145 p.
7. Попкова Н.В. Антропология техники. – М.: Ленанд, 2023. – 416 с.
8. Попкова Н.В. Антропологизация техники – теоретическая база для оценки проектов трансформации человека // Проблемы современного антропосоциального познания. Сборник научных статей. – Брянск: БГТУ, 2022. – С. 18–26.
9. Попкова Н.В. Антропологизация техники – теоретическая база для мировоззренческого анализа личности цифровой эпохи // Искусственный интеллект и общественное развитие: новые возможности и преграды. Сборник материалов. – Москва: МАКС Пресс, 2022. – С. 284–285.
10. Феськов Д.В. Философия и антропология техники // Проблемы современного антропосоциального познания. Сборник научных статей. – Брянск: БГТУ, 2023. – С. 85–90.
11. Кузнецов А.Г. Антропоморфирование и «беспилотная» автомобильность // Этнографическое обозрение. – 2022. – № 1. – С. 5–8.
12. Хмельков М.М. К вопросу об онтологическом статусе техники в эпоху интеллектуальных систем // Образование в XXI веке: между рутинной и творчеством. Сборник материалов и докладов

- XXVI Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2024. – С. 745–750.
13. Heidegger M. Das Ende der Philosophie und die Aufgabe des Denkens // Zur Sache des Denkens. – GmbH: Max Niemeyer Verlag, 1964. – P. 67–90.
 14. Yaspers K. Der philosophische Glaube angesichts der Christlichen Offenbarung. – London: Collins, 1967. – 334 p.
 15. Scheler M. Die Stellung des Menschen im Kosmos. – Germany: Reichel, 1930 – 504 p.
 16. Bach A., Shaffer G., Wolfson T. digital human capital: developing a framework for understanding the economic impact of digital exclusion in low-income communities // Journal of Information Policy. – 2013. – Vol. 3. – P. 247–266.
 17. Critchlow N. Nathan health and well-being in the digital society // Social determinants of health: an interdisciplinary approach to social inequality and wellbeing. – Policy Press, 2018. – P. 103–118. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt22p7kj8.14>.
 18. Dugger W.M. Two twists in economic methodology: positivism and subjectivism // The American Journal of Economics and Sociology. – 1983. – Vol. 42. – № 1. – P. 75–91.
 19. Савченко В. Геном человека: этические вызовы и риски // Наука и инновации. – 2010. – № 12 (94). – С. 36–39.
 20. Евгеника и этические нормы. URL: <https://poisk-ru.ru/s35853t9.html> (дата обращения 10.10.2024).

Информация об авторах

Наталья Николаевна Плужникова, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» факультета базовых компетенций Московского политехнического университета, Россия, 107023, г. Москва, ул. Большая Семёновская, 38; pluzhnikova@bk.ru

Светлана Викторовна Ковалева, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия, история и социально-гуманитарные дисциплины» факультета агробизнеса Костромской государственной сельскохозяйственной академии, Россия, 156530, г. Кострома, п. Караваяево, ул. Учебный городок, 34; sweta.lana1968@yandex.ru

Поступила в редакцию: 19.10.2024

Поступила после рецензирования: 23.12.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. Bourennane S., Kubicek P. *Geoinformatics and data analysis: selected proceedings of ICGDA*. Cham, Switzerland, Springer, 2022. 286 p.
2. Gore Al. *The digital Earth: understanding our planet in the 21st century*. Los Angeles, Al Gore speech at California Science Center, 1998. 235 p.
21. Jung H-S., Lee S., Zhang L. Sensor technologies and methods for geoinformatics and remote sensing. *Journal of Sensors*, 2018, vol. 2018, Iss. 1, Article ID 3816727. DOI: <https://doi.org/10.1155/2018/3816727>.
3. Körting Th S., Ferreira K.R. Trends in geoinformatics. *Brazilian Journal of Cartography*, 2016, no. 68/6, pp. 1079–1086.
4. Kapp E. *Principles of a philosophy of technology*. New York, Braunscheig, G. Westermann, 1977. 356 p. (In Germ.)
5. Kapp E. *Philosophical or comparative general geography as a scientific representation of the earth's conditions and human life according to their inner connection*. Toronto, Braunscheig, G. Westermann, 2005. 145 p. (In Germ.)
6. Popkova N.V. *Anthropology of technology*. Moscow, Lenand Publ., 2023. 416 p. (In Russ.)
7. Popkova N.V. Anthropologizing technology – a theoretical basis for assessing human transformation projects. *Problems of Modern Anthroposocial Cognition. Collection of Scientific Articles*. Bryansk, BSTU Press, 2022. pp. 18–26. (In Russ.)
8. Popkova N.V. Anthropologizing technology – a theoretical basis for ideological analysis of the personality of the digital age. *Artificial Intelligence and Social Development: New Opportunities and Obstacles. Collection of Materials*. Moscow, MAKSS Press, 2022. pp. 284–285. (In Russ.)
9. Feskov D.V. Philosophy and anthropology of technology. *Problems of Modern Anthroposocial Cognition. Collection of Scientific Articles*. Bryansk, BSTU Publ., 2023. pp. 85–90. (In Russ.)
10. Kuznetsov A.G. Anthropomorphization and “unmanned” automobiles. *Ethnographic Review*, 2022, no. 1, pp. 5–8. (In Russ.)
11. Khmelkov M.M. On the ontological status of technology in the era of intelligent systems. *Education in the 21st century: between routine and creativity. Collection of materials and reports of the XXVI International scientific and practical conference*. Ekaterinburg, Humanitarian University Press, 2024. pp. 745–750. (In Russ.)

12. Heidegger M. The end of philosophy and the task of thinking. *On the matter of thinking*. GmbH, Max Niemeyer Verlag, 1964. pp. 67–90. (In Germ.)
13. Yaspers K. *Philosophical faith in the face of Christian revelation*. London, Collins, 1967. 334 p. (In Germ.)
14. Scheler M. *The position of man in the cosmos*. Germany, Reichel, 1930. 504 p. (In Germ.)
15. Bach A., Shaffer G., Wolfson T. Digital human capital: developing a framework for understanding the economic impact of digital exclusion in low-income communities. *Journal of Information Policy*, 2013, vol. 3, pp. 247–266.
16. Critchlow N. Nathan health and well-being in the digital society. *Social determinants of health: an interdisciplinary approach to social inequality and wellbeing*. Policy Press, 2018. pp. 103–118. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt22p7kj8.14>
17. Dugger W.M. Two twists in economic methodology: positivism and subjectivism. *The American Journal of Economics and Sociology*, 1983, vol. 42, no. 1, pp. 75–91.
18. Savchenko V. Human genome: ethical challenges and risks. *Science and Innovation*, 2010, no. 12 (94), pp. 36–39. (In Russ.)
19. *Eugenics and ethical standards*. Available at: <https://poisk-ru.ru/s35853t9.html> (accessed 10 October 2024).

Information about the authors

Natalia N. Pluzhnikova, Cand. Sc., Associate Professor, Moscow Polytechnic University, 38, Bolshaya Semenovskaya street, Moscow, 107023, Russian Federation; pluzhnikova@bk.ru

Svetlana V. Kovaleva, Dc. Sc., Associate Professor, Professor, Kostroma State Agricultural Academy, 34, Uchebny Gorodok street, Karavaevo, Kostroma, 156530, Russian Federation; sweta.lana1968@yandex.ru

Received: 19.10.2024

Revised: 23.12.2024

Accepted: 30.12.2024

УДК 332.14

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1928

Шифр специальности ВАК: 5.2.3

Оценка влияния особенностей размещения производительных сил, инфраструктуры и объектов социальной сферы на результативность экономической деятельности предприятий в муниципальных образованиях Уральского федерального округа

И.В. Наумов, Н.Л. Никулина

*Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Россия, г. Екатеринбург*

 nikulina.nl@uiec.ru

Аннотация. Для разработки стратегий социально-экономического развития территорий на муниципальном и региональном уровнях особенно актуальной является оценка размещения производительных сил, наличия инфраструктуры и объектов социальной сферы. В статье представлен авторский методический инструментарий, который основан на использовании многомерного анализа не только для сравнения муниципальных образований по наличию у них ресурсов и инфраструктуры для развития, но и для сопоставления результатов деятельности предприятий на их территории с обеспеченностью данными ресурсами. В ходе исследования выполнен теоретический обзор работ, посвященных применению многомерного анализа для оценки социально-экономических процессов. Разработанный методический подход к многомерному анализу размещения производительных сил, инфраструктуры и объектов социальной сферы в территориальных системах позволил выполнить анализ результатов деятельности функционирующих в муниципальных образованиях Уральского федерального округа предприятий и их группировку; оценить наличие транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, объектов социальной сферы и размещения производительных сил в муниципальных образованиях УрФО по выделенным группам и их влияние на результаты деятельности предприятий с использованием пространственного регрессионного моделирования, а также выявить направления развития инфраструктуры и социальной сферы в муниципальных образованиях. Многомерный анализ размещения производительных сил (предприятий, трудовых и инвестиционных ресурсов), транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, объектов социальной сферы показал пространственную неоднородность и фрагментарность их размещения. Проведенный регрессионный анализ подтвердил влияние отдельных элементов инфраструктуры и социальной сферы на интенсивность результатов деятельности предприятий и важность привлечения трудовых ресурсов для ее повышения во всех группах муниципальных образований.

Ключевые слова: многомерный анализ, квантильная регрессия, производительные силы, инфраструктура, объекты социальной сферы, муниципальные образования

Благодарности. Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР Центра стратегического развития территорий Института экономики УрО РАН на 2024 г.

Для цитирования: Наумов Е.В., Никулина Н.Л. Оценка влияния особенностей размещения производительных сил, инфраструктуры и объектов социальной сферы на результативность экономической деятельности предприятий в муниципальных образованиях УрФО // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 234–252. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1928

UDC 332.14

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1928

Assessment of the impact of productive forces, infrastructure and social sphere facilities location features on the efficiency of economic activities of enterprises in Ural Federal District municipalities

I.V. Naumov, N.L. Nikulina

*Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation*

 nikulina.nl@uiec.ru

Abstract. The assessment of productive forces, availability of infrastructure and social facilities location is especially relevant for improvement of strategies of socio-economic development of territories at municipal and regional levels. The article presents the author's methodological tools, which are based on the use of multivariate analysis not only for comparison of municipalities by availability of resources and infrastructure for development, but also for comparison of results of enterprises activity in their territory with provision with these resources. The authors have carried out a theoretical review of works devoted to application of multivariate analysis for assessment of socio-economic processes. The developed methodological approach to multivariate analysis of productive forces, infrastructure and social facilities location in territorial systems made it possible to analyze the results of activity of enterprises operating in municipalities of the Ural Federal District and their grouping; to assess availability of transport, energy and engineering infrastructure, social facilities and location of productive forces in municipalities of the Urals Federal District by selected groups and their effect on results of enterprises activity using spatial regression modeling, as well as to identify directions of development of infrastructure and social sphere in municipalities. Multidimensional analysis of the distribution of productive forces (enterprises, labor and investment resources), transport, energy and engineering infrastructure, social facilities showed spatial heterogeneity and fragmentation of their distribution. The conducted regression analysis confirmed the influence of individual elements of infrastructure and the social sphere on the intensity of the results of enterprises activities and the importance of attracting labor resources to improve it in all groups of municipalities.

Keywords: multivariate analysis, quantile regression, productive forces, infrastructure, social facilities, municipalities

Acknowledgments. The article was prepared in accordance with the Research Plan of the Center for Strategic Development of Territories of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024.

For citation: Naumov I.V., Nikulina N.L. Assessment of the impact of productive forces, infrastructure and social sphere facilities location features on the efficiency of economic activities of enterprises in Ural Federal District municipalities. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 234–252. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1928

Введение

Важным аспектом при разработке стратегических документов социально-экономического развития территорий является оценка состояния и уровня развития ее транспортной, энергетической, инженерной инфраструктуры и объектов социальной сферы, размещения производительных сил (предприятий различных отраслей экономики, трудовых и инвестиционных ресурсов). Данный аспект очень фрагментарно представлен в принятых и реализуемых в

настоящее время стратегических документах на региональном уровне, он не учитывается и в Пространственной стратегии развития Российской Федерации до 2025 г. Большое внимание в таких документах уделяется вопросам развития отраслей экономики, привлечения кадров, реализации социальной политики. Лишь в отдельных документах представляются стратегические проекты по развитию транспортной инфраструктуры. В настоящее время реализуются стратегические проекты, направленные на развитие транспортной инфраструктуры – «Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года»¹, энергетической инфраструктуры – «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года»², инженерной инфраструктуры – «Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2035 г.»³, стратегии комплексного инфраструктурного развития территорий – «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года»⁴. В данных стратегиях определены целевые параметры инфраструктурного развития регионов России, однако не раскрывается информация о состоянии данной инфраструктуры, пространственном размещении объектов социальной сферы, о планируемых к реализации проектах, не указываются и пространственные направления развития транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры.

Прогрессивное социально-экономическое развитие территорий зависит не только от обеспеченности предприятиями различных отраслей экономики, трудовыми и инвестиционными ресурсами, но и от наличия транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, объектов социальной сферы. Поэтому целью данной работы стала оценка размещения производительных сил, наличия инфраструктуры и объектов социальной сферы в муниципальных образованиях Уральского федерального округа (УрФО) с применением многомерного анализа и оценка их влияния на результаты деятельности предприятий (объем отгруженных ими товаров, оказанных услуг и выполненных работ). Данный анализ позволит наметить основные направления развития инфраструктуры и социальной сферы в муниципальных образованиях, которые необходимы для разработки стратегий социально-экономического развития территорий на муниципальном и региональном уровнях и Пространственной стратегии Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели предлагается провести теоретический обзор исследований с применением многомерного анализа для определения его возможностей, преимуществ и недостатков в оценке наличия тех или иных ресурсов в территориальных системах; представить методический подход к многомерному анализу размещения производительных сил, инфраструктуры и объектов социальной сферы в территориальных системах; провести сравнительный анализ результатов деятельности функционирующих в муниципальных образованиях УрФО предприятий (объема отгруженных ими товаров, оказанных услуг и выполненных работ); осуществить группировку муниципальных образований по данному показателю; провести оценку наличия транспортной, энергетической и инженерной инфраструкту-

¹ Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/7enYF2uL5kFZIOOpQhLl0nUT91RjCbeR.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

² Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1523-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

³ Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2035 г. Утв. распоряжением Правительства РФ от 31 октября 2022 г. № 3268-р URL: <http://static.government.ru/media/files/AdmXczBBUGfGNM8tz16r7RkQcsgP3LAm.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

⁴ Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

ры, объектов социальной сферы и размещения производительных сил в муниципальных образованиях УрФО по выделенным группам с применением предложенного методического подхода; оценить их влияние на результаты деятельности предприятий (объем отгруженных ими товаров, оказанных услуг и выполненных работ) в муниципальных образованиях УрФО с использованием пространственного регрессионного моделирования; определить направления развития инфраструктуры и социальной сферы в муниципальных образованиях.

Теоретический обзор исследований

Для исследования размещения производительных сил, инфраструктуры и объектов социальной сферы учеными применяются статистический (статистическое наблюдение, вариационный метод, метод выборки, корреляционный и регрессионный анализ, временные ряды и др.) и многомерный статистический анализ (факторный, кластерный и дискриминантный анализы).

Статистический анализ для мониторинга социально-инженерного блока инфраструктуры Свердловской области в части исследования аналитических показателей динамических рядов использовали Н.М. Сурнина, А.А. Илюхин, С.В. Илюхина [1]. О. Shrestha и его коллеги оценивают влияние развития инфраструктуры на социально-экономические аспекты местных сообществ методами описательной статистики и регрессионного анализа [2]. С помощью статистического анализа С. Chaloumis демонстрирует потенциал инвестиций в инфраструктуру и предлагает направления стратегического планирования и разработки политики для максимизации его преимуществ для устойчивого экономического развития [3]. Многомерный анализ является распространенным методом исследования социально-экономических процессов. Данный метод использовали Р. Hampton, А.С. Rayner для оценки развития регионов [4], М.У. Nabixojayeva – для анализа динамики социально-экономических процессов [5].

В своем исследовании А.В. Коваленко и др. применяли кластерный, дискриминантный, классификационный (деревья решений), коэффициентный анализы социально-экономического положения городских округов Краснодарского края [6]. Многофакторная математическая модель оценки конкурентоспособности социально-экономических систем с использованием различных методов многомерной классификации, а именно кластерного и дискриминантного анализа, представлена в исследовании Н.М. Абдикеева и др. Разработанная ими модель позволила определить направления концентрации ресурсов для эффективного социально-экономического развития субъектов РФ [7]. Методы многомерного статистического анализа использовались Е.В. Заровой, Н.Н. Коваленко для оценки взаимосвязи показателей финансирования и результатов реализации Программы поддержки местных инициатив на муниципальном уровне на примере Ставропольского края [8]). Многомерный кластерный анализ позволил В.В. Жолудевой выделить группы районов Ярославской области с похожим сочетанием значений признаков, а также определить место и роль каждого из них в экономике региона [9]). Апробация методов многомерного сравнительного анализа (непараметрического метода граничного анализа (*Data Envelopment Analysis*), методов среднего, таксономического показателя, главных компонент) основных показателей регионального производства для оценки интегрального индикатора – относительного уровня эффективности экономики российских регионов, выполнена Л.В. Чайкой [10].

Факторный анализ использовался J. Тан для анализа социально-экономического развития провинций и городов в Китае [11]. Методы многомерного анализа были использованы И.В. Яковенко для оценки социально-экономического уровня развития административно-территориальных образований РФ [12]. Данный метод применяла Т.Н. Ларина для анализа развития социальной инфраструктуры сельских муниципальных районов [13]. Степень различий в социально-экономическом развитии субъектов России с помощью многомерного статистического анализа была оценена А.Ю. Юдинцевым, Г.Н. Трошкиной [14]. Комплекс-

ное применение методов статистического и многомерного анализов влияния социально-экономических факторов на уровень развития малого бизнеса в регионах РФ представлено в работе Е.И. Сухановой, С.Ю. Ширнаевой и Е.О. Константиновой. Авторами был использован метод многомерной классификации данных, были построены и протестированы эконометрические модели оборота малых предприятий для каждой выявленной в ходе исследования группы регионов [15]). Методы статистического (корреляционно-регрессионного анализа) и многомерного факторного анализа (главных компонент) использованы Я.А. Лещенко, А.А. Лисовцов для установления особенностей формирования качества жизни в Иркутской области под воздействием широкого комплекса факторов среды обитания [16].

В исследовании А.Н. Рахмангулова, О.А. Копыловой разработаны многофакторные модели социально-экономического развития регионов, а также имитационная модель динамики данных факторов для прогнозирования спроса на объекты логистической инфраструктуры. Выбор региона размещения логистического центра авторы предлагают осуществлять по методике, основанной на расчете интегрированного показателя, учитывающего различия в уровне социально-экономического и инфраструктурного развития регионов [17]. Для оценки влияния инфраструктуры на социально-экономическое развитие регионов России Е.Д. Игнатьева, О.С. Мариев, А.Е. Серкова также применяли методы эконометрического и многомерного кластерного анализа [18]. Т.В. Сарычева, М.В. Чемякова предложили многомерную группировку регионов России, основанную на использовании метода кластерного анализа – метода Варда. Авторами в каждой из групп с помощью регрессионного анализа выделены основные социально-экономические показатели, определяющие состояние и развитие трудовых ресурсов на региональных рынках труда [19]. Н.К. Srivastava, R. Mujoo, S.K. Singh, V.L. Singh с помощью метода главных компонент и регрессионного анализа оценили взаимосвязь между обеспеченностью районов и регионов Индии инфраструктурой и их социально-экономическим развитием [20].

Многомерный анализ, как показал теоретический обзор исследований, чаще всего используется для сравнения исследуемых объектов по множеству признаков, с применением интегральных коэффициентов, объединяющих большое число показателей, представленных в разных единицах измерения. И в этом состоит его преимущество по сравнению с другими методами сравнения исследуемых объектов (методом ранжирования объектов по отдельным статистическим показателям, методом сравнения объектов с использованием стандартных отклонений и средних значений, методом формирования рейтинга в баллах и др.). Используемый многомерным анализом принцип расчета для каждого исследуемого объекта отклонений от эталонного значения, который наблюдался у того или иного объекта, позволяет провести сравнительный анализ объектов по множеству признаков вне зависимости от используемой системы их измерения. Преимуществом такого метода является и многомерность оценки, которая предоставляет исследователю возможность учета неограниченного числа показателей при анализе того или иного признака. Именно поэтому при оценке пространственных особенностей размещения производительных сил, инфраструктуры и объектов социальной сферы в территориальных системах предлагается использование многомерного анализа.

Методический подход к проведению многомерного анализа размещения производительных сил, инфраструктуры и объектов социальной сферы в территориальных системах

Поскольку основной целью данного исследования является проведение оценки размещения производительных сил, инфраструктуры и объектов социальной сферы в муниципальных образованиях УрФО и их влияния на результаты деятельности предприятий, то и многомерный анализ будет применяться не только для сравнения муниципальных образований по

наличию у них ресурсов и инфраструктуры для развития, но и для сопоставления результатов деятельности предприятий на их территории с наличием данных ресурсов.

На начальном этапе исследования предлагается применение многомерного анализа для сравнения территорий по результатам деятельности предприятий – объему отгруженных ими товаров, оказанных услуг и выполненных работ. В ходе данного анализа территории, у которой наблюдается максимальное значение по отмеченному показателю, присваивается максимальный балл – единица. Значения объема отгруженных товаров по остальным территориям преобразуются путем расчета их отклонений от эталонного (максимального в исследуемом регионе), то есть осуществляется процедура стандартизации данных по оцениваемому признаку:

$$P_i = \left(\frac{O_i}{O_e}\right)^2, \quad (1)$$

где P_i – коэффициент интенсивности результатов деятельности предприятий в территориальной системе; O_i – объем отгруженных предприятиями товаров, оказанных услуг и выполненных работ в территориальной системе, тыс. р.; O_e – эталонное (максимальное среди исследуемых территорий) значение объема отгруженных предприятиями товаров, оказанных услуг и выполненных работ, тыс. р.

Рассчитываемый коэффициент интенсивности результатов деятельности предприятий колеблется в диапазоне $0 < P_i < 1$, и чем ближе он приближается к единице, тем более значительно объем отгруженных товаров в территориальной системе стремится к эталонному значению.

На следующем этапе исследования для более корректного сопоставления результатов деятельности предприятий в территориальных системах с уровнем развития в них инфраструктуры и объектов социальной сферы предлагается осуществить группировку территорий по коэффициенту интенсивности результатов деятельности предприятий. В первую группу предлагается включить территории с коэффициентом интенсивности результатов деятельности предприятий выше среднего уровня по всем исследуемым территориям на одно стандартное отклонение, во вторую группу – территории с коэффициентом интенсивности результатов выше среднего уровня, а в третью группу – территории с указанным коэффициентом ниже среднего уровня. Такая группировка позволит в дальнейшем сравнить особенности размещения транспортной, инженерной, энергетической инфраструктуры, объектов социальной сферы и производительных сил в территориальных системах с отличающимся уровнем интенсивности результатов деятельности предприятий. Многомерный анализ размещения производительных сил в территориальных системах предполагает сравнение территорий по количеству организаций, среднесписочной численности работников организаций и объему инвестиций в основной капитал за счет средств бюджета муниципального образования и организаций, находящихся на территории (табл. 1). Расчет интегрального коэффициента, характеризующего размещение в территориальных системах производительных сил, как и всех оцениваемых элементов инфраструктуры и объектов социальной сферы, предлагается осуществлять по стандартной формуле многомерного анализа:

$$K_i = \left(\frac{\Pi_{1i}}{\Pi_{1e}}\right)^2 + \left(\frac{\Pi_{2i}}{\Pi_{2e}}\right)^2 + \dots + \left(\frac{\Pi_{ni}}{\Pi_{ne}}\right)^2,$$

где K_i – коэффициент размещения производительных сил/транспортной инфраструктуры/энергетической инфраструктуры/инженерной инфраструктуры/объектов социальной сферы в территориальной системе; Π_i – значение показателя, характеризующего тот или иной элемент инфраструктуры, социальной сферы, производительных сил в территориальной системе; Π_e – эталонное (максимальное среди исследуемых территорий) значение показателя, характеризующего тот или иной элемент инфраструктуры, социальной сферы, производительных сил в территориальной системе.

Расчет соотношения значений с эталонным по каждому показателю позволит установить территориальные системы со значительным уровнем размещения предприятий, трудовых и инвестиционных ресурсов, тех или иных элементов инфраструктуры, социальной сферы, а также территории, которые ими не обеспечены. Многомерный анализ позволит определить и недостающие элементы инфраструктуры, на которые органам государственной власти следует обратить особое внимание. Набор показателей для многомерного анализа, представленных в табл. 1, к сожалению, ограничен публикуемой Росстатом официальной статистической информацией, и в случае развития базы официальных данных в будущем перечень оцениваемых показателей может быть расширен.

Для сопоставления интенсивности результатов деятельности функционирующих в территориальных системах предприятий и уровня размещения в них производительных сил, транспортной, энергетической, инженерной инфраструктуры и объектов социальной сферы по каждой группе предлагается расчет и сравнение средних величин по характеризующим их коэффициентам. Оценка влияния размещенной в территориальных системах инфраструктуры, социальной сферы, предприятий, трудовых и инвестиционных ресурсов на интенсивность результатов деятельности предприятий будет осуществляться с использованием пространственного регрессионного моделирования (методами наименьших квадратов по пространственным данным и квантильной регрессии).

Таблица 1. Основные показатели, используемые для многомерного анализа размещения производительных сил, транспортной, энергетической, инженерной инфраструктуры и объектов социальной сферы в территориальных системах

Table 1. Key indicators used for multidimensional analysis of the distribution of productive forces, transport, energy, engineering infrastructure and social facilities in territorial systems

Коэффициенты Coefficients	Показатели для многомерного анализа Indicators for multivariate analysis
Коэффициент размещения производительных сил Coefficient of productive forces location	Общее количество предприятий, ед./Total number of enterprises, units
	Среднесписочная численность работников организаций, чел. Average number of employees of organizations, people
	Объем инвестиций в основной капитал за счет средств бюджета муниципального образования и организаций, находящихся на его территории, тыс. р. Volume of investments in fixed capital from the budget of the municipality and organizations located on its territory, thousand rubles
Коэффициент размещения транспортной инфраструктуры Transport infrastructure location coefficient	Количество организаций сферы «Транспортировка и хранение», ед. Number of organizations in the sphere of "Transportation and storage", units
	Протяженность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км Length of public roads with hard surface, km
	Протяженность автомобильных дорог с усовершенствованным покрытием, км Length of roads with improved surfaces, km
	Общая протяженность улиц, проездов, набережных, км Total length of streets, driveways, embankments, km
	Количество автозаправочных станций, расположенных на автомобильных дорогах общего пользования местного значения, ед. Number of filling stations located on public roads of local importance, units
Коэффициент размещения энергетической инфраструктуры Energy infrastructure location coefficient	Количество предприятий «Обеспечение электрической энергией, газом», ед. Number of enterprises "Provision of electricity, gas", units.
	Число источников теплоснабжения, ед. Number of heat supply sources, units
	Протяженность тепловых и паровых сетей в двухтрубном исчислении, м Length of heating and steam networks in two-pipe calculation, m
	Одиночное протяжение уличной газовой сети, м Single length of street gas network, m

	Протяженность замененных, отремонтированных тепловых и паровых сетей, м Length of replaced, repaired heating and steam networks, m
Коэффициент размещения инженерной инфраструктуры Coefficient of engineering infrastructure location	Количество организаций сферы «Водоснабжение, водоотведение, утилизация отходов» Number of organizations in the field of "Water supply, sanitation, waste disposal"
	Одиночное протяжение уличной водопроводной сети, м Single length of street water supply network, m
	Одиночное протяжение уличной канализационной сети, м Single length of street sewer network, m
	Вывезено за год твердых коммунальных отходов, тыс. куб. м Solid municipal waste removed per year, thousand cubic meters
	Текущие затраты на охрану окружающей среды, тыс. р. Current costs for environmental protection, thousand rubles
Коэффициент размещения объектов социальной сферы Coefficient of social facilities location	Количество предприятий сферы «Строительство», ед. Number of enterprises in the "Construction" sector, units
	Количество предприятий сферы «Торговля оптовая и розничная», ед. Number of enterprises in the sphere of "Wholesale and retail trade", units
	Количество предприятий сферы «Деятельность научная и техническая», ед. Number of enterprises in the sphere of "Scientific and technical activities", units
	Количество предприятий сферы «Образование», ед. Number of enterprises in the "Education" sector, units
	Количество предприятий сферы «Деятельность в области здравоохранения», ед. Number of enterprises in the sphere of "Health care activities", units
	Число лечебно-профилактических организаций, ед. Number of medical and preventive institutions, units
	Количество предприятий сферы «Информация и связь», ед. Number of enterprises in the Information and Communications sector, units
	Количество предприятий сферы «Спорт», ед. Number of enterprises in the "Sport" sector, units
	Число спортивных сооружений, ед./Number of sports facilities, units
	Численность занимающихся в детско-юношеских спортивных школах, чел. Number of people involved in children's and youth sports schools, people
	Введено в действие многоквартирных жилых домов, кв. м Multi-apartment residential buildings commissioned, sq. m
	Введено в действие индивидуальных жилых домов, кв. м Individual residential buildings commissioned, sq. m
	Число мест в организациях, осуществляющих деятельность по программам дошкольного образования, шт. Number of places in organizations implementing preschool education programs, pcs.
	Численность педагогических работников в организациях, осуществляющих деятельность по образовательным программам дошкольного образования, чел. Number of teaching staff in organizations implementing preschool education programs, people
	Оборот общественного питания, тыс. р. Catering turnover, thousand rubles
	Общий объем всех продовольственных товаров, тыс. р. Total volume of all food products, thousand rubles
	Число коллективных средств размещения (гостиниц и отелей), ед. Number of collective accommodation facilities (hotels and motels), units
	Число мест в коллективных средствах размещения, ед. Number of places in collective accommodation facilities, units

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Необходимость использования квантильной регрессии обусловлена высокой пространственной неоднородностью территориальных систем. В ходе моделирования предполагается оценка влияния всех представленных в табл. 1 показателей, характеризующих особенности размещения производительных сил, инфраструктуры и объектов социальной сферы в терри-

ториальных системах, на объем отгруженных предприятиями товаров, оказанных услуг и выполненных работ. При построении квантильной регрессии предлагается использование трех квантилей в соответствии с количеством выделяемых групп территориальных систем ($\tau=0,25$; $\tau=0,5$ и $\tau=0,75$). Квантильная модель покажет, какие элементы инфраструктуры и социальной сферы оказывают наиболее значительное влияние на интенсивность результатов деятельности предприятий в трех группах территориальных систем, а также позволит наметить основные приоритетные направления их развития.

Результаты исследования

Предложенный методический подход к проведению многомерного анализа был апробирован на муниципальном уровне. В ходе исследования были собраны и систематизированы статистические данные по объему отгруженных организациями товаров, выполненных работ, оказанных услуг, а также по показателям, представленным в табл. 1, по всем муниципальным образованиям УрФО за 2022 г. При проведении исследования не учитывались сельские поселения с низкой численностью населения, по которым статистическая информация представлена очень фрагментарно и не по всем оцениваемым показателям.

В результате сопоставления объема отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных предприятиями услуг с эталонным значением данного показателя, который был отмечен в Сургутском муниципальном районе в 2022 г., был рассчитан коэффициент интенсивности результатов деятельности предприятий и выполнена группировка муниципальных образований по данному признаку (табл. 2).

В первую группу вошли муниципальные образования со значительным объемом отгруженных товаров, с коэффициентом интенсивности результатов деятельности предприятий выше стандартного отклонения от среднего уровня по УрФО (выше 0,11), в частности: г. Екатеринбург и г. Сургут, Челябинский и Магнитогорский городские округа, муниципальные районы Нижневартовский, Сургутский и Ханты-Мансийский. Объем отгруженных товаров в данных муниципальных образованиях в 2022 г. составлял в среднем 44 % от максимально возможного. Данная группа муниципальных образований отличалась и очень высокими значениями показателей, характеризующих особенности размещения производительных сил – на одно муниципальное образование данной группы в среднем приходилось 19 % предприятий от максимально возможного, эталонного значения, которое было отмечено в г. Екатеринбурге, а также 23,8 % от максимально возможной численности работников организаций и 25,8 % от эталонного объема инвестиций в основной капитал. Сопоставление рассчитанных коэффициентов размещения производительных сил со средним значением по всем муниципальным образованиям федерального округа показало, что у предприятий Нижневартовского муниципального района недостаточно полно сформирован кадровый потенциал – коэффициент соотношения численности работников организаций с эталонным значением по данному показателю (0,009) оказался значительно ниже среднего уровня по федеральному округу (0,01). Такая же ситуация наблюдается и у Ханты-Мансийского муниципального района.

По развитию транспортной инфраструктуры в УрФО также лидировал г. Екатеринбург, по всем показателям данное муниципальное образование имело эталонное, максимально возможное значение. В Челябинском городском округе в 2022 г. коэффициент соотношения с эталонным значением по количеству предприятий в области транспортировки и хранения составлял 37 %, протяженности автомобильных дорог с твердым и усовершенствованным покрытием – 95 %, протяженности улиц и проездов – 66 %, количеству автозаправочных станций на автомобильных дорогах общего пользования – 66 %.

Таблица 2. Коэффициенты результативности деятельности предприятий, размещения производительных сил, транспортной, энергетической, инженерной инфраструктуры и объектов социальной сферы в трех группах муниципальных образований

Table 2. Performance coefficients of enterprises, location of productive forces, transport, energy, engineering infrastructure and social facilities in three groups of municipalities

Группы муниципальных образований Groups of municipalities		Коэффициент интенсивности результатов деятельности предприятий Coefficient of intensity of the results of enterprise activities	Коэффициент размещения Accommodation coefficient				
			производительных сил productive forces	транспортной инфраструктуры transport infrastructure	энергетической инфраструктуры energy infrastructure	инженерной инфраструктуры engineering infrastructure	объектов социальной сферы social facilities
Первая группа First group	г. Екатеринбург/Yekaterinburg city	0,59	2,00	4,66	4,09	4,66	16,56
	Челябинский ГО Chelyabinsk urban district	0,26	0,80	3,92	2,57	2,79	7,66
	Магнитогорский ГО Magnitogorsk urban district	0,17	0,14	0,85	0,43	0,77	0,55
	Нижневартовский МР Nizhnevartovsk municipal district	0,60	0,35	0,05	0,03	0,10	0,01
	г. Сургут/Surgut city	0,32	0,08	0,34	0,12	0,22	0,96
	Сургутский МР Surgut municipal district	1,00	1,05	0,20	0,10	1,08	0,07
	Ханты-Мансийский МР Khanty-Mansiysk municipal district	0,15	0,38	0,03	0,03	0,04	0,001
	Среднее по группе/Group average	0,44	0,69	1,44	1,05	1,38	3,69
Вторая группа Second group	Верхняя Пышма ГО Verkhnyaya Pyshma urban district	0,05	0,001	0,07	0,05	0,38	0,07
	г. Нижний Тагил/Nizhny Tagil city	0,06	0,06	1,15	0,55	0,86	0,60
	Уватский МР/Uvat municipal district	0,02	0,02	0,09	0,02	0,07	0,02
	Кондинский МР Kondinsky municipal district	0,02	0,04	0,12	0,02	0,04	0,01
	г. Нефтеюганск/Nefteyugansk city	0,01	0,03	0,03	0,01	0,04	0,06
	Нефтеюганский МР Nefteyugansk municipal district	0,06	0,20	0,04	0,02	0,08	0,01
	Октябрьский МР Oktyabrsky municipal district	0,03	0,01	0,07	0,06	0,03	0,001
	г. Югорск/Yugorsk city	0,05	0,001	0,02	0,03	0,04	0,01
	г. Курган/Kurgan city	0,01	0,05	0,43	0,66	0,43	0,42
	Каменск-Уральский ГО Kamensk-Uralsky urban district	0,01	0,01	0,18	0,19	0,05	0,09
	г. Нижневартовск Nizhnevartovsk city	0,01	0,05	0,14	0,06	0,14	0,37
	Среднее по группе/Group average	0,03	0,04	0,2	0,14	0,18	0,14
Третья группа Third group	Среднее по группе/Group average	0,0003	0,0022	0,088	0,038	0,033	0,039

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.
Source: calculated by the authors based on data from the Federal State Statistics Service.

По большинству показателей, характеризующих особенности размещения транспортной инфраструктуры в муниципальных образованиях первой группы, отмечается превышение одного стандартного отклонения от среднего уровня по федеральному округу, как и по интенсивности результатов деятельности предприятий. Исключением являются Нижневартровский и Ханты-Мансийский автономные округа, в которых недостаточно транспортных предприятий (соотношение количества данных предприятий с эталонным ниже среднего уровня 0,007 по федеральному округу), недостаточно протяженности автомобильных дорог с твердым покрытием (ниже среднего уровня 0,042), протяженности дорог с усовершенствованным покрытием (ниже среднего уровня 0,023), протяженности улиц и проездов (ниже среднего уровня 0,059), количества автозаправочных станций (ниже среднего уровня 0,011).

Высокий уровень размещения объектов энергетической инфраструктуры наблюдается в муниципальных образованиях первой группы. По многим показателям эталонный, максимально возможный уровень был отмечен в г. Екатеринбурге – по количеству предприятий в области энергетики, по числу источников теплоснабжения, по протяженности тепловых и паровых сетей. По протяженности замененных и отремонтированных газовых сетей эталонное значение наблюдалось в Челябинском городском округе. Средний уровень соотношения значений с эталонным по муниципальным образованиям данной группы по количеству предприятий в области энергетики составлял 21 %, по числу источников теплоснабжения – 16 %, по протяженности тепловых и паровых сетей в двухтрубном исчислении, а также протяженности отремонтированных и замененных сетей – 28 %, по протяженности уличной газовой сети – 12 %. В данной группе муниципальных образований недостаточно полно представлена энергетическая инфраструктура в Нижневартковском, Сургутском и Ханты-Мансийском муниципальных районах. Коэффициент соотношения количества предприятий в области энергетики с эталонным у данных муниципальных образований оказался ниже среднего по УрФО (0,008). У данных территорий наблюдается недостаточное число источников теплоснабжения (коэффициент их наличия ниже среднего по федеральному округу 0,021), недостаточная протяженность тепловых и паровых сетей (ниже среднего уровня в 0,014), протяженность уличной газовой сети (ниже среднего уровня 0,019 по федеральному округу).

Муниципальные образования данной группы отличаются и значительным уровнем размещения объектов инженерной инфраструктуры. Эталонным, максимально возможным уровнем по количеству предприятий в области водоснабжения, водоотведения и утилизации отходов, по протяженности уличной водопроводной сети, объему вывезенных за год твердых коммунальных отходов отличался г. Екатеринбург, по протяженности уличной канализационной сети – городской округ Челябинский, а по объему текущих затрат на охрану окружающей среды – Сургутский муниципальный район. Средний уровень интегрального коэффициента, характеризующего особенности размещения инженерной инфраструктуры в муниципальных образованиях данной группы (1,38), значительно превышает уровень, наблюдавшийся в других территориальных системах (табл. 2). Вместе с тем у отмеченных ранее муниципальных образований (Нижневартковского, Сургутского и Ханты-Мансийского муниципальных районов) наблюдается недостаток развития отдельных элементов инженерной инфраструктуры, в частности, недостаточно предприятий в области водоснабжения, водоотведения и утилизации отходов (соотношение их числа с эталонным ниже среднего уровня 0,007 по федеральному округу), протяженности уличной водопроводной сети (ниже среднего уровня 0,038), протяженности уличной канализационной сети (ниже среднего уровня 0,024), наблюдается очень низкий объем вывезенных твердых коммунальных отходов (ниже среднего уровня в 0,009). В Магнитогорском городском округе наблюдается недостаточное число источников теплоснабжения (соотношение их количества с эталонным ниже среднего 0,021 по федеральному округу).

Наиболее значительна разница уровней размещения объектов социальной сферы между группами муниципальных образований. Средний уровень соотношения значений с эталонным по муниципальным образованиям данной группы по количеству строительных предприятий в 2022 г. составлял 20 %, по количеству предприятий оптовой и розничной торговли – 19 %, организаций, осуществляющих научно-техническую деятельность – 18 %, образовательных учреждений – 22 %, учреждений здравоохранения – 22 %, числу лечебно-профилактических организаций – 25 %, по количеству предприятий в области информации и связи – 17 %, спортивных организаций – 18 %, по числу спортивных сооружений и численности занимающихся в детско-юношеских спортивных школах – 28 %, по объему введенных в действие многоквартирных домов – 16 %, по числу мест в организациях, осуществляющих деятельность по программам дошкольного образования, и численности педагогических работников в данных организациях – 26 %, по обороту общественного питания – 20 %, объему всех продовольственных товаров – 18 %, по числу гостиниц и отелей – 20 % и численности мест в данных учреждениях – 22 %. Муниципальные образования данной группы отличаются таким же высоким, близким к эталонному, значением коэффициента размещения объектов социальной сферы, как и по интенсивности результатов деятельности предприятий (табл. 2). Вместе с тем в отдельных муниципальных образованиях – в Нижневартовском, Сургутском и Ханты-Мансийском муниципальных районах – наблюдается недостаточное развитие всех элементов, характеризующих социальную сферу, по всем показателям уровень соотношения с эталонным значением ниже среднего по УрФО. В Магнитогорском городском округе и г. Сургуте наблюдается низкий уровень строительства и введения в эксплуатацию многоквартирных домов, соотношение их объема с эталонным ниже среднего 0,006 по федеральному округу.

Таким образом, первая группа муниципальных образований отличается очень высоким уровнем интенсивности осуществляемой предприятиями деятельности и достаточно высоким уровнем размещения производительных сил (рабочих мест, трудовых и инвестиционных ресурсов), транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, объектов социальной сферы. Однако в данной группе выделяются и муниципальные образования – ведущие центры добычи нефти и природного газа в УрФО (Нижневартовский, Сургутский и Ханты-Мансийский муниципальные районы), которые несмотря на высокий уровень интенсивности результатов деятельности предприятий отличаются недостаточно развитой инфраструктурой и социальной сферой. Из-за ее недостаточной представленности, отсутствия комфортной среды для проживания населения в данных муниципальных образованиях ощущается нехватка трудовых ресурсов, предприятиями используется вахтовый способ привлечения кадров.

Во вторую группу муниципальных образований вошли территории с уровнем интенсивности результатов деятельности предприятий выше среднего по УрФО (выше 0,017), с объемом отгруженных товаров выше 1,7 % от максимально возможного: г. Нижний Тагил, г. Нефтеюганск, г. Нижневартовск, г. Югорск, г. Курган, городские округа Верхняя Пышма и Каменск-Уральский, муниципальные районы Октябрьский, Уватский, Кондинский, Нефтеюганский, Октябрьский (табл. 2). Однако, как показал многомерный анализ, данные муниципальные образования недостаточно обеспечены рабочими местами (соотношение количества функционирующих в них предприятий с эталонным значением ниже среднего 0,007 по УрФО). В данных муниципальных образованиях наблюдается нехватка трудовых и инвестиционных ресурсов. Соотношение среднесписочной численности работников организаций с эталонным выше среднего уровня 0,011 по округу только у отдельных муниципальных образований – у г. Нижнего Тагила, г. Кургана, г. Нижневартовска и у Каменск-Уральского городского округа. Инвестиционных ресурсов недостаточно у предприятий, осуществляющих свою деятельность в крупных населенных пунктах – в г. Нижний Тагил, г. Курган, г. Югорск,

в городских округах Каменск-Уральский, Верхняя Пышма, а также в муниципальном районе Октябрьский.

Муниципальные образования данной группы отличаются и средним уровнем развития транспортной инфраструктуры, интегральный коэффициент, характеризующий ее размещение в данных территориальных системах (0,2), незначительно превышает средний уровень 0,14 по федеральному округу. Однако, если оценить обеспеченность территорий элементами данной инфраструктуры, можно отметить недостаток ее размещения практически во всех муниципальных образованиях за исключением г. Нижнего Тагила, г. Кургана, г. Нижневартовска и Каменск-Уральского городского округа. Во всех муниципальных образованиях недостаточно транспортных предприятий (соотношение их числа к эталонному ниже среднего 0,007 по федеральному округу). В подавляющем большинстве муниципальных образований, включая Каменск-Уральский городской округ и г. Нижневартовск, наблюдается недостаточная протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием (соотношение их протяженности с эталонным ниже среднего 0,042 по округу) и усовершенствованным покрытием (ниже среднего 0,023 по округу). В муниципальных образованиях второй группы кроме г. Нижнего Тагила, г. Кургана и Каменск-Уральского городского округа отмечается низкий уровень протяженности улиц и проездов (ниже среднего уровня 0,059), а также количества автозаправочных станций (ниже среднего уровня 0,011).

Вторая группа муниципальных образований характеризуется и средним уровнем локализации энергетической инфраструктуры, коэффициент ее размещения (0,14) превышает средний уровень (0,08) по УрФО (табл. 2). Однако по отдельным показателям, характеризующим энергетическую инфраструктуру, в частности, по протяженности тепловых и паровых сетей, а также отремонтированной и замененной их части, протяженности уличной газовой сети, средний уровень соотношения с эталонным значением по муниципальным образованиям данной группы ниже среднего уровня по федеральному округу. Только г. Нижний Тагил, г. Курган и Каменск-Уральский городской округ обеспечены данными элементами энергетической инфраструктуры. В то же время данные муниципальные образования недостаточно обеспечены количеством предприятий в области энергетики (соотношение данного показателя с эталонным ниже среднего 0,008 по федеральному округу). Практически все муниципальные образования кроме г. Нижнего Тагила и г. Югорска недостаточно обеспечены источниками теплоснабжения (соотношение их количества ниже среднего 0,021 по федеральному округу).

Наиболее полно инженерная инфраструктура представлена в г. Кургане и г. Нижнем Тагиле, по всем показателям соотношение с эталонным превышало средний уровень по федеральному округу. Достаточным количеством предприятий в области водоснабжения, водоотведения и утилизации отходов отличались в 2022 г. г. Нижний Тагил, г. Курган и г. Нижневартовск, в остальных муниципальных образованиях соотношение их количества с эталонным было ниже среднего уровня по округу (0,007). Высокий уровень протяженности уличной водопроводной сети (выше среднего по УрФО) кроме данных муниципальных образований наблюдался и в городском округе Верхняя Пышма, муниципальных районах Уватский и Октябрьский. Подавляющее большинство муниципальных образований второй группы недостаточно обеспечены канализационными сетями. Только в г. Нижнем Тагиле, г. Кургане, г. Югорске, городских округах Верхняя Пышма и Каменск-Уральский соотношение протяженности канализационных сетей с эталонным превышает средний уровень 0,024 по УрФО. Практически все муниципальные образования второй группы кроме г. Кургана и г. Нижневартовска отличаются низким объемом вывозимых твердых коммунальных отходов (соотношение их объема к эталонному ниже среднего 0,009 по федеральному округу).

Несмотря на средний уровень интенсивности результатов деятельности предприятий муниципальных образования второй группы недостаточно обеспечены объектами социальной

сферы. Практически по всем показателям соотношение с эталонным в 2022 г. оказалось ниже среднего по УрФО. Многомерный анализ размещения объектов социальной сферы в муниципальных образованиях данной группы показал, что они фрагментарно представлены лишь в г. Нижнем Тагиле, г. Кургане и г. Нижневартовске, в остальных муниципальных образованиях они либо отсутствуют, либо имеют очень низкий уровень соотношения с эталонным, существенно ниже среднего уровня по федеральному округу. Так, в г. Нижнем Тагиле повышенный уровень локализации (выше среднего по федеральному округу) наблюдается по количеству строительных предприятий, спортивных сооружений и численности занимающихся в детских спортивных школах, по количеству мест в организациях, осуществляющих деятельность по программам дошкольного образования, и численности персонала данных учреждений, по обороту общественного питания, общему объему всех продовольственных товаров, по количеству отелей и гостиниц и числу мест в данных учреждениях. По остальным показателям, характеризующим социальную сферу и представленным в табл. 1, наблюдаются очень низкие показатели соотношения с эталонным, ниже среднего по федеральному округу. В г. Кургане наблюдается недостаточный уровень локализации строительных предприятий, организаций оптовой и розничной торговли, научно-технических предприятий, организаций в области информации и связи, спортивных организаций, отмечается низкий объем оборота общественного питания. Недостаточный уровень размещения объектов социальной сферы препятствует формированию комфортной среды проживания в большинстве муниципальных образований данной группы и ведет к недостаточной их обеспеченности трудовыми и инвестиционными ресурсами, к низкому уровню локализации предприятий различных видов экономической деятельности.

Для оценки влияния размещенной в муниципальных образованиях УрФО транспортной, энергетической, инженерной инфраструктуры, объектов социальной сферы, предприятий, трудовых и инвестиционных ресурсов на интенсивность результатов деятельности предприятий была построена пространственная модель. При формировании модели использовались данные по 198 муниципальным образованиям федерального округа за 2022 г. В качестве зависимой переменной использовался коэффициент интенсивности результатов деятельности предприятий (P_i), рассчитываемый по формуле (1), а в качестве факторов рассматривались показатели для многомерного анализа, представленные в табл. 1. В результате расчета описательных статистик был сделан вывод о значительной пространственной неоднородности исследуемых муниципальных образований, поэтому для получения более достоверной модели была применена квантильная регрессия. При ее формировании использовались три квантили в соответствии с количеством выделенных групп муниципальных образований при проведении многомерного анализа ($\tau=0,25$, $\tau=0,5$, $\tau=0,75$).

В результате построения модели было установлено, что на интенсивность результатов деятельности предприятий первой группы муниципальных образований с высоким уровнем соотношения отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных услуг к эталонному, максимальному значению, соответствующей квантилю высоких значений ($\tau=0,75$), положительное влияние оказывают такие факторы, как среднесписочная численность сотрудников организаций, количество автозаправочных станций на автомобильных дорогах общего пользования, протяженность уличной канализационной сети, объем текущих затрат на охрану окружающей среды, объем строительства и введения в эксплуатацию индивидуальных жилых домов, оборот общественного питания и число мест в коллективных средствах размещения – гостиницах и отелях (табл. 3). Остальные факторы – показатели, характеризующие состояние транспортной, энергетической, инженерной инфраструктуры, объектов социальной сферы, а также количество предприятий и инвестиционных ресурсов, не оказали сильного влияния на интенсивность результатов деятельности предприятий первой группы муниципальных образований.

Таблица 3. Параметры квантильной регрессии зависимости уровня интенсивности результатов деятельности предприятий в муниципальных образованиях УрФО от показателей размещения в них транспортной, энергетической, инженерной инфраструктуры и объектов социальной сферы

Table 3. Parameters of quantile regression of the dependence of the level of intensity of the results of enterprises activities in Urals Federal District municipalities on the indicators of transport, energy, engineering infrastructure and social facilities location in them

Характеристики/Charateristics	$\tau=0,75$	$\tau=0,5$	$\tau=0,25$
Const	-0,000005**	-0,00007***	-0,000003***
X3 – среднесписочная численность работников организаций, чел. X3 – average number of employees of organizations, people	0,5851***	0,3679***	0,2729***
X7 – общая протяженность улиц, проездов, набережных, км X7 – total length of streets, driveways, embankments, km	–	–	0,00002
X8 – количество автозаправочных станций на автомобильных дорогах X8 – number of petrol stations on highways	0,0888***	–	–
X10 – число источников теплоснабжения, ед. X10 – number of heat supply sources, units	0,0001	–	–
X12 – одиночное протяжение уличной газовой сети, м X12 – single extension of street gas network, m	-0,00004	–	0,0001***
X13 – протяженность замененных, отремонтированных тепловых и паровых сетей, м X13 – length of replaced, repaired heating and steam networks, m	–	0,0082***	–
X16 – одиночное протяжение уличной канализационной сети, м X16 – single length of street sewer network, m	0,0759***	0,0862***	0,0003***
X18 – текущие затраты на охрану окружающей среды X18 – current environmental protection costs	0,4071***	0,6279***	0,7271***
X30 – введено в действие индивидуальных жилых домов X30 – individual residential buildings put into operation	0,0036***	–	0,0002***
X33 – оборот общественного питания, тыс. р. X33 – turnover of public catering, thousand rubles	0,1336***	0,0004	–
X36 – число мест в коллективных средствах размещения, ед. X36 – number of places in collective accommodation facilities, units	0,0014***	-0,0003	0,000008
Стандартное отклонение зависимой переменной Standard deviation of the dependent variable	0,10	0,10	0,10
Сумма квадратов остатков/Sum of squares of residuals	0,24	0,28	0,33
Крит. Шварца/Schwartz Criterion	-1093,9	-1305,3	-1381,9
Крит. Акаике/Akaike Criterion	-1126,8	-1328,3	-1408,3
Крит. Хеннана–Куинна/Hennan–Quinn Criterion	-1113,5	-1319,0	-1397,6

Источник: рассчитано авторами. Уровень значимости коэффициентов, при котором отвергается нулевая гипотеза теста об отсутствии причинности: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Source: calculated by the authors. The significance level of the coefficients at which the null hypothesis of the test about the absence of causality is rejected: * – $p < 0.1$; ** – $p < 0.05$; *** – $p < 0.01$.

Как и в первой группе муниципальных образований, на интенсивность результатов деятельности предприятий второй группы, со средним соотношением объема отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных услуг к эталонному, максимальному значению, соответствующей квантилю средних значений ($\tau=0,5$), оказали влияние такие факторы, как: численность сотрудников организаций, протяженность уличной канализационной сети и объем текущих затрат на охрану окружающей среды. Помимо них на интенсивность результатов деятельности предприятий оказала влияние и протяженность замененных, отремонтированных тепловых и паровых сетей. Значимость такого фактора, как затраты на охрану окружающей среды, как показал регрессионный анализ, более существенна для муниципальных образований второй группы по сравнению с первой. Здесь сконцентрированы крупные

обрабатывающие производства, центры по добыче и переработке сырой нефти и природного газа, и осуществляемые ими затраты на охрану окружающей среды оказывают значительное влияние на интенсивность результатов осуществляемой ими деятельности.

На муниципальные образования третьей группы с низким уровнем соотношения объема отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных услуг к эталонному, максимальному значению, соответствующей квантилю низких значений ($\tau=0,25$), оказали влияние такие факторы, как: среднесписочная численность сотрудников организаций, протяженность уличной газовой сети, объем строительства и ввода в эксплуатацию индивидуальных жилых домов и объем текущих затрат предприятий на охрану окружающей среды. В данную группу муниципальных образований входят городские округа и муниципальные районы с небольшой численностью населения, удаленные от городских агломераций, и в них преобладает индивидуальный жилищный фонд, для функционирования которого требуются газовые и канализационные сети. Развитие энергетической и инженерной инфраструктуры, а также объектов социальной сферы наиболее актуально для повышения уровня интенсивности результатов деятельности предприятий в муниципальных образованиях данной группы.

Заключение

Многомерный анализ показал пространственную неоднородность и фрагментарность размещения производительных сил (предприятий, трудовых и инвестиционных ресурсов), транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, объектов социальной сферы в муниципальных образованиях УрФО. Значительная их часть размещена в муниципальных образованиях первой группы, которая отличается наибольшим объемом отгруженных предприятиями товаров, выполненных работ и оказанных услуг (с наиболее высокой интенсивностью результатов деятельности предприятий). Наиболее развитой инфраструктурой и социальной сферой обладают входящие в данную группу муниципальных образований городские агломерации г. Екатеринбурга и Челябинский городской округ. На их территории сформировалась комфортная городская среда для проживания населения и осуществления хозяйственной деятельности предприятий. Именно развитая инфраструктура и социальная сфера привлекает на территорию данных муниципальных образований значительные трудовые и инвестиционные ресурсы. Высоким уровнем размещения инфраструктуры и объектов социальной сферы отличается и г. Сургут. Для повышения интенсивности результатов деятельности его предприятий требуется привлечение дополнительных инвестиционных ресурсов, развитие транспортной инфраструктуры за счет строительства новых автозаправочных станций, развитие энергетической инфраструктуры посредством введения в эксплуатацию новых источников теплоснабжения, прокладки новых линий газовых сетей и ремонта старых тепловых и паровых сетей, развитие социальной сферы за счет строительства и ввода в эксплуатацию многоквартирных и индивидуальных жилых домов. Высоким уровнем размещения транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры и социальной сферы отличается и Магнитогорский городской округ, для создания комфортной среды проживания населения на территории данного муниципального образования органам местного самоуправления следует обратить внимание на введение новых источников теплоснабжения и строительство многоквартирных домов. В данной группе муниципальных образований, как показал многомерный анализ, слабо представлены практически все элементы инфраструктуры и социальной сферы в Нижневарттовском и Ханты-Мансийском муниципальных районах. Фрагментарность их размещения оказала негативное влияние на обеспеченность муниципальных образований трудовыми ресурсами и предприятиями различных отраслей экономики. Данные муниципальные образования являются ведущими нефтедобывающими центрами УрФО и наличие значительных инвестиционных ресурсов позволяет им решать вопросы обеспечения комфортного проживания трудовых ресурсов, осуществляющих свою деятельность вахтовым

способом, и это не оказывает негативного влияния на интенсивность результатов деятельности предприятий. Однако в муниципальных образованиях второй группы похожая фрагментарность размещения объектов транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, объектов социальной сферы ведет к низкой обеспеченности территорий трудовыми и инвестиционными ресурсами, рабочими местами и, как результат, к средней интенсивности результатов деятельности предприятий. Наиболее сложная ситуация с наличием инфраструктуры и объектов социальной сферы наблюдается в третьей группе муниципальных образований, в которую вошли 179 муниципальных районов и городских округов с небольшой численностью населения. Отсутствие многих элементов транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, социальной сферы обостряет проблемы привлечения трудовых и инвестиционных ресурсов, ведет к прекращению предприятиями хозяйственной деятельности, их ликвидации. И, конечно, такие территории отличаются крайне низкой интенсивностью результатов деятельности предприятий.

Регрессионный анализ подтвердил влияние отдельных элементов инфраструктуры и социальной сферы на интенсивность результатов деятельности предприятий и показал важность привлечения трудовых ресурсов для ее повышения во всех группах муниципальных образований. Многомерный анализ показал, что для привлечения трудовых ресурсов требуется создание благоприятных условий для жизнедеятельности граждан – расширение существующей транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры и развитие объектов социальной сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сурнина Н.М., Илюхин А.А., Илюхина С.В. Развитие социальной и инженерной инфраструктуры региона: сущностный, институциональный, информационный аспекты // Известия УрГЭУ. – 2016. – № 5 (67). – С. 54–65.
2. Assessing the socio-economic impact of infrastructure development on local communities: a mixed-methods approach / O. Shrestha, O. Forsyth, M. Sihotang, M.M. Sihotang, Sh. Walsham // Jurnal Sosial, Sains, Terapan dan Riset (Sosateris). – 2022. – Vol. 11 (01). – P. 01–08.
3. Challoumis C. The role of infrastructure in economic development // SSRN Electronic Journal. – 2024. – August 04. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4915778>
4. Hampton P., Rayner A.C. The use of multivariate methods in economics with reference to regional analysis // Regional Science and Urban Economics. – 1977. – Vol. 7 (3). – P. 267–287. DOI: 10.1016/0166-0462(77)90013-8.
5. Nabixojayeva M.U. Multivariate statistical analysis methods in the study of socio-economic processes: theory, practice, and applications // Science and Innovation International Scientific Journal. – 2024. – Vol. 3 (3). – P. 200–206. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.10900628>
6. Использование методов многомерного статистического анализа для оценки социально-экономического развития городских округов Краснодарского края / А.В. Коваленко, А.А. Гаврилов, Д.М. Теунаев, Т.С. Жигулина, И.А. Норовичук // Научный журнал КубГАУ. – 2020. – № 155 (01). – С. 1–31. URL: <http://ej.kubagro.ru/2020/01/pdf/09.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).
7. Многофакторная модель анализа и оценки конкурентоспособности социально-экономических систем / Н.М. Абдикеев, Ю.С. Богачев, А.А. Лосев, С.А. Толкачев // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 156–165. DOI: <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2019-2-156-165>.
8. Зарова Е.В., Коваленко Н.Н. Методы многомерного статистического анализа в исследовании эффективности инициативного бюджетирования на региональном уровне // Вопросы статистики. – 2022. – Т. 29 (5). – С. 72–86.
9. Жолудева В.В. Оценка социально-экономического положения муниципальных районов Ярославской области на основе кластерного анализа // Вестник АПК Верхневолжья. – 2023. – Т. 1 (61). – С. 97–103. DOI: 10.35694/YARCX.2023.61.1.012.
10. Чайка Л.В. Дифференциация эффективности экономики регионов России // Статистика и экономика. – 2020. – Т. 17. – № 1. – С. 54–68. DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2020-1-54-68>.
11. Tan J. Macroeconomic multivariate statistics and regionalization management strategy based on random matrix // Mathematical Problems in Engineering. – 2022. – Article number: 8260798. DOI: <https://doi.org/10.1155/2022/8260798>.
12. Яковенко И.В. Многомерный анализ как экономико-математический инструмент сценарного прогнозирования социально-экономического развития территорий // Друкеровский вестник. – 2019. – № 1. – С. 298–308. DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2312-6469-2019-1-298-308>.

13. Ларина Т.Н. Статистическое исследование социальной конвергенции сельских муниципальных районов региона. – М.: ЗАО «Издательство экономика», 2010. – 162 с.
14. Yudinsev A.Yu., Troshkina G.N. Socio-economic development of Russian Federal entities in 2019: multivariate data analysis // *Advances in Natural, Human-Made, and Coupled Human-Natural Systems Research. Lecture Notes in Networks and Systems* / Eds. S.G. Maximova, R.I. Raikin, A.A. Chibilev, M.M. Silantyeva. – Cham: Springer, 2023. – Vol. 234. – P. 141–150. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-75483-9_14.
15. Суханова Е.И., Ширнаева С.Ю., Константинова Е.О. Статистический анализ и моделирование влияния социально-экономических факторов на уровень развития малого бизнеса в регионах Российской Федерации // *Фундаментальные исследования*. – 2019. – № 5. – С. 126–132.
16. Лещенко Я.А., Лисовцов А.А. Оценка качества жизни населения региона методами многомерного факторного анализа // *Гигиена и санитария*. – 2018. – Т. 97 (10). – С. 979–984. DOI: 10.18821/0016-9900-2018-97-10-979-984
17. Рахмангулов А.Н., Копылова О.А. Оценка социально-экономического потенциала региона для размещения объектов логистической инфраструктуры // *Экономика региона*. – 2014. – № 2. – С 254–263.
18. Ignatieva E.D., Mariev O.S., Serkova A.Ye. Impact of infrastructure on socio-economic development of Russian regions: methodology and analysis // *R-economy*. – 2020. – Vol. 6 (2). – P. 65–73. DOI: 10.15826/recon.2020.6.2.006
19. Сарычева Т.В., Чемякова М.В. Многомерный анализ положения регионов РФ по социально-экономическим показателям // *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Сельскохозяйственные науки. Экономические науки»*. – 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 334–348. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-9687-2022-8-3-334-348>
20. Social and economic infrastructure and socio-economic development: an empirical analysis / H.K. Srivastava, R. Mujoo, S.K. Singh, V.L. Singh // *ACCESS: Access to science, business, innovation in digital economy*. – 2023. – Vol. 4 (3). – P. 335–351. DOI: [https://doi.org/10.46656/access.2023.4.3\(1\)](https://doi.org/10.46656/access.2023.4.3(1))

Информация об авторах

Илья Викторович Наумов, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра стратегического развития территорий Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29. naumov.iv@uiecn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2464-6266>

Наталья Леонидовна Никулина, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории моделирования пространственного развития территорий Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29. nikulina.nl@uiecn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6882-3172>

Поступила в редакцию: 03.11.2024

Поступила после рецензирования: 20.12.2024

Принята к публикации: 28.12.2024

REFERENCES

1. Surnina N.M., Ilyukhin A.A., Ilyukhina S.V. Development of social and engineering infrastructure of the region: essential, institutional, information aspects. *Bulletin of USUE*, 2016, no. 5 (67), pp. 54–65. (In Russ.)
2. Shrestha O., Forsyth O., Sihotang M., Sihotang M.M., Walsham Sh. Assessing the socio-economic impact of infrastructure development on local communities: a mixed-methods approach. *Jurnal Sosial, Sains, Terapan dan Riset (Sosateris)*, 2022, vol. 11 (01), pp. 01–08.
3. Challoumis C. The role of infrastructure in economic development. *SSRN Electronic Journal*, 2024, August 04. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4915778>
4. Hampton P., Rayner A.C. The use of multivariate methods in economics with reference to regional analysis. *Regional Science and Urban Economics*, 1977, vol. 7 (3), pp. 267–287. DOI: 10.1016/0166-0462(77)90013-8.
5. Nabixojayeva M.U. Multivariate statistical analysis methods in the study of socio-economic processes: theory, practice, and applications. *Science And Innovation International Scientific Journal*, 2024, vol. 3 (3), pp. 200–206. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.10900628>
6. Kovalenko A.V., Gavrilov A.A., Teunaev D.M., Zhigulina T.S., Norovichuk I.A. Using multivariate statistical analysis methods to assess the socio-economic development of urban districts of the Krasnodar Territory. *Scientific journal of KubSAU*, 2020, no. 155 (01), pp. 1–31. (In Russ.) Available at: <http://ej.kubagro.ru/2020/01/pdf/09.pdf> (accessed: 1 November 2024).

7. Abdikeev N.M., Bogachev Yu.S., Losev A.A., Tolkachev S.A. Multivariate model of analysis and assessment of the competitiveness of socio-economic systems. *Strategic decisions and risk management*, 2019, vol. 10, no. 2, pp. 156–165. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2019-2-156-165>.
8. Zarova E.V., Kovalenko N.N. Methods of multivariate statistical analysis in the study of the effectiveness of participatory budgeting at the regional level. *Questions of Statistics*, 2022, vol. 29 (5), pp. 72–86. (In Russ.)
9. Zholudeva V.V. Assessment of the socio-economic situation of the municipal districts of the Yaroslavl region based on cluster analysis. *Vestnik APK Verkhnevolzhia*, 2023, vol. 1 (61), pp. 97–103. (In Russ.) DOI: 10.35694/YARCX.2023.61.1.012.
10. Chaika L.V. Differentiation of the economic efficiency in the regions of Russia. *Statistics and Economics*, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 54–68. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2020-1-54-68>.
11. Tan J. Macroeconomic multivariate statistics and regionalization management strategy based on random matrix. *Mathematical Problems in Engineering*, 2022, article number 8260798. DOI: <https://doi.org/10.1155/2022/8260798>
12. Yakovenko I.V. Multivariate analysis as an economic and mathematical toolkit for scenario forecasting of socio-economic development of territories. *Drucker Bulletin*, 2019, no. 1, pp. 298–308. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2312-6469-2019-1-298-308>
13. Larina T.N. *Statistical study of social convergence of rural municipal districts of the region*. Moscow, Ekonomika Publ., 2010. 162 p. (In Russ.)
14. Yuditsev A.Yu., Troshkina G.N. Socio-economic development of Russian Federal entities in 2019: multivariate data analysis. *Advances in Natural, Human-Made, and Coupled Human-Natural Systems Research. Lecture Notes in Networks and Systems*. Eds. S.G. Maximova, R.I. Raikin, A.A. Chibilev, M.M. Silantyeva. Cham, Springer, 2023. Vol. 234, pp. 141–150. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-75483-9_14
15. Sukhanova E.I., Shirnaeva S.Yu., Konstantinova E.O. Statistical analysis and modeling of the influence of socio-economic factors on the level of small business development in the regions of the Russian Federation. *Fundamental research*, 2019, no. 5, pp. 126–132. (In Russ.)
16. Leshchenko Ya.A., Lisovtsov A.A. Evaluation of the quality of life in the population of the region by the multi-dimensional analysis. *Hygiene and Sanitation*, 2018, vol. 97 (10), pp. 979–984. (In Russ.) DOI: 10.18821/0016-9900-2018-97-10-979-984
17. Rakhmangulov A.N., Kopylova O.A. Assessment of the socio-economic potential of the region for the placement of logistics infrastructure facilities. *Economy of the region*, 2014, no. 2, pp. 254–263. (In Russ.)
18. Ignatieva E.D., Mariev O.S., Serkova A.Ye. Impact of infrastructure on socio-economic development of Russian regions: methodology and analysis. *R-economy*, 2020, vol. 6 (2), pp. 65–73. DOI: 10.15826/recon.2020.6.2.006.
19. Sarycheva T.V., Chemekova M.V. Multivariate analysis of the position of the regions of the Russian Federation by socio-economic indicators. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "Agriculture. Economics"*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 334–348. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-9687-2022-8-3-334-348>
20. Srivastava H.K., Mujoo R., Singh S.K., Singh V.L. Social and economic infrastructure and socio-economic development: an empirical analysis. *ACCESS: Access to science, business, innovation in digital economy*, 2023, vol. 4 (3), pp. 335–351. DOI: [https://doi.org/10.46656/access.2023.4.3\(1\)](https://doi.org/10.46656/access.2023.4.3(1))

Information about the authors

Ilya V. Naumov, Cand. Sc., Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 29, Moskovskaya street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation. naumov.iv@uiec.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2464-6266>

Natalia L. Nikulina, Cand. Sc., Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 29, Moskovskaya street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation. nikulina.nl@uiec.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6882-3172>

Received: 03.11.2024

Revised: 20.12.2024

Accepted: 28.12.2024

УДК 316.334.3:316.653-049.2

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1939

Шифр специальности ВАК: 5.7.7

«Живая традиция» конфуцианского гуманизма в современном китайском обществе

О.А. Скальная✉

Тихоокеанский университет, Перу, г. Лима

✉oxanaskalnaya@gmail.com

Аннотация. В процессе динамичных социально-экономических преобразований и в поисках духовного ресурса нации Китай обращается к этике конфуцианства, а также к классическим конфуцианским концепциям идеального общества. Так, конфуцианская идеология предлагает принципы, которые способствуют созданию основанного на уважении, гуманности и взаимопонимании гармоничного общества. **Актуальность** предлагаемого исследования заключается в том, что традиции конфуцианства и сегодня оказывают существенное влияние на социальную структуру современного китайского общества в рамках политики «возрождения конфуцианства». Концепт «живая традиция» раскрывает понимание роли конфуцианских традиций, что особо актуально ввиду интенсифицирующегося взаимодействия с Китаем. **Цель:** концептуализировать значение конфуцианского гуманизма в интерпретации Ду Вэймина через обращение к принципам конфуцианской этики, раскрыть сущностное содержание данного социального феномена в динамике китайского общества на основании таких конструктов, как гуманность «жэнь», ритуал «ли» и гармония «хэ». **Результаты.** Сделан вывод, что, несмотря на серьезные внутренние и внешние социальные преобразования, Китай продолжает следовать традиционной формуле «ти-юн» как витальной основе концепта «живая традиция». Подчеркивается, что современное общество Китая, адаптируясь к мировым глобализационным процессам, не теряет связи с духом конфуцианства.

Ключевые слова: конфуцианство, политика возрождения конфуцианства, конфуцианский гуманизм, гуманность «жэнь», Ду Вэймин, китайское общество

Для цитирования: Скальная О.А. «Живая традиция» конфуцианского гуманизма в современном китайском обществе // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 253–261. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1939

UDC 316.334.3:316.653-049.2

DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1939

"Living tradition" of Confucian humanism in modern Chinese society

O.A. Skalnaya✉

Universidad del Pacífico, Lima, Peru

✉oxanaskalnaya@gmail.com

Abstract. In the process of dynamic socio-economic transformations and in search of the spiritual resource of the nation, China turns to the ethics of Confucianism and to classical Confucian concepts of the ideal society.

Thus, Confucian ideology offers principles that contribute to the creation of a harmonious society based on respect, humanity and mutual understanding. **Relevance.** The traditions of Confucianism today as well have a significant impact on the social structure of modern Chinese society within the policy of “revival of Confucianism”. The concept of “living tradition” reveals an understanding of the role of Confucian traditions, which is especially relevant in view of the intensifying interaction with China. **Aim.** To conceptualize the meaning of Confucian humanism in the interpretation of Du Weiming through an appeal to the principles of Confucian ethics, to reveal the essential content of this social phenomenon in the dynamics of Chinese society based on such constructs as humanity “ren”, ritual “li” and harmony “he”. **Results.** It is concluded that, despite serious internal and external social transformations, China continues to follow the traditional formula of “ti-yong” as the vital basis of the concept of “living tradition”. It is emphasized that modern Chinese society, adapting to world globalization processes, does not lose touch with the spirit of Confucianism.

Keywords: Confucianism, policy of Confucianism revival, Confucian humanism, “ren” humanity, Tu Weiming, Chinese society

For citation: Skalnaya O.A. “Living tradition” of Confucian humanism in modern Chinese society. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 253–261. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1939

Конфуцианство как витальная идеология современного Китая

Китай, с 1970-х гг. являя собой яркий пример дихотомии локальных традиций и глобального влияния, к концу XX в. выработал успешную формулу устойчивого внутреннего роста, обеспечивающую активное экономическое развитие и социальную стабильность, а также механизм внешнего взаимодействия, направленный на эффективную международную экономическую экспансию. Данная формула обозначается как «ти-юн», или «китайское в качестве основы, западное для применения» (кит.: 中学为体, 西学为用), где «китайское» понимается как идеологическая основа, а западная наука – как прикладные к ней научно-технические достижения. Китай вбирает то, что представляется актуальным на определенном этапе, и модифицирует заимствованный опыт под свои задачи, не меняя, однако, духовной основы и, таким образом, формируя уникальный путь своего развития.

Одной из важнейших теоретических и практических социальных проблем в развитии современного Китая является его реформирование в условиях внутренних преобразований и внешних глобализационных процессов. Что касается внутренних процессов, то в современном Китае интенсифицируется политика «возрождения конфуцианства». Уже с конца XX в. наблюдается рост внимания коммунистической партии Китая к конфуцианскому наследию. В 1980-х гг. начинается период «конфуцианской лихорадки» (кит.: 儒学热), который с 1990-х гг. был переименован в «отечественную науку» (кит.: 国学). В начале XXI в. китайским руководством была провозглашена политика «управления государством с помощью морали» (кит.: 以德治国) и зазвучал призыв «поставить древность на службу современности» (кит.: 古为今用) с целью восстановления ранее утраченных культурных ценностей. Государственные институты в современном Китае активно продвигают конфуцианские идеи, включая реставрацию и реконструкцию конфуцианских святилищ и храмов, проведение праздников и мероприятий как на родине Конфуция, в городе Цюньфу, так и в других городах. Конфуцианские университеты и исследовательские центры играют важную роль в сохранении и трансляции конфуцианских традиций. Эти учреждения предоставляют образовательные программы, что способствует современному приложению конфуцианства к социокультурным реалиям Китая [1]. Возрождается система обучения через институты шуюань (кит.: 书院), в начальных классах современных школ Китая является обязательным изучение таких конфуцианских трактатов, как Дицзы-гуи (кит.: 弟子规) и Саныцзы-цзин (кит.: 三字经). Вклад кон-

фуцианской педагогики в область образования и воспитания остается важным и актуальным, способствуя созданию ценностно-ориентированного и этически сознательного общества. Другим примером служит активное создание с 2004 г. сети институтов Конфуция, официальных центров изучения китайского языка и культуры по всему миру, являющихся проявлением мягкой, или культурной, внешней экспансии Китая.

На фоне экономического роста китайским руководством в рамках реставрации конфуцианских идей формируется «общество малого благоденствия», или «сяокан» (кит.: 小康). Введенная в современный оборот в 1979 г. политическим лидером Дэн Сяопином эта традиционно конфуцианская концепция обрела современное трактование – «упорядоченное общество, построенное на принципах солидарности, взаимопомощи; стремление к определенному уровню жизни простого народа, приближенному к малому достатку, то есть то состояние, когда семья имеет небольшое имущество, но ее еще нельзя назвать богатой» [2, с. 17]. Параллельно с идеей строительства современного общества «сяокан» преследуется цель преобразования Китая в «гармоничное общество» (кит.: 和谐社会), в основе которого лежит классический конфуцианский проект «Великого единения» (кит.: 大同). Так, «... конфуцианство становится духовной составляющей социализма с китайской спецификой, идёт процесс сближения китайского марксизма с конфуцианством» [3].

Вышеперечисленные политические эпистемы китайской модели модернизации разворачиваются на фоне еще одной идеи – идеи гармоничного развития мира и формирования «сообщества единой судьбы человечества» (кит.: 人类命运共同体), впервые выдвинутой Китаем в 2011 г. Данные политические концепции являются отражением того, что в центре экономической модернизации Китая имеет место культурная, или духовная, модернизация страны, фундаментом которой выступают конфуцианские традиции. Конфуцианские принципы призывают к гармонии, гуманности, соблюдению этико-ритуальных традиций. Конфуцианские традиции как «моральный компас» китайского общества представляют собой ценностную систему, объединяющую личную и социальную этику, и обнаруживают себя в отношениях в семье, на работе, в кругу друзей – иными словами, затрагивают все области жизнедеятельности.

Личная мораль как базис социальной гармонии

В Китае этика (кит.: 伦理, расшифровка – теория о морально-этических нормах в рамках иерархии межличностных отношений [4]) предшествовала религии, тем самым являясь основным регулятором жизнедеятельности китайского общества. По словам Моу Цзунсяня, «У конфуцианцев мораль (дао-дэ) не замкнута в ограниченной сфере, не составляет с религией две противоположные сферы, как на Западе. Мораль у них обладает безграничным проникновением. Моральные действия имеют границы, но та реальность, на которой они основаны и благодаря которой являются таковыми, безгранична» [5, с. 6]. Важно, что личная мораль является условием для следования внешним этическим нормам [6].

Система конфуцианской этики зародилась при феодальном устройстве общества, где главенствующее место занимала семейная ячейка. Считалось, что только будучи добропорядочным членом семьи, можно быть достойным гражданином. Конфуцианские этические нормы регулируют поведение самого индивида, отношения членов семьи, общественные отношения, взаимодействие государства и граждан. Так, конфуцианство призывает к самосовершенствованию посредством культивирования пяти добродетелей, или постоянств «у-чан» (кит.: 五常): гуманности (кит.: 仁), справедливости (кит.: 义), ритуал-этикета (кит.: 礼), разумности (кит.: 智) и доверия/искренности (кит.: 信), как основополагающих для формирования личной этики индивида. Личная мораль выступает базисом социальной гармонии, о чем говорится в конфуцианском каноне «Да-сюэ» (кит.: 大学): «Те, которые старались хорошо управ-

лять своими царствами, желали прежде всего учредить хороший порядок в своих семьях. Те, которые старались учредить хороший порядок в своих семьях, старались прежде всего исправить самих себя. Те, которые старались исправить самих себя, старались прежде всего установить правду у себя в сердце (душе)» (кит.: 欲治其国者, 先齐其家, 欲齐其家者, 先修其身, 欲修其身者, 先正其心) [7]. «Хороший порядок в своих семьях» – этот тезис транслирует то, что китайцы придают большое значение семейным отношениям и обязанностям каждого члена семьи. Примечательно, что в конфуцианстве государство рассматривается как большая семья, а руководитель – как заботливый отец, по отношению к которому следует проявлять почтительность.

Китай – страна с коллективистской культурой, где человек зависим от и немислим без общества, поэтому можно утверждать, что этические нормы социально-ориентированы. Социальная этика (социальная мораль, социальное доверие) подразумевает под собой соблюдение иерархии, поддержание гармонии, гуманное отношение к другим. Соблюдение социальной организации и строгой иерархии китайского общества обеспечивается следованием пяти нормам человеческих отношений, или «у-лунь» (кит.: 五伦). «У-лунь» можно интерпретировать как этикет межличностных отношений, механизм взаимодействия человека и общества. Всего выделяется пять основных типов отношений, или «пять связей»: государь–подданный, родители–дети, муж–жена, старший–младший, друг–друг. В конфуцианском труде «Лунь Юй» прописаны нормы и правила выстраивания отношений каждого типа. Другая ключевая социально-этическая концепция, необходимая для поддержания данной системы межличностных отношений, – сыновняя почтительность «сяо» (кит.: 孝), означающая повиновение, почтение, заботу со стороны младших по отношению старшим. Данное понятие неразрывно с определением гуманности по Конфуцию: «Очень мало бывает людей, которые, обладая сыновней почтительностью и любовью к старшим братьям, склонны выступать против высших. И вовсе не бывает людей, которые не любили бы выступать против высших, но любили бы затевать смуту. Благородный муж все свои усилия сосредоточивает на корне. Когда корень заложен, то рождается Дао-Путь. Сыновняя почтительность и любовь к старшим братьям – это и есть корень человеколюбия.» (Лунь Юй I,2) [8, с. 295].

Характерной чертой конфуцианской этики является универсальность применения конфуцианских этических принципов в китайском обществе, от работы над собой до управления государством. Конфуцианство – это «учение о том, как быть человеком», и в свете глобальных проблем актуальность гуманистической этики Конфуция возрастает как в современном Китае, так и в мире. *Ключом же к пониманию этических принципов конфуцианства является традиция конфуцианского гуманизма.*

Конфуцианский гуманизм как механизм самосохранения традиций

Многие исследователи обращались к рассмотрению феномена «традиции». Для целей настоящего исследования релевантным представляется дефиниция, данная В.В. Колбановским, который рассматривает традицию как социокультурный феномен совместно с другим взаимодополняющим механизмом функционирования общества – инновацией [9]. Не менее важна позиция Э.Г. Абрамяна. Для него традиция выступает как «...механизм самосохранения, воспроизводства и регенерации этнической культуры как системы...» [10, с. 93]. По нашему мнению, именно в таком качестве гуманистическая традиция конфуцианства представлена в китайской культуре наряду с другими социальными феноменами.

Являясь областью междисциплинарного исследования, гуманизм претендует на ведущую роль в социокультурных трансформациях человечества. Гуманизм восточных учений относится к созерцательному гуманизму. *Конфуцианское учение исторически считается одним из первых философских школ, обратившихся к вопросам гуманизма, к роли и месту человека в*

мире. Например, конфуцианский идеал благородного мужа, или «цзюньцзы» (кит.: 君子) сыграл определенную роль в становлении гуманистических ценностей в Китае. Исследования конфуцианского гуманизма в современной литературе представлены такими философами, как Ду Вэймин (кит.: 杜维明), Хуан Цзюньцзе (кит.: 黄俊杰), Пэн Госян (кит.: 彭国翔), Чан Вингцит (кит.: 陈荣捷, англ.: Chan Wing-tsit), Яной С. Рошкер и другими. Ду Вэймин, теоретик Гарвардского университета, основатель Института продвинутых гуманистических исследований и Института мировой этики в Пекинском университете, является несомненным мировым авторитетом и представляет Бостонскую школу постконфуцианства, или постнеоконфуцианства (по А.И. Кобзеву). Ду Вэймин начал развитие своих философских идей на Западе, будучи основателем и представителем Бостонской школы (наряду с Р.К. Невиллом и Дж. Бертронгом), или нового конфуцианства третьей волны, однако в то же время не терял связи с постнеоконфуцианским течением в континентальном Китае, в связи с чем его работы могут справедливо претендовать на научную объективность в исследованиях конфуцианского гуманизма. Работы Ду Вэймина посвящены изучению конфуцианства, которое автор определяет как «живую традицию» (англ.: “living tradition”) [11], подчеркивая роль конфуцианского гуманизма в укреплении ценностных ориентиров современного китайского общества, в формировании этической парадигмы человечества в рамках «конфуцианского мегапроекта» Китая.

Ду Вэймин утверждал: «Конфуцианский гуманизм является скорее инклюзивным, чем эксклюзивным. Он не отстраняется ни от духа, ни от природы. Он одновременно является и натуралистическим, и духовным» [12, с. 190]. Концепцию гармонии как предпосылку инклюзивности гуманистических идей в конфуцианском осмыслении Ду Вэймин отмечает в другой своей работе: «Confucian humanism, by focusing on harmonious relationships at the personal, communal, national, regional, and global levels, offers a philosophy of life and a worldview that celebrates diversity without falling into the pitfall of pernicious relativism» (перевод автора: «Конфуцианский гуманизм, фокусируясь на гармоничных отношениях на личном, общественном, национальном, региональном и глобальном уровнях, предлагает философию жизни и мировоззрение, которые прославляют разнообразие, не попадая при этом в ловушку пагубного релятивизма») [13, p. 8]. Гармония «хэ» (кит.: 和) выступает ключевой аксиологической характеристикой конфуцианства: «При осуществлении Правил ценным является достижение единства через разномыслие». (Лунь Юй I,12) [8, с. 304]. Тем самым подчеркивается важность соблюдения межличностной этики и гармоничных отношений, что отмечено и в конфуцианском каноне «Мэнцзы»: «Благовремение от Неба значит меньше, чем выгоды от местности, выгоды от местности значат меньше, чем согласие людей» (Мэнцзы 4.1) [14, с. 321].

Согласно позиции Ду Вэймина, в конфуцианстве гуманистическая направленность человека является условием его полноценной самореализации. Ученым отмечается важность самосовершенствования (кит.: 修身) путем упорной работы над собой, обучения, веры в улучшение себя: «...we should have faith in the malleability, transformability, improvability and perfectibility of the human condition through individual and communal self-effort» (пер. автора: «...мы должны верить в податливость, трансформируемость, возможность улучшения и совершенствования человеческого существования посредством индивидуальных и коллективных усилий») [13, p. 2].

Внутренняя гуманность, или «жэнь» (кит.: 仁), является центральной добродетелью, или постоянством, в конфуцианском учении [15]. Ду Вэймин дает следующее определение гуманности: «As a concept of personal morality, jen is used to describe the highest human achievement ever reached through moral self-cultivation» (пер. автора: «Как концепция личной морали, жэнь используется для описания наивысшего человеческого достижения, когда-либо обретенного посредством нравственного самосовершенствования») [16, p. 31]. Однако эти-

мологически «жэнь» – это «человек в обществе» (англ.: «man in society») [17], то есть человек и общество неразрывны. Самопознание происходит через призму социальных отношений, поэтому «Я» рассматривается как «центр отношений» и, по словам автора, личное – это не обязательно собственное. То есть социальное и личное находятся в тесной взаимосвязи: «...самосовершенствование должно выходить за рамки приватизированного эгоцентризма и служить общественному благу» [18, с. 26]. В самом конфуцианском учении нет выраженной дихотомии личное–социальное, и реализация человека по Конфуцию возможна только во взаимосвязи с социумом, через ритуал «ли» (кит.: 礼). Ду Вэймин выделяет четыре стадии гуманизации через ритуал «ли»: работа над собой, порядок в семье, управление государством, порядок в мире [17], согласно трактату «Да-сюэ». Ду Вэймин также вторит изречению Конфуция – «Преодолеть себя и вернуться [в словах и поступках] к Правилам – в этом заключается человеколюбие» (Лунь Юй XII, 1) [8, с. 381], тем самым подчеркивая главенство гуманности над ритуалом и отмечая важность соблюдения баланса между «жэнь» и «ли», находящихся в динамичных отношениях. В целом «жэнь» как личная мораль регулирует социальные отношения через ритуал «ли».

Универсальное правило гуманного поведения – «не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе», однако содержательное значение гуманизма в конфуцианском осмыслении более многомерно. Конфуцианский гуманизм в интерпретации Ду Вэймина можно охарактеризовать как антропокосмический, инклюзивный и социоцентрический, в своей сущности отличный от классического западного трактования. Н.И. Мигунов, сотрудничающий с Институтом перспективных гуманистических исследований Пекинского университета, так резюмировал отличие конфуцианского гуманизма от классического европейского: «В противоположность западному антропоцентризму конфуцианский гуманизм антропокосмичен, это инклюзивистский гуманизм, что, впрочем, означает не приспособление и конформизм (Вебер), а принятие мира. ... Конфуцианское самотрансцендирование человека “возвращает” его в мир» [19, с. 156]. Гуманность, или человечность, человеколюбие, в конфуцианском осмыслении также отлична от западного трактования. «Човеколюбие в китайской традиции является проявлением гуманизма, направленным на предоставление гражданам не того, что они хотят, а того, что даст им возможность гармонично существовать» [20, с. 114]. Важность «общественного» в конфуцианской гуманности подчеркнуто и в [21]. Автор отмечает: «Жэнь как аспект китайского традиционного (т. е. конфуцианского) осмысления несколько шире западного «човеколюбия», так как предполагает такие межличностные отношения, в которых подразумевается отказ от собственных эгоистических устремлений во имя всеобщего процветания» [21, с. 332]. В этом состоит особенность гуманистических идей в конфуцианском осмыслении – центральными выступают социальные отношения человека, а не отдельно человек как сверхценность. То есть, в отличие от западного индивидуалистического гуманизма, в конфуцианстве человек рассматривается через призму окружающего его социума.

Глобальная роль конфуцианского гуманизма в развитии современного Китая

Вызванный глобализационной культурой кризис нравственности и гуманистических ценностей человечества диктует необходимость формирования глобальной этики, принимающей многообразие форм в своем единстве. Формируется новый вектор цивилизационного развития под названием «глокализация». В этой связи был предложен новый термин – «глокалоэтика»: «Глокалоэтика отвечает на вызовы эпохи и демонстрирует энергично глоболизирующемуся миру новую этическую матрицу, предполагающую уже не столько компиляцию из разных культурно-антропологических моделей морали (этакий постмодернистский «нравственный паштет»), сколько принципиально инновационную для всей классической этики познавательную перспективу и культурно-идентификационную возможность – состыковку –

сосуществование рациональной морали и реальных нравов» [22, с. 70]. Китай предлагает свой вариант «новой этической матрицы» – конфуцианский проект.

Так, Китай диктует миру свой вектор глобализационного развития, этической доминантой, или сущностью «ти» которой выступает конфуцианство. Концепция конфуцианского гуманизма Ду Вэймина в предлагаемом исследовании рассматривается как «живая традиция» китайского общества. Обращаясь к вопросам мирового масштаба, как-то: формирование глобальной этики, мирового устройства, межкультурного диалога, Н.И. Мигунов с отсылкой на Ду Вэймина подчеркивает: «Мы находимся в довольно сложном положении, – <...>, – нам предстоит преодолеть три преобладающие... дихотомии: “традиционное–современное”, “западное–незападное”, “локальное–глобальное”» [23, с. 15]. Исследователь также обращается к конфуцианской концепции общества Великого Единения и гармоничного общества как к новой глобальной парадигме развития человечества: «The Confucian tradition has accumulated a wealth of profound insights into the nature of human life, insights that display genuine concern for the welfare of humanity and the pursuit of a grand harmony» (пер. автора: «Конфуцианская традиция накопила богатство глубоких прозрений природы человеческой жизни, прозрений, которые демонстрируют подлинную заботу о благополучии человечества и стремление к великой гармонии») [24, с. 381].

Заключение

В поиске своего аутентичного пути в новых экономических и социокультурных условиях Китай выбрал путь сочетания философско-культурных традиций и западных новаций, следуя идеологической формуле «ти-юн». Политика «углубления китаизации» возрождает конфуцианские ценности, в том числе и традицию конфуцианского гуманизма. В конфуцианстве делается акцент на человеке человеческом (*Homo humanus*) и на его роли в системе общественных отношений. Ду Вэймин посвятил свои исследования конфуцианскому гуманизму, который он называет «живой традицией», акцентируя внимание на его значимости для укрепления нравственных основ современного китайского общества. Такие конструкты конфуцианского гуманизма, как гуманность «жэнь», а также ритуал «ли», выполняющий регулирующую функцию в китайском социуме, находят свое отражение в этико-ритуальных традициях, актуальных и в современном Китае, а гармония «хэ» является условием построения идеального общества по Конфуцию – «гармоничного общества» согласно политической повестке китайского партийного руководства. Традиции конфуцианского гуманизма служат своего рода «моральным компасом» для китайского общества, проявляясь во всех сферах жизни – от семейных отношений до взаимодействия с друзьями и коллегами. Постулаты конфуцианства формируют ценностную систему, которая объединяет личные и общественные нормы поведения. На фоне небывалого экономического успеха Китая, политики возрождения конфуцианских ценностей и назревшей необходимости формирования глобальной этики представляется актуальным дальнейшее изучение влияния гуманистических традиций конфуцианства на формирование мировой идеологии нового гуманизма в целом и на современное китайское общество в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мигунов Н.И. Современное новое конфуцианство: институциональный аспект // Общество и государство в Китае. – 2014. – Т. 44. – № 2. – С. 699–706.
2. Бальчиндоржиева О.Б. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра философских наук. – Улан-Удэ, 2015. – 42 с.
3. Буров В. Поднебесная принадлежит всем. О духовной составляющей социализма с китайской спецификой. Литературная газета. – 2007. URL: <https://lgz.ru/article/podnebesnaya-prinadlezhit-vsem/> (дата обращения 16.09.2024).

4. Китайско-русский электронный словарь // BKRS. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%80%AB%E7%90%86> (дата обращения 16.09.2024).
5. Моу Цзунсань. Синь ти юй син ти (Сущность духа и сущность [человеческой] природы): В 3 т. – Тайбэй, 1968. – Т. 1. – 595 с.
6. Rošker J. Confucian Humanism and Democracy // Confucian Relationism and Global Ethics. – 2023. – P. 56–73. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004546264_005
7. Буланже П.А. Да-сюэ, или Великая наука Конфуция // Будда. Конфуций: жизнь и учение / пер. П.А. Буланже. – М.: Искусство, 1995. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/bulanzhe-pavel-aleksandrovich/zhiznj-i-uchenie-konfuciya/5> (дата обращения 16.09.2024).
8. Переломов Л.С. Конфуций «Лунь Юй» / пер. с китайского, комментарии Л.С. Переломова. – М.: Восточная литература, 1998. – 588 с.
9. Колбановский В.В. Социальные традиции и инновации: (исторический контекст, теоретические подходы и определение понятий) // Вестник Института социологии. – 2012. – Т. 3. – № 1. – С. 1–23.
10. Абрамян Э.Г. Инновация и стереотипизация как механизмы развития этнической культуры // Методологические проблемы этнических культур. Материалы симпозиума. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1978. – 124 с.
11. Tu Wei-Ming. Confucius and confucianism // Confucianism and the family. – 1998. – С. 3–36.
12. Ду Вэймин. Сообщество, человек и антропокосмическое видение в конфуцианском гуманизме // Фонарь Диогена: человек в многообразии практик. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 175–192.
13. Tu Wei-Ming. Confucian humanism as a spiritual resource for global ethics // Peace and Conflict Studies. – 2009. – Vol. 16. – № 1. – Article 1. DOI: 10.46743/1082-7307/2009.1099
14. Семененко И.И. Мэнцзы: в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си / пер. с китайского, примечание и приложения Семененко И.И. – М.: Восточная литература, 2016. – 901 с.
15. Wing-Tsit Chan. The evolution of the Confucian concept Jen // Philosophy East and West. – 1955. – Vol. 4. – № 4. – P. 295–319. DOI: 10.2307/1396741
16. Tu Wei-Ming. The creative tension between Jen and Li // Philosophy East and West. – 1968. – Vol. 18. – № 1/2. – P. 29–39. DOI: 10.2307/1398034
17. Tu Wei-Ming. Li as process of humanization // Philosophy East and West. – 1972. – Vol. 22. – № 2. – С. 187–201. DOI: 10.2307/1398124
18. Ду Вэймин. Духовный гуманизм: личность, социум, Земля и Небо // Век глобализации. – 2019. – № 2. – С. 16–37. DOI: 10.30884/vglob/2019.02.02
19. Мигунов Н.И. Конфуцианство и построение современного общества // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2014. – № 3. – С. 151–158.
20. Шалагина С.В., Сердюк А.В. Философские концепции ритуала и человеколюбия как основа системы социального кредита в Китае // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2021. – № 2 (36). – С. 109–117. DOI: 10.17122/2541-8904-2021-2-36-109-117
21. Митькина С.А. Категория гуманности в китайской культурно-философской традиции // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 2. – С. 330–337. DOI: 10.17805/zpu.2015.2.35
22. Согомонов А.Ю. Глокальность (Очерки социологии пространственного воображения) // Глобализация и постсоветское общество / под ред. А. Согомонова, С. Кухтерина. – М.: Стови, 2001. – С. 60–80.
23. Мигунов Н.И. Конфуцианский путь Ду Вэймина // Век глобализации. – 2014. – № 1. – С. 13–15.
24. Tu Wei-Ming, Yu B., Lu Z. Confucianism and modernity – insights from an interview with Tu Wei-ming // China Review International. – 2000. – Vol. 7. – № 2. – P. 377–387. DOI: 10.1353/cr.2000.0117

Информация об авторах

Оксана Анатольевна Скальная, аффилированный исследователь Центра исследований Китая и Азиатско-Тихоокеанского региона Тихоокеанского университета, Перу, 15072, г. Лима, ул. Луис Санчес Серро, 2050. oxanaskalnaya@gmail.com

Поступила в редакцию: 12.10.2024

Поступила после рецензирования: 25.12.2024

Принята к публикации: 30.12.2024

REFERENCES

1. Migunov N.I. Contemporary new Confucianism: institutional aspect. *Society and State in China*, 2014, vol. 44, no. 2, pp. 699–706. (In Russ.)

2. Balchindorzhieva O.B. *Modernization of Chinese society: socio-philosophical analysis*. Dr. Dis. Abstract. Ulan-Ude, 2015, 42 p. (In Russ.)
3. Burov V. The Celestial Empire belongs to everyone. On the spiritual component of socialism with Chinese characteristics. *Literary newspaper*, 2007. (In Russ.) Available at: <https://lgz.ru/article/podnebnaya-prinadlezhit-vsem/> (accessed: 16 September 2024).
4. Chinese-Russian Electronic Dictionary. *BKRS*. (In Russ.) Available at: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%80%AB%E7%90%86> (accessed: 16 September 2024).
5. Mou Zongsan. *Xinti yu xinti (The Essence of Spirit and the Essence of [Human] Nature)*. In 3 vol. Taipei, 1968. Vol. 1, 595 p. (In Russ.)
6. Rošker J. Confucian Humanism and Democracy. *Confucian Relationism and Global Ethics*, 2023, pp. 56–73. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004546264_005
7. Boulanger P.A. Da-xue, or the Great Science of Confucius. Translated by P.A. Boulanger. *Buddha. Confucius: Life and Teaching*. Moscow, Iskustvo Publ., 1995. (In Russ.) Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/bulanzhe-pavel-aleksandrovich/zhiznj-i-uchenie-konfuciya/5> (accessed: 16 September 2024).
8. Perelomov L.S. *Confucius "Lun Yu"*. Translated from Chinese, comments by L.S. Perelomov. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1998. 588 p. (In Russ.)
9. Kolbanovsky V.V. Social traditions and innovations: (historical context, theoretical approaches and definition concepts). *Vestnik instituta sotziologii*, 2012, vol. 3, no. 1, pp. 1–23. (In Russ.)
10. Abramyan E.G. Innovation and stereotyping as mechanisms of development of ethnic culture. *Methodological problems of ethnic cultures. Materials of the symposium*. Yerevan, Academy of Sciences of Armenia SSR Publ. House, 1978. 124 p. (In Russ.)
11. Tu Wei-Ming Confucius and Confucianism. *Confucianism and the family*, 1998. pp. 3–36.
12. Tu Wei-Ming. Sociality, individuality and anthropocosmic vision in Confucian humanism. *Diogenes' Lantern: Man in the Diversity of Practices*, 2015, vol. 1, no. 1, pp. 175–192. (In Russ.)
13. Tu Wei-Ming. Confucian Humanism as a Spiritual Resource for Global Ethics. *Peace and Conflict Studies*, 2009, vol. 16, no. 1, article 1. DOI: 10.46743/1082-7307/2009.1099
14. Semenenko I.I. Mengzi: in a new translation with classical commentaries by Zhao Qi and Zhu Xi. Translated from Chinese, notes and appendices by I.I. Semenenko. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2016. 901 p. (In Russ.)
15. Wing-Tsit Chan. The evolution of the Confucian concept Jen. *Philosophy East and West*, 1955, vol. 4, no. 4, pp. 295–319. DOI: 10.2307/1396741
16. Tu Wei-Ming. The creative tension between Jen and Li. *Philosophy East and West*, 1968, vol. 18, no. 1/2, pp. 29–39. DOI: 10.2307/1398034
17. Tu Wei-Ming. Li as process of humanization. *Philosophy East and West*, 1972, vol. 22, no. 2, pp. 187–201. DOI: 10.2307/1398124
18. Tu Wei-Ming. Spiritual humanism: individual, society, earth and heaven. *Century of Globalization*, 2019, no. 2, pp. 16–37. (In Russ.) DOI: 10.30884/vglob/2019.02.02.
19. Migunov N.I. Confucianism and the construction of modern society. *East. Afro-Asian societies: history and modernity*, 2014, no. 3, pp. 151–158. (In Russ.)
20. Shalagina S.V., Serdyuk A.V. Philosophical concepts of ritual and humanitarianism as the basis of the social credit system in China. *Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economics*, 2021, no. 2 (36), pp. 109–117. (In Russ.) DOI: 10.17122/2541-8904-2021-2-36-109-117
21. Mitkina S.A. The category of humanity in Chinese cultural and philosophic tradition. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2015, no. 2, pp. 330–337. (In Russ.)
22. Sogomonov A.Yu. Glocality (Essays on the Sociology of Spatial Imagination). *Globalization and Post-Soviet Society*. Eds. A. Sogomonov, S. Kukhterin. Moscow, Stovi Publ., 2001. pp. 60–80. (In Russ.)
23. Migunov N.I. The Confucian Path of Du Weiming. *The Century of Globalization*, 2014, no. 1, pp. 13–15. (In Russ.)
24. Tu Wei-Ming, Yu B., Lu Z. Confucianism and modernity – insights from an interview with Tu Wei-ming. *China Review International*, 2000, vol. 7, no. 2, pp. 377–387. DOI: 10.1353/cri.2000.0117

Information about the authors

Oxana A. Skalnaya, Affiliated Researcher, Universidad del Pacífico, 2050, Luis Sánchez Cerro street, Lima, 15072, Peru. oxanaskalnaya@gmail.com

Received: 12.10.2024

Revised: 25.12.2024

Accepted: 30.12.2024